РОССІЯ и ВОСТОКЪ.

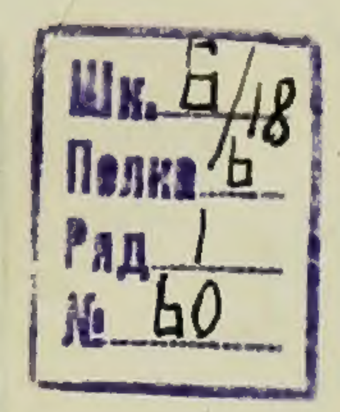
СОБРАНІЕ

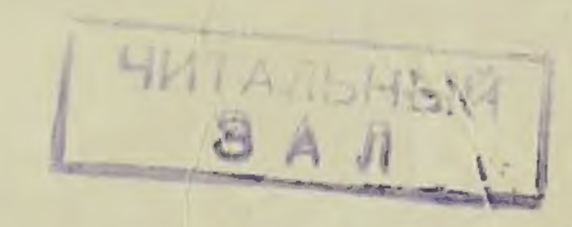
ГЕОГРАФИЧЕСКИХЪ И ПОЛИТИЧЕСКИХЪ СТАТЕЙ

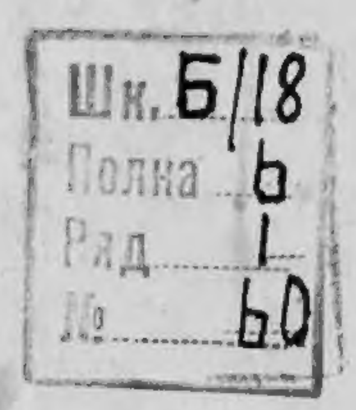
М. ВЕНЮКОВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1877.


Шк. Б/18
Полка Ь
Ряд 1
№ Ь0

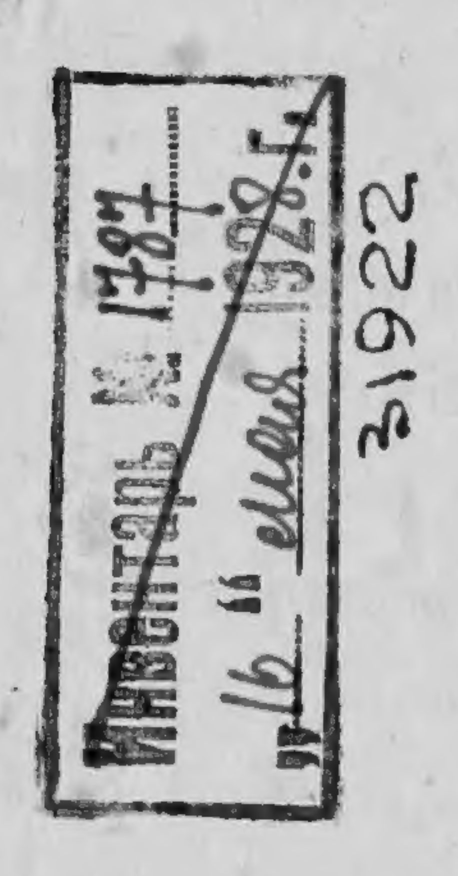

ЧИТАЛЬНЫЙ
ЗАЛ



РОССІЯ и ВОСТОКЪ.

СОБРАНІЕ

ГЕОГРАФИЧЕСКИХЪ И ПОЛИТИЧЕСКИХЪ СТАТЕЙ



М. ВЕНЮКОВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ В. БЕЗОБРАЗОВА И КОМП.
(Вас. Остр., 8 линія, № 45).

1877.

РОССІЯ и ВОСТОКЪ.

СОБРАНІЕ

ГЕОГРАФИЧЕСКИХЪ И ПОЛИТИЧЕСКИХЪ СТАТЕЙ

М. ВЕНЮКОВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи В. Безобразова и Комп.
(Вас. Остр., 8 лин., № 45).

1877.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ составъ настоящей книги вошелъ рядъ статей, которыя уже были напечатаны въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, именно въ Сборникѣ Государственныхъ Знаній, въ Русскомъ Вѣстникѣ и въ Военномъ Сборникѣ. Здѣсь эти статьи являются лишь нѣсколько исправленными, соотвѣтственно ходу событій или замѣчаніемъ критики. Всѣ онѣ посвящены Востоку и при составленіи всѣхъ ихъ мною руководила одна мысль: способствовать выясненію того положенія, которое занимаетъ Россія въ Азіи. Въ этомъ смыслѣ я и прошу у читателей извиненія за слишкомъ громкое озаглавленіе книги: „Россія и Востокъ". Быть можетъ, современемъ явится другая часть этого сборника, которая до

нѣкоторой степени оправдаетъ это заглавіе большею многосторонностью и систематичностью содержанія. Теперь же да будетъ эта книжка разсматриваема какъ простое продолженіе и развитіе моего „Опыта военнаго обозрѣнія русскихъ окраинъ въ Азіи“.

М. Венюковъ.

Іюнь 1877.

РОССІЯ и ВОСТОКЪ.

ОЧЕРКЪ ГЕОГРАФИЧЕСКИХЪ ИЗСЛѢДОВАНІЙ ВЪ АЗІЯТСКОЙ РОССІИ *).

I.

Изъ обширнаго, въ 289,000 квадратныхъ миль, пространства, составляющаго нынѣ русскія владѣнія за Ураломъ, древнимъ народамъ Запада были извѣстны едва лишь немногія части нынѣшняго Туркестанскаго края, гдѣ проходилъ, въ IV вѣкѣ до Р. Х., македонскій за-

*) Составляя настоящій очеркъ зимою 1876—77 г. въ Парижѣ, при пособіи небольшой частной библіотеки, я естественно не могъ достигнуть полноты содержанія. Вслѣдствіе этого, въ виду имѣющаго скоро исполниться трехсотлѣтія со времени перваго движенія русскихъ за Уралъ, мною сдѣлано Рус. Географическому Общ. предложеніе составить обстоятельный перечень трудовъ по изслѣдованію Азіятской Россіи. Въ ожиданіи этого изданія, быть можетъ, и настоящій очеркъ окажется не лишнимъ.

воеватель, имя котораго, Сикандаръ, т. е. Александръ, и донынѣ живетъ въ памяти среднеазiятскихъ народовъ *). Обо всемъ остальномъ протяженiи средней и сѣверной Азiи они не имѣли понятiя и предполагали, что тутъ разстилается океанъ, который, въ воображенiи ихъ, сливался непосредственно съ Каспiйскимъ моремъ. Были еще смутныя понятiя объ иседонахъ и масагетахъ, которые жили гдѣ-то сѣвернѣе Оксуса и Яксарта; но что̀ это были за народы и гдѣ именно была ихъ земля, — мы не знаемъ. Эйхвальдъ полагалъ, что тутъ разумѣлись жители береговъ Исети и Мiаса; но такое предположенiе основывалось имъ исключительно на созвучiи между названiями народовъ и рѣкъ; историческихъ же памятниковъ ни иседоны, ни масагеты намъ не оставили, развѣ если считать, что область ихъ простиралась далеко на востокъ отъ Урала, за самый Алтай, и что имъ принадлежатъ такъ-называемыя «чудскiя» древности въ Минусинскомъ краѣ, которыя дѣйствительно удостовѣряютъ, что на верхнемъ Енисеѣ жили когда-то люди цивилизованные, знавшiе многiя искусства и умѣвшiе добывать и обрабатывать металы. Даже у Птоломея, во II вѣкѣ по Р. Х., т. е. черезъ шесть вѣковъ послѣ отца исторiи, Геродота, сѣверъ Азiи остается пустыннымъ, безъ всякихъ границъ и топографическихъ подробностей, кромѣ одного названiя горнаго хребта, Имаусъ, подъ которымъ нужно разумѣть нынѣшнiй Памиръ, Болоръ или Цунъ-линъ, словомъ, водораздѣлъ между басейнами Арала и Лобъ-нора. Греки Византiйской имперiи прiобрѣли нѣкоторыя новыя познанiя о средней и сѣверной Азiи изъ показанiй Земарха, посла императора Юстина къ тюркскому кахану въ Ал-

---

*) Точные предѣлы походовъ Александра на сѣверъ неизвѣстны. Полагаютъ, что онъ доходитъ до Ходжента; но едвали можно было, въ наше время, хребетъ Киргизнымъ-Алатау называть Александровскимъ въ память македонскаго завоевателя.

тайскихъ горахъ; но собственно о Сибири Византія до самаго своего паденія ничего не узнала. Арабскіе писатели, продолжатели грековъ и вмѣстѣ отличные самостоятельные путешественники, также даютъ намъ обстоятельныя свѣдѣнія лишь о нынѣшней Средней Азіи, а Сибирь и для нихъ была terra incognita, хотя Эдризи, въ XII вѣкѣ, упоминаетъ объ обитателяхъ азіятскаго сѣвера, маджудіяхъ и яджудіяхъ. Китайскіе писатели, которымъ народы монгольскіе, финскіе и тюркскіе, а отчасти и занятыя ими земли, были извѣстны раньше и лучше, чѣмъ европейцамъ и арабамъ, упоминаютъ о разныхъ племенахъ, довольно далекихъ отъ Великой стѣны; но доселѣ еще не сдѣлано опыта собрать ихъ показанія и пріурочить къ нашимъ новѣйшимъ географическимъ опредѣленіямъ *). Кажется, что, напримѣръ, Алтай (Гиньшань, Золотыя горы), озеро Байкалъ и рѣка Амуръ были извѣстны китайцамъ давно, быть можетъ даже до великаго переселенія народовъ въ I—V столѣтіяхъ по Р. Х. Въ средніе же вѣка китайцы довольно обстоятельно узнали земли по Тянь-шаню, Болору и на западъ отъ него до Каспійскаго моря.

Народы новой Европы начали свое знакомство съ сѣверною и среднею Азіею лишь въ XIII вѣкѣ, когда извѣстные западные путешественники: Асцелинъ, Рубруквисъ, Плано-Карпини и, наконецъ, Марко-Поло, проникли далеко въ глубь азіятскаго матерnка. Марко-Поло (въ 1270 году) имѣлъ уже свѣдѣнія не только о Болорѣ, Восточномъ Туркестанѣ, Монголіи, Китаѣ, но даже о Японіи. Тѣмъ не менѣе, Сибирь и ему оставалась неиз-

*) Хотя матеріалы для этого представляютъ на русскомъ языкѣ труды Іакинфа и Паладія, на французскомъ Клапрота, Абель-Ремюза и Ст. Жюльена, на англійскомъ Ховорса и Бретшнейдера, на нѣмецкомъ извѣстное «Erdkunde von Asien» Ритера, нынѣ улучшаемое въ русскомъ переводѣ.

вѣстною. На знаменитой каталанской картѣ 1375 года есть города Самаркандъ, Бухара, есть озеро Исыкъ-куль; но сѣверная Азія оставлена пустынею, съ обозначеніемъ только, что тутъ живутъ гоги и магоги, о которыхъ въ средніе вѣка ходило много баснословныхъ разсказовъ. Венеціанскій географъ Фра-Мауро, за 35 лѣтъ до открытія Америки, помѣстилъ на своемъ извѣстномъ плоскошаріи Ургенчъ (хивинскій городъ), Джагатай, Алтай; но изъ Сибири онъ сдѣлалъ узкую береговую полосу между Алтаемъ и Сѣвернымъ океаномъ.

Въ такомъ состояніи были географическія познанія образованнѣйшихъ народовъ міра, когда во второй половинѣ XV столѣтія Россія окончательно сбросила съ себя татарское иго. Немедленно затѣмъ, еще въ царствованіе Іоанна III, становятся намъ извѣстными рѣка Обь и земли между ею и Ураломъ. Кто были первые изъ русскихъ, проникшіе за «камень», т. е. за Уралъ, мы не знаемъ; но, конечно, только изъ Москвы могли получить свѣдѣнія о Сибири народы европейскаго Запада, между которыми Обь была извѣстна во время открытія Колумбомъ Америки. Черезъ Москву же пришли въ Европу тѣ свѣдѣнія о зауральскихъ земляхъ, которыя мы находимъ у Себастіана Мюнстера въ его «Космографіи», гдѣ приложена даже карта зауральскихъ земель, по Обь, съ обозначеніемъ мѣстностей, занятыхъ вогулами, калмыками, казачьей ордой, и городовъ Сибири и даже Обдорска (Абдари). Карта эта появилась впервые въ 1554 году, стало быть за 25 лѣтъ до начала похода Ермака за Уралъ, но въ то время, когда уже московскіе цари приняли титулъ государей югорскихъ и кондійскихъ. Вслѣдъ за нею, черезъ два года, издалъ свою, начерченную Грисгофелемъ, карту Герберштейнъ, путешествовавшій по Россіи въ первой половинѣ XVI вѣка, но, впрочемъ, лично не бывавшій дальше Москвы. На этой картѣ, изо-

бражающей средній Уралъ и земли къ востоку отъ него, обозначены уже, хотя невѣрно, городъ Тюмень, почти вся Обь до истоковъ ея изъ Катай-озера (Телецкаго ?), и нѣсколько другихъ мѣстностей; но съ такимъ малымъ соблюденіемъ размѣровъ, что Камбалыкъ (Ханъ-балыкъ), т. е. Пекинъ, поставленъ очень недалеко отъ праваго берега Оби. Первые русскіе путешественники по сѣверной и средней Азіи, посланные, въ 1567 году, съ прямою цѣлью развѣдыванія о странахъ за Сибирью, атаманы Петровъ и Ялышевъ, конечно, получили болѣе правильное понятіе о разстояніи между Обью и столицей Китая; но свѣдѣнія, собранныя ими о пройденныхъ мѣстностяхъ, очень сбивчивы, хотя нѣтъ причинъ сомнѣваться, что они видѣли озеро Байкалъ, Пекинъ и даже Японское море.

Этотъ взглядъ на развитіе географическихъ познаній о нынѣшней Азіятской Россіи въ теченіе многихъ вѣковъ, предшествовавшихъ походу Ермака, исчерпываетъ все, что могъ бы сказать объ этой странѣ самый ученый человѣкъ второй половины XVII вѣка. Географическія открытія въ этотъ достопамятный вѣкъ слѣдовали съ поразительною быстротою; но вниманіе западныхъ, т. е. образованныхъ народовъ было въ то время обращено не за Уралъ и Каспійское море, а за Атлантическій океанъ, за мысы Горнъ и Доброй Надежды, за проливы Малакскій и Дэвисовъ. Африка, Америка, южная и восточная Азія, Океанія привлекали многочисленныхъ путешественниковъ, а Сибирь была имъ чужда, и еще въ 1550 году европейскія морскія съемки останавливались съ одной стороны на Каниномъ носу, а съ другой на Сангарскомъ проливѣ. Все что лежало на востокѣ отъ перваго и на сѣверѣ отъ втораго, т. е. почти вся теперешняя Азіятская Россія, было вполнѣ неизвѣстно. Единственный европеецъ того времени, видѣвшій Мангышлакъ, Хиву и Бухару, извѣстный Дженкинсонъ, былъ

посланъ туда тѣмъ же русскимъ царемъ, Іоанномъ Грознымъ, какъ и атаманы Петровъ и Ялышевъ въ засибирскія страны.

Призванная именитыми людьми, Строгановыми на завоеваніе Сибири приволжская казачья вольница, подъ предводительствомъ Ермака, приступая въ 1579 году къ трудному походу за Уралъ, конечно, не обладала никакими научными знаніями, а потому понятно, что и о покоренныхъ странахъ не могла доставить надежныхъ географическихъ свѣдѣній. Однако, какъ Ермакъ, такъ и всѣ послѣдовавшіе за нимъ атаманы-завоеватели не оставляли московское правительство безъ донесеній о дѣланныхъ ими открытіяхъ, и эти-то донесенія, или отписи, нужно считать первыми географическими реляціями о сѣверной Азіи. Слѣдить за всѣми этими атаманами въ ихъ похожденіяхъ мы не видимъ ни возможности, ни необходимости; но общій ходъ ихъ открытій можно прослѣдить и въ нашемъ небольшомъ очеркѣ. Ермакъ, какъ извѣстно, погибъ въ 1584 году въ волнахъ Иртыша. Въ день смерти его русскія владѣнія за Ураломъ простирались лишь: на сѣверѣ до впаденія въ Обь р. Назима, нѣсколько ниже устья Иртыша, на юго-востокѣ, по Иртышу, до р. Шиша, а на югѣ, въ басейнѣ Тоболи, до Туры и Тагиля. Это, слѣдовательно, были нынѣшніе уѣзды: Верхотурскій, Туринскій, Тюменскій, Тобольскій и частью Тарскій. Но къ началу XVII столѣтія завоеватели дошли уже: на сѣверѣ, по Обской и Тазовской губамъ, до рѣки Таза, гдѣ былъ основанъ городъ Мангазея; въ срединѣ — до устья Томи, на юго-востокѣ — до озера Чановъ. Смутное время, начавшееся въ Москвѣ послѣ смерти царя Бориса, не помѣшало сибирскимъ воеводамъ и казачьимъ атаманамъ продолжать свое дѣло, и къ 1618 году, т. е. ко времени замиренія Россіи съ Швеціею и Польшею, казаки стояли

уже твердою ногою на Енисеѣ, куда проникли по двумъ направленіямъ: изъ Томска и изъ Мангазеи. Эти два направленія, сѣверное и южное, сохранились и за все время завоеванія восточной Сибири, причемъ обыкновенно, казаки скорѣе подвигались къ востоку по сѣверной дорогѣ, чѣмъ по южной, такъ что и въ 1618 году мангазейскіе казаки были уже, собственно говоря, не на Енисеѣ, а на Пясидѣ. Въ слѣдующемъ 1619 году двинулись съ одной стороны на востокъ отъ Енисея Рукинъ и Алончевъ, а съ другой къ югу отъ Томска, за Саянъ, Петлинъ посланный къ Алтынъ-хану. Въ 1627 году Перфирьевъ проникъ вверхъ по Ангарѣ до устья Илима, а черезъ два года потомъ казаки пробрались, вдоль по послѣдней рѣкѣ, на Лену, басейнъ которой, впрочемъ, сталъ извѣстенъ туруханскимъ казакамъ еще съ 1622 года, когда ихъ партіи ходили по Нижней Тунгузкѣ на Вилюй. Въ 1632 году былъ основанъ Якутскъ, и тогда же Корытовъ ходилъ на Алданъ и Амгу. Еще черезъ три года неутомимый Елисей Буза отправился внизъ по Ленѣ и познакомился не только съ этою рѣкой до самаго ея устья, но и съ низовьемъ Оленека, а въ слѣдующіе годы, до 1639, онъ открылъ Яну и Индигирку. Одновременно съ тѣмъ достигъ, въ 1639 году, Копыловъ до Охотскаго моря, идя вверхъ по Маѣ и по Ульѣ. Его развѣдки распространились даже до Уды и до Тауя. Казачье движеніе за Енисей по южной дорогѣ, какъ мы уже сказали, было медленнѣе, и причиною тому было сопротивленіе бурятъ, самаго сильнаго и многочисленнаго изъ сибирскихъ народовъ, такъ что Байкалъ былъ достигнутъ по этому пути лишь въ 1645 году, Колесниковымъ, тогда какъ изъ Якутска Курбатъ Ивановъ посѣтилъ его въ 1643 году. Изъ Якутска же былъ основанъ Верхне-Ангарскій острогъ, откуда казаки проникли, въ 1647 году, на Эравинское озеро, въ Забайкальи. Равнымъ образомъ

и на Амуръ русскіе прошли не по южной сторонѣ Байкала, черезъ басейнъ Селенги, а съ сѣвера, по Алдану и Зеѣ. Честь этого послѣдняго открытія принадлежитъ Пояркову, совершившему свою достопамятную экспедицію до самаго устья Амура, въ 1643—1644 годахъ, и возвратившагося домой уже по морю, въ слѣдующемъ 1645 году. Даже вторичное появленіе русскихъ на Амурѣ, подъ начальствомъ солепромышленника Хабарова, въ 1650 году, произошло не изъ Забайкалья, а съ Лены же. Именно, Хабаровъ шелъ по Олекмѣ и, переваливъ Становой хребетъ, вышелъ на Урку, которой существованіе хотя и отрицалось въ наше время переводчикомъ I тома Ритеровой «Азіи», но котарая, на самомъ дѣлѣ, впадаетъ въ Амуръ между Стрѣлкою и Албазиномъ. Хабаровъ и его спутники положили основаніе цѣлому ряду остроговъ по берегамъ Амура, именно: Албазину, Кумарскому, Гогудаеву, Бамбулаеву, Ачанскому, изъ которыхъ послѣдній лежалъ противу устья Дондона. Но тутъ русскіе встрѣтили уже претятствіе для дальнѣйшихъ открытій въ лицѣ маньчжуровъ, которые въ 1653 году осаждали Ачанскій острогъ, а въ 1655 — Кумарскій. Отъ того новые походы стали дѣлаться уже не на юго-востокъ отъ начала Амура у Стрѣлки, а на юго-западъ, гдѣ въ 1654 году Пущинъ прошелъ по Аргуни. Въ тоже время на встрѣчу амурскимъ казакамъ и какъ бы въ подкрѣпленіе имъ русскіе стали появляться въ Амурскомъ водоемѣ и со стороны Байкала, откуда въ 1653 году пришелъ на Ингоду Бекетовъ, слѣдовавшій по Селенгѣ и Хилоку. 1658 году эти забайкальскіе русскіе люди ходили на Амуръ, подъ начальствомъ Степанова, помогать соотечественникамъ, тѣснимымъ китайцами, но не имѣли успѣха. Въ 1660 году казакамъ даже вовсе пришлось покинуть Амуръ; и хотя они потомъ воротились туда, но жизнь ихъ была уже не такъ спокойна, чтобы они могли

пускаться въ дальнѣйшія предпріятія. За исключеніемъ набѣга Черниговскаго на Сунгарійскія прибрежья, не было новыхъ походовъ въ «неизвѣстныя» страны, а въ 1689 году послѣдніе русскіе, албазинцы, были взяты китайцами въ плѣнъ, и Амуръ потерянъ для Россіи на цѣлыя 165 лѣтъ.

Но, прекращенныя въ юго-восточномъ направленіи, открытія русскихъ людей въ сѣверной и средней Азіи продолжались въ другихъ мѣстахъ во все теченіе XVII столѣтія. Такъ, на сѣверо-востокѣ въ 1644 году Стадухинъ стоялъ уже на Колымѣ и имѣлъ сношеніе съ чукчами. 1646 году по Сѣверному океану на востокъ отъ Колымы плавалъ Игнатьевъ, добравшійся при этомъ, не смотря на льды, кажется, до Чаунской губы. Въ слѣдующемъ 1647 году выступилъ въ свою замѣчательную экспедицію Дежневъ, который былъ первымъ русскимъ, проникшимъ черезъ проливъ между Азіею и Америкою въ Великій океанъ, хотя ему и не суждено было дать своего имени этому проливу. Дежневъ достигъ Анадыри и встрѣтилъ тамъ, въ 1648 году, другихъ русскихъ, пришедшихъ съ Колымы по сухому пути. Анадырь послужила мѣстомъ отправленія дальнѣйшихъ поисковъ казаковъ, изъ которыхъ Атласовъ въ 1696 году завоевалъ Камчатку. Такимъ образомъ вся сѣверная Азія, отъ Алтая и Аргуни до Ледовитаго моря и отъ Урала до Тихаго океана, была открыта и даже завоевана казаками въ теченіе 116 лѣтъ. Но кромѣ Сибири русскіе узнали въ теченіе XVII столѣтія и многія части внутренней Азіи. Мы уже упомянули о Петлинѣ, ѣздившемъ въ 1619 году къ Алтынъ-хану; въ 1648 году подобную же поѣздку къ Цеценъ-хану дѣлалъ Похабовъ, а въ 1654 году былъ отправленъ въ самый Пекинъ воевода Байковъ, который прошелъ по діагонали всю Монголію, отъ бере-

говъ Иртыша до Великой стѣны, и такимъ образомъ ознакомилъ русскихъ людей съ тѣми землями на югѣ отъ Алтая, которыя стали достояніемъ Россіи лишь двумя столѣтіями позднѣе. Къ сторонѣ нынѣшнихъ туркестанскихъ владѣній нашихъ въ теченіе XVII вѣка было также сдѣлано русскими людьми нѣсколько поѣздокъ. Такъ, въ 1620 году былъ въ Бухарѣ посломъ, отъ царя Михаила Ѳедоровича, дворянинъ Хохловъ. Въ 1646 году преемникъ Михаила, царь Алексѣй, посылалъ туда же купца Грибова; но этотъ послѣдній не успѣлъ быть въ самомъ городѣ Бухарѣ, по причинѣ бывшей въ ханствѣ междоусобной войны. Въ 1669 году посѣтили Хиву Ѳедотовъ и Муромцевъ, пробравшіеся туда изъ Астрахани сухимъ путемъ, черезъ Усть-Уртъ, а въ 1670 году были въ Бухарѣ братья Пазухины. Черезъ шесть лѣтъ оба эти города были снова посѣщены русскими, именно посланникомъ царя Ѳеодора Алексѣевича, Даудовымъ, котораго еще сопровождалъ татаринъ Касимовъ, ѣздившій потомъ въ Афганистанъ и въ Индію. Даудовъ прошелъ въ Хиву, подобно Дженкинсону, черезъ Мангышлакъ. Наконецъ, въ 1690 году въ Хивѣ былъ морской капитанъ Дубровинъ, который составилъ даже карту среднеазіятскихъ земель, изданную позднѣе Кириловымъ.

Эти многочисленныя развѣдки русскихъ людей въ нынѣшнихъ русско-азіятскихъ владѣніяхъ доставили, конечно, множество любопытныхъ и нерѣдко драгоцѣнныхъ географическихъ свѣдѣній о тѣхъ частяхъ Азіи, которыя, такъ сказать, самою природою были поставлены внѣ сферы изслѣдованій западныхъ европейцевъ. Московское правительство уже съ 1660 годовъ озаботилось сводкою собраннаго матеріала, и тогда-то возникли извѣстные «Чертежи» всей Россіи и Сибирскихъ земель, т. е. карты, съ принадлежавшими къ нимъ описаніями. Опи-

саніе Сибири *) однакоже не дошло до насъ, но карта къ нему, составленная изъ цѣлаго ряда спеціальныхъ чертежей Ремезовымъ, сохранилась и воспроизведена въ «Путешествіи» Миддендорфа. А о среднеазіятскихъ земляхъ есть нѣкоторыя свѣдѣнія въ «Книгѣ Большаго Чертежа», которая описываетъ вообще Россію и къ которой, наоборотъ, недостаетъ карты. Вглядываясь въ чертежъ Ремезова, мы видимъ, что онъ былъ очень удовлетворителенъ для своего времени, особенно если принять въ разсчетъ, что на всемъ протяженіи Азіятской Россіи тогда не было опредѣлено ни одной астрономической точки. Только крайній сѣверо-востокъ Сибири обезображенъ большими невѣрностями, такъ что, напримѣръ, Камчатка изображена еще островомъ, что, впрочемъ, и естественно, такъ какъ Ремезову были неизвѣстны походы Атласова и даже Дежнева. Анадырь и Колыма у него текутъ паралельно, и устья ихъ нарисованы въ близкомъ сосѣдствѣ одно отъ другаго.

Картою Ремезова заключается первый, такъ сказать героическій періодъ географическихъ изысканій объ Азіятской Россіи. При Петрѣ Великомъ этимъ изысканіямъ начинаютъ уже посвящать себя люди съ европейскимъ образованіемъ, спеціально преслѣдующіе географическія и другія научныя цѣли, а не одно открытіе и занятіе новыхъ земель. Плоды ихъ изслѣдованій уже поступаютъ въ общечеловѣческій оборотъ, потому что болѣе или менѣе обнародуются въ цѣломъ объемѣ, а не въ видѣ извлеченій или компиляцій. Кромѣ того, географическія экспедиціи начинаютъ отправляться съ опредѣленными цѣлями, по обдуманнымъ планамъ, и снаряжаться большею частію на счетъ правительства, такъ что частный

*) Для составленія подобнаго описанія былъ, между прочимъ, посылаемъ въ Сибирь боярскій сынъ Миловановъ.

починъ отходитъ на второй планъ и даже почти совсѣмъ прекращается на цѣлыя полтораста лѣтъ. Политическія условія, при которыхъ совершались эти экспедиціи, рѣзко раздѣляютъ ихъ на два разряда: однѣ были домашними, въ предѣлахъ русскихъ владѣній, т. е. въ Сибири, другія — заграничными; главнымъ образомъ въ Китай, Японію и въ среднеазіятскія ханства, Хиву, Бухару, Коканъ, которыхъ паденіе, какъ извѣстно, началось едва лишь пятнадцать лѣтъ назадъ. Мы такъ и построимъ дальнѣйшее изложеніе наше, чтобы въ одной его части разсмотрѣть географическія изслѣдованія, относящіяся до Сибири и сосѣднихъ ей океановъ, а въ другой — путешествія въ Среднюю Азію, оставивъ въ сторонѣ Китай и Японію, какъ страны, лежащія внѣ нынѣшней Азіятской Россіи. А какъ притомъ сибирскія экспедиціи гораздо многочисленнѣе и богаче результатами, чѣмъ среднеазіятскія, то мы ихъ раздѣлимъ на двѣ групы, изъ которыхъ первая охватитъ путешествія отъ временъ Петра Великаго до половины нашего вѣка, когда особое географическое движеніе вызвано было возсоединеніемъ Амура, а вторая будетъ заключать въ себѣ новѣйшія экспедиціи въ сѣверную и восточную Азію, начиная съ появленія «Asie Centrale» Гумбольдта (1843 г.) и съ сибирскаго путешествія академика Миддендорфа (1843 — 1845 годовъ).

II.

Императоръ Петръ I, желая имѣть обстоятельныя свѣдѣнія о своихъ зауральскихъ владѣніяхъ, постоянно обязывалъ своихъ посланниковъ въ Китай, проѣзжавшихъ черезъ Сибирь, доставлять ему различныя данныя объ этой странѣ и вообще о пройденныхъ мѣстностяхъ. Такимъ образомъ, еще въ 1692 году отправленъ былъ въ

Пекинъ, черезъ Иркутскъ и Даурію, голандецъ Исбрандъ Идесъ, который хотя и не имѣлъ успѣха на дипломатическомъ поприщѣ, но доставилъ немало свѣдѣній о пройденномъ имъ пути. Подобныя же реляціи представлялъ Ланге, бывшій нѣкоторое время консуломъ въ Пекинѣ и совершившій нѣсколько путешествій туда и обратно. Но оба эти агента не принадлежали къ числу ученыхъ. Истинно же научные труды совершены, по волѣ Петра, Месершмидтомъ. Этотъ ученый обязался провести въ Сибири семь лѣтъ и собрать возможно обстоятельныя свѣдѣнія какъ о географіи ея, такъ и объ естественныхъ произведеніяхъ, населеніи и даже древностяхъ. Справедливо замѣтилъ потомъ Паласъ, что «нельзя не дивиться тому, что сдѣлалъ одинъ этотъ человѣкъ», къ сожалѣнію, въ наше время мало извѣстный. Отправившись за Уралъ въ 1719 году, онъ посѣтилъ многія такія части Сибири, куда послѣ него ученые не проникали цѣлые полтора вѣка, какъ, напримѣръ, Нижнюю Тунгузку, гдѣ непосредственными преемниками его явились уже наши современники, Чекановскій и Миллеръ. И такова была его добросовѣстность, что сдѣланныя имъ астрономическія наблюденія и донынѣ еще могутъ служить для построенія картъ малаго масштаба. А естество-историческія его изысканія отличались такою обширностью, что объ однѣхъ птицахъ имъ написано 18 томовъ. Петровская кунсткамера, т. е. музей рѣдкостей, получила многое изъ добытаго Месершмидтомъ въ Азіятской Россіи. Но, повторимъ, обильная научная жатва, имъ собранная, оставалась и осталась мало извѣстною, потому что описаніе его путешествія не было обнародовано, и о самой экспедиціи ученый міръ долго зналъ лишь изъ сочиненія Штраленберга, бывшаго нѣкоторое время спутникомъ Месершмидта. Этотъ Штраленбергъ или, точнѣе, Табергъ, былъ плѣнный шведъ, сосланный за Ураль на

подобіе многихъ другихъ его соотечественниковъ петровскаго времени. Изъ второстепенныхъ дѣятелей этого времени, трудившихся надъ изученіемъ Азіятской Россіи, замѣтимъ здѣсь: Козыревскаго, Евреинова и Лужина, Соколова, Сорокоумова, Вагина, Стадухина, Маркова, Амосова и Левендіани. Первый плавалъ на Курильскіе острова, составилъ описаніе ихъ и далъ свѣдѣніе о посѣщеніи ихъ японцами, которые вывозили съ шестаго острова какой-то минералъ. Это послѣднее извѣстіе заинтересовало Петра, и онъ велѣтъ въ 1719 году, отправить въ Камчатку и на Курильскій архипелагъ двухъ геодезистовъ, воспитанниковъ морской академіи, Евреинова и Лужина, для подробнаго дознанія о минералѣ, и вообще для описанія архипелага и самой Камчатки. Молодые люди посѣтили шестой островъ и Камчатку и по возвращеніи изъ экспедиціи были лично приняты Петромъ въ Казани; но донесенія ихъ обнародованы не были. Соколовъ сдѣлалъ небогатое результатами, но любопытное по обстановкѣ плаваніе по Охотскому морю. Безъ компаса и якорей онъ ходилъ изъ Охотска въ Камчатку и обратно. Сорокоумовъ доставилъ свѣдѣнія о Шантарскихъ островахъ. Вагинъ отправился въ 1711 г. изъ Усть-Янска сначала вдоль береговъ материка къ Святому носу, а потомъ по льду, чрезъ море, въ которомъ и открылъ одинъ изъ Ляховскихъ острововъ. Вся эта поѣздка была совершена на партахъ, запряженныхъ собаками. Стадухинъ и Марковъ дѣлали подобныя же поѣздки для отысканія заморскихъ земель, но не имѣли успѣха, хотя, повидимому, бывали недалеко отъ того, что нынѣ называется землею Врангеля. Амосовъ былъ счастливѣе ихъ, и въ 1724 году открылъ одинъ изъ Медвѣжьихъ острововъ. О Левендіани мы можемъ замѣтить только, что это былъ грекъ, посланный изслѣдовать рудныя богатства Алтая.

Этотъ перечень заключаетъ въ себѣ всѣ важнѣйшія географическія работы петровскаго времени, относящіяся до сѣверной Азіи: разумѣемъ работы оригинальныя, а не компилятивныя, подобныя, напримѣръ, трудамъ амстердамскаго бургомистра Витзена, который получалъ данныя для этихъ трудовъ изъ Москвы. Но незадолго предъ смертью великаго императора имъ положено было начало новому обширному предпріятію съ цѣлью изученія Азіятской Россіи и въ частности крайняго ея сѣверо-востока, о которомъ ученый міръ тогда еще не зналъ, что онъ отдѣленъ отъ Америки. Вотъ что писалъ по этому предмету собственноручно Петръ 23-го декабря 1724 года: «Надлежитъ на Камчаткѣ или въ другомъ мѣстѣ сдѣлать одинъ или два бота съ палубами. На оныхъ ботахъ плыть вдоль земли, которая идетъ на Нордъ, и по чаяніи (понеже оной конца не знаютъ) кажется, что та земля — часть Америки. И для того искать, гдѣ оная сошлась съ Америкой, и чтобъ доѣхать до какого города европейскихъ владѣній, или, ежели увидятъ какой корабль европейскій, провѣдать отъ него, какъ оный кюстъ называютъ, и взять на письмѣ, и самимъ побывать на берегу, и взять подлинную вѣдомость (т. е. собрать точныя свѣдѣнія) и, поставя на карту, пріѣзжать сюда». Для исполненія этихъ предначертаній Петръ предназначилъ извѣстнаго Беринга, который и приступилъ немедленно къ приготовленіямъ по экспедиціи и продолжалъ ихъ, не смотря на смерть государя, послѣдовавшую вскорѣ. Онъ отправился изъ Петербурга черезъ нѣсколько дней послѣ кончины императора, и хотя зналъ, что сзади у себя оставляетъ недоброжелательство бюрократіи *), но усердно

*) Берингъ, передъ отправленіемъ въ страшную глушь тогдашней Сибири, требовалъ производства въ слѣдующій чинъ; адмиралтействъ-колегія отказала, и онъ было вышелъ въ отставку. По счастію, проницательный государь умѣлъ лучше цѣнить людей, и Берингъ былъ снова опредѣленъ на службу.

приступилъ къ исполненію своей задачи. Въ 1728 году постройка и снаряженіе судна были окончены, и Берингъ выступилъ изъ Петропавловска къ сѣверу. Достигнувъ широты 67°18′, онъ убѣдился, что восточный берегъ Азіи круто повернулъ къ западу, и что, слѣдовательно, имъ открыта восточная оконечность Сибири. Только приближеніе зимы, льды и туманы заставили его прекратить опись и вернуться на югъ; но, къ сожалѣнію, въ бытность свою въ проливѣ, названномъ впослѣдствіи его именемъ, онъ не видалъ береговъ Америки, за туманами, и только отъ чукчей получилъ удостовѣреніе, что замѣченный имъ поворотъ азіятскаго берега къ западу есть рѣшительный. Въ слѣдующемъ 1729 году, лѣтомъ, Берингъ ходилъ къ востоку отъ Камчатки; но, не встрѣтивъ на пути никакихъ земель, вернулся назадъ и черезъ Охотскъ въ Петербургъ. Здѣсь, разумѣется, ожидали его непріятности. Открытіямъ его не придавали значенія, оспаривали добытые имъ результаты и только черезъ два года по окончаніи экспедиціи дали ему служебную награду. Между тѣмъ, экспедиція Беринга, кромѣ непосредственныхъ результатовъ, точность которыхъ потомъ была всенародно признана Кукомъ, принесла и другую пользу изученію сѣверовосточной Азіи, возбудивъ соревнованіе въ сибирякахъ, между которыми были еще свѣжи преданія о вѣкѣ первыхъ открывателей. Якутскій казачій полковникъ Шестаковъ предложилъ правительству сдѣлать сухопутныя развѣдки въ землѣ чукчей и даже перейти за проливъ, который отдѣляетъ ее отъ другихъ земель, предполагавшихся противъ устья Колымы. Предложеніе это было принято, и въ распоряженіе Шестакова были назначены капитанъ Павлуцкій, геодезистъ Гвоздевъ, два штурмана и даже горный чиновникъ, да 400 казаковъ. И хотя экспедиція эта не имѣла большихъ успѣховъ, однако, Гвоздеву удалось перейти черезъ Берин-

говъ проливъ въ Америку и открыть тѣ острова, которые нынѣ называются его именемъ. Такимъ образомъ, главное открытіе Беринга подтвердилось; но нѣкоторые ученые, напримѣръ, Николай Делиль, продолжали сомнѣваться въ результатахъ другихъ его изслѣдованій, говоря, напримѣръ, что онъ не съумѣлъ найти большой «Компанейской земли», которую тогда рисовали на иныхъ картахъ въ сѣверной части Тихаго океана. Для рѣшенія этихъ-то, тягостныхъ для него, сомнѣній, Берингъ рѣшился предложить новую экспедицію въ прикамчатскія моря, причемъ указалъ на бывшихъ своихъ спутниковъ, Чирикова и Шпанберга, какъ на лицъ, изъявившихъ желаніе содѣйствовать ему въ этомъ трудномъ предпріятіи. Но проектъ Беринга охватывалъ уже берега не одного Тихаго океана, а и Сѣвернаго, даже касался сѣверозападной Америки. Столь обширное предпріятіе не могло быть немедленно осуществлено, а потому къ обсужденію его были призваны разныя компетентныя учрежденія и лица, и по ихъ-то указаніямъ предположеніе это не только было осуществлено, но и разрослось въ одно изъ самыхъ величавыхъ географическихъ предпріятій всѣхъ временъ и народовъ. Именно, рѣшено было послать въ сѣверную Азію рядъ спеціалистовъ для достиженія слѣдующихъ научныхъ цѣлей: 1) для опредѣленія географическаго положенія различныхъ сибирскихъ мѣстностей, 2) для изслѣдованія природы сѣверной Азіи, 3) для собранія данныхъ по ея этнографіи и исторіи, 4) для съемки всего сѣвернаго берега, 5) для обозрѣнія морей между Камчаткою и Японіею и 6) для отысканія сѣверо-западнаго берега Америки. Правительство не пожалѣло издержекъ на эту экспедицію, и хотя члены ея были обставлены далеко неблестяще, но общій итогъ расходовъ превысилъ 360.000 рублей на тогдашнія деньги. Число лицъ, призванныхъ къ участію въ

предпріятіи, было очень значительно. Именно, кромѣ Беринга, на котораго было возложено общее руководство дѣломъ, тутъ были Гмелинъ, Крашенинниковъ и Штелеръ, какъ естествоиспытатели, Делиль, какъ астрономъ, Миллеръ и Фишеръ, какъ историки, Чириковъ, Шпанбергъ, Вальтонъ и Шельтингъ, какъ мореплаватели для Тихаго океана, и цѣлый рядъ молодыхъ офицеровъ, геодезистовъ и студентовъ для съемокъ и описи береговъ Ледовитаго моря: Головинъ, Кошелевъ, два Лаптева, Ласиніусъ, Малыгинъ, Мининъ, Муравьевъ, Овцынъ, Павловъ, Прончищевъ, Селифонтовъ, Скуратовъ, Сухотинъ, Стерлеговъ, Чекинъ, Челюскимъ и Щербининъ, всего 28 человѣкъ. Труды членовъ экспедиціи, естественно, были раздѣлены слѣдующимъ образомъ: Муравьевъ и Павловъ, а потомъ Малыгинъ и Скуратовъ работали надъ европейскими берегами Сѣвернаго океана, Головинъ западнѣе Оби, Овцынъ, Мининъ и Кошелевъ восточнѣе ея, до Енисея, Мининъ, Стерлеговъ. Челюскинъ — на востокъ отъ Енисея, Прончищевъ и Хар. Лаптевъ за ними, до Лены, а Ласиніусъ и Дм. Лаптевъ восточнѣе этой рѣки. Впрочемъ, въ продолженіе экспедиціи, которая тянулась десятъ лѣтъ, съ 1733 по 1743 г., происходили перемѣны нѣкоторыхъ лицъ, слѣдить за которыми, а равно и вообще за ходомъ этого достопамятнаго предпріятія во всѣхъ его подробностяхъ здѣсь невозможно. Укажемъ только на главные изъ достигнутыхъ результатовъ. Весь сѣверный берегъ Сибири, за самыми малыми исключеніями, былъ снятъ. Связь съ Америкою была открыта и часть сѣверо-западнаго ея прибрежья осмотрѣна: связь Камчатки съ Японіею также правильно установлена. Нѣсколько сотъ точекъ опредѣлены по широтамъ и отчасти по долготамъ, но, впрочемъ, не довольно вѣрно, такъ что наша академія наукъ въ половинѣ прошлаго столѣтія считала въ Сибири вполнѣ надежными только 17 опредѣленій. Кам-

чатка была описана въ подробности Крашенинниковымъ и Штелеромъ. Гмелинъ (старшій) познакомилъ ученый міръ съ сибирскою флорою. Миллеръ собралъ огромное количество данныхъ для своей «Сибирской Исторіи». Всѣ другіе члены экспедиціи внесли болѣе или менѣе цѣнные вклады въ область знанія. Но въ совокупности обширные результаты предпріятія никогда не были изданы, хотя они и нынѣ во многихъ случаяхъ суть лучшіе и даже единственные источники свѣдѣній о многихъ частяхъ Сибири. Къ сожалѣнію, неудачи и происки преслѣдовали многихъ членовъ экспедиціи, начиная съ самаго Беринга. Когда послѣднему, послѣ многолѣтнихъ трудовъ, удалось, наконецъ, достигнуть сѣверо-американскихъ береговъ, у Ситхи, то оказалось, что на кораблѣ его было уже недостаточно продовольствія, и онъ долженъ былъ повернуть назадъ, въ Камчатку, чѣмъ вызвалъ своего первнаго спутника Штелера на восклицаніе: «мы искали этихъ земель десять лѣтъ, чтобы провести на нихъ десять часовъ». На возвратномъ пути отъ Ситхи Берингъ, наконецъ, умеръ на одномъ изъ Командорскихъ острововъ, гдѣ ему, больному, приходилось послѣднія минуты жизни согрѣваться отъ холода въ ямѣ, подъ кучей песка, прикрывавшаго его ноги, такъ какъ топлива на островѣ не было. Такъ же печально кончилъ свою жизнь на дальнемъ сѣверѣ Прончищевъ; Овцынъ былъ разжалованъ; изъ другихъ большинство вернулось преждевременно состарившимся, обезсиленнымъ, съ разбитыми надеждами, съ угасшей энергіей. Только немногимъ изъ 28 человѣкъ, какъ Миллеру, Гмелину, Крашенинникову, удалось составить славное имя въ наукѣ; но въ глазахъ русскихъ имена всѣхъ ихъ должны быть достойны сохранія до отдаленнѣйшаго потомства.

Ко второй половинѣ XVIII столѣтія, главнымъ образомъ къ царствованію Екатерины II, относится рядъ,

изысканій и даже географическихъ открытій въ сѣверной Азіи, которыя также заслуживаютъ большаго вниманія. Тогда именно совершили свои путешествія: Палласъ, Зуевъ, Кошкаревъ, Соколовъ, Фалькъ, Лепехинъ, Георги, Биллинсъ, Сарычевъ и цѣлый рядъ мелкихъ открывателей въ сѣверо-восточной Сибири. О заслугахъ такого великаго естествоиспытателя, какъ Палласъ, едва-ли нужно много говорить, потому что онѣ извѣстны всякому образованному человѣку. Замѣтимъ только, что имъ съ особою отчетливостью изучено животное царство Сибири. Сочиненіе Георги о народахъ Россійской имперіи содержитъ важныя свѣдѣнія о туземцахъ сѣверной Азіи и также принадлежитъ къ числу книгъ классическихъ, какъ и Палласово «Путешествіе». Менѣе извѣстны у насъ Биллингсъ и Сарычевъ; а между тѣмъ они оказали немаловажныя услуги изслѣдованіемъ и описаніемъ Колымы и Чукотской земли и съемками въ особенности сѣвернаго берега ея, въ чемъ Биллингсу много содѣйствовалъ геодезистъ Гилевъ. Ихъ труды, а равно и описи Кука, прошедшаго десятью годами (въ 1778) раньше ихъ черезъ Беринговъ проливъ, прочно установили географію сѣверо-восточной части азіятскаго материка. Изъ второстепенныхъ открывателей прежде всего, въ хронологическомъ порядкѣ, назовемъ купцовъ Шалаурова и Бахова, которые въ 1760 — 64 годахъ много ѣздили по Ледовитому морю на сѣверъ отъ устьевъ Лены, Яны и Колымы, посѣтили острова Медвѣжьи, Ляховскіе, Чаунскую губу и видѣли еще островъ Діомида, описанный Лаптевымъ, но послѣ исчезнувшій, вѣроятно, отъ разрушенія его плавучими льдами. Оба, Шалауровъ и Баховъ, не вернулись изъ своихъ смѣлыхъ поѣздокъ, и послѣдній умеръ въ 1762 г. на одномъ изъ Медвѣжьихъ острововъ, а первый въ 1764 г. вблизи Шелагскаго носа. За ними слѣдуетъ сержантъ геодезіи Андреевъ, который въ 1763 г.

описалъ Медвѣжьи острова, хотя и не совсѣмъ вѣрно. Въ 1766—67 годахъ казачій сотникъ Черный и подштурманъ Очерединъ впервые подробно обслѣдовали и описали Курильскіе острова до самаго Мацмая. Послѣ нихъ, въ 1769—71 годахъ, ѣздили по Ледовитому морю геодезисты Леонтьевъ, Лысовъ и Пушкаревъ, имѣвшіе цѣлью отыскать «большую американскую землю» на сѣверѣ отъ Сибири, но не успѣвшіе въ томъ. Въ 1770 и 1773 годахъ купецъ Ляховъ дважды былъ на островахъ, получившихъ его имя, а въ 1775 г. эти острова были описаны землемѣромъ Хвойновымъ. Къ концу XVIII столѣтія на томъ же Сѣверномъ океанѣ открыты бывшимъ прикащикомъ Ляхова Санниковымъ острова Котельный и Ѳадѣевскій. Въ 1792 г. русскіе совершили первое плаваніе изъ Охотска въ южную Японію, именно въ Нагасаки, куда былъ посыланъ поручикъ Лаксманъ, чтобы отвезти потерпѣвшихъ крушеніе японцевъ, которые были выброшены на наши берега, и завязать сношенія съ Японіею. Это плаваніе, впрочемъ, не имѣло никакихъ географическихъ результатовъ. За то немного ранѣе его, въ 1787 г., посѣтилъ берега нынѣшняго Усурійскаго края и Сахалина знаменитый французскій мореплаватель Лаперузъ, который, впрочемъ, къ удивленію, пропустилъ почти всѣ тѣ бухты или гавани, которыми нынѣ славится сѣверо-западный берегъ Японскаго моря. Камчатка была посѣщена еще въ 1780-хъ годахъ Лесепсомъ, а еще прежде того черезъ Сибирь проѣзжали иностранцы Джонъ-Бель, Фрисъ и Шапъ-д'Отерошъ, изъ которыхъ послѣднему мы обязаны нѣсколькими астрономическими опредѣленіями въ сѣверной Азіи, хотя нѣкоторыя изъ его показаній о Россіи отличаются поверхностностью, такъ что даже были опровергаемы самою императрицею Екатериной II. Послѣднему десятилѣтію XVIII вѣка принадлежитъ путешествіе на Алтай и въ Забайкалье ботаника Сиверса.

Если мы теперь попробуемъ подвести хотя краткіе итоги географическому движенію, имѣвшему предметомъ изученіе сѣверной Азіи въ теченіе XVIII столѣтія, то увидимъ, прежде всего, что это столѣтіе рѣзко отличалось отъ чисто завоевательнаго періода первыхъ открытій въ XVI и XVII вѣкахъ наукообразностью тѣхъ задачъ, которыя ставило себѣ большинство изслѣдователей, хотя, конечно, были еще и открыватели въ первоначальномъ смыслѣ простыхъ піонеровъ русскаго племени. Затѣмъ, мы можемъ безъ малѣйшаго преувеличенія сказать, что и по числу трудившихся лицъ, и по достигнутымъ результатамъ движеніе XVIII вѣка было очень значительно. Не смотря на то, что нашъ перечень путешественниковъ не полонъ, мы уже назвали болѣе 70 именъ, между которыми есть не мало пользующихся громкой извѣстностью. Относительно результатовъ можно замѣтить, что не только карта Сибири была создана, въ главныхъ чертахъ, трудами географовъ XVIII столѣтія, но и самая природа сѣверной Азіи была изучена съ такою подробностью, какою едва ли могли въ то время похвалиться колоніи другихъ европейскихъ народовъ, даже находившіяся въ самыхъ счастливыхъ странахъ свѣта и открытыя цѣлымъ вѣкомъ раньше Сибири. Этнографія обширныхъ земель къ сѣверу отъ Алтая и Становаго хребта была намъ въ 1799 году извѣстна лучше, чѣмъ, напримѣръ, этнографія сѣверной Америки до недавнихъ трудовъ Галантина и Банкрофта. Только лингвистическія изысканія, столь важныя для опредѣленія человѣческихъ расъ и даже прошедшихъ судебъ ихъ, не сдѣлали въ то время большихъ успѣховъ, хотя въ достопамятномъ сравнительномъ словарѣ, изданномъ нашею академіею по повелѣнію и даже при непосредственномъ участіи императрицы Екатерины II, уже было по нѣскольку сотъ словъ каждаго изъ мѣстныхъ языковъ сѣверной Азіи. Но это

и естественно, ибо изученіе языковъ полудикихъ народовъ всегда совершается гораздо позже изученія ихъ земель, а иногда даже и вовсе не имѣетъ мѣста, какъ было, напримѣръ, въ Австраліи и отчасти въ Африкѣ и въ южной Америкѣ. Поэтому, если извѣстный стихъ Вольтера

C'est du Nord que nous vient aujourd'hui la lumière

и заключаетъ въ себѣ излишне льстивое преувеличеніе, то мы все-таки въ правѣ сказать, что именно въ вѣкъ Вольтера сѣверъ Азіи былъ впервые и съ значительнымъ успѣхомъ озаренъ свѣтомъ знанія. И въ этомъ распространеніи принимали участіе почти исключительно русскіе люди, прямые уроженцы Россіи или иностранцы, принятые въ составъ великой русской семьи.

Девятнадцатое столѣтіе началось для Россіи при такихъ политическихъ условіяхъ, что вниманіе русскихъ людей въ теченіе почти двадцати лѣтъ было отклонено преимущественно на западъ; востокъ же и сѣверъ были какъ бы забыты. Однако мы здѣсь не можемъ пройти молчаніемъ нѣкоторыхъ достойныхъ вниманія путешествій, имѣвшихъ научную цѣль. Къ самому началу столѣтія относятся труды двухъ морскихъ офицеровъ, Хвостова и Давыдова, которые въ нашемъ образованномъ обществѣ больше всего извѣстны по своимъ похожденіямъ на Сахалинѣ, но которые принесли и много серьезной пользы своими работами въ Камчаткѣ, въ Охотскомъ морѣ и въ восточной Сибири. Эти работы начались съ 1802 года. Въ 1804 году слѣдуетъ отмѣтить путешествіе черезъ Сибирь въ Монголію графа Головкина, которому сопутствовалъ Клапротъ: труды послѣдняго объ азіятскомъ мірѣ слишкомъ извѣстны, чтобы о нихъ много говорить; притомъ, Клапротъ былъ болѣе кабинетный ученый и лингвистъ, чѣмъ путешественникъ-географъ. Въ 1805 году

появился въ Тихомъ океанѣ, у береговъ Японіи, Сахалина и Камчатки, знаменитый Крузенштернъ, первый изъ русскихъ кругосвѣтныхъ плавателей. Географія Сахалина и многихъ другихъ сосѣднихъ мѣстностей и доселѣ опирается на труды его и его спутника Горнера; если же при этихъ отличныхъ трудахъ былъ сдѣланъ недосмотръ, вызывающій сожалѣніе, то онъ былъ не болѣе какъ повтореніемъ той же ошибки, которую въ 1798 году сдѣлалъ англійскій мореплаватель Броутонъ, который даже призналъ, что между Сахалиномъ и Маньчжуріею есть перешеекъ, а не только отмель, какъ думалъ Крузенштернъ. Суда, на которыхъ плавалъ послѣдній, были, какъ извѣстно, снаряжены знаменитымъ русскимъ меценатомъ, графомъ Румянцовымъ; его же почину наука обязана обслѣдованіемъ острова Новой-Сибири, открытаго въ 1806 году купцомъ Сыроватскимъ. Именно, въ 1809—1810 годахъ этотъ островъ, по порученію Румянцова, былъ посѣщенъ и описанъ Гёденштромомъ, который потомъ не мало трудился и вообще по географіи Сибири, хотя, будучи человѣкомъ небогатымъ и безъ связей, кончилъ жизнь среди самой скромной обстановки, почти всѣми забытый. Въ 1811 году прибыль къ берегамъ Японіи Головнинъ, прославившійся своимъ плѣномъ у японцевъ и цѣлымъ рядомъ трудовъ по гидрографіи сѣверо-западной части Тихаго океана. Его двухлѣтній плѣнъ далъ ему возможность написать о Японіи книгу, долго пользовавшуюся общею извѣстностью въ образованномъ мірѣ. Но по окончаніи экспедиціи Головнина прошло нѣсколько лѣтъ, прежде чѣмъ было совершено какое-либо новое географическое предпріятіе въ сѣверной Азіи. За то въ 1820 году снаряжена была туда, и притомъ на самый негостепріимный сѣверо-востокъ, знаменитая экспедиція Анжу, Врангеля, Козьмина и Матюшкина, которые пополнили всѣ пробѣлы, оставленные Лаптевымъ, Биллинг-

сомъ и др., и доставила самыя точныя свѣдѣнія о всемъ пространствѣ береговъ Сѣвернаго океана отъ устья Лены до Чукотскаго носа, о земляхъ по Колымѣ и Анюямъ, объ островахъ на Ледовитомъ морѣ, прежде видѣнныхъ, но недовольно точно описанныхъ, о многихъ своеобразныхъ явленіяхъ полярной природы, о чукчахъ и проч. Отчетъ Врангеля пользуется особенно громкой и заслуженной извѣстностью. Спутникъ его, Козьминъ, впослѣдствіи, именно въ 1829—1830 годахъ, составилъ себѣ почетную извѣстность описью Шантарскихъ острововъ и пребываніемъ въ Удскомъ краѣ. Въ 1820-хъ же годахъ русскіе берега Тихаго океана были посѣщены Коцебу и Литке съ его спутниками, изъ которыхъ особенно Постельсъ далъ многоцѣнныя свѣдѣнія о Камчаткѣ. Берега этого полуострова и земель къ сѣверу отъ него, до Берингова пролива, нынѣ принято изображать на картахъ такъ, какъ очертилъ ихъ Литке, по наблюденіямъ своимъ и своихъ предшественниковъ. Изъ другихъ работъ вдоль морскихъ береговъ сѣверной Азіи замѣтимъ съемки Иванова на полуостровѣ Ялмалѣ въ 1827 году; внутри же Сибири трудились много для географіи Семивскій, Петровъ, Мартосъ, Корниловъ и особенно Спасскій, котораго журналъ, «Сибирскій Вѣстникъ», вмѣстѣ съ Миллеровыми «Ежемѣсячными Сочиненіями», представляетъ богатѣйшій запасъ самыхъ разнородныхъ свѣдѣній о сѣверной Азіи. Въ 1827 году посѣтилъ Алтай и сосѣднія мѣстности извѣстный ботаникъ Ледебуръ, а въ 1829 году путешествовалъ по западной Сибири Гумбольдтъ, котораго знаменитая книга «Asie Centrale» появилась въ свѣтъ, впрочемъ, не ранѣе 1843 года *). Къ 1830-мъ

*) По собственно описаніе путешествія по Уралу и Алтаю вышло, на нѣмецкомъ языкѣ, раньше, именно въ 1837 году; только книга эта содержитъ больше данныхъ Розе, чѣмъ Гумбольдта.

годамъ и къ началу 1840-хъ относятся труды Бѣлинскаго на Ледовитомъ морѣ, Геблера на Алтаѣ, Гельмерсена тамъ же, особенно на Телецкомъ озерѣ, Пестова и Степанова въ Енисейской губерніи, Словцова, Небольсина и Вишневскаго въ разныхъ мѣстахъ Сибири, причемъ Вишневскимъ опредѣлено нѣсколько астрономическихъ точекъ, которыхъ число было такъ незначительно во всей сѣверной Азіи. Большая экспедиція берлинскаго ученаго Эрмана охватила, въ 1830-хъ годахъ, всю Сибирь и доставила особенно много точныхъ данныхъ по физической географіи, о волканахъ Камчатки, о магнетизмѣ, о климатѣ и т. п.; но труды его никогда не были переведены на русскій языкъ, точно такъ же, какъ и труды знаменитаго норвежскаго физика Ганстена, путешествовавшаго въ то же время и сдѣлавшаго много магнитныхъ наблюденій.

На этой части нашего перечня сѣверо-азіятскихъ путешественниковъ XIX столѣтія мы пока и остановимся, потому что далѣе уже придется говорить о такихъ работахъ, которыя были въ непосредственной связи съ новымъ открытіемъ Амура, или служили къ нему подготовкою; а это открытіе, какъ мы уже замѣтили, служитъ важною эпохою въ исторіи географической дѣятельности, относящейся до сѣверной Азіи. Прибавимъ къ этому, что наша остановка имѣетъ еще и другой немаловажный смыслъ. Свѣдѣнія, доставленныя тѣми путешественниками, о которыхъ мы говорили доселѣ, послужили основою тѣхъ частей Ритеровой «Erdkunde von Asien», которыя касаются Азіятской Россіи; результаты же позднѣйшихъ излѣдованій уже не вошли въ это знаменитое сочиненіе. Наконецъ 1843 годъ, который мы собственно выбрали условнымъ рубежомъ между двумя періодами сѣверо-азіятскихъ географическихъ работъ, есть годъ не только появленія Гумбольдтовой «Asie Centrale», но и начала

Миддендорфова путешествія, съ окончаніемъ котораго въ 1845 году совпадаетъ основаніе Русскаго Географическаго Общества, давшаго новый полетъ географическимъ изслѣдованіямъ въ сѣверной Азіи.

III.

Извѣстно, что хорошая, т. е. составленная съ полнымъ знаніемъ источниковъ, карта страны всего лучше выражаетъ состояніе географическихъ свѣдѣній объ этой странѣ. Точныя топографическія карты существуютъ лишь тамъ, гдѣ уже были произведены обширныя геодезическія операціи; напротивъ, страны хуже извѣстныя должны довольствоваться картами географическими, небольшаго масштаба, а земли едва осмотрѣнныя — даже плохими чертежами, въ которыхъ положеніе однихъ предметовъ невѣрно, а другихъ и вовсе гадательно. Въ этомъ смыслѣ успѣхъ картографіи служитъ мѣриломъ успѣховъ географіи вообще. Если при такомъ взглядѣ на вещи мы сравнимъ чертежъ Ремезова, который былъ изготовленъ въ концѣ перваго, героическаго періода сѣверо-азіятскихъ открытій, съ картою Познякова, служившею выраженіемъ, хотя и не совершеннымъ, нашихъ познаній о Сибири въ первой половинѣ XIX вѣка, то увидимъ огромный прогресъ. Но и карта Познякова, при сравненіи ея съ тѣмъ чертежомъ сѣверной Азіи, который изготовляется нынѣ въ Главномъ Штабѣ, есть не болѣе какъ очеркъ однѣхъ главнѣйшихъ рѣкъ и горныхъ хребтовъ, встрѣчающихся въ Сибири, очеркъ частію неудовлетворительный и оставляющій значительныя пространства пустыми или изображающій ихъ невѣрно. Этотъ успѣхъ географіи сѣверной Азіи за послѣднія 30 лѣтъ и есть слѣдствіе того именно научнаго движенія, которое обнаружилось съ половины

1840-хъ годовъ и съ особою силою распространилось па басейнъ Амура. Миддендорфъ потому и открываетъ рядъ новѣйшихъ изслѣдователей-географовъ, что его путешествіе было офиціально первымъ, въ теченіе 150 лѣтъ, которое коснулось Амурскаго края. Почипъ этой экспедиціи принадлежитъ академіи наукъ, а исполненіе, конечно, одному изъ самыхъ добросовѣстныхъ и многосторонне-ученыхъ путешественниковъ нашего вѣка. Миддендорфъ, началъ свои ученыя работы отъ Туруханска и отправился сначала на Таймырскій полуостровъ, который только благодаря его изслѣдованіямъ и съемкамъ спутника его, Ваганова, наполнился нѣкоторыми топографическими подробностями. Побывавъ на Хатангѣ и сдѣлавъ рядъ любопытныхъ физико-географическихъ наблюденій въ зимовьѣ Коренномъ-Филиповскомъ, подъ $71^1/_4$° шир., Миддендорфъ вернулся въ 1844 году въ Туруханскъ и оттуда зимою переѣхалъ въ Якутскъ, гдѣ изучалъ термическія и другія явленія холодной сѣверо-восточной Азіи. Затѣмъ, онъ отправился въ Удскій край, а оттуда къ юго-восточнымъ берегамъ Охотскаго моря и на Шантарскіе острова, и, наконецъ, на возвратномъ пути отъ этого крайняго предѣла своего путешествія, проникъ съ береговъ Тугура на Бурею, Зею и другіе лѣвые притоки Амура, которые пересѣкъ далеко на югъ отъ ихъ вершинъ въ Становомъ хребтѣ. 14-го января 1845 года онъ явился съ востока въ Усть Стрѣлочный караулъ, который тогда былъ крайнимъ передовымъ пунктомъ нашихъ владѣній въ Дауріи. Столь обширныя поѣздки по негостепріимнымъ мѣстностямъ сѣверо-восточной Азіи дали почтенному академику возможность близко ознакомиться съ природою этой страны, и результатомъ этого, а равно отличнаго изученія имъ трудовъ всѣхъ его предшественниковъ и даже современниковъ, было появленіе его классическаго отчета, который составляетъ необходимую точку отправленія для всѣхъ

послѣдующихъ географическихъ и естественно-научныхъ работъ. Къ сожалѣнію «Путешествіе» Миддендорфа издавалось очень медленно и притомъ сначала на языкѣ нѣмецкомъ, такъ что русскіе изслѣдователи, ближайшіе по времени, мало пользовались этою книгою. Тѣмъ не менѣе, поѣздка Миддендорфа дала научный толчокъ тому цивилизующему потоку, который пролился затѣмъ надъ Сибирью. Одно уже заявленіе путешественника, что границы китайскихъ владѣній въ Амурскомъ басейнѣ лежали вовсе не тамъ, гдѣ мы ихъ полагали, а значительно южнѣе, и что притомъ рѣка Амуръ, — какъ уже засвидѣтельствовалъ еще въ 1834 году Ладыженскій, — оставлена китайцами почти пустынною, повело къ возникновенію мысли о новомъ занятіи Амурскаго края русскими, а осуществленіе этой-то мысли было причиной того наплыва ученыхъ въ восточную Сибирь, которымъ ознаменовалась третья четверть XIX вѣка.

Вскорѣ по окончаніи Миддендорфова путешествія начались приготовленія къ двумъ другимъ экспедиціямъ въ тотъ же глухой, сосѣдній Удскому острогу край, на который онъ обратилъ вниманіе. Это были: сухопутная экспедиція Ахте и морская Невельскаго. Первая, подъ именемъ забайкальской, работала вблизи Становаго хребта, вторая около низовьевъ Амура. Въ забайкальской экспедиціи принимали дѣятельное участіе Шварцъ, какъ астрономъ, Крутиковъ, какъ топографъ, и Меглицкій, какъ геологъ. Невельскому сопутствовали Бошнякъ, Рудановскій, Чихачевъ и другіе. Романическая жизнь послѣднихъ въ Петровскомъ зимовьѣ стала какъ бы героическою легендою въ исторіи возсоединенія Амура; но, не смотря на эту, полную лишеній, жизнь, Невельской и его спутники сдѣлали важныя изысканія на устьѣ Амура и въ Татарскомъ проливѣ. Между прочимъ, ими доказано было, что проливъ этотъ вполнѣ удобопроходимъ для

большихъ кораблей и что, слѣдовательно, не только перешейка, но и отмели, у мыса Лазарева не существуетъ. Невельскимъ же основанъ Николаевскъ, служившій потомъ точкою опоры дальнѣйшимъ изслѣдователямъ низовьевъ Амура. Забайкальская экспедиція много расширила наши географическія познанія о крайнемъ юго-востокѣ Сибири и о нѣкоторыхъ частяхъ Амурскаго водоема. Въ 1854 году, наконецъ, началось движеніе на самый Амуръ, изъ Шилкинскаго завода, гдѣ былъ построенъ пароходъ и снаряжено много рѣчныхъ судовъ, на которыхъ и отправилась внизъ по рѣкѣ значительная военная экспедиція подъ личнымъ управленіемъ генералъ-губернатора Муравьева. Въ составѣ этой экспедиціи находилось нѣсколько образованныхъ молодыхъ людей: Аносовъ, Свербеевъ, Пермыкинъ, которые дали первые общіе очерки Амура, который былъ при этомъ глазомѣрно снятъ топотрафомъ Поповымъ. Въ слѣдующемъ 1855 году на Амурѣ уже появились съ одной стороны натуралисты, въ лицѣ Шренка, Максимовича, Маака, Герстфельда, а съ другой, астрономъ въ лицѣ Пещурова. Всѣ эти лица были представителями разныхъ учрежденій и вѣдомствъ: такъ, Шренкъ и Максимовичъ путешествовали по приглашенію академіи наукъ, Маакъ — по порученію Сибирскаго отдѣла русскаго географическаго общества, Пещуровъ — какъ офицеръ, сопровождавшій бывшаго нашего посланника въ Японію; адмирала Путятина, возвращавшагося домой по Амуру. Движеніе началось широкимъ потокомъ, увлекшимъ множество юныхъ силъ и способностей. Его чарующее вліяніе могутъ оцѣнить только тѣ, которые сами принимали въ немъ дѣятельное участіе; но его значеніе будетъ понятно и отдаленнѣйшему потомству.

Оставимъ здѣсь на время тотъ строго-хронологическій порядокъ, въ которомъ мы слѣдили доселѣ за учеными трудами на всемъ пространствѣ сѣверной Азіи, чтобы ис-

черпать сначала наиболѣе выдающіяся стороны этой «амурской географической эпопеи». Мы сказали сейчасъ, что много разнородныхъ силъ участвовало въ томъ научномъ движеніи, которое вызвано было возсоединеніемъ Амура. Нѣкоторыя изъ нихъ уже и указаны нами; но столь обширная, разнообразная по почвенному устройству и естественнымъ богатствамъ страна не могла бы быть изучена сколько-нибудь основательно, если бы за такое изученіе не взялись колективныя силы разныхъ ученыхъ и правительственныхъ учрежденій. Изъ нихъ первое по объему и значенію произведенныхъ работъ есть русское географическое общество. Снаряженная имъ въ 1855 году экспедиція продолжалась около девяти лѣтъ, и покрыла не только Амурскій край, но и всю юго-восточную Сибирь рядомъ астрономическихъ точекъ и сѣтью маршрутовъ Члены математическаго отдѣла ея, Шварцъ, Крыжинъ, Орловъ, Рашковъ, Усольцевъ, дали много отличныхъ матеріаловъ для большой карты юго-восточной Сибири, составленной потомъ Шварцемъ и изданной географическимъ обществомъ вмѣстѣ съ томомъ отчетовъ экспедиціи. Кромѣ того, почти всѣ члены этого отдѣла представили свои частные отчеты, полные интереса и по изложенію, и по тому, что касаются странъ, дотолѣ почти неизвѣстныхъ. Топографъ Шебунинъ, входившій въ составъ физическаго отдѣла той же экспедиціи, составилъ хорошую карту Сахалина и сдѣлалъ нѣсколько съемокъ въ Амурскомъ краѣ. Собственно тѣ члены экспедиціи, которые были предназначены для физико-географическихъ работъ, именно Радде и Шмидтъ, дали много важныхъ и любопытныхъ свѣдѣній о геологическомъ строеніи посѣщенныхъ ими мѣстностей и объ органической ихъ природѣ, а посѣщена ими была вся юго-восточная Сибирь, и въ частности Шмидтомъ Амурскій басейнъ и Сахалинъ, а Радде — Саянъ, берега Байкала, Забайкалье и Амуръ

до рѣки Усури. Къ центральному географическому обществу въ Петербургѣ примкнулъ Сибирскій отдѣлъ его въ Иркутскѣ, который посылалъ на Амуръ и въ Приморскій край Маака, Брылкина, Глена и Лопатина, изъ которыхъ первый доставилъ три тома своихъ отчетовъ, а послѣдніе нѣсколько мелкихъ статей. Къ географическому обществу и его Сибирскому отдѣлу примыкаетъ корпусъ топографовъ восточной Сибири. Созданный по плану генералъ-губернатора Муравьева и стараніями Кельберга, Заборинскаго *) и Щечилина **), хорошо обученный дѣлу, онъ доставилъ много отличныхъ дѣятелей на трудное поприще съемокъ въ странахъ холодныхъ, гористыхъ, лѣсистыхъ и почти вовсе ненаселенныхъ. Къ сожалѣнію, уровень научнаго образованія топографовъ не позволилъ имъ пользоваться ихъ длинными путешествіями, чтобы одновременно съ производствомъ съемокъ работать и для другихъ отраслей знаній, такъ что исключеніе составили только Гамовъ (1859 г. на Усури) и Большевъ (1874 г. въ Приморскомъ краѣ), оба присланные изъ Петербурга. Изъ многочисленныхъ офицеровъ генеральнаго штаба, посѣтившихъ Амурскій край, нѣкоторые также оставили слѣды своихъ трудовъ по изученію этого края. Таковы именно были: Барабашъ (1872), Венюковъ (1858), Гельмерсенъ (1867) и Пржевальскій (1869), изъ которыхъ трое послѣднихъ работали на Усури, первый же хотя и въ Амурскомъ водоемѣ, но болѣе въ Маньчжуріи, о которой, какъ о странѣ не русской, мы не предположили здѣсь говорить. Затѣмъ, о капитанѣ генеральнаго штаба Ельцѣ извѣстно, изъ донесеній морскихъ начальствъ, что онъ въ 1859 г.

*) Имъ составлена 100-верстная генеральная карта Восточной Сибири, изд. 1855 г., впослѣдствіи, къ сожалѣнію, обезображенная.

**) Имъ по большей части обучены молодые топографы и составлена карта южной половины Енисейской губерніи.

едва не былъ уморенъ голодомъ на берегахъ Японскаго моря; но въ чемъ именно состоятъ результаты, добытые имъ, а равно путешествовавшимъ въ Усурійскомъ краѣ Будогоскимъ, трудно сказать, такъ какъ съемки топографовъ, состоявшихъ въ распоряженіи послѣдняго, производились не имъ же. Равнымъ образомъ и составленная подъ руководствомъ Будогоскаго карта Амурской страны не свидѣтельствуетъ въ его пользу, потому что наполнена ошибками, какъ то доказалъ Шварцъ. Морское вѣдомство, съ своей стороны, доставило немало полезныхъ дѣятелей по гидрографіи и математической географіи, каковы: Бабкинъ, Березинъ, Бошнякъ, Клыковъ, Орловъ, Старицкій и другіе; но, къ сожалѣнію, ему не удалось въ теченіе многихъ лѣтъ произвести подробной описи береговъ Сахалина и восточной части Усурійскаго края, такъ что съемка этихъ береговъ съ сухаго пути произведена была уже военными топографами, а промѣры глубины и доселѣ остаются весьма недостаточными. За то въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Приморскою областью нашими моряками снятъ и впервые вѣрно проложенъ на карту восточный берегъ Кореи, а въ предѣлахъ сѣверной Азіи сдѣланы исправленія въ описяхъ береговъ Камчатки и Чукотской земли. Академія наукъ, которая послѣ основанія географическаго общества, естественно, не преслѣдуетъ уже больше чисто географическихъ цѣлей, тѣмъ не менѣе внесла богатые вклады въ науку трудами Шренка и Максимовича, изъ которыхъ первому, кромѣ «Путешествія», принадлежитъ прекрасная «Физическая географія Японскаго моря», а второму большое сочиненіе объ амурской растительности. Эту же растительность, не столько, впрочемъ, съ чисто научной, сколько съ хозяйственной стороны, изучали офицеры лѣснаго вѣдомства: Будищевъ, Петровичъ и другіе. Представителями горнаго дѣла или практической геологіи

явились Аносовъ, Баснинъ, Боголюбскій, Лопатинъ и другіе; но вообще эта отрасль знаній оставляетъ еще желать многаго по отношенію къ Амурскому краю, хотя золотопромышленниками сдѣлано не мало открытій и даже производятся разработки металла. Сверхъ этихъ професіональныхъ представителей разныхъ отраслей знанія, на Амурѣ трудилось въ пользу науки множество другихъ лицъ, отъ купца Паргачевскаго до священника-миссіонера Пьянкова, отъ агронома Мицуля (на Сахалинѣ) до супруги доктора Васильевой, отъ архимандрита — синолога Палладія до чиновника Буссе, отъ наблюдательныхъ бытописателей Алябьева, Максимова и Ровинскаго до офиціальнаго статистика Людоговскаго, отъ инженера Романова до врачей Добротворскаго и Августиновича. Словомъ, едва ли есть въ русскомъ образованномъ обществѣ разрядъ людей, который бы не былъ представленъ нѣсколькими своими членами на этомъ обширномъ поприщѣ изслѣдованія Амурскаго края. Буссе сдѣлалъ опытъ амурской библіографіи, и хотя его списокъ далеко не полонъ *), но заключаетъ многіе десятки именъ такихъ лицъ, которыя сами бывали на Амурѣ, не говоря уже про авторовъ компилятивныхъ статей. Тотъ, кто пожелалъ бы создать стройное описаніе нашихъ владѣній на Амурѣ и въ Японскомъ морѣ, не могъ бы пожаловаться на недостатокъ матеріаловъ. И мы съ гордостью можемъ сказать, что матеріалы эти почти исключительно русскіе; ибо число иностранцевъ, посѣтившихъ Приморскій и Амурскій край, и давшихъ о немъ обстоятельныя извѣстія, весьма незначительно. Мы назовемъ здѣсь Коллинса, Адамса, Линдау, Тренсона, Мичи и компилятивнаго писателя Равенштейна, книга котораго «Русскіе на Амурѣ» пользуется извѣстностью.

---

*) Нѣтъ, напримѣръ, сочиненія Миллера о ходѣ русской дѣятельности на Амурѣ въ XVII вѣкѣ (Ежем. соч.).

Открытіе Амура до такой степени поглотило вниманіе географовъ, посвящавшихъ свои труды сѣверной Азіи въ послѣднія тридцать лѣтъ, что, естественно, другія части этой обширной страны, если не были забыты совсѣмъ, то отошли на второй планъ. Однако же во время, непосредственно предшествовавшее этому открытію, совершено было не мало важныхъ изслѣдованій объ этихъ странахъ. Такъ, въ 1840 годахъ Турчаниновъ изучилъ и описалъ растительность Забайкалья; Мордвиновъ и Пономаревъ писали о тамошнихъ минеральныхъ водахъ; Паршинъ, Зензиновъ, Щукинъ и другіе вообще о географіи и этнографіи этой страны. Алтай и сосѣднія ему мѣстности были предметомъ большой экспедиціи Чихачева, который посѣтилъ не только сѣверныя, но и нѣкоторыя изъ южныхъ развѣтленій Алтайской горной системы, лежащія въ китайскихъ предѣлахъ. Его «Путешествіе», изданное на французскомъ языкѣ, представляетъ много любопытныхъ данныхъ, хорошо исполненные рисунки и нѣсколько хорошо изложенныхъ географическихъ обобщеній. Горные инженеры Гофманъ и Гельмерсенъ дѣлали путешествія въ приалтайскомъ краѣ и другихъ рудоносныхъ частяхъ Сибири съ цѣлью изученія ихъ минеральныхъ богатствъ. Геогностическія же цѣли привлекли на Алтай московскаго професора Щуровскаго, который сверхъ своего «Путешествія» издалъ и нѣсколько другихъ трудовъ, относящихся къ геологіи Азіятской Россіи. Сѣверный Уралъ и мѣстности по верховьямъ лѣвыхъ притоковъ нижней Оби были посѣщены и описаны Ковальскимъ и Гофманомъ. Филологъ Кастрèнъ собралъ много важныхъ матеріаловъ для изученія финскихъ народовъ Алтая, Саяна и сѣверо-западной Сибири, а Бетлингъ занялся изученіемъ якутскаго языка, по матеріаламъ, привезеннымъ изъ Якутска Миддендорфомъ. Якутскій край и берега Лены были въ 1840 годахъ по-

сѣщены Щукинымъ, который далъ описаніе своего путешествія. Въ западной Сибири, къ концу первой половины XIX столѣтія, были составлены оффиціальныя, хотя и мало удовлетворительныя описанія губерній Тобольской и Томской, Сильвергельма; но важнѣйшій шагъ для усовершенствованія ея географіи состоялъ въ общихъ съемкахъ, произведенныхъ военными топографами, подъ руководствомъ того же Сильвергельма, и послужившихъ основаніемъ спеціальной карты западной Сибири. Карта эта хотя и опирается на малое число астрономическихъ пунктовъ и составлена съ значительными натяжками при внесеніи планшетовъ, все же есть матеріалъ первостепенной важности для всѣхъ дальнѣйшихъ географическихъ работъ въ губерніяхъ Тобольской и Томской, за исключеніемъ крайняго ихъ сѣвера, гдѣ еще возможны весьма серьезныя исправленія и дополненія. Изъ иностранныхъ путешественниковъ 1840 годовъ, посѣтившихъ Сибирь, назовемъ Котрейля и Симсона, а въ иностранной литературѣ вообще слѣдуетъ замѣтить появленіе тѣхъ томовъ Риттерова «Землевѣдѣнія Азіи» которые относятся къ Азіятской Россіи. И съ наступленіемъ второй половины нашего вѣка, т. е. самой эпохи амурскихъ изслѣдованій, отвлекшихъ большую часть умственныхъ силъ на юго-востокъ, географическая дѣятельность въ другихъ мѣстностяхъ сѣверной Азіи не прекращалась, хотя нѣсколько уменьшилась. Къ самому началу пятидесятыхъ годовъ относится путешествіе въ восточную Сибирь и въ частности къ Охотскому морю Булычева, но оно мало принесло пользы наукѣ. За то въ 1850-хъ годахъ совершены были на томъ же Охотскомъ морѣ и у Курильскихъ береговъ работы Тебенькова, которому принадлежитъ и лучшая морская карта этихъ мѣстностей. О Камчаткѣ нѣсколько любопытныхъ свѣдѣній были доставлены Дитмаромъ и Громовымъ, о хребтѣ Джукджурѣ Раевскимъ,

а о дальнемъ сѣверѣ, по низовьямъ Лены, Аргентовымъ, тѣмъ самымъ, которому принадлежатъ и любопытныя извѣстія о Врангелевой землѣ на Сѣверномъ океанѣ, которая, наконецъ, была отыскана въ 1867 году Лонгомъ. Нѣсколько западнѣе Лены къ 1850-мъ годамъ относится путешествіе Маака и Зондгагена на Вилюй, отчетъ о которомъ, впрочемъ, и донынѣ не обнародованъ. Затѣмъ, слѣдуютъ любопытные труды членовъ сибирской экспедиціи географическаго общества: Радде о Байкалѣ, восточномъ Саянѣ и Забайкальѣ, Усольцева о Баргузинѣ и Витимѣ, Орлова о Баунтовскомъ озерѣ, Рашкова объ Ангарѣ. Къ нимъ, въ географическомъ порядкѣ отъ востока къ западу, примыкаютъ изслѣдованія Пермыкина и Башкевича въ Тункинсмомъ краѣ и составленная Щечилинымъ карта южной половины Енисейской губерніи, гдѣ потомъ были члены географической экспедиціи Крыжинъ и Шварцъ. На Алтаѣ трудились межевые чины подъ руководствомъ Мейена, имѣвшіе цѣлью не только подробныя топографическія съемки Алтайскаго округа, но и тріангуляцію его. Еще далѣе къ западу, а вмѣстѣ и къ сѣверу, мы видимъ Абрамова, работающимъ надъ описаніемъ Березовскаго края. Наконецъ, замѣтимъ, что въ 1850-хъ же годахъ Сибирь получила первое систематическое описаніе, составленное Гагемейстеромъ, который, хотя самъ не бывалъ въ этой странѣ, но умѣлъ хорошо воспользоваться источниками, иногда даже не бывшими прежде въ печати. Въ пятидесятыхъ же годахъ появились три первые тома русскаго перевода Риттеровой «Азіи», изъ которыхъ одинъ касался Алтая, а другой Амурской страны.

Чѣмъ ближе мы подходимъ къ нашему времени, тѣмъ труднѣе становится исчисленіе многочисленныхъ изслѣдованій, дѣланныхъ въ разныхъ частяхъ сѣверной Азіи. Чтобы не утомлять читателей сухимъ перечнемъ именъ

и мѣстностей, замѣчу, что въ представленномъ мною въ 1875 году парижскому географическому конгресу спискѣ русскихъ путешественниковъ по Азіи за 21 годъ, съ 1854 по 1874 годъ, было около 270 именъ. Конечно, въ этомъ числѣ были путешественники среднеазіятскіе, даже заграничные; но главная масса все-таки выпадала на Сибирь. Въ прилагаемыхъ ежегодно къ «Извѣстіямъ» русскаго географическаго общества библіографическихъ росписяхъ Межова не трудно найти подробныя указанія на всѣ сочиненія географическаго содержанія, относящіяся до сѣверной Азіи и вышедшія съ 1864 года; а въ сборникѣ «Сибирь» сдѣланъ даже опытъ (пока, впрочемъ, недовольно удачный) полной сибирской библіографіи. Но эти росписи не даютъ, разумѣется, понятія о направленіи, ходѣ и результатахъ разныхъ путешествій. Чтобы отвѣтить на послѣднюю задачу, не вдаваясь, однако, въ мелочи, перечислимъ здѣсь важнѣйшія колективныя экспедиціи за послѣднія пятнадцать лѣтъ. Одною изъ самыхъ важныхъ нужно считать олеминско-витимскую, въ которой принимали участіе Крапоткинъ, Поляковъ, Таскинъ и нѣсколько топографовъ. Она была снаряжена въ 1864 году и сильно подвинула географію не только той страны, въ которой производилась, но и вообще географію восточной Сибири. Затѣмъ, слѣдуетъ упомянуть о трудной экспедиціи въ Чукотскую землю Неймана и Афанасьева, которыхъ маршрутъ одинъ изъ самыхъ длинныхъ. Чтобы судить о трудностяхъ этого путешествія, которое простиралось отъ Якутска до устья Анадыри, довольно будетъ сказать, что были дни, когда по кочковатымъ болотамъ экспедиція могла подвигаться едва по три, четыре версты въ день. Отчетъ о ней Неймана еще ожидается. Но еще важнѣе были трехлѣтнія экспедиціи (1873—1875) Чекановскаго и Миллера на Нижнюю Тунгузку, Оленекъ, Лену и Яну, причемъ въ первый годъ

ихъ сопровождалъ отличный топографъ Нахвальныхъ, бывшій незадолго предъ тѣмъ спутникомъ Палладія въ Маньчжуріи. Чекановскимъ и Миллеромъ сдѣланы не только съемки осмотрѣнныхъ мѣстностей, но и астрономическія, гипсометрическія, магнитныя и геологическія наблюденія самаго высокаго интереса, такъ что теперь для этихъ частей Сибири есть прочныя основанія къ дальнѣйшимъ географическимъ изысканіямъ. Поэтому-то весьма жаль, что смерть похитила Чекановскаго раньше окончательной обработки имъ отчетовъ, хотя и тѣ его сообщенія о ходѣ экспедиціи, которыя печатались въ свое время, имѣютъ высокую цѣну. И его сотрудникъ, Миллеръ, сдѣлалъ важные вклады въ науку, тѣмъ болѣе, что, кромѣ астрономическихъ и магнитныхъ наблюденій въ эту экспедицію, онъ потомъ принималъ живое и плодотворное участіе въ нивелировкѣ Сибири. Эта нивелировка есть также одно изъ очень обширныхъ географическихъ предпріятій и исполнена въ 1875 году, по порученію русскаго географическаго общества, Машковымъ, Миллеромъ и нѣсколькими другими лицами на пространствѣ отъ станицы Звѣриноголовской до Иркутска и Байкала. Наконецъ, самая обширная, по размѣрамъ охваченнаго пространства, географическая работа въ сѣверной Азіи, за послѣднее время, состоитъ въ точномъ опредѣленіи нѣсколькихъ основныхъ астрономическихъ пунктовъ на пространствѣ между Ураломъ и Японскимъ моремъ: эта работа исполнена, при помощи электрическаго телеграфа, Шарнгорстомъ и Кульбергомъ. Изъ числа второстепенныхъ по объему, но нерѣдко важныхъ по результатамъ, географическихъ изысканій въ сѣверной Азіи за послѣднія 15 лѣтъ, назовемъ слѣдующія. Въ 1868 году довѣренный купца Сидорова, Кушелевскій, проникъ изъ устья Оби въ Тазовскую губу и оттуда по Тазу на Енисей и

обратно сухимъ путемъ въ Обдорскъ: это нѣсколько расширило и измѣнило наши прежнія свѣдѣнія о тѣхъ труднодоступныхъ, полярныхъ мѣстностяхъ. Въ томъ же году Миддендорфъ посѣтилъ Барабу, которую потомъ описалъ въ поучительномъ очеркѣ. Сѣверъ Енисейской губерніи былъ подробно описанъ Кривошапкинымъ. На Алтаѣ можно замѣтить работы Бабкова, Мирошниченко, Полетики, Потанина, Принца, Радлова и Струве; въ восточномъ Саянѣ — Крапоткина и Полякова, на Байкалѣ — Годлевскаго и Дыбовскаго. Западная часть сѣвернаго берега Сибири привлекла извѣстнаго шведскаго ученаго Норденшильда, который дважды проникалъ въ рѣку Енисей съ моря. Кромѣ того, въ 1876 году по западной Сибири путешествовали иностранцы: Брэмъ, Финчъ, Вальдбургъ и Виггинсъ; но съ увеличеніемъ дѣятельности русскихъ ученыхъ, изслѣдованія иностранцевъ въ сѣверной Азіи приняли очень скромные размѣры, и собственно ученые путешественники, въ родѣ Гумбольдта, Эрмана и т. п. смѣнились туристами, наподобіе Аткинсона, Пусьельга, Макъ-Келлога и проч., у которыхъ еще иногда можно заимствовать кое-какіе факты для этнографіи и статистики, но ничего для географіи-собственно. Въ 1876 году низовья Оби посѣщены Поляковымъ, Обская губа Далемъ, а востокъ Сибири у Чукотскаго носа былъ предметомъ отчетливой работы лейтенанта Онацевича.

Изъ общегеографическихъ сочиненій о Сибири компилятивнаго характера за послѣднія 15 лѣтъ назовемъ, во-первыхъ, «Списки населенныхъ мѣстъ» губерній Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской, которые всѣ содержатъ любопытные географическіе обзоры этихъ губерній. Особенно хорошъ тобольскій списокъ, составленный Звѣринскимъ. Затѣмъ, много любопытныхъ статей по географіи сѣверной Азіи находится въ «Географи-

ческо-статистическомъ словарѣ Россійской имперіи», издаваемомъ географическимъ обществомъ; такова, напримѣръ, монографія Сѣвернаго океана, составленная Шиллингомъ. Географія всей южной Сибири, отъ Японскаго моря до Иртыша, въ сжатомъ очеркѣ, изложена въ моемъ «Опытѣ военнаго обозрѣнія русско-азіятскихъ границъ», при составленіи котораго я пользовался и нѣсколькими необнародованными источниками. Русскій переводъ Риттеровой Азіи обогатился новымъ томомъ дополненій, относящихся къ Алтаю и составленныхъ Потанинымъ. Наконецъ, картографія всей сѣверной Азіи обогатилась вновь составленною въ Главномъ Штабѣ картою этой страны, въ масштабѣ 100 верстъ въ одномъ дюймѣ, нынѣ гравируемою; а въ частности юго-восточная Сибирь еще въ 1864 году получила сорокаверстную карту Шварца, которая хотя и успѣла нѣсколько устарѣть за послѣднія 12 лѣтъ, но долго еще будетъ единственною, для тѣхъ мѣстъ, научно составленною картою.

Этимъ можно и заключить нашъ краткій очеркъ географическаго движенія въ сѣверной Азіи, отъ начала котораго скоро минуетъ три вѣка. При всей неполнотѣ нашего перечня географическихъ дѣятелей, онъ заключаетъ болѣе 220 именъ, между которыми встрѣчается много пользующихся всемірной извѣстностью. Дѣлая нѣкоторыя, впрочемъ, лишь приблизительныя, обобщенія, относительно распредѣленія этого числа по спеціальностямъ, которымъ посвящали себя люди ученые и опуская, разумѣется, первыхъ, полуобразованныхъ открывателей и людей съ обыкновеннымъ свѣтскимъ образованіемъ, мы можемъ сказать, что въ Сибири трудились донынѣ съ географическими цѣлями: астрономовъ 15, геодезистовъ и топографовъ, давшихъ печатные отчеты о своихъ трудахъ, 26, гидрографовъ и мореплавателей 31, физико-

географовъ, въ обширномъ смыслѣ этого слова, 13, геологовъ и практическихъ геогностовъ 26, ботаниковъ 6, зоологовъ 8, антропологовъ, филологовъ и историковъ 6, статистиковъ 11. Отсюда уже видно, какія части землевѣдѣнія сѣверной Азіи менѣе всего развиты и какія поприща могутъ оказаться наиболѣе благодарными для позднѣйшихъ изслѣдователей. Но, впрочемъ, общій выводъ по цѣлой Сибири былъ бы нѣсколько поверхностнымъ, такъ какъ различныя части этой обширной страны изучены въ разныхъ отношеніяхъ очень неодинаково. Назовемъ сначала тѣ, въ которыхъ путешественникъ встрѣтитъ мало неизвѣстнаго, т. е. тѣ, гдѣ предыдущія изслѣдованія были наиболѣе основательны и подробны. Это суть: южная половина губерніи Тобольской, до 59-й паралели, Алтай, окрестности Иркутска и Байкала, басейны Селенги, Шилки и Аргуни, долины Амура и его главныхъ притоковъ, но не пространства между ними, Южноусурійскій край, южная половина Камчатки. Другими словами, это суть полуденныя окраины Азіятской Россіи. Подвигаясь къ сѣверу, мы вступимъ въ полосу земель, гдѣ изслѣдованія произведены только вдоль значительныхъ рѣкъ, какъ, напримѣръ, въ басейнѣ Лены южнѣе Якутска, по Тунгузкамъ, по средней Оби. Наименѣе же изученныя мѣстности лежатъ на сѣверѣ, приблизительно за 62° широты, гдѣ нерѣдко значительныя пространства земли доселѣ не посѣщались ни однимъ ученымъ. На эти-то пространства, которые, впрочемъ, встрѣчаются и въ другихъ частяхъ Сибири, мы обратимъ теперь вниманіе, какъ на вѣроятные театры будущихъ географическихъ изысканій. Это суть: полуостровъ Ялмалъ, самоѣдская тундра къ сѣверу отъ Нарына и Сургута, до моря, полуостровъ Таймыръ, особенно къ сторонѣ Хатанги, теченіе Анабары, гористыя земли по вер-

ховьямъ Яны, Индигирки и Колымы, сѣверная часть Камчатки и земля коряковъ, сѣверная половина Сахалина и, наконецъ, треугольникъ между заливомъ де-Кастри, Хабаровкой и заливомъ Владиміра. Послѣдняя мѣстность заслуживаетъ особаго вниманія русскихъ ученыхъ какъ по богатству своей природы, такъ и потому, что эта страна представляетъ много выгодныхъ условій для водворенія въ ней русскихъ колоній. И ея морской берегъ нужно бы изслѣдовать гидрографамъ, которыхъ работы теперь во многомъ облегчены сухопутною съемкою береговой линіи. Гидрографы могли бы также найти не мало работы на озерахъ Байкалѣ и Ханкаѣ и на тѣхъ рѣкахъ, гдѣ существуетъ или можетъ существовать пароходство: Амгуни, Амурѣ, Ангарѣ, Аргуни, Баргузинѣ, Бикини, Буреѣ, Добиху, Енисеѣ, Иртышѣ, Зеѣ, Кети, Ленѣ, Нимани, Оби, Окѣ, Селенгѣ, Суйфунѣ, Томи, Тоболи, Турѣ, Тасѣевой, Чулымѣ и проч. Что же касается до береговъ Сѣвернаго океана, то на нихъ, съ практической точки зрѣнія, гидрографическія работы представляются ненужною роскошью, не исключая даже устьевъ Енисея и Оби, черезъ которыя нѣкоторые, мало знакомые съ сѣверною природою, люди думали еще недавно открыть правильныя морскія сообщенія Сибири съ западною Европою. Но съ точки зрѣнія науки, особенно геологіи, подобные промѣры были бы въ высшей степени поучительны, такъ какъ дали бы точку отправленія для опредѣленія, въ будущемъ, мѣры наростанія азіятскаго материка къ сѣверу. Также и точныя съемки острововъ Сѣвернаго океана, въ связи съ промѣрами окружающихъ ихъ водъ, могли бы дать хорошія основанія для оцѣнки вліянія движущихся ледяныхъ массъ на видоизмѣненія суши. О другихъ физико-географическихъ вопросахъ нечего и говорить: по отношенію къ нимъ Сибирь есть еще, во многихъ случаяхъ, tabula rasa.

IV.

Возвратимся теперь снова къ началу XVIII столѣтія, чтобы прослѣдить географическія изысканія въ той части Азіятской Россіи, которая принадлежитъ къ средней Азіи. При этомъ напомнимъ читателю, что цѣль наша состоитъ не въ томъ, чтобы охватить *всю* ту страну, которая болѣе или менѣе неопредѣленно называется среднею или внутреннею Азіею, а исключительно русскія владѣнія въ степяхъ и въ Туркестанѣ, въ томъ видѣ, какъ они были при концѣ 1876 года. Существенное физико-географическое отличіе этихъ земель отъ Сибири заключается въ томъ, что онѣ не составляютъ такой сплошной територіи, годной для осѣдлой культуры, какъ южная часть сѣверной Азіи. Напротивъ, такіе годные для культуры оазисы встрѣчаются лишь мѣстами, и отъ того географическія изысканія, естественно, должны совершаться болѣе всего въ предѣлахъ этихъ оазисовъ; въ пустыняхъ же они ограничиваются однѣми поверхностными съемками, отысканіемъ колодцевъ, ключей и изрѣдка коекакихъ минеральныхъ богатствъ. Ни одна географическая экспедиція не была направляема во *всѣ* среднеазіятскія владѣнія Россіи сразу и, вѣроятно, никогда не будетъ направляема, хотя эти владѣнія далеко не такъ обширны, какъ Сибирь *), охваченная, напримѣръ, экспедиціями Мессершмидта, Палласа, Георги, отчасти Миддендорфа и географическаго общества. Ученому, который занимается, напримѣръ, обслѣдованіемъ приаральскихъ мѣстностей, всегда будетъ трудно переноситься на берега

---

*) По Стрѣльбицкому, среднеазіятскія владѣнія Россіи съ Каспійскимъ моремъ составляютъ 69,385 кв. миль, а Сибирь 227,014, то есть въ 3,2 раза болѣе.

Иртыша, Атрека или Иссыкъ-куля, не потерявъ при этомъ понапрасну много времени и не понеся самыхъ тягостныхъ трудовъ и лишеній. Это было и всегда такъ, почему мы видимъ столь мало сочиненій, относящихся ко всей Средней Азіи, такъ что собственно можемъ назвать только одно, «Asie Centrale» Гумбольдта, да отчасти «Описаніе киргизъ-кайсацкихъ степей» Левшина. И замѣтимъ, что ни Гумбольдъ, ни Левшинъ не видѣли всѣхъ тѣхъ странъ, о которыхъ писали; черпали же они свои свѣдѣнія изъ реляцій разныхъ отдѣльныхъ путешественниковъ, видавшихъ лишь ту или другую мѣстность, подобно имъ самимъ. Слѣдуя этому, естественному и неизбѣжному, порядку построенія среднеазіятской географіи, и мы предпочтемъ слѣдить за географическими открытіями по отдѣльнымъ раіонамъ, признавъ за таковые: 1) Каспійское море, 2) Туркменію и Усть-Уртъ, 3) Аральское море, 4) равнины, занятыя кочевьями киргизовъ, и 5) нагорныя страны и подгорья по верховьямъ большихъ среднеазіятскихъ рѣкъ, гдѣ изстари существуютъ людскія осѣдлости.

Географія Каспійскаго моря при началѣ царствованія Петра Великаго была въ очень печальномъ состояніи. Море это рисовалось на европейскихъ картахъ почти въ томъ видѣ, какой придалъ ему Птоломей, т. е. оно изображалось озеромъ, растянутымъ отъ запада на востокъ, причемъ Аральскій водоемъ не былъ показываемъ отдѣльно, хотя собственно русскимъ онъ былъ уже извѣстенъ и описанъ, какъ отдѣльное отъ Хвалынскаго, Синее море, въ «Книгѣ Большаго Чертежа». Путешествіе Дженкинсона не послужило къ исправленію ошибки въ очертаніи Каспія; арабскіе же и среднеазіятскіе писатели, Истархи, Абулъ-Гази и др., которымъ истинный видъ его былъ знакомъ, не были въ XVII вѣкѣ извѣстны въ Европѣ. Первыя точныя основанія географіи

Каспійскаго моря были положены въ царствованіе Петра и притомъ при непосредственномъ, личномъ участіи самого великаго императора. Отыскивая морскіе пути для русской торговли и вообще для утвержденія международныхъ связей русской націи съ другими, даже самыми отдаленными, онъ ясно увидѣлъ, что по каспійскимъ водамъ Россія можетъ сноситься съ среднеазіятскими землями, съ Персіею и даже лежащею далѣе Индіею. Соотвѣтственно этому, какъ только въ Петербургъ явился, въ 1714 году, посланецъ отъ закаспійскихъ туркменовъ, искавшихъ покровительства Россіи и торговли съ нею, Петръ немедленно приказалъ основать на восточномъ берегу Каспія укрѣпленія, сначала одно, а потомъ три, и поручилъ сдѣлать это гвардіи капитану князю Бековичу-Черкаскому; для описи же берега назначилъ флота лейтенанта Кожина *). Вскорѣ затѣмъ, передъ персидскимъ походомъ, такая же, и еще болѣе подробная, опись была сдѣлана и вдоль западнаго берега Соймоновымъ. Вотъ эти-то работы и послужили основаніемъ знаменитой картѣ Каспійскаго моря, которую Петръ подарилъ парижской академіи наукъ и которая совершенно измѣнила понятія ученаго міра объ этомъ басейнѣ. По смерти Петра Соймоновъ продолжалъ свои работы, и въ 1731 составилъ новую общую карту Каспія, на которой видъ этого моря уже немногимъ отличается отъ современнаго, хотя недостатокъ астрономическихъ точекъ по берегамъ, естественно, сказался въ несовсѣмъ правильномъ совокупленіи отдѣльныхъ описей въ одно цѣлое. Карта Соймонова сопровождалась и первою лоціею Каспійскаго моря.

---

*) Передъ началомъ хивинскаго похода Кожинъ былъ назначенъ въ составъ экспедиціоннаго отряда, а опись долженъ былъ продолжать лейтенантъ Травинъ. Кожинъ, однако, не послѣдовалъ за Бековичемъ въ Хиву, предполагая, что онъ измѣннически ведетъ русскій отрядъ на гибель, которой тотъ дѣйствительно и подвергся.

Къ 1742 г. относится изданіе въ свѣтъ описанія плаванія по этому морю Вудруфа; къ 1753 г. изслѣдованіе Ханвея, а къ 1762 г. статья Гербера въ Миллеровыхъ «Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ». Вскорѣ начались путешествія академиковъ вѣка Екатерины, и Каспійское море было посѣщено Палласомъ, Рычковымъ, Лепехинымъ, Гмелинымъ и др., а въ 1764—1765 годахъ сдѣлана была Токмачевымъ и Панинымъ новая опись восточнаго его берега. Затѣмъ, въ 1781 году, при плаваніи по этому морю графа Войновича, составлена была новая карта, которая, впрочемъ, представляла лишь копію съ прежнихъ, нѣсколько дополненную позднѣйшими изслѣдованіями. Въ 1796 году опять издана новая карта Каспія, составленная адмираломъ Ногаевымъ. Но очевидно, что эти карты не удовлетворяли потребностямъ мореплаванія, почему въ началѣ нашего вѣка была сочинена новая, изданная въ 1807 г. Голенищевымъ-Кутузовымъ и заключавшая сверхъ общаго чертежа много частныхъ, изображавшихъ порты и заливы. Однако, и эта, довольно значительнаго объема карта оказывалась недостаточною, почему въ 1809—14 годахъ произведена была новая гидрографическая опись, послужившая основаніемъ цѣлому атласу Каспійскаго моря, составленному штурманомъ Колодкинымъ и изданному позднѣе, именно въ 1826 году. Тѣмъ временемъ и изученіе природы прикаспійскихъ мѣстностей продолжалось. Въ 1790-хъ годахъ западныя его прибрежья были посѣщены Маршалемъ-Биберштейномъ, въ 1819—21 годахъ окрестности Балханскаго залива изучены Муравьевымъ, въ 1824 году начали появляться первые труды Эйхвальда, которому естественная исторія каспійскаго водоема вообще много обязана. Въ 1825—26 годахъ осмотрѣны были и, на сколько возможно, сняты на планъ многочисленные ерики (заливы) сѣверо-восточнаго берега Каспія экспедиціею Берга,

которая потеряла тутъ множество вьючнаго скота, павшаго отъ безкормицы, морозовъ и мятелей, во время которыхъ приходилось работать съемщикамъ, такъ какъ лѣтомъ тѣ мѣстности недоступны. Въ 1829 году посѣтилъ берега Каспія Гумбольдтъ, который разъяснилъ многіе физико-географическіе вопросы, относящіеся до этого водоема. Въ то же время уже существовало мнѣніе о томъ, что уровень этого водоема ниже океаническаго, и въ самомъ дѣлѣ, экспедиція 1837 г., составленная изъ астрономовъ Фуса, Саблера и Савича, рѣшила этотъ вопросъ утвердительно, произведя сухопутную нивелировку черезъ Кавказскій перешеекъ и найдя, что поверхность воды въ Каспіѣ ниже чѣмъ въ Азовскомъ морѣ на 84 фута. Многіе изслѣдователи посѣтили берега Каспійскаго моря въ 1830—40 годахъ; между ними назовемъ особенно штурмана Ларина, сочинившаго новую лоцію, Гомеръ-де-Геля, Карелина, и Бларамберга, изъ которыхъ послѣднимъ составлено лучшее описаніе восточнаго его берега, отъ полуострова Бузачи до Астрабадскаго залива. Затѣмъ, въ 1850-хъ годахъ это море было предметомъ изслѣдованій академика Бэра, который хотя имѣлъ спеціальною обязанностью изучить рыболовство и причины упадка его, но съ обычною ему многосторонностью остановился на разныхъ вопросахъ физической географіи. Его «Каспійскія изслѣдованія» принадлежатъ къ поучительнѣйшимъ сочиненіямъ по естествознанію и географіи. Въ 1856 году состоялась извѣстная экспедиція Иванцева, которой цѣль была: дать совершенно точныя математическія основы гидрографіи Каспія, и эта цѣль въ теченіе шести лѣтъ была болѣе или менѣе достигнута производствомъ астрономическихъ наблюденій во многихъ пунктахъ, промѣрами глубинъ не только у береговъ, но и среди моря, описаніемъ портовъ, опредѣленіемъ магнитныхъ элементовъ и

проч. Обширныя изслѣдованія Ивашинцева и его сотрудниковъ, Ульскаго и Пущина, пользуются заслуженною извѣстностью въ ученомъ мірѣ, хотя нельзя не пожалѣть, что въ описи вкрались нѣкоторые недосмотры, напримѣръ, былъ пропущенъ заливъ Михайловскій *). Въ результаты береговыхъ описей Ивашинцева вошли также съемки Дандевиля на юговосточномъ берегу Каспія, произведенныя въ 1859 году.

Прошло болѣе десяти лѣтъ со времени окончанія работъ Ивашинцева; и хотя Каспійское море принадлежитъ уже къ числу наилучше изслѣдованныхъ на всемъ земномъ шарѣ, но нашлись еще вопросы, важные для физической географіи и естествознанія, которые требовали новыхъ изслѣдованій на этомъ морѣ. Этимъ изслѣдованіямъ посвятила себя арало-каспійская экспедиція 1874 года, снаряженная обществомъ петербургскихъ естествоиспытателей и состоявшая изъ Аленицына, Богданова, Бутлерова и Гримма. Послѣдній особенно занимался изслѣдованіемъ глубинъ, свойствъ морскаго дна и органической жизни въ морскихъ водахъ. Теперь можно пожелать, чтобы многочисленныя и разнородныя географическія и естественноисторическія данныя о Каспіѣ были соединены въ одну цѣльную и стройную картину, чтобы будущіе изслѣдователи легко могли видѣть, что уже сдѣлано и что остается сдѣлать.

За Каспійскимъ моремъ въ географическомъ порядкѣ мы должны бы были говорить о Туркменіи и Усть-Уртѣ, но скажемъ сначала объ изслѣдованіяхъ, относящихся къ другому степному водоему, Аральскому. Выше уже упомянуто, что въ «Книгѣ Большаго Чертежа» оно упоминается подъ именемъ «Синяго»; тамъ даже опредѣ-

*) Заливъ этотъ впервые сдѣлался извѣстнымъ въ 1870 году, при движеніи нашихъ отрядовъ отъ Красноводска къ Балканскимъ горамъ.

лено довольно вѣрно разстояніе его отъ Каспійскаго. Но первыя географическія данныя о немъ были доставлены не раньше 1740-хъ годовъ, Гладышевымъ и Муравинымъ, которыхъ карта повторялась почти безъ измѣненія до 1820-хъ годовъ и отличается отъ нынѣшнихъ тѣмъ, что на мѣстѣ части песчаной степи «Барсуки» показываетъ морской заливъ. Затѣмъ, въ 1793 году вдоль западнаго берега Аральскаго моря проѣхалъ Бланкенгагель. Въ 1825 году тотъ же западный берегъ былъ посѣщенъ экспедиціею полковника Берга, причемъ спутники его, Анжу, Дюгамель и Загоскинъ, впервые опредѣлили барометромъ разность уровней Арала и Каспія, которая казалась имъ всего въ 117 футовъ. Леммъ сдѣлалъ астрономическія опредѣленія въ двухъ точкахъ, а Эверсманъ описалъ органическую природу прибрежья. Въ 1841 году прошелъ восточнѣе Аральскаго моря въ Хиву Никифоровъ, а вдоль всего западнаго его берега, образованнаго чинкомъ, т. е. крутымъ обрывомъ, Аитовъ. Въ слѣдующемъ году путешествовалъ въ Хиву Данилевскій, которымъ даны, между прочимъ, обстоятельныя свѣдѣнія о заливѣ Айбугирѣ, послѣ 1859 года обсохшемъ; хотя онъ имѣлъ 90 верстъ въ длину и до 30 въ ширину. Спутникъ его, Базинеръ, собралъ много естество-историческихъ свѣдѣній о Хивѣ и берегахъ Аральскаго водоема. Наконецъ, въ 1848—49 годахъ совершено было изслѣдованіе самаго моря Бутаковымъ и Поспѣловымъ, которыхъ сопровождалъ Макшеевъ, составившій описаніе этого водоема. На основаніи собранныхъ ими данныхъ и всѣхъ предыдущихъ изслѣдованій составлена была въ 1850 году карта Аральскаго моря Як. Ханыкова, сопровождаемая хорошею объяснительною запискою. Девять лѣтъ спустя, тотъ же Бутаковъ дополнилъ свои изысканія посѣщеніемъ дельты Аму-дарьи и вообще южныхъ береговъ моря, чѣмъ и завершилъ собственно

гидрографическія изслѣдованія въ этомъ водоемѣ, имѣющемъ наибольшую глубину не свыше 47 сажень. Но органическая природа Арала, геологическое строеніе его береговъ и т. п. особенно изучены позднѣйшими путешественниками: Аленицынымъ, Барботомъ-де-Марни, Богдановымъ, Борщовымъ, Греномъ, Сѣверцевымъ и др. Наконецъ, въ 1874 году нивелировка черезъ Усть-Уртъ, произведенная Солимани и Машковымъ, дала окончательный выводъ для высоты водъ въ Аральскомъ морѣ, которая оказалась въ 243 фута надъ уровнемъ Каспія.

Относительно земель, лежащихъ между Араломъ и Каспіемъ, нынѣ мы знаемъ, что онѣ состоятъ изъ степей, возвышенныхъ на сѣверѣ и очень низкихъ на югѣ, но въ обоихъ случаяхъ безводныхъ и голыхъ или имѣющихъ самую скудную растительность. Поэтому понятно, что путешествія вдоль ихъ всегда были сопряжены съ большими трудностями и лишеніями. Послѣ Дженкинсона и тѣхъ немногихъ лицъ, о которыхъ мы говорили прежде, эти степи впервые были посѣщены въ 1717 году отрядомъ Бековича, пришедшимъ изъ Сарайчикова въ Хивинское ханство и погибшимъ въ предѣлахъ послѣдняго. Вскорѣ затѣмъ посѣтилъ эти мѣстности Беневени, чиновникъ иностранной колегіи, ѣздившій черезъ Персію въ Бухару и Хиву и возвратившійся оттуда въ 1726 году черезъ Мангышлакъ. Въ 1740 году ѣздили въ Хиву изъ Уральска черезъ Усть-Уртъ англійскіе купцы Томсонъ и Гохъ, а въ 1753 году русскій купецъ Рукавкинъ, свѣдѣнія которыхъ, естественно, не отличались особою точностью и удостовѣряли только въ одномъ: въ крайней негостепріимности арало-каспійскаго перешейка. Вотъ почему переѣздъ, дважды совершенный поперекъ этого перешейка въ 1819—20 годахъ Муравьевымъ, доставилъ ему такую громкую извѣстность, тѣмъ болѣе, что онъ впервые пересѣкъ то сухое русло Аму-дарьи, кото-

рое издавна было любопытною географическою загадкою, особенно послѣ того, какъ европейскимъ ученымъ стали извѣстны показанія Абулгази о томъ, что теченіе Амударьи измѣнено не далѣе XV вѣка устройствомъ плотинъ близъ Куня-Ургенча. Въ 1825 году пространство между Каспійскимъ и Аральскимъ морями, какъ уже упомянуто, было изслѣдовано экспедиціею Берга, а затѣмъ, въ 1840-хъ годахъ, значительная часть Усть-Урта, особенно же Мангышлакъ, была снята на планъ и описана Иванинымъ, Алексѣевымъ, Рябининымъ, Фелькнеромъ и др. Сухое русло, ограничивающее Усть-Уртъ съ юговостока, послѣ Муравьева впервые было видѣно Абботомъ, въ 1840 году, и потомъ Вамбери въ 1863 г.; но собственно научныя о немъ свѣдѣнія пріобрѣтены только со времени утвержденія русскихъ въ Красноводскѣ и обширныхъ геодезическихъ и топографическихъ работъ Стебницкаго, Маркозова, Глуховскаго, Лупандина, Петрусевича и другихъ нашихъ современниковъ. Степи южнѣе этого русла были посѣщаемы очень рѣдко по причинѣ ихъ труднодоступности. Собственно географическое изученіе ихъ началось лишь въ нашемъ вѣкѣ, и притомъ сначала англичанами, а потомъ уже русскими. Борисъ посѣтилъ низовья Мурхаба на пути изъ Бухары въ Мешхедъ еще въ 1832 году, а Бларамбергъ и Карелинъ были на низовьяхъ Атрека лишь въ 1863 году. Затѣмъ, въ 1840 году также два англичанина Шекспиръ и Абботъ, пересѣкли всю ужасную пустыню между Мервью и Хивою. Но какъ эти путешествія были совершены собственно внѣ границъ нынѣшней Азіятской Россіи, то мы упоминаемъ о нихъ лишь потому, что продолженіе ихъ на сѣверѣ было уже въ русскихъ предѣлахъ. Были, впрочемъ, путешествія по юго-западной Туркменіи западноевропейцевъ и по теперешнимъ русскимъ землямъ, именно въ 1840 г. Коноли и въ 1863 — Вамбери, изъ кото-

рыхъ послѣднее пользуется особой извѣстностью, хотя, по замѣчанію многихъ опытныхъ знатоковъ дѣла, и не внесло въ науку ничего новаго. Но, впрочемъ, истинно научное ознакомленіе съ этою пустыней есть дѣло русскихъ путешественниковъ, между которыми, послѣ Бларамберга, назовемъ Дандевиля и Галкина въ 1858 г., Столѣтова и Скобелева въ 1871, Стебницкаго и Ломакина вообще въ послѣдніе годы. Стебницкому принадлежитъ наилучшее ея описаніе. Теперь русскія изслѣдованія на Атрекѣ и Гюргени примкнули къ англійскимъ работамъ въ персидской провинціи Хорасанѣ, и остаются только небольшіе пропуски въ странѣ, прилегающей къ Кепетъ-дагу на востокѣ отъ Беурмы. Съ другой стороны, англичане какъ бы стремятся охватить весь закаспійскій край своими собственными развѣдками; такъ, въ 1875 году проникъ въ Хиву черезъ Устъ-Уртъ смѣлый путешественникъ капитанъ Бэрнэби. Между иностранцами, посѣтившими закаспійскій край, упомянемъ еще прусскаго офицера Штума, сопровождавшаго въ 1873 году нашъ отрядъ изъ Мангышлака въ Хиву и издавшаго любопытную книгу.

Переходя къ сѣверу отъ Усть-Урта, Арала и Аму-дарьи, мы вступаемъ въ обширныя степи, занятыя киргизами вплоть до Урала, Иртыша и Или. Не смотря на однообразіе этнографическихъ условій и сравнительную удобопроходимость этихъ степей, въ цѣломъ объемѣ онѣ не были посѣщены ни однимъ ученымъ, даже ни одною экспедиціею, за исключеніемъ административной комисіи 1865—1867 годовъ, которая преслѣдовала не научныя, а практическія цѣли. Мало того; большая часть научныхъ предпріятій, результатомъ которыхъ было изслѣдованіе степей, направлялась не въ самыя степи, а въ средне-азіятскія ханства, находящіяся за ними, почему приходится не отдѣлять экспедицій туранскихъ отъ экспедицій

степныхъ и продолжать нашъ обзоръ уже не по мѣстностямъ, а въ общемъ хронологическомъ порядкѣ. Въ этомъ смыслѣ на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить экспедицію Лихарева, бывшую въ 1716 году. Мы уже говорили, что Петръ I, озабочивась доставленіемъ своему государству постоянныхъ источниковъ золота и прослышавъ о томъ, что этотъ металъ находится на верховьяхъ Аму-дарьи, желалъ достигнуть этой страны. Экспедиція Бековича и преслѣдовала эту цѣль. Совершенно то же должно сказать о предпріятіи Лихарева, который былъ посланъ вверхъ по Иртышу для отысканія Яркенда, гдѣ, по свѣдѣніямъ сибирскаго губернатора Гагарина, также находилось золото. Лихаревъ прошелъ весь Иртышъ, озеро Зайсанъ и часть Чернаго Иртыша; но по случаю непріязненныхъ отношеній къ калмыкамъ долженъ былъ вернуться домой. Успѣха политическаго его экспедиція не имѣла, но въ географическомъ отношеніи она была немаловажна, тѣмъ болѣе, что напримѣръ, на Черный Иртышъ послѣ Лихарева русскіе проникли почти лишь черезъ полтора вѣка. Слѣдующее затѣмъ, въ хронологическомъ порядкѣ, путешествіе было совершено толмачомъ Овсянниковымъ и дворяниномъ Вершининымъ въ кочевья Каракалпаковъ, лежавшія восточнѣе Аральскаго моря: эта поѣздка относится къ 1721 году. Почти одновременно и даже нѣсколько ранѣе начались многолѣтнія путешествія въ средней Азіи переводчика иностранной колегіи Беневени, который въ 1721 году прибылъ въ Бухару чрезъ Персію. Впослѣдстіи, именно въ 1726 г., какъ уже было упомянуто, онъ возвратился въ Россію черезъ Хиву и Астрахань. Журналъ Беневени, къ сожалѣнію, былъ обнародованъ только въ небольшомъ извлеченіи. Послѣ него черезъ пять лѣтъ двинулся въ степь артилеріи полковникъ Гарберъ, назначавшійся посланникомъ въ Бухару и Хиву; но онъ не достигъ и Сыръ-дарьи. За то въ

томъ же 1731 году успѣшно ѣздилъ въ Аральское владѣніе, т. е. въ мѣстности, составляющія часть нынѣшняго Аму-дарьинскаго отдѣла, Тевкелевъ, который такъ много содѣйствовалъ подчиненію Россіи киргизовъ Малой орды. Но это подчиненіе, послѣдовавшее въ 1732 году, не измѣнило въ дѣйствительности нашихъ отношеній къ населенію степей, и потому путешествія по нимъ были, по прежнему, рѣдки. Въ 1741 году проѣхали черезъ оренбургскую степь въ Хиву Гладышевъ и Муравинъ: имъ мы обязаны первыми обстоятельными маршрутными съемками за Ураломъ и даже за Сыръ-дарьею. Затѣмъ, въ 1743 году началъ изъ Оренбурга свои продолжительныя странствованія по среднеазіятскимъ землямъ маіоръ Миллеръ, который доставилъ свѣдѣнія о Коканскомъ ханствѣ, причуйскихъ степяхъ и т. п. Черезъ одиннадцать лѣтъ послѣ него Бухару посѣтилъ Гуляевъ, а къ концу царствованія Елизаветы (1759) начали появляться достопамятные труды Рычкова объ исторіи и топографіи оренбургскаго края, печатавшіеся въ «Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ» Миллера. Рычковъ, по обстоятельности своихъ извѣстій, принадлежитъ къ самымъ дѣльнымъ авторамъ, и потому его труды могутъ считаться классическими, наравнѣ съ работами современныхъ ему академиковъ екатерининскаго вѣка. Можно сказать, что желающіе подробно изучить наши среднеазіятскія владѣнія всего лучше сдѣлаютъ, если начнутъ съ чтенія Рычкова, хотя самъ онъ не путешествовалъ въ глубь степей. Въ царствованіе Екатерины средняя Азія вообще была въ забытьи у насъ, и потому неудивительно, что послѣ Рычкова намъ приходится перейти прямо къ Ефремову, «россійскому унтеръ-офицеру, котораго странствованія и приключенія въ Бухарѣ, Хивѣ, Персіи и Индіи» были изданы въ 1786 г. Въ царствованіе Павла хотя и предпринята была черезъ степи экспедиція въ Индію; но географическія свѣдѣнія

объ этихъ степяхъ не расширились. И только въ 1800 году были отправлены въ Ташкентъ, изъ Семипалатинска, горные чиновники Поспѣловъ и Бурнашевъ, которыхъ отчетъ и досел҄ѣ читается не безъ пользы. Черезъ три года послѣ нихъ снаряжена была въ Бухару большая экспедиція подъ управленіемъ Гавердовскаго, которому принадлежитъ первое систематическое описаніе киргизскихъ степей; но эта экспедиція воротилась съ береговъ Сыръ-дарьи. Послѣ того мы видимъ въ 1810 году любопытное путешествіе съ Иртыша въ Кульджу, мимо Зайсана, Путимцева, котораго отчетъ долго былъ единственнымъ источникомъ свѣдѣній о пограничныхъ мѣстностяхъ Чжунгаріи. Въ 1812 году собралъ любопытныя данныя о Терекъ-дабанѣ, т. е. о проходѣ черезъ Тяньшань между Кашгаромъ и Ушемъ, Миръ Исетъ-Ула, спутникъ извѣстнаго англійскаго путешественника Муркрофта; а въ слѣдующемъ 1813 посѣтилъ Фергану Назаровъ. Въ 1816 году на Терекъ-дабанѣ снова былъ русскій купецъ изъ татаръ, Фейзулинъ. Въ 1818 году доставилъ о Бухарѣ свѣдѣнія купецъ Гогулинъ, а въ 1820 году въ это ханство послана была большая политическая миссія подъ управленіемъ Негри. Въ составъ ея входили офицеры генеральнаго штаба Вальховскій, Мейендорфъ и Тимофѣевъ, докторъ Пандеръ и переводчикъ Яковлевъ; кромѣ того, къ миссіи присоединился еще натуралистъ Эверсманъ, извѣстный впослѣдствіи своею «Естественною исторіею Оренбургскаго края». Труды его, Пандера и Яковлева были очень полезны для географіи Средней Азіи; что же касается до офиціальнаго отчета объ экспедиціи, написаннаго на французскомъ языкѣ Мейендорфомъ, то онъ не вполнѣ удовлетворителенъ. Въ 1824 году въ Бухарѣ былъ вышеупомянутый уже купецъ Фейзулинъ, котораго показаніе, наравнѣ со множествомъ другихъ подобныхъ, записаны были извѣстнымъ въ свое время зна-

токомъ Средней Азіи Генсомъ, и въ томъ же году былъ отправленъ въ Бухару большой вооруженный караванъ подъ управленіемъ Ціолковскаго. Караванъ этотъ однако же не достигъ цѣли, а долженъ былъ возвратиться въ Орскъ въ Сыръ-дарьи, и хотя онъ собралъ много топографическихъ данныхъ, но въ печати о немъ былъ только небольшой отчетъ Кайданова. Въ 1829 году посѣтилъ сѣверные предѣлы киргизскихъ степей Гумбольдтъ, которому мѣстныя власти и нѣкоторыя частныя лица на линіи доставили много любопытныхъ географическихъ свѣдѣній о степяхъ и Туранѣ, бывшихъ дотолѣ неизвѣстными. Эти свѣдѣнія предпочтительно состояли изъ рукописныхъ маршрутовъ, основанныхъ на показаніяхъ разныхъ путешественниковъ, никогда не писавшихъ о своемъ путешествіи; Гумбольдтъ ихъ обнародовалъ въ своей знаменитой «Asie Centrale», гдѣ впервые была установлена правильная орографическая схема Средней Азіи, т. е. исправлено заблужденіе Палласа, который думалъ, что горы азіятскаго материка расходятся по радіусамъ отъ высочайшихъ тибетскихъ вершинъ. Гумбольдту же наука обязана выводомъ изъ забвенія одного изъ отважнѣйшихъ среднеазіятскихъ путешественниковъ, Виткевича, котораго появленіе въ 1832 году, въ Кабулѣ произвело такой переполохъ между англичанами въ Индіи. Виткевичъ былъ въ ссылкѣ въ оренбургскомъ краѣ и, случайно замѣченный Гумбольдтомъ, какъ человѣкъ, не смотря на свою солдатскую шинель, хорошо образованный, былъ имъ рекомендованъ генералу Перовскому, который не затруднился приблизить его къ себѣ и употреблять для трудныхъ порученій въ Средней Азіи. Кромѣ поѣздки въ Афганистанъ, онъ сдѣлалъ еще путешествіе въ Бухару; но возвратясь оттуда и не найдя такого сочувственнаго пріема, на который разсчитывалъ, онъ лишилъ себя жизни, а большую часть своихъ бумагъ уничтожилъ.

Вскорѣ за путешествіемъ Гумбольдта, именно въ 1832 году, послѣдовало обнародованіе прекраснаго труда Левшина о «Киргизъ-кайсацкихъ степяхъ». Этотъ трудъ, въ трехъ томахъ, съ картою, составленною Тимофѣевымъ, и донынѣ имѣетъ большую цѣну, хотя Левшинъ, подобно Рычкову, и не принадлежалъ къ числу большихъ путешественниковъ. Въ 1834 г. ѣздилъ въ Бухару оріенталистъ Демезонъ; но его отчетъ никогда обнародованъ не былъ. Въ 1836 году была обнародована извѣстная карта Средней Азіи Клапрота, гдѣ сведены труды іезуитовъ XVIII столѣтія въ Китаѣ и отчасти русскія картографическія работы; но ни части киргизской степи, вошедшія на карту, ни нынѣшнія наши владѣнія въ Ферганѣ не представлены съ точностію, такъ какъ ни русскихъ, ни китайскихъ удовлетворительныхъ съемокъ для этихъ мѣстностей еще не было.

Упомянувъ выше о Муркрофтѣ и Борнсѣ, а еще прежде того о Шекспирѣ, Абботѣ и Коноллп, мы назвали цѣлую серію англійскихъ путешественниковъ въ Среднюю Азію, проникавшихъ туда съ юга, изъ за Гиндукуша или Альбурса. Въ 1834 году къ такимъ путешественникамъ присоединился Хонибергеръ, — впрочемъ, не англичанинъ, а венгерецъ, прошедшій черезъ Афганистанъ и Бухару въ оренбургскія степи; а въ 1837 году, черезъ 570 лѣтъ послѣ Марко-Поло и черезъ 230 послѣ Бенедикта Гоэса, посѣщены были европейцемъ верховья Аму-дарьи. Европеецъ этотъ былъ англійскій офицеръ Вудъ, котораго изслѣдованія, впрочемъ, производились внѣ теперешнихъ русскихъ владѣній. Какъ его экспедиція, такъ и особенно поѣздки Аббота, Шекспира и Коноллп, были результатомъ подозрительности англичанъ къ распространенію русской власти въ центральной Азіи. Это распространеніе, естественное и неизбѣжное, однако, не могло быть остановлено политическимъ воз-

бужденіемъ средне-азіятскихъ хановъ англійскими агентами, и уже въ 1839 году мы видимъ первую попытку съ нашей стороны совершить завоеваніе Хивы. Предпринятая съ этою цѣлью экспедиція генерала Перовскаго, какъ извѣстно, не имѣла успѣха и даже для науки почти пропала, потому что изъ сопровождавшихъ генерала ученыхъ только одинъ, астрономъ Васильевъ, сдѣлалъ нѣсколько опредѣленій; прочимъ же нечего было дѣлать зимою. За то поѣздка въ другое среднеазіятское ханство, Бухару, совершенная въ то же время Ковалевскимъ и Гернгросомъ, доставила нѣсколько новыхъ свѣдѣній объ этой странѣ. Особенную же важность для науки пріобрѣла учено-дипломатическая мисія въ то же ханство, отправленная въ слѣдующемъ 1841 году и состоявшая изъ Бутенева, Антова, Богословскаго, Лемана и Н. Ханыкова, изъ которыхъ послѣднему принадлежитъ извѣстное «Описаніе Бухарскаго ханства», а Леману — естество-историческое изслѣдованіе страны. Экспедицію эту сопровождали, по сѣвернымъ частямъ степей, Бларамбергъ и Романовъ, которые значительно расширили топографическія свѣдѣнія о земляхъ Малой орды. Въ это же время геологія сѣверной части Оренбургской степи сдѣлалась предметомъ изученія Гельмерсена. Въ Сибирскихъ степяхъ 1840-ые года доставили много съемокъ, изъ которыхъ потомъ сложилась спеціальная десяти-верстная карта этихъ степей, къ сожалѣнію, не имѣющая математическихъ опоръ *) и потому, безъ сомнѣнія, подлежащая передѣлкѣ. Оренбургское начальство въ подобномъ же случаѣ было предусмотрительнѣе, и для тамошнихъ степей была въ 1845 году опредѣлена серія астрономическихъ пунктовъ Лемомъ. Къ 1845 г. относятся еще топогра-

*) За Иртышемъ были извѣстны только Аягузъ, устье Лепсы и др. (опр. Федорова 1847) и Улу-тау (Лемма 1845).

фическія работы на Сары-су, на Чу и въ Голодной степи Шульца, а въ слѣдующемъ году, по выбору того же офицера, была назначена мѣстность подъ Раимское укрѣпленіе на низовьяхъ Сыръ-дарьи, гдѣ Шульцъ призналъ камыши за траву, годную для кошенія и обращенія въ сѣно. Одновременно съ тѣмъ русская власть утвердилась на югѣ отъ Балкаша, гдѣ былъ основанъ Капалъ и положено начало многочисленнымъ и отличнымъ топографическимъ работамъ Нифантьева, скромнаго труженика, котораго результатами воспользовались потомъ Бабковъ для составленія описанія Балкаша, а Я. Ханыковъ для начертанія распросной карты Иссыкъ-куля и путей, ведущихъ въ Кашгаръ, которая просто составляетъ копію съ распроснаго нифантьевскаго чертежа и долго повторялась потомъ на извѣстной картѣ Турана, Кипперта.... Явленія эти, къ сожалѣнію, нерѣдки, и мы упомянемъ здѣсь еще, что приложенная къ «Описанію Бухарскаго ханства» Н. Ханыкова карта составлена Яковлевымъ, а сопровождающая статьи Семенова о Тянь-шанѣ, Иссыкъ-кулѣ и Алатау — основана на съемкахъ Вязовскаго и Вараксина, о чемъ въ заглавіяхъ этихъ картъ вовсе не упомянуто.

Вторая половина XIX столѣтія началась въ Оренбургской степи работами Бларамберга, которыя предшествовали взятію Акмечети въ 1853 г.; на крайнемъ же востокѣ Сибирскихъ степей слѣдуетъ замѣтить поѣздку въ Кульджу Ковалевскаго и Влангали, изъ которыхъ послѣднему принадлежитъ любопытный геогностическій отчетъ о видѣнныхъ (въ 1851 г.) мѣстностяхъ. Основаніе Сыръ-дарьинской линіи дало возможность двумъ натуралистамъ, Борщову и Сѣверцову, заняться изученіемъ растительной и животной природы низовьевъ Яксарта, причемъ послѣдній изъ этихъ путешественниковъ за свое усердіе къ собиранію предметовъ естественной исторіи

поплатился плѣномъ у кокандцевъ и нѣсколькими ранами. Въ то же время была изслѣдована рѣка Сыръ-дарья, отъ Акмечети до моря, Ивашинцовымъ, а вообще низовья ея описаны Макшеевымъ. Къ 1856—1857 годахъ относится путешествіе въ Семирѣчье и въ Тянь-шань Семенова, котораго отчеты хотя и содержатъ иногда недосмотры, въ родѣ, напримѣръ, неточнаго описанія Кутемалдовъ, но были любопытны какъ свидѣтельство перваго европейскаго путешественника, видѣвшаго Тянь-шань послѣ іезуитовъ XVIII вѣка, и немаловажны для самого автора, который получилъ вслѣдъ затѣмъ отъ географическаго общества порученіе издать переводъ Риттерова «Тянь-шаня». Вскорѣ послѣ того начались поѣздки Валиханова, приведшія его не только въ Небесныя горы, но и въ Кашгаръ, гдѣ онъ былъ одновременно съ казненнымъ тамъ Шлагинтвейтомъ. Отчеты этого наблюдательнаго и образованнаго киргиза, къ сожалѣнію, обнародованы лишь отчасти. Одновременно съ экспедиціею Валиханова, считавшеюся секретомъ, состоялась большая гласная учено-дипломатическая мисія въ Хиву и Бухару Игнатьева, во время которой (1858 г.) было собрано много любопытныхъ данныхъ объ этихъ ханствахъ и объ Аму-дарьѣ, которая до того времени отъ Питняка до Чарджуя не была снята на карту. Въ составѣ мисіи Игнатьева находились: Залѣсовъ, Кильвейнъ, Лерхъ, Можайскій, Назаровъ, Салацкій, Струве, которые всѣ сдѣлали посильные вклады въ науку. Въ то же время на подкрѣпленіе явился съ сѣвера Бутаковъ съ пароходомъ и не только окончилъ изслѣдованіе южной части Аральскаго озера, но и входилъ въ Аму-дарью по двумъ ея устьямъ, до Кунграда и до Даукары. Къ 1859 году относятся астрономическія работы Голубева въ Семирѣчьѣ, Кульджѣ и Чугучакѣ, которыя хотя и потребовали потомъ исправленія, но были очень полезны для проложенія на карту многочисленныхъ

съемокъ того времени, между которыми нельзя не упомянуть работъ Нифантьева въ Копальскомъ округѣ и Вараксина въ приилійскихъ пустыняхъ. Въ 1859 и 1860 годахъ произведены были изслѣдованія Венюкова на Чу, Иссыкъ-кулѣ и въ Небесныхъ горахъ, сопровождавшіяся составленіемъ картъ и описаній этихъ мѣстностей.

1860-ые годы вообще ознаменованы поступательнымъ движеніемъ Россіи въ предѣлы средне-азіятскихъ ханствъ; вслѣдствіе этого были быстро изслѣдованы зачуйскія земли, горы Каратау и, затѣмъ, значительная часть басейна Сыръ-дарьи къ сѣверу и къ западу отъ Ферганы. Въ этихъ изслѣдованіяхъ особое участіе приняли: Бутаковъ, Макшеевъ, Мейеръ, Сѣверцевъ, Татариновъ, Фовицкій, Фрезе и др., изъ которыхъ Мейеру, сверхъ многочисленныхъ частныхъ изслѣдованій на сѣверѣ и на югѣ отъ Сыръ-дарьи, принадлежитъ еще хорошее описаніе всей оренбургской степи. Бутаковъ обслѣдовалъ теченіе Сыра до Чиназа и даже выше; Татариновъ и Фрезе дѣлали геогностическія наблюденія и развѣдки, а Сѣверцевъ, сверхъ того, продолжалъ свои естество-историческія работы, такъ что по справедливости онъ могъ уже въ то время считаться самымъ опытнымъ изъ средне-азіятскихъ путешественниковъ, хотя изданные доселѣ труды его, очевидно, не исчерпываютъ того запаса наблюденій, какой, естественно, долженъ былъ накопиться въ 24 года. Макшееву принадлежитъ первый статистическій очеркъ вновь образованнаго въ 1867 году туркестанскаго генералъ-губернаторства, составленный имъ по объѣздѣ края. Съ положеніемъ этого края въ то время знакомятъ также сочиненія Романовскаго и Пашино. Верховья Сыръ-дарьи и приисыкульскій Тянь-шань были въ 1860-хъ годахъ предметомъ изслѣдованій Проценко (1863 г.), Полторацкаго и Остенъ-Сакена (1867 г.), Сѣверцева и Краевскаго; изъ нихъ Сакенъ доставилъ любопытный ботанико-

географическій очеркъ мѣстности на югѣ отъ Иссыкъ-куля до Теректовъ. Если мы по картѣ подвинемся еще болѣе къ востоку, то встрѣтимъ на Тарбагатаѣ, около Зайсана и въ южныхъ отрогахъ Алтая, сначала Струве и Потанина, а потомъ Бабкова. Статистика Семипалатинской и Семирѣченской областей была въ 1860 годахъ предметомъ дѣятельнаго изученія со стороны Абрамова; а Радловъ собралъ много любопытныхъ этнографическихъ данныхъ относительно приалтайскихъ и притяньшаньскихъ мѣстностей. Сибирская степь получила въ 1868 году очень хорошее описаніе, составленное Красовскимъ.

Назначенный въ 1867 году генералъ-губернаторомъ въ Туркестанъ, генералъ Кауфманъ въ самомъ началѣ своего управленія заявилъ печатно, что ввѣренная ему администрація не находитъ возможнымъ разумно вести дѣла края безъ подробнаго его изученія. Это благородное признаніе могущества науки не осталось безъ важныхъ практическихъ послѣдствій. Научная дѣятельность въ Туркестанскомъ краѣ скоро разрослась до обширныхъ размѣровъ, и если мы не сравниваемъ ее съ тою, которая сопровождала открытіе Амура, то отнюдь не по обширности достигнутыхъ ею результатовъ, а лишь потому, что Туркестанъ былъ доступенъ намъ и прежде, тогда какъ Амуръ былъ закрытъ до 1854 года. Важнѣйшимъ изъ новыхъ путешествій по Туркестанскому краю должно признать совершенное въ 1868—1870 года Федченко, котораго труды продолжаютъ обнародоваться и доселѣ, хотя самого ученаго не стало уже въ 1874 году. Какъ многосторонній зоологъ и внимательный географъ, Федченко осмотрѣлъ особенно нагорныя мѣстности, гдѣ природа разнообразнѣе и богаче произведеніями; но онъ не пренебрегъ и Голодными степями на югѣ отъ Сыръ-дарьи. Географическія его открытія состоятъ въ изслѣ-

дованіи лѣвыхъ притоковъ Сыра до самыхъ ихъ вершинъ въ Южно-Коканскихъ горяхъ, и въ посѣщеніи Алая, высокой равнины за этими горами, орошаемой Сурхабомъ, т. е. однимъ изъ истоковъ Окса. За нимъ мы можемъ назвать небольшую серію добросовѣстныхъ наблюдателей, сопровождавшихъ въ 1870 году генерала Абрамова въ его походѣ на верховья Заравшана, именно Аминова, Гребенкина, Куна, Мышенкова, Соболева и Хорошхина, которые всѣ сдѣлали немало полезныхъ вкладовъ въ географическую науку и продолжали ихъ дѣлать на разныхъ поприщахъ. Одновременно съ ними трудились въ верховьяхъ Сыръ-дарьи Буняковскій, Петровъ, Сѣверцевъ и особенно Каульбарсъ, изучившій заиссыкульскій Тянь-Шань лучше, чѣмъ кто нибудь, и бывшій еще въ Кашгарѣ (1872), куда его сопровождалъ Шарнгорстъ, дѣлавшій астрономическія наблюденія какъ въ эту поѣздку, такъ и при многихъ другихъ разъѣздахъ по Средней Азіи, гдѣ онъ также изучалъ земной магнетизмъ. Каульбарсу же принадлежитъ описаніе Кульджинскаго края, куда кромѣ его проникали нѣкоторые второстепенные изслѣдователи: Шепелевъ, Фишеръ и другіе. Обширное военное предпріятіе 1873 года, хивинская экспедиція сопровождалась многими важными результатами для географіи, особенно съемками въ дельтѣ Аму-дарьи и изученіемъ ея хозяйственной производительности и населенія, причемъ можно поименовать въ числѣ дѣятелей: Богданова, Глуховскаго, Костенко, Краузе, Куна, Солимани и Сыроватскаго. Любопытная книга о той же экспедиціи принадлежитъ американцу Макъ-Гахану. Эти работы продолжались въ 1874 году цѣлою серіею ученыхъ, образовавшихъ двѣ экспедиціи, изъ которыхъ одна была снаряжена географическимъ обществомъ, а другая обществомъ естествоиспытателей въ Петербургѣ. Въ первой, подъ управленіемъ Столѣтова, трудились переводчикъ

Александровъ, метеорологъ Дорандтъ, гидрографъ Зубовъ, ботаникъ Смирновъ, статистикъ Соболевъ и зоологъ Сѣверцевъ; ко второй принадлежали зоологи Аленицынъ и Богдановъ и геологъ Барботъ-де-Марни. Въ совокупности обѣ эти ученыя партіи охватили обширное пространство отъ Мангышлака до Самарканда, но преимущественно они сосредоточили свою дѣятельность въ пространствѣ между низовьями Яксарта и Окса. Нивелировка мѣстностей, опредѣленіе количества воды въ Оксѣ, геологическое строеніе приаральскихъ равнинъ, изученіе климата, растительной и животной природы, состава населенія и пр.—таковы были результаты, добытые въ 1874 году и отчасти обнародованные, отчасти еще нѣтъ. Къ нимъ должно причислить еще любопытный отчетъ о томъ же предпріятіи, обнародованный на англійскомъ языкѣ маіоромъ Вудомъ. Къ 1875 году относится любопытная экспедиція Маева, Вишневскаго и Шварца въ Гисарскій край, т. е. въ восточную часть Бухарскаго ханства, которая дотолѣ не была посѣщаема европейцами: здѣсь русскія изслѣдованія въ басейнѣ Окса встрѣтились съ англійскими. Въ 1876 году русскіе съемщики избороздили въ разныхъ направленіяхъ вновь занятую Фергану, причемъ астрономическія наблюденія Бонсдорфа дали прочное основаніе къ составленію хорошей карты этой страны, гдѣ, впрочемъ, имѣлось уже нѣсколько опредѣленій Струве. Наконецъ въ половинѣ того же года русскіе изслѣдователи: Лебедевъ, Костенко и Бонсдорфъ, проникли на Памиръ къ озеру Каракулю и, слѣдовательно, рѣшили одну изъ любопытнѣйшихъ географическихъ задачъ, которая была еще незадолго предъ тѣмъ цѣлью изысканій Гордона, Троттера, мирзы Суджи, сапера Гайдеръ-хана и другихъ англійскихъ агентовъ. Теперь если еще остаются на Памирѣ неосмотрѣнныя мѣстности, то на очень ограниченномъ пространствѣ.

Этимъ упоминаемъ о Памирѣ, который былъ предметомъ долгихъ споровъ между географами и цѣлью горячихъ стремленій величайшаго изъ путешественниковъ, Гумбольдта, мы могли бы заключить нашъ перечень географическихъ предпріятій, совершенныхъ въ предѣлахъ русскихъ среднеазіятскихъ владѣній и вообще въ Азіятской Россіи. Но намъ необходимо еще на короткое время вернуться назадъ, такъ сказать въ тылъ Туркестана, который сталъ въ послѣднее время предметомъ особыхъ усилій ученаго міра. Въ киргизскихъ степяхъ въ недавніе годы произведены также немаловажныя географическія работы. Изъ нихъ упомянемъ здѣсь о геогностическихъ развѣдкахъ Габріеля въ Семипалатинской области, объ астрономическихъ и магнитныхъ наблюденіяхъ Тилло въ Оренбургской степи и объ астрономическихъ же опредѣленіяхъ Мирошниченко въ пространствѣ между Алтаемъ и Балхашемъ. Работы Тилло, въ связи съ таковыми же Шарнгорста, Пущина и Смирнова, даютъ возможность построить хорошую магнитную карту нашего времени для обширнаго пространства отъ береговъ Днѣпра до Иртыша и Или, и отъ Ашуръ-аде до Чердыни, т. е. для цѣлой половины Русской имперіи. На ряду съ этими физико-географическими трудами мы должны, въ заключеніе нашего очерка, упомянуть и нѣкоторые, относящіеся къ географіи исторической и политической. На первомъ поприщѣ особенно замѣтимъ работы Григорьева и Лерха, ко второму, у насъ еще мало развитому, мы отнесемъ сочиненія Костенко, Венюкова, Терентьева и Скайлера, послѣдовательно изданныя въ 1871, 73, 75 и 76 годахъ. Мы не приводимъ здѣсь общихъ выводовъ о числѣ ученыхъ, трудившихся надъ изученіемъ среднеазіятскихъ владѣній Россіи, потому что самыя эти владѣнія намъ не кажутся чѣмъ-либо окончательно замкнутыми, какъ Сибирь. Но укажемъ, подобно какъ въ

главѣ III, на тѣ части степей и Туркестана, которыя заслуживаютъ вниманіе будущихъ дѣятелей. Здѣсь, прежде всего, разумѣется, должно указать на Памиръ, гдѣ наши работы неповсемѣстно еще прикоснулись къ англійскимъ и гдѣ, слѣдовательно, остается terra incognita; а затѣмъ очень любопытны будутъ изслѣдованія надъ сухими руслами въ пространствѣ между Сыръ и Аму-дарьями и на лѣвой сторонѣ послѣдней рѣки. Вѣроятно, недалеко и то время, когда русскіе ученые будутъ изслѣдовать, какъ свои земли, подножія Кепетъ-дага, низовья Мурхаба, Шигнанъ и т. п.; но это дѣло не прошлаго времени, о которомъ мы говорили здѣсь, а грядущаго.

ПОСТУПАТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНІЕ

РОССІИ

ВЪ СѢВЕРНОЙ И ВОСТОЧНОЙ АЗІИ.

За долго не только до основанія Русскаго государства, въ 862 году по Р. Х., но и до той, болѣе далекой отъ насъ поры, когда персидскій царь Дарій дѣлалъ походъ за Дунай, причемъ исторія впервые узнала полудикихъ тогда обитателей нынѣшней Русской земли, Сарматовъ и Скиѳовъ, на востокѣ Азіи существовали уже благоустроенныя, тѣ самыя монархіи, къ которымъ нынѣ прилежитъ Россія своими восточными областями. Японія, по ея офиціальнымъ лѣтописямъ, обратилась въ государство подъ управленіемъ перваго микадо, Зинъ-му, въ 660 году до Р. Х., а Китай по крайней мѣрѣ шестнадцатью вѣками раньше того. И оба эти государства не оставались замкнутыми въ своихъ естественныхъ границахъ, а неоднократно расширяли свое вліяніе далеко на сѣверъ и западъ, къ сторонѣ нынѣшнихъ русскихъ предѣловъ. Китай даже велъ многовѣковыя войны со

своими сѣверными сосѣдями, и его арміи не разъ проникали на западъ до Кашгаріи, и на сѣверъ до Алтая и бассейна Амура, а Японія не только овладѣла Мацмаемъ, но была нѣкоторое время повелительницей Кореи и отчасти Сахалина. Если за всѣмъ тѣмъ цивилизующее вліяніе двухъ этихъ державъ на первобытные народы сѣверной и восточной Азіи отозвалось на ихъ судьбѣ не сильнѣе, чѣмъ едва трехвѣковое вліяніе Россіи, то въ этомъ самые враги послѣдней не могутъ не признать доказательства ея внутренней мощи.

Было бы смѣло надѣяться въ небольшой статьѣ изобразить съ соотвѣтственнымъ предмету достоинствомъ и съ достаточною подробностью это поступательное движеніе Россіи къ сторонѣ Монгольскихъ пустынь и Тихаго Океана, которое такъ знаменательно для всего азіятскаго міра. Но нѣкоторыя, особенно выдающіяся черты этого движенія настолько рельефны и такъ много значутъ для настоящаго и будущаго этихъ далекихъ странъ что знакомство съ ними даже въ краткомъ очеркѣ не можетъ быть безполезнымъ. Мы постараемся здѣсь представить читателямъ главные факты изъ исторіи завоеваній и колонизаціи Русскихъ въ сѣверной и восточной Азіи, изложить наиболѣе важные изъ результатовъ достигнутыхъ въ сферахъ этнографической, интеллектуальной, экономической и политической, и указать на тѣ задачи, которыя стоятъ на очереди и отъ способа рѣшенія которыхъ будетъ много зависѣть дальнѣйшее развитіе и упроченіе русскаго благосостоянія и вліянія въ Азіи.

Скоро (въ 1879 году) исполнится ровно три вѣка съ той поры какъ приглашенный именитыми людьми Строгановыми атаманъ приволжской казачьей вольницы, Ермакъ, перешелъ Уралъ и началъ завоеваніе Сибири. Если мы перенесемся мыслію въ ту эпоху, то увидимъ что завое-

ваніе это шло очень быстро, несмотря на малодоступность и суровость страны, и что, хотя въ Россіи конецъ XVI и начало XVII столѣтій были порою смутъ, ко времени заключенія Столбовскаго и Деулинскаго договоровъ, вольница стояла уже на берегахъ Енисея. Когда же Москва хоронила, въ 1645 году, перваго царя изъ дома Романовыхъ, тогда казаки появились на устьяхъ Индигирки, у Охотскаго моря, а вслѣдъ затѣмъ и на самомъ Амурѣ. Семнадцатое столѣтіе еще не кончилось, какъ Дежневымъ былъ обогнутъ Чукотскій Носъ, а Атласовымъ завоевана Камчатка, то-есть были достигнуты крайніе предѣлы нашихъ теперешнихъ владѣній на сѣверо-востокѣ Азіи. И нельзя сказать что казаки шли такъ быстро впередъ потому, что не встрѣчали сопротивленія; напротивъ, начиная отъ приуральскихъ Вогуловъ и прииртышскихъ Татаръ и кончая Чукчами, Камчадалами и Гиляками, они должны были послѣдовательно побѣдить въ открытой борьбѣ цѣлый рядъ народовъ, которые далеко превосходили числомъ отважныя ихъ дружины. Дикокаменные Киргизы на Енисеѣ, Буряты въ Прибайкальской странѣ, Якуты на Ленѣ, оказывались нерѣдко такими противниками, что отъ нихъ приходилось даже отсиживаться въ крѣпостцахъ, или по тогдашнему въ острогахъ. Москва была при этомъ далека, помощи откуда-нибудь ждать было трудно; не разъ приходилось испытывать голодъ, недостатокъ военныхъ припасовъ, перевозочныхъ средствъ, не говоря уже про суровою стужу, мученія отъ насѣкомыхъ, и про опасность отъ хищныхъ звѣрей, и несмотря на все это, казаки шли неустанно впередъ.

Въ чемъ состояла тайна этихъ успѣховъ? Прежде всего, конечно, въ беззавѣтной удали самихъ завоевателей-казаковъ, а потомъ въ покровительственномъ, но не стѣснительномъ отношеніи къ нимъ московскаго прави-

тельства и поставляемыхъ имъ по сибирскимъ городамъ воеводъ. Вспомнимъ какъ вообще производилось разслѣдованіе и покореніе новыхъ земель. Какой-нибудь казакъ или даже просто купецъ, ходившій при казачьихъ отрядахъ съ торговыми цѣлями, прослышавъ отъ туземцевъ о новой странѣ, по разсказамъ богатой пушниною или серебромъ, уговаривалъ нѣсколькихъ соратниковъ идти съ нимъ на завоеваніе ея. Снаряжали лодки чтобы слѣдовать водой, если путь предстоялъ по рѣкѣ, или лошадей и оленей, если нужно было двигаться по сухому пути. На дальнемъ сѣверѣ, гдѣ снѣгъ лежитъ бо́льшую часть года и содержаніе вьючнаго скота затруднительно, не пренебрегали и лыжами, на которыхъ смѣлые стрѣлки пробѣгали сотни верстъ въ нѣсколько дней. Запасались продовольствіемъ, оружіемъ, порохомъ и свинцомъ, и выступали въ путь, сказавшись, для вѣдѣнія, воеводѣ, а то и просто безъ спроса. Зачинщикъ предпріятія обыкновенно становился атаманомъ, то-есть начальникомъ, и завоеватели небольшою, но не совсѣмъ недисциплинованною, кучкой отправлялись въ невѣдомую страну. Ни лѣса, ни горы, ни рѣчныя стремнины не останавливали ихъ. Шли неустанно, охотясь и облагая ясакомъ встрѣчныя мелкія общины и одинакія семьи туземцевъ, а тамъ гдѣ оказывалось сопротивленіе, употребляя силу. При партіи обыкновенно слѣдовали одинъ или нѣсколько торговцевъ, для скупки мѣховъ и продажи русскихъ товаровъ, да писарь для изготовленія отписныхъ грамотъ въ Москву, при составленіи которыхъ рѣдко прибѣгали къ правилу новѣйшихъ реляцій: «дѣлай хорошо, а пиши еще лучше». Если отрядъ былъ значителенъ и имѣлъ цѣлью водвореніе въ новой странѣ, то брали съ собой священника, потому что «нельзя же было христіанскимъ душамъ умирать безъ причастія среди басурмановъ», но отнюдь не для того чтобы съ его благословенія разстрѣливать людей, не вѣро-

вавшихъ во Христа, какъ то дѣлалось въ Новомъ Свѣтѣ Испанцами. Когда къ концу лѣта отрядъ достигалъ какого-нибудь достаточно привольнаго мѣста, обыкновенно широкой долины, то останавливался тутъ, и казаки начинали строить зимовья, либо острогъ, а то и цѣлый городокъ, съ часовней и амбаромъ для склада ясачной казны. Съ теченіемъ времени эти городки обростали, при благопріятныхъ условіяхъ, слободами, и появлялись города, въ родѣ Томска, Енисейска, Иркутска, Якутска и пр.

Мы неблагодарны къ памяти большей части отважныхъ завоевателей сѣверной и восточной Азіи, и не только подвиги ихъ, но самыя имена мало извѣстны большинству образованныхъ русскихъ людей, которые однако же знаютъ похожденія испанскихъ и португальскихъ конквистадоровъ, въ родѣ Охеды, Бальбоа, Кабральи, Пизарро и пр. За исключеніемъ Ермака и отчасти Хабарова, люди эти забыты, а между тѣмъ среди ихъ были такія способныя и энергическія личности какъ Атласовъ, Бекетовъ, Буза, Дежневъ, Копыловъ, Корытовъ, Перфирьевъ, Поярковъ, Стадухинъ и многіе др. Современное имъ московское правительство относилось къ нимъ благосклоннѣе чѣмъ потомство, и самъ Грозный Іоаннъ IV не затруднился послать шубу съ своего плеча бывшему разбойничьему атаману, Ермаку Тимоѳеву, когда тотъ, черезъ своихъ посланцевъ, «билъ ему челомъ» новымъ Сибирскимъ царствомъ. Вообще тогдашніе московскіе государственные люди, если не блистали научнымъ образованіемъ, то хорошо понимали величіе и трудности того предпріятія, которое началъ Ермакъ, и поддерживали поступательное движеніе русскаго народа къ востоку, по мѣрѣ возможности. Переселеніе въ Сибирь, распашка тамъ земель, торговля съ инородцами (кромѣ продажи имъ пороха и оружія) были совершенно свободны. Для правильной связи далекихъ зауральскихъ владѣній со средоточіемъ

государства были установлены почты. Лицамъ, служившимъ за Ураломъ, оказывались особыя милости, и даже созданъ былъ особый разрядъ сибирскихъ дворянъ, въ который доступъ былъ открытъ каждому человѣку способному и отличившемуся въ Сибири. Но самая главная заслуга московскаго правительства состояла въ томъ, что оно нисколько не стѣсняло предпріимчивости завоевателей, хорошо понимая, что всякая опека издали не только безполезна, но и положительно вредна, такъ какъ производитъ только помѣху въ дѣлѣ и отнимаетъ энергію у людей трудящихся. Военно-подъяческій элементъ, съ его притязаніями все регулировать, былъ чуждъ первому вѣку завоеванія Сибири и даже еще при Петрѣ Великомъ между сибиряками цѣнился не высоко. Такъ, когда якутскіе промышленники и казаки думали, въ 1710 году, отправиться на острова Сѣвернато Океана, а якутскій воевода Трауернихтъ удерживалъ ихъ, говоря что безъ указа не можетъ имъ разрѣшить экспедицію, то генералъ-губернаторъ Гагаринъ писалъ ему, чтобъ онъ подобныхъ предпріятій отнюдь не стѣснялъ.

Съ эпохи Петра начинается стремленіе къ централизаціи, къ направленію сибирскихъ дѣлъ изъ Москвы и потомъ изъ Петербурга. Съ того же времени открывается и рядъ неудачъ, постигшихъ дѣло завоеванія и колонизаціи Сибири. Еще въ 1689 году, по Нерчинскому договору, былъ потерянъ Амуръ, самое лучшее изъ русскихъ владѣній въ Азіи. Впрочемъ, эта потеря произошла столько же по причинѣ отдаленности этой окраины, какъ и отъ малаго вниманія правительственныхъ агентовъ къ дѣлу ея охраненія и къ поддержкѣ на Амурѣ русскаго элемента. Притомъ въ это время въ Амурскомъ бассейнѣ появилась другая многочисленная народность, китайская, которая и пересилила нашу на долгое время. Непосредственныя же правительственныя неудачи состоя-

ли, напримѣръ, въ безплодной экспедиціи Лихарева въ Чжунгарію, на Черный Иртышъ, и въ цѣломъ рядѣ дипломатическихъ пораженій со стороны китайскаго двора, о которыхъ будетъ упомянуто ниже. Но самое сильное зло заключалось въ обращеніи Сибири въ страну ссылки преступниковъ, бродягъ и разныхъ непріятныхъ правительству лицъ *). Вмѣстѣ со слухами о безнаказанныхъ тиранствѣ и взяточничествѣ сибирскихъ чиновниковъ, эта ссылочная система сдѣлала изъ Сибири, въ воображеніи русскаго народа, страну ужасовъ, куда уже никто не хотѣлъ идти добровольно. И тщетно самъ Петръ казнилъ высшаго представителя сибирской бюрократіи, Гагарина, за его лихоимство и другія злоупотребленія власти: зло, которое олицетворялъ Гагаринъ, сдѣлалось общимъ въ Азіятской Россіи и пустило тамъ глубокіе корни, а наблюдающая и карающая верховная власть была далеко. Сибирь, съ начала XVIII столѣтія, стала управляться исключительно наѣзжими чиновнками, людьми незнакомыми съ ея мѣстными нуждами, плохо образованными, грубыми и имѣвшими одинъ интересъ: поскорѣе нажиться взятками и вернуться благополучно домой. Якоби, Пестель, Трескинъ, Лоскутовъ и др., остались навсегда типическими представителями системы водворившейся въ Сибири и достигшей своего высшаго развитія одновременно съ наибольшимъ процвѣтаніемъ военно-подьяческаго элемента въ самой Россіи, т.-е. во времена Аракчеева. И хотя послѣ кратковременнаго генералъ-губернаторства Сперанскаго (1821 — 22) произошла нѣкоторая перемѣна къ лучшему въ общихъ судьбахъ нашихъ зауральскихъ владѣній, но смягчились болѣе формы, чѣмъ самая сущность, такъ какъ чиновники и послѣ Сперанскаго

---

*) Напримѣръ, раскольниковъ, падшихъ придворныхъ, людей слишкомъ свободно мыслившихъ и т. п.

обирали народъ, подвергали пыткамъ невинныхъ людей и нисколько не уважали личности и собственности нечиновныхъ жителей, приказывая напримѣръ крестьянамъ продавать свой хлѣбъ на базарахъ по таксѣ, или отпиливая углы у домовъ, стоявшихъ не вдоль городскихъ улицъ. Этотъ-то страшный административный произволъ уничтожилъ всякую привлекательность Сибири для новыхъ переселенцевъ и въ то же время лишилъ ее возможности получить собственную интеллигенцію, т. е. сословіе людей образованныхъ, независимыхъ по своему положенію, живущихъ въ краѣ и потому способныхъ понимать его истинныя нужды и заявлять о нихъ. Съ отсутствіемъ же зажиточнаго, образованнаго класса населенія стала невозможна и промышленность, кромѣ самыхъ первобытныхъ ремеслъ и земледѣлія въ крайне-отсталомъ видѣ. Огромный приливъ ссыльныхъ изъ-за Урала, развившійся особенно съ двадцатыхъ годовъ, окончательно деморализовалъ значительную часть сибирскаго населенія, и лучшими представителями русской гражданственности тамъ нужно теперь считать тѣхъ людей, которые всегда держались въ сторонѣ отъ офиціальнаго міра и отъ большихъ дорогъ, именно «семейскихъ» въ Забайкальѣ и бывшихъ «каменьщиковъ» на Алтаѣ *). Только ближайшая къ Уралу часть Азіятской Россіи развилась нѣсколько нормальнѣе, ближе къ обще-русскому провинціальному типу, но и то лишь въ смыслѣ сосѣдней «дореформенной» Пермской губерніи.

Этотъ общій взглядъ на характеръ поступательнаго движенія Россіи въ сѣверной Азіи можетъ показаться излишне мрачнымъ и притомъ не довольно убѣдительнымъ по малочисленности приведенныхъ въ подкрѣпленіе

---

*) Семейскіе суть старовѣры, переселенные въ Сибирь цѣлыми семьями; каменьщики тоже старовѣры, поселившіеся секретно отъ властей въ «камнѣ», т.-е. въ горахъ.

его фактовъ. Для избѣжанія такого упрека остановимся съ нѣкоторою подробностію надъ главнѣйшими событіями, бывшими при заселеніи сѣверной Азіи Русскими. Первоначально, какъ мы уже сказали, они водворялись въ острогахъ и городкахъ, какъ мѣстахъ средоточія власти надъ сосѣдними племенами и торговли съ ними. Иногда, въ первое время, отношенія колонистовъ къ этимъ туземцамъ бывали враждебны, но не надолго; вообще же скоро слѣдовало сближеніе и притомъ столь тѣсное, что туземцы сами искали слитія съ завоевателями и признанія себя за Русскихъ. Историкъ Сибири, Миллеръ, не безъ удивленія разказываетъ какъ прииртышскіе Татары чрезъ какихъ-нибудь десять лѣтъ по приходѣ за Уралъ Ермака сражались въ рядахъ Русскихъ противу своихъ соплеменниковъ, еще независимыхъ. Стать казаками сдѣлалось мало-по-малу идеаломъ многихъ сибирскихъ инородцевъ, и это желаніе сохранялось во весь до-Петровскій періодъ, мѣстами даже позднѣе. Буряты, напримѣръ, добивались зачисленія въ казачество еще при Екатеринѣ. Бывали даже случаи добровольной перемѣны вѣры, лишь бы инородца переставали считать за не-Русскаго. Но по мѣрѣ того какъ Европейская Россія высылала за Уралъ своихъ отщепенцовъ, — какъ будто преступникамъ у ней нечего было дѣлать дома (напримѣръ чинить дороги), — а сибирскіе чиновники сдѣлали изъ управленія корыстный промыселъ, авторитетъ русскаго имени началъ падать, туземцы стали чуждаться Русскихъ. Ложная система административнаго обращенія иновѣрцевъ въ христіанство, которой обращики можно было видѣть еще не очень давно на Алтаѣ и въ Забайкальѣ, и устраненіе инородцевъ отъ военной службы довершили обособленіе послѣднихъ. Отсюда произошло что русскій элементъ, несмотря на истребленіе многихъ туземцевъ оспой (на сѣверѣ) и на удаленіе части ихъ за границу (на югѣ), утратилъ

въ XVIII вѣкѣ часть того значенія, которое онъ имѣлъ въ XVII, хотя число Русскихъ и возрасло. Впрочемъ, самое возростаніе это сдѣлалось очень медленнымъ, потому что ссыльные были большею частью люди безсемейные, а сибирскіе старожилы, сами по себѣ малочисленные и обязанные отдавать лучшую часть молодежи на военную службу, откуда почти не было возврата, не могли произвести многочисленнаго потомства. Вотъ отъ того-то, чрезъ три вѣка послѣ начала завоеванія Сибири, мы находимъ въ ней Русскихъ только $4^1/_2$ милліона, да и то весьма смѣшанной расы, особенно на востокѣ отъ Енисея. Ассимиляція инородцевъ мало-по-малу совсѣмъ прекратилась, и нынѣ даже есть мѣстности, гдѣ сами Русскіе объякутились или омонголились, такъ что парни 15—17 лѣтъ еще не говорятъ по-русски, предоставляя себѣ научиться родному языку въ послѣдствіи, когда будетъ нужно. Русское населеніе сколько-нибудь сплошными массами живетъ только въ южной части Тобольской губерніи, на Алтаѣ, около Иркутска, на Хилкѣ, Чикоѣ и Селенгѣ, и наконецъ, въ Нерчинскомъ краѣ. Во всѣхъ же остальныхъ частяхъ Сибири, особенно на сѣверо-востокѣ, оно растянуто длинными тонкими линіями по большимъ рѣкамъ (Енисею, Ленѣ, Амуру) и дорогамъ, или даже разбросано мелкими островами *). Среди

*) Слѣдующая табличка дастъ наилучшее понятіе о распространеніи русскаго элемента въ сѣверной Азіи:

Губернія	Тобольская . . .	русскихъ	93%,	инородцевъ	7%.
›	Томская	›	92	›	8
›	Иркутская. . . .	›	82	›	18
›	Енисейская . . .	›	77	›	23
Область	Забайкальская . .	›	66	›	34
»	Примор. съ Амурской	›	40	›	60
›	Якутская	›	24	›	76
	Сахалинъ	›	15	›	85

Всюду не считая войскъ, которыхъ во всей Сибири есть не болѣе 34,000. Общее отношеніе русскаго населенія къ инородческому для всей сѣверной Азіи есть 72% русск. и 28% инород. (около).

Чукчей, Коряковъ, сахалинскихъ Гиляковъ, Самагровъ, Тунгузовъ буреинскаго, зейскаго, алданскаго, витимскаго и оленекскаго водоемовъ даже почти совсѣмъ нѣтъ Русскихъ.

Чиновничій произволъ нанесъ огромный вредъ какъ усиленію числительности русскаго населенія въ Сибири, чрезъ остановку прилива добровольныхъ семейныхъ переселенцевъ, такъ и упроченію благосостоянія тѣхъ русскихъ людей, которые уже водворились, волей или неволей, за Ураломъ. Факты, которые подтверждаютъ это положеніе, многочисленны, и мы приведемъ здѣсь лишь нѣкоторые изъ нихъ, особенно громкіе. При заселеніи Западной Сибири естественно было пришельцамъ изъ Россіи основывать свои селенія по большимъ рѣкамъ или въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ было изобиліе естественныхъ произведеній. Между тѣмъ мы видимъ что даже въ ближайшей къ Европѣ Тобольской губерніи, берега Иртыша и Оби мѣстами почти пустынны, тогда какъ вдоль бѣдной, болотистой Барабы растянута линія русскихъ селеній, которыя созданы въ два года, по распоряженію генералъ-губернатора Чичерина, который сгонялъ народъ на поселеніе силой. Горькая линія, въ равнинѣ между Звѣриноголовской и Омскомъ, заселена подобнымъ же образомъ, и нѣчто подобное начинало возникать почти въ наше время, именно въ 1850-хъ годахъ, между Аяномъ и Якутскомъ. При заселеніи Амура не только казаки, обязанные охранять границу, но и крестьяне водворились не тамъ гдѣ бы они хотѣли, а тамъ гдѣ находили нужнымъ чиновники, въ видахъ устройства почтовыхъ станцій, и это повело къ многолѣтнимъ бѣдствіямъ переселенцевъ отъ наводненій, неурожаевъ и пр. Амурская же колонизація представляетъ примѣръ другаго рода явленій, разрушительныхъ для всякаго подобнаго дѣла. Во-первыхъ, неизвѣстно для чего была вве-

дена въ новую страну масса людей завѣдомо негодныхъ, въ видѣ порочныхъ солдатъ, которые своимъ присутствіемъ были въ тягость и честнымъ поселенцамъ, и правительству, которое ихъ кормило въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ *). Во-вторыхъ, большая часть первыхъ переселенцевъ состояла изъ Забайкальскихъ казаковъ, выбранныхъ мѣстнымъ начальствомъ преимущественно изъ самыхъ бѣдныхъ людей, которыхъ и казна снабдила пособіемъ гораздо болѣе скуднымъ, чѣмъ напримѣръ крестьянъ Тамбовской и Воронежской губерній, шедшихъ въ 1852—53 годахъ за Кубань. Отъ этого русскія деревни по Амуру съ перваго раза представляли видъ поражающей бѣдности, изъ которой имъ было тѣмъ труднѣе выйти, что рабочая сила переселенцевъ, именно взрослые мужчины и скотъ, нерѣдко отвлекались возкой почтъ и курьеровъ. Втретьихъ, обхожденіе съ переселенцами добровольными, т. е. крестьянами, было едва ли не хуже чѣмъ съ порочными солдатами и казаками. Такъ въ 1859 году изъ двухъ партій, пробиравшихся изъ Европейской Россіи на Амуръ, только первая, въ 250 семействъ, достигла туда; но и та была водворена въ такихъ мѣстахъ, по низовьямъ рѣки, что черезъ 2 — 3 года совершенно разорилась, и генералъ-губернаторъ Корсаковъ долженъ былъ разрѣшить ей новое переселеніе, въ Усурійскій край. Другія же 250 семействъ вовсе не были допущены на Амуръ, а изъ Омска повернуты вверхъ по Иртышу и водворены силой около Семипалатинска, съ обращеніемъ ихъ въ казаки... Я живо помню негодованіе и отчаяніе этихъ

*) Если мы говоримъ «неизвѣстно для чего», то лишь потому что въ настоящее время у насъ нѣтъ письменныхъ документовъ удостовѣряющихъ что переселеніе порочныхъ солдатъ было уступкой генералъ-губернатора восточной Сибири настояніямъ военнаго министра Сухозанета и командующаго корпусомъ внутренней стражи Лауница, желавшихъ очистить гарнизонные баталіоны отъ негодяевъ. Насильно введенные въ семьи честныхъ переселенцевъ, эти негодяи долго были извѣстны подъ ироническимъ именемъ «сынковъ».

бѣдныхъ людей, изъ которыхъ иные были откупившіеся на волю крѣпостные, которые шли на Амуръ какъ въ обѣтованную землю свободы отъ помѣщичьяго ига, и въ Семипалатинскѣ не могли допроситься не только дозволенія продолжать путь въ желанную страну, но даже дозволенія вернуться на родину, потому что мѣстная администрація угрозой военной расправы и содержаніемъ нѣсколькихъ переселенцевъ въ тюрьмѣ, успѣла вынудить отъ нихъ «актъ о добровольномъ желаніи» водвориться на Прииртышскихъ степяхъ.

Тяжело чековѣку любящему свое отечество излагать такіе факты *) для свѣдѣнія не только современниковъ, но и потомства; но ни открытая ложь, ни лицемѣрное умалчиваніе о злѣ никогда еще не приносили пользы въ дѣлахъ государственнаго интереса. Зло можетъ быть поправлено лишь тогда, когда оно хорошо извѣстно, да и наша цѣль состоитъ не въ указаніи случайныхъ, личныхъ и частныхъ упущеній, которыя уже трудно исправимы, а лишь въ приведеніи примѣровъ для характеристики общаго, безличнаго порядка вещей, который слишкомъ тяжело отозвался на судьбѣ всей Азіятской Россіи, отъ Урала до Тихаго Океана. Сравнивая приведенные факты съ историческими данными о колоніяхъ западныхъ народовъ, особенно Англичанъ, легко понять, почему оказалась такая громадная разница въ нхъ благосостояніи сравнительно съ нашими, хотя нерѣдко колоніи эти, какъ напримѣръ Канада, не представляли болѣе выгодныхъ естественныхъ условій, чѣмъ Сибирь..... Но, впрочемъ, поспѣшимъ прибавить: суровая природа сѣверной Азіи сдѣлала также свое дѣло, ограничивъ сибирскаго колониста удовлетвореніемъ только самыхъ первоначальныхъ

---

*) Впрочемъ, уже публикованные отчасти въ трудахъ Максимова, Пржевальскаго и др.

потребностей, да и то не иначе, какъ цѣною очень тягостнаго труда. Въ самомъ дѣлѣ чего можно ожидать отъ страны, которой треть лежитъ за полярнымъ кругомъ, а самыя теплыя мѣста имѣютъ среднюю температуру Гельсингфорса *), съ рѣзко-континентальнымъ оттѣнкомъ, т.-е. съ длинными и суровыми зимами? Только Русскіе, привыкшіе у себя дома къ тому же холодно-материковому климату, могли приспособиться къ крайностямъ его въ Сибири, большинство же Европейцевъ, можно сказать съ увѣренностью, изнемогло бы въ подобномъ предпріятіи. Кромѣ того, русскій переселенецъ очень ограниченъ въ Сибири пространствомъ пригоднымъ для его невзыскательной жизни. Вспомнимъ что двѣ пятыхъ ея площади, лежащія за 60° широты, самою природой обречены служить только звѣроловамъ и рыболовамъ, да и то не вездѣ. Изъ остальныхъ трехъ пятыхъ болѣе 60% лежитъ на такихъ высотахъ (2—4,000 ф.) надъ уровнемъ моря, что климатъ тамъ столь же суровъ, какъ и у полярнаго круга, такъ что и эти нагорныя площади, покрытыя преимущественно лѣсами, годятся только для охоты, но не для хлѣбопашества. Наиболѣе счастливыя отъ природы части Азіятской Россіи суть: южная полоса Тобольской губерніи, подгорья Алтая, рѣчныя долины Минусинскаго округа, долины Селенги и ея притоковъ, и наконецъ Амурскій бассейнъ, особенно же Южно-Усурійскій край. Они и заняты предпочтительно Русскимъ племенемъ; въ остальныхъ же частяхъ Сибири Русскіе перемѣшаны съ инородцами и притомъ въ тѣмъ сильнѣйшей степени, чѣмъ страна непривлекательнѣе. На дальнемъ сѣверѣ и востокѣ едва разбросано

---

*) Средняя годовая температура самаго теплаго города въ Сибири, Владивостока (43°7′ ш.), не выше чѣмъ столицы Финляндіи (60°10′ ш.), именно 4°1′ Р.

нѣсколько русскихъ погостовъ и зимовьевъ, изъ которыхъ послѣднія служатъ лишь для временнаго пристанища охотникамъ и проѣзжимъ.

Къ этимъ естественнымъ невыгодамъ сѣверной Азіи присоединяются еще крайне стѣснительные для колонистовъ огромность разстояній и недостатокъ хорошихъ путей сообщенія. О первой едва ли нужно говорить что-нибудь, такъ какъ всѣмъ извѣстно что разстояніе отъ центра Россіи, Москвы, напримѣръ, до Благовѣщенска, составляетъ 7,550 верстъ, и даже до ближайшаго сибирскаго города, Тюмени, 2,070 верстъ, т.-е. больше чѣмъ отъ Петербурга до Севастополя. Что же касается путей сообщенія, то, благодаря тѣмъ же разстояніямъ, климату и рѣдкости населенія, устройство и особенно поддержаніе ихъ крайне затруднительны, такъ что доселѣ черезъ всю Сибирь пролегаетъ только одна, сколько-нибудь, сносная дорога, отъ Тюмени черезъ Томскъ и Иркутскъ въ Срѣтенскъ, гдѣ начинается амурское пароходство. Но продолженія далѣе на востокъ, въ Благовѣщенскъ, Николаевскъ или Владивостокъ, она не имѣетъ; отдѣляющіяся отъ нея вѣтви на Семипалатинскъ, Барнаулъ, Кузнецкъ, Минусинскъ, Енисейскъ, Кяхту и Нерчинскій Заводъ, хотя и привязываютъ къ ней нѣсколько второстепенныхъ центровъ сибирской колонизаціи, но уже оставляютъ многаго желать по своему устройству и обыкновенному состоянію. Такъ-называемый естественный путь, по рѣкамъ Тоболу, Иртышу, Оби, Кети, Енисею, Ангарѣ, Байкалу, Селенгѣ и пр., и черезъ волоки между бассейнами Оби и Енисея, а потомъ Енисея и Амура, еслибы даже и былъ приведенъ въ порядокъ устраненіемъ природныхъ препятствій, въ родѣ Ангарскихъ пороговъ, и прорытіемъ каналовъ въ потребныхъ мѣстахъ, все же имѣлъ бы очень ограниченное значеніе по причинѣ силь-

наго увеличенія разстояній *), а главное, потому что на этомъ пути движеніе судовъ возможно только четыре съ половиной мѣсяца въ году, такъ что даже пароходъ не могъ бы дѣлать въ годъ болѣе одного полнаго рейса **) между Тюменью и Николаевскомъ, т. е. между двумя крайними точками сѣверо-азіятской рѣчной системы. Конечно, въ наше время дѣло заселенія Сибири могло бы быть много подвинуто устройствомъ желѣзныхъ дорогъ, которое теоретически не невозможно и даже могло бы быть не безвыгоднымъ, какъ показываетъ примѣръ сѣвероамериканской рельсовой линіи между двумя океанами; но дѣло въ томъ что практическія условія колонизаціи Азіятской Россіи далеко отстоятъ отъ сѣверо-американскихъ. На приливъ свободныхъ, образованныхъ, а тѣмъ болѣе зажиточныхъ западно-европейскихъ колонистовъ ей разсчитывать нечего: самые несчастные изъ нихъ не промѣняютъ тѣхъ нравственно-политическихъ условій жизни, къ которымъ привыкли и о которыхъ еще больше мечтаютъ, на среду съ такими свойствами какъ упомянутыя выше. Притомъ Европейцы привыкли предъ переселеніемъ имѣть обстоятельныя свѣдѣнія о странѣ въ которую собираются, а Сибирь не имѣетъ сколько-нибудь обстоятельнаго экономическаго описанія или руководства для эмигрантовъ, подобнаго тому, которое издается статистическимъ бюро Соединенныхъ Штатовъ ***). Изъ Европей-

---

*) До 7,000 верстъ между Тюменью и Срѣтенскомъ, вмѣсто 4,300 верстъ по теперешней сухопутной дорогѣ.

**) Общая длина котораго, въ два конца, превосходитъ 20,000 верстъ.

***) У насъ встрѣчаются люди, и притомъ въ самыхъ высшихъ слояхъ такъ-называемаго образованнаго класса, которымъ подобное руководство кажется даже вреднымъ, ибо они опасаются что оно можетъ взволновать крестьянское населеніе Европейской Россіи и можетъ вызвать въ немъ стремленіе къ переселенію за Уралъ массами, что-де лишило бы рабочихъ рукъ многія помѣщичьи хозяйства и произвело бы временное пониженіе подушныхъ сборовъ. Этимъ черезчуръ разчетливымъ пессими-

ской Россіи также можно ожидать прихода только людей бѣдныхъ и необразованныхъ, хотя бы даже энергическихъ, да и тѣхъ въ небольшомъ числѣ. Своихъ капиталовъ для устройства Сибирской желѣзной дороги, хотя бы только отъ Тюмени до Срѣтенска (4,300 вер.) у Россіи нѣтъ, а на иностранные надежда весьма слаба, какъ по причинамъ политическимъ, такъ и потому что мы и на западѣ отъ Урала построили уже на европейскія деньги нѣсколько такихъ линій, которыя приносятъ одни убытки, что роняетъ нашъ желѣзнодорожный кредитъ. Былъ, конечно, случай устроить, безъ платы гарантій, рельсовый путь между Амуромъ и Байкаломъ, что много облегчило бы заселеніе Амурскаго края, т. е. экономически и политически важнѣйшей части Азіятской Россіи; но предложеніе, сдѣланное на этотъ счетъ Американцами въ 1857 году, несмотря на поддержку его графомъ Муравьевымъ-Амурскимъ, было отклонено, такъ какъ возникло опасеніе что нравы, обычаи и понятія Американцевъ могутъ принести больше нравственнаго вреда Забайкалью и Амурской странѣ, чѣмъ построенная ими желѣзная дорога вещественной пользы.

II.

Мы указали такимъ образомъ на два рода причинъ, имѣвшихъ и имѣющихъ непосредственное и сильное вліяніе на ходъ вообще поступательнаго движенія Россіи въ

стамъ можно замѣтить, что если при большомъ эмиграціонномъ движеніи за Уралъ казна и потеряетъ временно, ва подушныхъ сборахъ, то навѣрное выиграетъ въ то же время отъ увеличенія сбора питейнаго, ибо въ дорогѣ колонисты потребятъ болѣе водки чѣмъ дома. Польза же отъ скорѣйшаго заселенія Сибири, особливо отъ юго-восточной, такъ велика, что въ виду ея можно бы и дѣйствительно пренебречь нѣкоторымъ временнымъ уменьшеніемъ доходовъ.

сѣверной Азіи и въ частности на ея заселеніе Русскими, именно на условія *естественныя*, вытекающія изъ географическаго положенія, топографическихъ особенностей и климата страны, и *нравственно-политическія*, происходящія изъ административнаго режима. Перейдемъ теперь къ третьему разряду причинъ, опредѣлившихъ характеръ того же поступательнаго движенія и особенно способъ упроченія русскаго элемента въ Сибири, именно къ условіямъ *экономическимъ*. Съ самаго начала завоеванія и до настоящаго времени Азіятская Россія не знала главнаго экономическаго зла Европейской—крѣпостнаго права. Когда нѣкоторые чиновники стали дѣлать попытки закрѣпощенія бѣдныхъ поселенцевъ, то даже императрица Екатерина, столь щедро раздававшая своимъ сановникамъ казенныхъ крестьянъ по сю сторону Урала, напоминала сибирскому генералъ-губернатору, что въ Сибири нѣтъ помѣщиковъ и крѣпостныхъ людей. Такимъ образомъ населеніе ея всегда состояло изъ людей свободныхъ, хотя бы то были даже ссыльно-поселенцы, которые лично не имѣли права возвращаться за Уралъ или выходить изъ своихъ губерній. Каторжный, освободившійся отъ работъ и водворенный какъ «поселыцикъ», могъ въ Азіятской Россіи мало-по-малу вернуть большую часть своихъ гражданскихъ правъ, и силой труда или удачи стать человѣкомъ достаточнымъ и даже уважаемымъ въ обществѣ: ибо ни одна нація не относится такъ гуманно къ людямъ, имѣвшимъ несчастіе подпасть карѣ положительнаго закона, какъ русская. О свободныхъ переселенцахъ и говорить нечего: имъ предоставлялось всегда широкое поле для выбора занятій, такъ что ни мало повидимому не закрывалась возможность каждому переселенцу, особенно послѣ открытія золотыхъ розсыпей въ 1820 годахъ, разбогатѣть какъ любому калифорнскому Американцу. Спрашивается, однако, почему мы почти не ви-

димъ такихъ людей и почему вообще Сибирякъ, если и достаточнѣе, въ среднемъ итогѣ, великорусскаго крестьянина, въ сущности отнюдь не богатъ, а скорѣе бѣденъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ, сверхъ указанныхъ уже неблагопріятныхъ обстоятельствъ нравственныхъ и естественныхъ, состоитъ въ странномъ, исключительно Сибири свойственномъ экономическомъ явленіи: *отсутствіи частной поземельной собственности*. Какъ ни удивительнымъ, даже непонятнымъ можетъ это показаться западо-Европейцамъ, во всѣхъ колоніяхъ которыхъ (кромѣ голландскихъ) свято соблюдается принципъ частнаго потомственнаго владѣнія землей, но на дѣлѣ это такъ. За исключеніемъ городскихъ усадебныхъ земель, нѣкоторыхъ рыболовныхъ участковъ укрѣпленныхъ за инородцами (напримѣръ за обскими Остяками) и очень немногихъ дачъ, подаренныхъ въ частную собственность чиновникамъ во второй половинѣ XIX столѣтія, вся необъятная площадь Сибири принадлежитъ государству или, собственно говоря, никому, *) потому что завладѣніе землями свободно для каждаго русскаго подданнаго, и даже можно сдѣлать извѣстный участокъ своимъ личнымъ имуществомъ, распахавъ новь изъ подъ лѣса, хотя все это не будетъ вѣчное, потомственное, а только фактически пожизненное владѣніе. Государство сохраняетъ за собою право, по истеченіи сорока лѣтъ, взять эту землю безвозмездно на-

*) Въ XVIII вѣкѣ данъ былъ въ частную собственность, кажется, Салтыкову обширный участокъ земель въ Канскомъ округѣ, но онъ заселился крестьянами именно потому что они считали его казеннымъ, то-есть ни чьимъ. Другой примѣръ частной поземельной собственности составляетъ имѣніе албазинскаго героя Бейтона и его потомковъ; но вообще эти примѣры рѣдкое исключеніе. Даже общее правило о принадлежности въ прочную собственность городскихъ участковъ соблюдалось и соблюдается не вездѣ. Въ № 320 *Моск. Вѣд.* 1876 года мы находимъ напримѣръ показаніе что «въ Николаевскѣ и Владивостокѣ желавшимъ строиться не обезпечивали владѣнія потребнымъ участкомъ земли; мѣсто всегда могло быть отнято и домовладѣлецъ долженъ былъ снести домъ».

задъ. Для большинства русскихъ простолюдиновъ, населяющихъ Сибирь, это условіе пока не стѣснительно; крестьянинъ даже доволенъ, что обширныя земли вокругъ его деревни составляютъ ея принадлежность на общинномъ правѣ: это даетъ ему возможность чаще перемѣнять поля, не тратясь на удобреніе истощившейся почвы. Но для крупнаго землевладѣльца, фермера и фабриканта такія хозяйственныя условія крайне невыгодны. Никто не рѣшится затрачивать капитала на устройство большихъ, прочныхъ зданій, которыя нужны въ солидномъ хозяйствѣ, когда самая почва подъ постройками можетъ быть отнята чрезъ нѣсколько лѣтъ; ни одному крупному хозяину, слѣдовательно, нѣтъ разчета устраиваться въ Сибири, гдѣ еще притомъ, по рѣдкости населенія, рабочія руки дороги, а по дальности разстояній и дурному качеству дорогъ сбытъ произведеній затруднителенъ. Самые богатые люди въ Азіятской Россіи, кромѣ городскихъ усадебъ, имѣютъ во владѣніи только «заимки», то-есть загородныя дачи съ небольшими дворами и загонами скота, или «резиденціи», то-есть дома на золотыхъ пріискахъ или вблизи ихъ, гдѣ хранятся запасы инструментовъ, продовольствія для рабочихъ и т. п. Къ такой экономической особенности Азіятской Россіи со времени развитія тамъ золотаго промысла присоединилась еще другая: въ мѣстностяхъ гдѣ существуетъ золотоисканіе почти невозможно получить участка земли близь рѣки даже и во временное пользованіе, потому что золотоискатели имѣютъ предпочтительное право захватывать прирѣчные участки подъ предлогомъ нахожденія въ нихъ драгоцѣннаго металла. Я хорошо помню, какъ въ 1868 году одинъ иркутскій купецъ, желавшій основать винокуренный заводъ въ Забайкальѣ, искалъ, и большею частію тщетно, подобнаго клочка земли не вдалекѣ отъ хлѣбородныхъ мѣстностей, гдѣ бы можно было, устроивъ прудъ, имѣть дешевую ра-

бочую силу и недалекій сбытъ водки; соперничавшій съ нимъ заводчикъ, а вмѣстѣ и золотопромышленникъ, постоянно предупреждалъ его въ заявленіи своихъ правъ на подобные участки подъ тѣмъ предлогомъ, что они содержутъ золото. На Алтаѣ и въ Нерчинскомъ краѣ этотъ «золотой» принципъ доведенъ до невѣроятной крайности: тамошнія земли, не смотря на свою обширность и пустынность, недоступны частнымъ лицамъ, потому что принадлежатъ Кабинету, который сохраняетъ за собою право разработки ихъ нѣдръ, хотя, разумѣется, разрабатываетъ очень немного.

Отсутствіе права частной поземельной собственности, а только предоставленіе земель въ пользованіе, замѣтно вліяетъ на ходъ дѣла колонизаціи Сибири даже въ тѣхъ случаяхъ, когда само правительство желаетъ въ данной мѣстности имѣть селенія и для этой цѣли водворяетъ тутъ ссыльныхъ, надѣливъ ихъ при этомъ домомъ, скотомъ и земледѣльческими орудіями. Сознавая себя только постояльцемъ такой казенной усадьбы, поселенецъ обыкновенно бѣжитъ изъ нея при первомъ удобномъ случаѣ и если имѣетъ достаточно ловкости, то можетъ провести всю жизнь скитаясь по золотымъ пріискамъ, или уходя въ лѣсныя чащи, гдѣ основываетъ себѣ домъ и гдѣ такимъ образомъ возникаютъ иногда цѣлыя деревни, не извѣстныя правительству и не платящія никакихъ податей. Отъ времени до времени полиція дѣлаетъ географическія открытія такихъ деревень и volens-nolens узаконяетъ ихъ существованіе. Будь же поселенцу подарена усадьба и земля въ собственность, онъ конечно не видѣлъ бы надобности бѣгать, хотя бы потому что къ землѣ привязала бы его забота о дѣтяхъ, которымъ онъ могъ бы оставить законное наслѣдство. Право пользованія, а не собственности имѣетъ смыслъ въ золотопромышленности, гдѣ по выработкѣ металла земля бросается; но

прочное землевоздѣлываніе нуждается въ иныхъ условіяхъ.

Какія причины создали описанный порядокъ вещей, мы здѣсь не будемъ распространяться, но замѣтимъ что въ наше время неудобство его сознается все болѣе и болѣе. Въ Амурскомъ краѣ правительство признало даже полезнымъ установить продажу земель въ собственность колонистовъ, подобно тому какъ это дѣлается въ Соединенныхъ Штатахъ. Въ Западной Сибири нѣкоторые изъ служащихъ тамъ лицъ получили поземельную собственность въ даръ за свою службу. Но должно признаться, что доселѣ эти мѣры не привели къ серьознымъ послѣдствіямъ. Отъ пожалованія земель въ странахъ, гдѣ рабочихъ рукъ мало или даже совсѣмъ нѣтъ, чиновники по возможности уклоняются, такъ какъ издержки на заведеніе и поддержку помѣщичьяго хозяйства не окупаются, да и жизнь въ глуши, еслибы помѣстье устроилось, не представляетъ ничего привлекательнаго. На Амурѣ продажа земель также безуспѣшна, потому что и переселеніе туда совсѣмъ прекратилось, несмотря на естественныя богатства края. Объ этомъ послѣднемъ явленіи нельзя не упомянуть здѣсь, какъ о весьма прискорбномъ и вредномъ какъ для экономическихъ, такъ и для политическихъ интересовъ Россіи въ восточной Азіи. Главная причина охлажденія въ русскомъ народѣ къ переселенію на Амуръ, безъ сомнѣнія, состоитъ въ тѣхъ стѣсненіяхъ, которымъ подвергались первые колонисты отъ мелочной административной опеки. А до чего эта опека доводила поселенцевъ можно судить по слѣдующему примѣру. На лѣвой сторонѣ Зеи, въ сторонѣ отъ нея и отъ Амура, водворилось нѣсколько раскольниковъ, которые быстро успѣли достигнуть извѣстнаго благосостоянія. Мѣстный губернаторъ, посѣтивъ ихъ года черезъ три послѣ основанія деревень, выразилъ желаніе узнать, почему они живутъ

лучше чѣмъ прежде ихъ водворившіеся обитатели побережья самаго Амура, гдѣ есть и рыболовство, и средства для сбыта продуктовъ на пароходы, и торговля съ Китайцами? «А потому, отвѣчали простодушные крестьяне, что мы отъ начальства подальше»..... И это говорили люди, отличную нравственность которыхъ засвидѣтельствовалъ самъ губернаторъ, у которыхъ преступленія почти неизвѣстны, которые безъ возраженія повинуются властямъ, исправно платятъ подати и вообще неукоснительно исполняютъ все что̀ отъ нихъ требуетъ государство.

Къ явленіямъ экономическимъ, но вмѣстѣ уже и *соціальнымъ*, имѣвшимъ не маловажное и опять-таки, къ сожалѣнію, мало-выгодное вліяніе на судьбу русской колонизаціи сѣверной Азіи, должно еще причислить обращеніе значительнаго числа переселенцевъ въ горнозаводское вѣдомство на условіяхъ почти крѣпостнаго права. Въ теченіе XVIII столѣтія, какъ извѣстно, открыты были разнообразныя, особенно сребро свинцовыя руды на Алтаѣ и въ Нерчинскомъ краѣ. Сначала разработка Алтайскихъ рудниковъ находилась въ рукахъ частнаго лица, Демидова, но послѣ нѣсколькихъ переуступокъ окончательно осталась за удѣльнымъ вѣдомствомъ, которое, получивъ такимъ образомъ во владѣніе нѣсколько тысячъ квадратныхъ миль и озабочиваясь доставить рудникамъ постоянную и недорогую рабочую силу, приписало къ нимъ всѣхъ крестьянъ, жившихъ на удѣльной почвѣ. Почти то же случилось и въ Нерчинскомъ краѣ, такъ что въ половинѣ нашего вѣка образовалось въ Сибири сословіе изъ 220 тысячъ душъ, которыя не могли свободно располагать своимъ трудомъ и несли весьма тягостныя натуральныя повинности по перевозкѣ рудъ, заготовленію угля и т. п. Какъ велика была тягость этихъ повинностей, можно судить по тому что крестьяне имѣвшіе какую нибудь возможность (то-есть достатокъ) чтобъ

уклониться отъ исполненія работъ, платили десятки рублей со двора, лишь бы рабочій нарядъ ихъ обошелъ. Дѣлать же подобныя увольненія чиновники, завѣдывавшіе рудниками, всегда могли, ибо руды были очень богаты, а въ смѣтахъ расходовъ и доходовъ показывались бѣдными, черезъ что въ дѣйствительности для выплавки даннаго количества, металла, нужно ихъ было гораздо менѣе противъ смѣтнаго количества, причемъ оказывались не нужными и смѣтныя заготовленія руды и угля вмѣстѣ съ крестьянскими трудами и средствами для доставки ихъ на заводы. На Алтаѣ, т.-е. въ странѣ сравнительно богатой отъ природы, эта система чиновничьяго хищничества еще не вполнѣ разорила населеніе, но въ Нерчинскомъ краѣ 1850 годъ засталъ горнозаводскихъ крестьянъ въ состояніи, которое было бы безысходнымъ, еслибы не охотничьи промыслы, дававшіе возможность вознаграждать убытки отъ принудительныхъ занятій. И освободить отъ этого печальнаго состоянія горнозаводскихъ крестьянъ было мало надеждъ, ибо мѣстныя сибирскія начальства обыкновенно стѣснялись доводить о замѣченномъ ими до свѣдѣнія верховной власти, пока наконецъ этого не сдѣлалъ съ благородной рѣшимостью графъ Муравьевъ-Амурскій. Въ 1851 г. ему удалось освободить по крайней мѣрѣ нерчинскихъ крестьянъ, впрочемъ, лишь цѣной обращенія ихъ въ казаки. Алтайскіе же оставались въ зависимости отъ корыстолюбиваго горнозаводскаго чиновничества до общей крестьянской реформы въ имперіи, то-есть до 1861—62 года.

Упомянувъ объ обращеніи части горнозаводскихъ крестьянъ въ казаки, мы не можемъ пройти молчаніемъ и вообще вопроса и *казачествѣ* въ Сѣверной Азіи. Какъ уже сказано выше, Россія обязана казакамъ покореніемъ всѣхъ земель отъ Урала до Тихаго океана. Дѣло это было исполнено Ермакомъ и его послѣдователями съ небольшимъ во сто лѣтъ, такъ что къ концу XVII

вѣка завоеватели уже обратились въ мирныхъ гражданъ покоренной страны, на которыхъ только лежала охрани границъ отъ вторженій сосѣднихъ народовъ и отчасти поддержаніе внутренняго порядка. Число ихъ было не велико, такъ что въ 1728 году, когда опредѣлена была пограничная черта наша съ Китаемъ отъ Шабинъ-Дабага до Аргуни и потребовалось усилить казачій кордонъ по этой линіи, то посолъ, графъ Рагузинскій, отдалъ для этого драгунскій полкъ, служившій ему конвоемъ. Въ нынѣшнихъ губерніяхъ Томской, Енисейской, Иркутской число приграничныхъ казаковъ было еще менѣе чѣмъ въ Забайкальѣ, а для внутренней службы, преимущественно для конвоированія арестантовъ и сопровожденія полицейскимъ чиновниковъ при разъѣздахъ по службѣ, существовали городовые казаки гражданскаго вѣдомства. Въ XVIII вѣкѣ, съ увеличеніемъ населенія Сибири и сформированіемъ тамъ армейскихъ полковъ, этого небольшаго числа казаковъ было достаточно для тѣхъ цѣлей, служенію которымъ они призваны исторіей, но въ XIX, когда регулярныя войска были выведены, численность казаковъ опять оказалась малою. Вотъ почему въ 1809 году сформировано было Сибирское казачье войско, которое впрочемъ было занято больше службой въ среднеазіятскихъ степяхъ, чѣмъ по границѣ съ Китаемъ. Обойтись безъ такого обращенія части жителей Азіятской Россіи въ чисто военное сословіе было едва ли возможно, и потому сформированіе Сибирскаго войска, хотя и совершенное отчасти принудительно, представляется явленіемъ довольно естественнымъ и притомъ не слишкомъ тягостнымъ для самихъ казаковъ, ибо они были хорошо вознаграждены государствомъ черезъ отводъ имъ большихъ пастбищъ, луговъ и рыбныхъ ловлей не только на Иртышѣ, но и на Зайсанѣ, то-есть тогда еще въ въ китайскихъ предѣлахъ. Но этихъ условій мы уже не

встрѣчаемъ при позднѣйшемъ сформированіи пѣшихъ баталіоновъ Забайкальскаго войска, которые образовались изъ бывшихъ нерчинскихъ горнозаводскихъ крестьянъ. Конечно, оправданіемъ этой мѣры служили съ одной стороны, упомянутое уже гуманное желаніе правительства уничтожить горнозаводское рабство, а съ другой, возникшая въ то же время мысль о возвращеніи Амура, гдѣ могли предстоять военныя дѣствія. Но первая цѣль, то-есть освобожденіе населенія Нерчинскаго края отъ тяжелой барщины, далеко не вполнѣ достигались съ обращеніемъ освобожденныхъ въ военное сословіе, а вторая допускаетъ серіозныя возраженія. Вопервыхъ, для военныхъ дѣйствій на малонаселенномъ или даже безлюдномъ Амурѣ имѣлись въ готовности линейные баталіоны и могла быть обращена временно часть старыхъ пограничныхъ казаковъ съ Онона и Аргуни; вовторыхъ, едва переименованные въ 1851 году изъ крестьянъ Забайкальскіе казаки естественно не могли къ 1854 году стать хорошими воинами; втретьихъ, занятіе Амура совершилось безъ выстрѣла и 16 мая 1858 года узаконено трактатомъ съ Китаемъ, а между тѣмъ Забайкальское войско осталось и еще образовано Амурское. Послѣднее кажется особенно ненужнымъ, потому что если казачьи линіи и полезны къ сторонѣ земель, занятыхъ кочевыми или вообще варварскими народами, то въ сосѣдствѣ съ совершенно мирнымъ земледѣльческимъ населеніемъ, каково населеніе Маньчжуріи, прилегающей къ Амуру, въ нихъ не видится надобности. Ожидать оттуда вторженія мелкихъ хищническихъ партій невозможно *); если же Ки-

*) Вторженіе манзовъ въ 1869 году ничего не доказываетъ, ибо эти люди въ самомъ Китаѣ составляютъ явленіе случайное, преслѣдуемое и искореняемое правительствомъ; да и нападенія свои на русскіе предѣлы они дѣлали не тамъ гдѣ послѣдніе ограждены Амуромъ, или Усури, а южнѣе, гдѣ нѣтъ естественныхъ преградъ.

тайцы вздумаютъ перевести на лѣвый берегъ рѣки значительный военный отрядъ, то они это сдѣлаютъ безъ малѣйшаго затрудненія и при существованіи жиденькой казачьей линіи, которая на 2.200 верстахъ протяженія имѣетъ всего 30.000 населенія, считая тутъ даже крестьянъ. Очевидно что не Амурскіе казаки, лишенные всякой военной опытности, будутъ защищать Амурскій край. Каково же экономическое и соціальное значеніе казачества въ дѣлѣ амурской колонизаціи, видно уже изъ приведеннаго отзыва губернатору призейскихъ крестьянъ, а еще болѣе изъ сравненія существующихъ уже 18—19 лѣтъ бѣдныхъ казачьихъ станицъ съ цвѣтущимъ селеніемъ Корейцевъ, водворившихся на Амурѣ (въ селѣ Благословенномъ) двѣнадцатью годами позднѣе казаковъ и бывшихъ сначала совершенными бѣдняками.

Это разсмотрѣніе общихъ условій и хода русской колонизаціи, то-есть утвержденія русскаго элемента въ сѣверной и восточной Азіи, было бы неполно, еслибы мы не коснулись еще одного, хотя частнаго, мѣстнаго, но тѣмъ не менѣе важнаго въ *общегосударственномъ* смыслѣ вопроса — о заселеніи приморскихъ окраинъ. Что прилежащая къ Тихому океану полоса земель есть важнѣйшее изъ русско-азіятскихъ владѣній, объ этомъ едва ли нужно распространяться. Довольно вспомнить что это есть единственная часть всей русской имперіи, гдѣ мы стоимъ у открытаго моря, притомъ не полярнаго, а распространяющагося до экватора, то-есть до богатѣйшихъ на земномъ шарѣ странъ южной Азіи, Зондскаго архипелага, Австраліи и Америки. Если русскому народу суждено остаться полноправнымъ членомъ общей семьи образованныхъ и сильныхъ націй, то ему пока нѣтъ другаго пути къ достиженію этой міровой (то-есть не исключительно европейской) цѣли, какъ прочное утвержденіе на берегахъ Японскаго моря, на Сахалинѣ и даже, отчасти,

въ Камчаткѣ. Потеря этихъ владѣній или даже только оставленіе ихъ незанятыми сильнымъ, свободнымъ и промышленнымъ населеніемъ русскаго корня были бы равносильны съ отреченіемъ отъ великой исторической будущности. И нѣтъ сомнѣнія что такъ взглянула бы на дѣло всякая другая нація, овладѣвшая этими мѣстностями. Между тѣмъ что̀ же мы видимъ? На обширномъ протяженіи отъ Кореи до Берингова пролива, вдоль берега материка и на островѣ Сахалинѣ живетъ не болѣе 7.000 Русскихъ, которые притомъ еще питаются хлѣбомъ, привозимымъ изъ Европы, какъ будто почва Усурійскаго края неплодородна. Превосходные рыбные, тюленьи и китовые промыслы, богатства каменноугольныя и лѣсныя, обиліе отличныхъ естественныхъ гаваней, близость цивилизованныхъ, нуждающихся въ сырьѣ странъ, Китая и Японіи, не создали доселѣ ни одного сколько-нибудь значительнаго коммерческаго порта или даже промышленнаго селенія. Иностранецъ, который вздумаетъ сравнить новѣйшую исторію этихъ мѣстностей съ ходомъ заселенія Англичанами Австраліи и новой Зеландіи или Американцами Калифорніи, будетъ въ полномъ правѣ заключить о совершенной неспособности русскаго племени къ разумной колонизаціи. А если онъ узнаетъ о заселеніи Сахалина не свободными рыбо- и горно-промышленниками, а каторжными, отданными притомъ на произволъ частнаго лица, о неудачѣ опыта колонизаціи съ моря, сдѣланнаго въ 1869 году и стоившаго полмилліона рублей, о запрещеніи Русскимъ торговать лѣсомъ, который вслѣдствіе того вырубается даромъ и безнаказанно иностранцами, *) о томъ что эти иностранцы имѣютъ въ Приморскомъ краѣ вообще больше правъ, чѣмъ русскіе гра-

*) Англичане вырубили напримѣръ обширный участокъ у Императорской гавани; Американцы почти обезлѣсили Шантарскіе острова.

ждане, то никакіе доводы съ нашей стороны не въ состояніи будутъ убѣдить его въ случайности этихъ странныхъ явленій и въ способности русской націи отрѣшиться отъ нихъ. «Вездѣ и всегда, скажетъ онъ намъ, колонизація странъ приморскихъ совершалась быстро и съ моря, вездѣ она сопровождалась улучшеніемъ судьбы колонистовъ, созданіемъ новыхъ промышленныхъ центровъ, расширеніемъ внѣшней торговли и морскаго могущества націи: у васъ ничего этого нѣтъ, и потому вы должны будете считать себя особенно счастливыми, если при первой большой войнѣ болѣе умные, предусмотрительные и предпріимчивые народы не лишатъ васъ этого драгоцѣннаго прибрежья, какъ о томъ уже и поговариваютъ Американцы по отношенію къ Камчаткѣ *) и какъ не замедлятъ сдѣлать при первомъ выстрѣлѣ, Англичане по отношенію къ прибрежью Южно-Усурійскаго края. Не забудьте притомъ, что въ нашъ вѣкъ идетъ окончательный раздѣлъ земной поверхности между человѣческими расами и что, разъ потерявъ прибрежье Тихаго океана, вы его потомъ не получите никогда и создадите для себя новый Восточный вопросъ, едва ли не хуже Босфорскаго.»

Я не позволилъ бы себѣ привести эту рѣзко-обидную для насъ, Русскихъ, тираду, еслибы мнѣ самому не доводилось слышать ее, подъ разными формами, въ Шанхаѣ, Нагасаки и Іокагамѣ, гдѣ истинное состояніе русской колонизаціи въ Приморской области извѣстно едва ли не лучше, чѣмъ въ Петербургѣ. Ею мы и заключимъ обзоръ тѣхъ обстоятельствъ, которыя характеризуютъ недовольно удовлетворительный ходъ русскаго колонизаціон-

*) Вліяніе, пріобрѣтенное Американцами у береговъ Камчатки и Чукотской Земли уже вызывало посылку туда на крейсерство въ 1875 г. клипера *Гайда-макъ*, а въ 1876 г. — *Всадникъ*. О видахъ Американцевъ на эти мѣстности особенно много говорятъ калифорнскіе журналы.

наго движенія въ сѣверной Азіи. Но выставивъ такимъ образомъ съ достаточною для общаго очерка подробностью и полною откровенностью наши національные промахи, повторимъ здѣсь то же, чтó было сказано на первой страницѣ этой статьи: поступательное движеніе Россіи отъ Урала до Тихаго Океана создало историческую жизнь сѣверной Азіи и имѣетъ въ общечеловѣческомъ смыслѣ гораздо болѣе значенія, чѣмъ дѣятельность Японіи и Китая. Для доказательства обратимся къ тѣмъ фактамъ, о которыхъ доселѣ умалчивали.

III.

Три вѣка тому назадъ вся обширная страна на сѣверъ отъ Великой китайской стѣны, т. е. бóльшая половина Азіи, представляла этнографическій, соціальный, экономическій и политическій хаосъ. Отъ самой Стѣны до подножій Алтая, Саяна, Байкальскихъ горъ и Яблоноваго хребта обитали кочевые Монголы, но не мирные, какъ нынѣ, а хищные, потому что многовѣковыя усилія Китайцевъ обуздать ихъ оставались тщетными, такъ какъ съ сѣвера, запада и востока Монголы не были еще окружены цѣпью поселеній народа образованнаго, осѣдлаго и могущественнаго. Къ сѣверо-востоку отъ Великой Стѣны, въ Манчжуріи, держались по лѣсамъ звѣроловы тунгузскаго корня, которыхъ жизнь ничѣмъ не отличалась отъ жизни теперешнихъ Манегровъ и Орочонъ или, самое большое, Дахуровъ и Солоновъ. Едва лишь въ южной части Сунгарійскаго бассейна и въ Ляодунѣ успѣло сформироваться небольшое владѣніе родоначальниковъ нынѣ царствующей въ Пекинѣ династіи. Къ сѣверу отъ этихъ племенъ, имѣвшихъ еще хоть какую-нибудь исторію, разстилались необъятныя пространства нынѣшней Сибири,

гдѣ жили уже люди вовсе не выступавшіе на историческое поприще и едва выходившіе изъ «каменнаго періода». Бѣдные, малочисленные, жившіе большею частію въ переносныхъ юртахъ изъ бересты, шкуръ или войлока, они питались отъ скотоводства или звѣриной ловли, на которую отправлялись съ луками и стрѣлами, единственнымъ ихъ оружіемъ. Значительная часть ихъ ходила по обширнымъ лѣсамъ одинокими семьями; другіе составляли небольшіе колѣна и роды, съ патріархальнымъ устройствомъ, но безъ опредѣленнаго постояннаго мѣста жительства. Суевѣрное шаманство было ихъ религіей, и страхъ оскорбить духа какой-нибудь горы или ущелья единственнымъ отголоскомъ идеи о верховномъ существѣ, милующемъ или карающемъ. Борьба съ суровою природой была чрезвычайно трудна, потому что не было самыхъ необходимыхъ орудій. Ножи, топоры, лопаты, желѣзная и мѣдная посуда были у очень немногихъ и считались величайшими богатствами, приходившими частію съ юга, изъ за Великой Стѣны, частію съ запада, изъ за Урала. Дорогъ въ лѣсахъ не было, а бродили звѣроловы по тропинкамъ, проложеннымъ вдоль рѣчекъ или чрезъ волоки, гдѣ направленіе ихъ обозначалось зарубками на деревьяхъ, кучами хворосту, камней. Тѣ племена, которыя обитали въ открытыхъ, степныхъ мѣстахъ, какъ Буряты и нѣкоторые туземцы верховьевъ Енисея и береговъ Иртыша, вели кочевую жизнь, въ томъ же видѣ какъ и теперь, но съ меньшею безопасностью, потому что взаимные отгоны скота, составляющіе, такъ-сказать, поэзію кочевой жизни, любимое развлеченіе кочевой молодежи, служили источникомъ непрерывныхъ распрей, которыхъ некому было останавливать и рѣшать. Только въ трехъ мѣстахъ встрѣчались зачатки общественнаго устройства: въ бассейнѣ Иртыша и Тобола, гдѣ возникло-было Сибирское царство, въ Прибайкальѣ, гдѣ болѣе или менѣе

многолюдные бурятскіе роды повиновались наслѣдственнымъ тайшамъ, и въ Дауріи, гдѣ подобные же наслѣдственные владѣльцы повелѣвали Тунгузами; но все это были скорѣе патріархальныя общины, чѣмъ государства, потому что не было въ нихъ законовъ, не было правильно устроенной лѣстницы властей, системы налоговъ и др. Около верховьевъ Енисея, въ долинахъ между отрогами Алтая и Саяна, встрѣчались, правда, холмы съ остатками древностей, доказывающихъ пребываніе тамъ народа цивилизованнаго; но какой это былъ народъ? когда онъ жилъ? чѣмъ ознаменовалъ себя на всемірно-историческомъ поприщѣ? Этого никто не зналъ изъ сибирскихъ туземцевъ XVII вѣка, какъ не знаемъ и мы. То было почти миѳологическое, давно отжившее и забытое племя, которому Русскіе дали названіе *Чуди* и о которомъ въ китайскихъ источникахъ пока не найдено указаній.

Прошло столѣтіе со времени Ермака, и среди бродячихъ дикарей Сибири появились правильныя осѣдлости, возникли города, гдѣ производилась торговля и водворились представители обще-государственной власти; обозначились дороги, по которымъ періодически проѣзжала почта; луки и стрѣлы стали смѣняться фитильными ружьями; нѣкоторые изъ шамановъ обратились въ христіанство; нѣкоторые изъ Татаръ, Финновъ, Монголовъ, Тунгузовъ искали чести называться Русскими, служить Московскому государю.

Миновало еще столѣтіе, и лучшія отъ природы части сѣверной Азіи содержали уже довольно многочисленное осѣдлое населеніе, состоявшее какъ изъ русскихъ пришельцевъ, такъ и изъ туземцевъ болѣе или менѣе обрусѣвшихъ и, во всякомъ случаѣ, безспорно признававшихъ господство русскаго племени не только въ политическомъ смыслѣ, но и въ интеллектуальномъ. Сибирь была обслѣ-

дована географами, естествоиспытателями, историками; въ ней возникли учебныя заведенія; торговля проложила через нее важный путь между Кяхтой и Тюменью, то-есть между Россіей и Китаемъ; въ нѣдрахъ сибирскихъ стала производиться добыча металловъ.

Приходитъ къ концу третій вѣкъ, и мы видимъ въ сѣверной Азіи преобладаніе жизни осѣдлой, правильное государственное устройство и народное образованіе, развивавшееся настолько, что изъ природныхъ Сибиряковъ есть не мало ученыхъ, писателей, медиковъ, чиновниковъ, педагоговъ. Сибирское общество не довольствуется существующими въ странѣ средними учебными заведеніями и громко требуетъ университета; въ немъ зарождается потребность мѣстныхъ журналовъ. Промышленное его развитіе вызываетъ появленіе пароходовъ на Иртышѣ, Оби, Енисеѣ, Байкалѣ, Амурѣ; телеграфъ работаетъ на пространствѣ отъ Урала до Тихаго Океана, и международный кабель связываетъ Сибирь съ Японіей, Китаемъ и южною Азіей. Сибиряки ждутъ съ нетерпѣніемъ устройства желѣзной дороги, которая бы привязала ихъ край къ Европейской Россіи. Сибирская горная промышленность въ теченіи 50 лѣтъ доставляетъ на всемірный рынокъ на 520 милліоновъ рублей одного золота. Купечество сибирскихъ городовъ мало-по-малу распространяетъ свои торговые обороты за границу Россіи — въ Чжунгарію и Монголію; самые эти города получаютъ зачатки самоуправленія. Въ политическомъ отношеніи Сибирь становится базой русскаго вліянія на важнѣйшія государства восточной Азіи, тѣ самыя, которыя существуютъ вблизи ея предѣловъ десятки вѣковъ и не сумѣли ничего сдѣлать для ея историческаго развитія.

Всѣмъ этимъ Сибирь обязана Русскому племени.... Разсмотримъ же эти плодотворныя стороны его дѣятель-

ности съ нѣкоторою подробностью и опять-таки не скрывая недостатковъ тамъ, гдѣ они встрѣтятся.

Первою, самою важною и, можно безъ преувеличенія сказать, вѣковѣчною заслугой Русскихъ служитъ научное изслѣдованіе сѣверной Азіи и многихъ прилежащихъ къ ней странъ. Оно, конечно, еще не окончено, но и то что̀ уже сдѣлано составляетъ великій вкладъ въ сокровищницу человѣческихъ знаній и даетъ хорошій запасъ свѣдѣній для руководства будущихъ поколѣній въ ихъ научной и практической дѣятельности на почвѣ той же страны. За исключеніемъ Индостана, Сибирь представляетъ ту часть Азіятскаго материка, которая наилучше извѣстна, хотя собиранію о ней свѣдѣній кладетъ много препятствій суровая сѣверная природа. Это собираніе началось со времени первыхъ казачьихъ походовъ, когда завоеватели, донося въ Москву о своихъ открытіяхъ, описывали видѣнныя ими земли, сообщали данныя о направленіи рѣкъ, ихъ притокахъ, волокахъ черезъ горы, о лѣсахъ и водящемся въ немъ звѣрѣ, о туземномъ населеніи, его образѣ жизни, боевомъ снаряженіи и численной силѣ. Изъ скоплявшихся такимъ образомъ матеріаловъ въ Москвѣ составлялись своды, въ видѣ чертежей и описаній къ нимъ. Первые подобные географическіе труды относятся ко времени царя Михаила Ѳеодоровича, но болѣе обстоятельные принадлежатъ ко второй половинѣ XVII столѣтія, когда работалъ Ремезовъ, котораго «чертежъ всѣхъ сибирскихъ городовъ и земель» извѣстенъ каждому образованному человѣку, хотя бы по снимку, приложенному къ *Путешествію* Миддендорфа. Статистическія свѣдѣнія о туземцахъ съ обозначеніемъ размѣра наложеннаго на нихъ ясака, естественно, были первою потребностью воеводскихъ канцелярій въ Сибири и Сибирскаго приказа въ Москвѣ. Петръ Великій воспользовался, для пополненія и исправленія прежнихъ дан-

ныхъ о сѣверной Азіи, услугами шведскихъ офицеровъ, которые, если попадались въ плѣнъ, то были нерѣдко ссылаемы за Уралъ; при немъ Сибирь получила перваго европейски-образованнаго изслѣдователя въ лицѣ Мессершмидта. Но важнѣйшія изслѣдованія въ сѣверной Азіи начались по кончинѣ его, при императрицахъ Аннѣ и Елисаветѣ, когда была снаряжена большая ученая экспедиція подъ управленіемъ Беринга и съ участіемъ Миллера. Она работала нѣсколько лѣтъ, проникла до отдаленнѣйшихъ, самыхъ недоступныхъ пустынь сѣвера и дала множество драгоцѣнныхъ матеріаловъ для научнаго ознакомленія съ географіей, этнографіей и исторіей сѣверной Азіи. При этомъ наиболѣе трудныя топографическія изслѣдованія достались на долю чисто русскихъ людей: Прончищева, Лаптева, Овцына, Челюскина, Чекина и пр. Другой періодъ научныхъ изысканій принадлежитъ времени Екатерины, когда путешествовали по Сибири Георги, Гмелинъ, Крашенинниковъ, Лепехинъ, Палласъ, Сарычевъ и другіе; въ это время особенно подвинуто было изученіе сибирской природы. Въ первой половинѣ девятнадцатаго столѣтія изучали сѣверную и восточную Азію Анжу, Вишневскій, Врангель, Головнинъ, Кастренъ, Корниловъ, Крузенштернъ, Ледебуръ, Литке, Миддендорфъ, Небольсинъ, Постельсъ, Сиверсъ, Спасскій, Степановъ, Турчаниновъ, Ѳедоровъ, Чихачевъ, Щукинъ, Щуровскій и многіе другіе, изъ которыхъ иные подарили науку произведеніями классическими. Нѣкоторое время Спасскимъ издавался даже подъ названіемъ *Сибирскаго Вѣстника*, журналъ, посвященный изученію сѣверной Азіи, и продолжавшій не безъ успѣха дѣло, начатое еще въ XVIII вѣкѣ Миллеромъ, котораго «Ежемѣсячныя Сочиненія» содержатъ много драгоцѣнныхъ свѣдѣній объ Азіятской Россіи. Но особенно широкій полетъ получило научное изслѣдованіе Сибири съ тѣхъ поръ, какъ начато

было дѣло возсоединенія Амурскаго края. Явилась возможность въ самой глубинѣ Русской Азіи основать ученое общество *), которое, при благородномъ участіи замѣчательнаго генералъ-губернатора Муравьева, сдѣлало не мало для научнаго изученія края: собрало музей, библіотеку, издало нѣсколько томовъ *Записокъ*, снарядило нѣсколько экспедицій, привлекая для послѣдней цѣли къ матеріальнымъ пожертвованіямъ мѣстныхъ богатыхъ любителей знанія. Перечислять здѣсь всѣхъ ученыхъ или просто образованныхъ людей, принявшихъ участіе въ этомъ интеллектуальномъ движеніи нѣтъ никакой возможности, да и было бы излишне, потому что имена ихъ, какъ современниковъ, болѣе или менѣе извѣстны каждому образованному Русскому. Довольно сказать что въ представленный мною въ 1875 году Парижскому географическому конгрессу списокъ путешественниковъ за двадцать лѣтъ, съ 1854 по 1874 годъ, вошло *свыше двухсотъ именъ;* а это еще были одни естествоиспытатели и географы. Ни статистики — какъ Гагемейстеръ, Звѣринскій и другіе, ни мѣстные дѣятели по разнымъ отраслямъ знанія, не ознаменовавшіе себя путешествіями, какъ напримѣръ Кашинъ, Чудовскій, Сельскій, Пежемскій, Завалишинъ, Милютинъ, ни даже путешественники 1850—53 годовъ, Меглицкій, Невельскій и другіе, не были упомянуты тамъ.

И не одна Русская Азія служила предметомъ изслѣдованія для русскихъ ученыхъ; ихъ труды охватили и сосѣднія страны: Японію, Корею, Маньчжурію, Монголію, Чжунгарію, восточный Туркестанъ, Китай и даже Тибетъ. Географія Японіи до самаго послѣдняго времени не имѣла другихъ математическихъ основаній, какъ астро-

*) Сибирскій отдѣлъ Русскаго Географическаго Общества, въ Иркутскѣ.

номическія данныя Крузенштерна; книга Головнина объ этой странѣ пользовалась всеобщей извѣстностью. Восточный берегъ Кореи рисуется на европейскихъ картахъ по русскимъ опредѣленіямъ, сдѣланнымъ съ судовъ адмирала Путятина. Маньчжурія видѣла цѣлый рядъ русскихъ путешественниковъ, отъ посыланныхъ Петромъ Великимъ Исбранда-Идеса и Ланге, до нашихъ современниковъ Крапоткина, Усольцева, Палладія, Барабаша и другихъ. Монголія и Чжунгарія изслѣдованы Русскими больше и лучше, чѣмъ европейскими іезуитами, работавшими по порученію китайскаго правительства, и въ нѣкоторомъ отношеніи обстоятельнѣе даже чѣмъ самими Китайцами, которые свои карты этой страны должны основывать на трудахъ русскихъ ученыхъ. Относительно самаго Китая и сосѣдняго ему средне-азіятскаго міра, съ которымъ онъ такъ тѣсно связанъ въ теченіе многихъ вѣковъ, русская литература со справедливою гордостью можетъ выставить труды Бичурина (Іакинфа), Васильева, Захарова, Кафарова (Палладія), Леонтьева, Тимковскаго и цѣлаго ряда другихъ второстепенныхъ синологовъ. Такія смѣлыя и плодотворныя экспедиціи, какъ Пржевальскаго и Матусовскаго, такія глубокія ученыя изысканія, какъ Васильева о буддизмѣ, справедливо обращали на себя вниманіе европейскаго ученаго міра. И замѣтимъ, что въ этомъ научномъ движеніи, направленномъ къ изученію сѣвера и востока Азіи, принимали участіе представители всѣхъ слоевъ русскаго общества, отъ академиковъ до скромныхъ топографовъ, отъ дипломатовъ до консульскихъ переводчиковъ, отъ губернаторовъ до купцовъ, казаковъ, монаховъ и даже ссыльныхъ преступниковъ.

Для населенія самой Азіятской Россіи это большое научное движеніе однакоже долгое время не приносило непосредственной пользы. Пріѣзжавшіе изъ Петербурга или Москвы ученые, послѣ кратковременнаго пребыванія

въ Сибири, обыкновенно возвращались навсегда за Уралъ и тамъ уже издавали свои труды, часто даже не на русскомъ, а на нѣмецкомъ или на французскомъ языкахъ, такъ что плоды ихъ изысканій оставались недоступными большинству Сибиряковъ, для которыхъ могли быть особенно полезны. Такимъ образомъ даже классическое *Путешествіе* А. Ф. Миддендорфа, не говоря уже про сочиненія многихъ другихъ академиковъ, было сначала издано на нѣмецкомъ языкѣ и только позже стало извѣстнымъ на русскомъ; такъ г. Чихачевъ предпочелъ издать свое *Путешествіе по Алтаю* въ Парижѣ, на языкѣ французскомъ. Гофманъ, посланный въ Сибирь для изученія ея золотоносныхъ пріисковъ, съ чисто практическою цѣлью, далъ отчетъ о своихъ изслѣдованіяхъ по-нѣмецки; Кастренъ писалъ по нѣмецки же о Финскихъ народахъ западной Сибири, а Бетлингъ о языкѣ Якутовъ; Радде далъ русской литературѣ только извлеченіе изъ своего *Путешествія по Восточной Сибири*, а подлинникъ издалъ на языкѣ нѣмецкомъ. Наконецъ книги, самаго высокаго интереса для Сибиряковъ и даже написанныя по-русски, какъ *Статистическое описиніе Сибири* Ю. А. Гагемейстера, съ самой минуты ихъ отпечатанія оставались какими-то секретными, хотя въ нихъ нѣтъ никакихъ государственныхъ тайнъ, а содержится сводъ матеріаловъ большею частію печатныхъ и сполна извѣстныхъ даже иностранцамъ. Отъ того-то и вышло въ общемъ итогѣ что русскіе люди, которые бы пожелали содѣйствовать заселенію и развитію промышленности Сибири, не имѣютъ доселѣ никакихъ руководствъ, между тѣмъ какъ англійская Индія, Австралія, Соединенные Штаты, Бразилія, земли по Ла-Платѣ, Алжирія, Кохинхина отлично извѣстны изъ сжатыхъ, но обстоятельныхъ описаній, иногда даже издаваемыхъ ежегодно, съ нужными исправленіями и дополненіями.

Случайность, кратковременность пребыванія въ Сибири наѣзжихъ ученыхъ отозвалась неблагопріятно и въ другомъ отношеніи: скромные мѣстные дѣятели науки, оттѣсненные на второй планъ пріѣзжими «извѣстностями», не поощряемые въ своихъ трудахъ, скоро теряли къ нимъ охоту. Склоняясь предъ авторитетомъ столичныхъ ученыхъ, они обыкновенно усердно дѣлились съ ними познаніями, которыя пріобрѣтали долгимъ, тяжелымъ опытомъ, но рѣдко слышали за то благодарность, еще рѣже научную ссылку. Далеко не всѣ пріѣзжіе съ запада поступали такъ, какъ Гумбольдтъ, который не затруднился въ своей знаменитой *Asie Centrale* упомянуть съ благодарностью о городничемъ и о таможенномъ чиновникѣ, подѣлившихся съ нимъ познаніями.

Вотъ почему надлежитъ съ особою благодарностью вспомнить объ основаніи, въ 1851 году Сибирскаго Отдѣла Русскаго Географическаго Общества и пожелать чтобы подобные отдѣлы были основаны за Ураломъ и другими русскими учеными собраніями, особенно естествоиспытателей и историковъ. Давая возможность образованнымъ и трудящимся для науки обитателямъ сѣверной Азіи сосредоточиваться около мѣстныхъ умственныхъ центровъ и издавать свои посильные труды въ мѣстныхъ органахъ, эти отдѣлы оживили бы научное изслѣдованіе сѣверной Азіи и привлекли бы къ нему много образованныхъ сибиряковъ, отъ которыхъ любовь къ научнымъ трудамъ переходила бы къ окружающему ихъ обществу. Но, конечно, наилучшимъ средствомъ къ достиженію такой гуманной цѣли было бы скорѣйшее открытіе сибирскаго университета.

У насъ нерѣдко можно услышать что основаніе университета въ Сибири,—гдѣ живетъ 4½ милліона однихъ Русскихъ, не считая инородцевъ,—еще преждевременно, что университетъ останется безъ студентовъ, потому что

во всѣхъ сибирскихъ гимназіяхъ едва 1,300 учениковъ; что при огромности разстояній, которыя должны будутъ переѣзжать молодые люди для сосредоточенія въ одномъ городѣ, приливъ ихъ будетъ весьма незначителенъ. На это мы позволимъ себѣ возразить, вопервыхъ, что отъ каждой точки внутри Сибири разстояніе до отдаленнѣйшихъ ея окраинъ все же ближе, чѣмъ разстоянія отъ этихъ окраинъ до Петербурга, а вовторыхъ, что въ одномъ изъ этихъ возраженій есть логическій кругъ. Число среднихъ учебныхъ заведеній въ Сибири дѣйствительно не велико, но это не столько по недостатку любознательнаго юношества, сколько потому что обзпечить комплектъ преподавателей даже и въ этомъ маломъ числѣ гимназій при нынѣшнихъ условіяхъ невозможно. Ни одинъ образованный молодой человѣкъ изъ уроженцевъ Европейской Россіи не поѣдетъ теперь безъ крайней нужды изъ Москвы или Петербурга на скромное мѣсто учителя въ такую умственную глушь и даль, какъ Сибирь. Будь же за Ураломъ мѣстный университетъ, то сибирскія гимназіи и другія училища получали бы себѣ наставниковъ изъ мѣстныхъ уроженцевъ, получившихъ образованіе въ этомъ, родномъ имъ, умственномъ центрѣ. Тюмень, Петропавловскъ, Барнаулъ, Енисейскъ, Верхнеудинскъ, Троицкосавскъ, Чита, Нерчинскъ и Благовѣщенскъ, конечно, не замедлили бы увеличить число своихъ училищъ, чтобы въ нихъ приготовлять для сибирскаго университета контингентъ молодежи. Кромѣ того всѣ тѣ дѣти зажиточныхъ родителей, которыя теперь, съ огромными издержками, отправляются за Уралъ, въ Казань, Москву, Петербургъ, чтобы слушать университетскіе курсы, можно надѣяться, остались бы дома, то-есть въ предѣлахъ сѣверной Азіи, а одно такое ослабленіе абсентеизма образованныхъ людей изъ Сибири сильно бы подвинуло умственное развитіе ея населенія. Будемъ же надѣяться что попытка

генерала Казнакова, встрѣченная такъ сочувственно всѣмъ русскимъ и особенно сибирскимъ обществомъ, а также и многими правительственными лицами, не останется безуспѣшною.

Къ вопросу объ общемъ образованіи тѣсно примыкаетъ вопросъ объ образованіи *техническомъ*, которое особенно важно для Сибири, гдѣ землевладѣльцы страждутъ отъ недостатка сбыта на заводы изобильнаго сырья и отъ дороговизны заводскихъ издѣлій, заводская же промышленность не можетъ развиться по неимѣнію техниковъ. Чтобы судить о потребности въ людяхъ со спеціальными техническими познаніями, довольно напомнить что для установки и починки довольно простыхъ механизмовъ на золотыхъ пріискахъ нынѣ приходится приглашать на время, изъ-за 6—8.000 верстъ, техниковъ-иностранцевъ, а затѣмъ, разсчитавъ ихъ, довѣрять веденіе дѣла посредственнымъ практикамъ-самоучкамъ. Обработка сала и кожъ, выплавка стекла, приготовленіе пряжи, тканье полотенъ и суконъ — все это находится въ русской Азіи на очень невысокой степени развитія, несмотря на то, что превосходное сырье подъ рукой и дешево. Даже мѣха, добываемые изъ сибирскихъ лѣсовъ, отсылаются нынѣ на выдѣлку въ Петербургъ и Москву. Нѣкоторыя производства, возникавшія съ цѣлью поднять доходы земледѣльцевъ и удешевить заводскіе продукты,— напримѣръ свеклосахарное въ Забайкальѣ, — и возникали было, но падали, потому что заѣзжіе техники вымогали отъ заводчиковъ слишкомъ разорительное вознагражденіе или оставляли работы. Всѣ химическія издѣлія въ Азіятской Россіи привозятся издалека, хотя матеріалы для приготовленія ихъ встрѣчаются въ изобиліи на Алтаѣ, въ Прибайкальскихъ и Даурскихъ горахъ. Горнозаводское дѣло отличается рутинностью, между прочимъ, потому что нѣтъ конкурренціи между техниками, до крайности мало-

численными и думающими только о томъ чтобы поскорѣе нажиться на счетъ хозяевъ и уѣхать въ Петербургъ или вообще за Уралъ. Пароходство не довольно преуспѣваетъ также потому, что для устройства и ремонтированія паровыхъ машинъ нѣтъ хорошихъ механиковъ. А между тѣмъ при возрастаніи сибирскаго населенія и отсутствіи желѣзныхъ дорогъ дѣятельное рѣчное пароходство становится все болѣе и болѣе необходимымъ условіемъ жизни цѣлаго обширнаго края.

Впрочемъ, упомянувъ о пароходствѣ, о горныхъ заводахъ, о золотомъ промыслѣ и припомнивъ при этомъ что Азіятская Россія нынѣ уже имѣетъ собственные стеариновые заводы (вблизи Урала), обширное кожевенное производство (въ Тюмени), суконныя фабрики, стеклянные заводы, даже механическія мастерскія (во Владивостокѣ, Хабаровкѣ, Тюмени), мы можемъ не безъ основанія сказать что начало многимъ высшимъ отраслямъ *ручной промышленности* уже положено и что она давно вышла изъ періода чистой ремесленности. Едва ли можно сомнѣваться, что ея развитіе совершалось бы быстрѣе, еслибы теперь для лицъ, желающихъ вложить свои капиталы въ заводское дѣло не представляло такого соблазна винокуреніе, очень поощряемое, какъ источникъ государственнаго дохода. По крайней мѣрѣ первый заводъ на Амурѣ— безъ такого поощренія — вѣроятно былъ бы не винокуренный, потому что экономически-неестественно, чтобъ избытокъ хлѣба на верхнемъ Амурѣ шелъ на приготовленіе предмета второстепенной необходимости или даже роскоши, когда на низовьяхъ той же рѣки и на Усури жителямъ нечего было ѣсть, и они снабжались хлѣбомъ изъ Европейской Россіи или изъ Забайкалья. Возраженіе, которое иногда приводится противу возможности широкаго развитія въ Азіятской Россіи мануфактуръ и которое состоитъ въ томъ что въ Сибири мало

рабочихъ рукъ, не существенно. Изъ за Урала ежегодно прибываютъ сотни ссыльныхъ ремесленниковъ и фабричныхъ, которые ищутъ работы и не находятъ ея, почему обращаются къ малодоходному земледѣлію. Притомъ, если допустить что рѣдкость населенія необходимо влечетъ за собою слабое развитіе заводскаго дѣла, то какъ же объяснить успѣхи послѣдняго въ слабонаселенной Калифорніи, которая однако снабжаетъ многими фабричными издѣліями разныя прибрежныя страны восточной Азіи и Океаніи.

Краткій взглядъ на сибирскую торговлю приведетъ насъ также къ заключенію, что въ сѣверной Азіи, несмотря на огромность разстояній и затруднительность сообщеній, установилось правильное коммерческое движеніе, которое свойственно только странамъ съ прочною цивилизаціей. Для торговли съ Европейскою Россіей Сибирь имѣетъ важную по своимъ оборотамъ (до 40 мил. руб.) Ирбитскую ярмарку и цѣлый рядъ второстепенныхъ — въ Тюмени, Ишимѣ и пр. Западо-сибирскіе продукты: скотъ, кожи, сало, отчасти винный спиртъ, постоянно большими партіями проникаютъ за Уралъ и иногда даже доходятъ до Петербурга. Съ другой стороны движеніе волжскихъ и обскихъ пароходовъ поддерживаетъ торговыя связи Москвы и Нижняго-Новгорода нетолько съ Тобольскомъ и Омскомъ, но съ Семипалатинскомъ и Томскомъ, которые въ свою очередь находятся въ частыхъ сношеніяхъ съ Восточною Сибирью и заграничными, китайскими владѣніями. Русскіе караваны съ верховьевъ Иртыша и Оби ходятъ нынѣ къ подножью восточнаго Таньшаня, въ Гучэнъ, не говоря уже про болѣе близкіе Кобдо, Булунь-Тохой и Манасъ. И не далѣе какъ въ 1876 году, въ этомъ чжуньгарскомъ направленіи дѣлались милліонные обороты, а двадцать лѣтъ назадъ, при полномъ спокойствіи Чжунгаріи, они были еще значительнѣе. Восточная Сибирь какъ къ сторонѣ Россіи, такъ

и въ Китай отпускаетъ большое количество мѣховъ, которыми есть большой правильный торгъ въ Якутскѣ, Нерчинскѣ, Кяхтѣ, Иркутскѣ, Ирбити (на 3—4 мил. рублей) и Нижнемъ-Новгородѣ (6—7 мил. руб.). Эта мѣховая торговля важна какъ для Европейской Россіи и Европы, гдѣ высшіе сорты мѣховъ становятся все дороже и дороже, такъ и для восточно-сибирскаго населенія, инородческаго и русскаго, какъ одинъ изъ немногихъ источниковъ доставляющихъ деньги или европейскія издѣлія такимъ людямъ которые, по бѣдности окружающей природы, иначе не имѣли бы ихъ. Если сибирскіе мѣхоторговцы научатся хорошо выдѣлывать шкуры, то эта торговля станетъ еще выгоднѣе для Азіатской Россіи. Одинъ изъ важнѣйшихъ сибирскихъ рынковъ, Кяхта, гдѣ еще двадцать лѣтъ назадъ казна собирала до пяти милліоновъ пошлинъ, конечно, нынѣ утратилъ свое значеніе; но взамѣнъ его сибирскому и вообще русскому купечеству открылись рынки Китая, и нельзя сказать чтобъ оно не воспользовалось этимъ, такъ какъ русскіе торговые дома есть нынѣ въ Калганѣ, Тянь-Цзинѣ, Хань-Коу и даже Фучжеу-Фу. При этомъ часть пріобрѣтаемыхъ ими китайскихъ товаровъ все еще направляется чрезъ Сибирь, хотя есть болѣе дешевый путь на Суэзъ и Одессу.

Амуръ и Приморскій край до занятія ихъ Русскими, стояли внѣ всякаго міроваго торговаго движенія. Конечно, движеніе это не велико *) и нынѣ, потому что самое населеніе этихъ странъ чрезвычайно слабо; но торговля все-таки существуетъ и притомъ небезвыгодная для оживленія края и для сближенія его съ остальнымъ міромъ. Че-

*) Во Владивостокѣ бываетъ въ годъ отъ 30 до 40 приходящихъ судовъ; въ Кастри, Николаевскѣ, Аянѣ, Петропавловскѣ — по 3 — 4, не считая временно заходящихъ китобоевъ.

тыре пароходныя компаніи *) и нѣсколько частныхъ торговцевъ посвящаютъ себя ея производству, и, естественно, съ теченіемъ времени она будетъ возрастать, не ограничиваясь отпускомъ мѣховъ изъ Аяна, Петропавловска и Николаевска, морской капусты изъ портовъ Южно-Усурійскаго края, угля съ Сахалина, и привозомъ во всѣ эти мѣстности предметовъ продовольствія и домашняго обихода. Даже и при настоящемъ, мало удовлетворительномъ состояніи колонизаціи Приморскаго края и дурномъ веденіи дѣла Амурскаго пароходства, выгоды отъ такой торговли есть, хотя, къ сожалѣнію, эти выгоды большею частію достаются иностранцамъ, которыхъ положеніе, подъ защитою международнаго права, лучше чѣмъ самихъ Русскихъ. Когда же русское населеніе въ береговой полосѣ увеличится, тогда дѣла торговцевъ станутъ еще болѣе выгодными; русскіе купцы и промышленники въ состояніи будутъ помѣстить свои капиталы и трудъ посвящать на прибыльныя занятія китобойнымъ, тюленьимъ и рыбнымъ промыслами, лѣсной торговлей, разработкой золотыхъ розсыпей, быть-можетъ даже судостроеніемъ, для котораго лѣса Приморскато края даютъ прекрасный матеріалъ. Жизнь въ странѣ станетъ дешевле, удобнѣе, и новыя поколѣнія пришельцевъ, — откуда бы ни было, изъ Россіи или изъ другихъ странъ,—съ благодарностью должны будутъ вспомнить о трудахъ и невзгодахъ переносимыхъ нынѣ піонерами Русскаго племени...

Выше мы упомянули о телеграфѣ сказывающемъ всѣ сѣверо-азіятскія владѣнія Россіи не только между собою,

---

*) Товарищество Амурскаго пароходства; компанія г. Филипеуса, посылающая свои пароходы въ сѣверные порты и Камчатку; компанія Линдхольма, содержащая рейсы отъ Владивостока до Йокагамы, и Компанія Шевелева, которой пароходы плаваютъ изъ южныхъ портовъ въ Шанхай и Нагасаки. Въ числѣ частныхъ пароходовладѣльцевъ стоитъ замѣтить одного Китайца, торгующаго на Амурѣ и купившаго пароходъ отъ Русскихъ.

но и съ сосѣдними частями Европы и Азіи. Длина всѣхъ электропроводныхъ нитей дѣйствующихъ нынѣ на пространствѣ отъ Урала до береговъ Тихаго океана простирается до 9,400 верстъ, а съ подводнымъ продолженіемъ до Нагасаки и Шанхая свыше 11,000 верстъ. Устройство этой сѣти и ея дѣятельность одни, сами по себѣ, свидѣтельствуютъ о томъ, какую прочную почву для цивилизаціи пріобрѣло человѣчество въ русско-азіятскихъ владѣніяхъ и насколько эта цивилизація уже привилась въ мало гостепріимныхъ отъ природы мѣстностяхъ сѣверной и восточной Азіи. Центръ всемірной торговли въ юго-восточной Азіи, конечно, составляетъ Шанхай, лежащій близь устьевъ Янъ-цзе-кіяна. Отъ него до Лондона и Парижа, промышленнаго и умственнаго средоточій Европы, кратчайшая линія проходитъ, конечно, не чрезъ Владивостокъ и Хабаровку, а чрезъ внутреннія провинціи Китая и притяньшаньскія страны, къ берегамъ Иртыша или Сыръ-Дарьи, гдѣ политическое вліяніе Срединнаго царства сказывалось уже много вѣковъ назадъ. Тѣмъ не менѣе телеграфная проволока пошла изъ Шанхая сначала на сѣверо-востокъ, къ заливу Петра Великаго и устью Усури, а потомъ уже повернула на западъ, постоянно оставаясь притомъ въ русскихъ предѣлахъ, такъ какъ это направленіе оказалось единственно возможнымъ по политическимъ, экономическимъ и соціальнымъ условіямъ. Небесная же имперія, гордящаяся сорока четырьмя вѣками историческаго существованія, не представила достаточно ручательствъ чтобъ обезпечить осуществленіе самаго мирнаго и общеполезнаго предпріятія, [illegible].

Эти указанія на результаты умственнаго и промышленнаго движенія въ сѣверной и восточной Азіи, созданнаго пришествіемъ Русскихъ и вовсе не существовавшаго три вѣка назадъ, представляютъ достаточно доказательствъ

способности Русскаго племени къ достиженію самыхъ высокихъ цѣлей, какія только можетъ преслѣдовать, при расширеніи своей территоріи, нація цивилизованная и имѣющая нравственное право на вліятельный голосъ въ общей семьѣ человѣчества. Если Англія такъ неизмѣримо выдѣлилась успѣхами своей колонизаціи и своихъ завоеваній, сдѣланныхъ въ теченіе трехъ послѣднихъ вѣковъ, то непосредственно послѣ нея въ дѣлѣ расширенія области европеизма должна быть поставлена Россія. Ни Франція, ни Германія, передовыя націи Запада по отношенію къ умственному и промышленному развитію, не успѣли сдѣлать на этомъ поприщѣ столь величественныхъ и прочныхъ шаговъ какъ Англія и Россія. И если Испанія создала рядъ колоній на пространствѣ большемъ даже Азіятской Россіи, то эти колоніи начали имѣть общечеловѣческое значеніе лишь тогда, когда отпали отъ метрополіи и зажили самостоятельно. Притомъ испанская колонизація представляетъ рядъ явленій самыхъ неутѣшительныхъ. Она какъ и англійская сопровождалась кровавымъ истребленіемъ цѣлыхъ расъ и обращеніемъ въ рабство многихъ милліоновъ людей; она внесла въ новыя страны зачатки общественныхъ неурядицъ, католическую нетерпимость, социальную вражду между туземцами, завоевателями и происшедшими отъ нихъ смѣшанными породами; она богатѣйшія отъ природы страны Средней и Южной Америки и Океаніи осудила на политическое ничтожество и долгія гражданскія войны. Ничего подобнаго не представляетъ намъ колонизація русская. Туземныя племена сѣверной Азіи не истребляются Русскими, а сливаются съ ними; за сибирскими дикарями русскій человѣкъ не охотится съ ружьемъ и собакой, какъ Англичанинъ за Маорисами въ Новой Зеландіи; онъ ихъ не спаиваетъ спиртомъ и не разстрѣливаетъ изъ винтовки, какъ Сѣверо-Американецъ краснокожихъ Индійцевъ, не

обращаетъ въ рабочій скотъ, какъ тѣ же Американецъ, Англичанинъ, Испанецъ и Португалецъ Негровъ, не дѣлаетъ изъ нихъ племенъ крѣпостныхъ, обложенныхъ барщиной, какъ Голландецъ изъ Малайцевъ Зондскаго архипелага. Религіозная нетерпимость совершенно чужда русскимъ людямъ, и покоренные ими магометане, ламаиты и шаманы не лишены никакихъ гражданскихъ правъ за то, что они иновѣрцы. Ни о племенной, ни о соціальной враждѣ въ разноплеменномъ населеніи Сибири нѣтъ и рѣчи. Полное политическое спокойствіе царствуетъ на всемъ обширномъ пространствѣ отъ Урала до Тихаго Океана, несмотря даже на приливъ туда столькихъ элементовъ безпорядка въ лицѣ ссыльныхъ преступниковъ. И въ общегосударственномъ смыслѣ сѣверная Азія является не мятежною колоніей, которая истощала бы свою метрополію усиліями на поддержаніе политическихъ узъ, а простымъ продолженіемъ великой Имперіи, политическое могущество которой только черпаетъ въ завоеванной странѣ новыя силы.

V.

Взглядомъ на политическую сторону русскаго движенія въ сѣверной и восточной Азіи и на его международное значеніе мы и заключимъ нашу характеристику этого движенія. И чтобы было ясно что̀ же внесло это движеніе въ судьбы Азіи и даже вообще Стараго Свѣта, напомнимъ здѣсь политическое состояніе Азіятскаго материка въ XVI вѣкѣ, за исключеніемъ тѣхъ частей его, которыя не прикасаются къ нынѣшней Азіятской Россіи. Японія тогда лишь впервые вошла въ соприкосновеніе съ западно-христіанскими народами, но весьма не надолго, потому что происки католическаго духовенства оттолк-

нули Японцевъ отъ общенія съ Европейцами, и послѣднимъ было запрещено вступать на японскую почву, а Японцамъ оставлять родину, прежде даже чѣмъ Русскіе достигли восточныхъ береговъ Азіи, сосѣднихъ Японскому архипелагу. Замкнувшись съ 1638 года въ себѣ имперія Солнечнаго Восхода такимъ образомъ отказалась отъ всякаго вліянія на сосѣдніе ей восточно-азіятскіе народы, за исключеніемъ мацмайскихъ Аиновъ. Корея тогда какъ и нынѣ оставалась замкнутою таинственною страной, безъ всякаго международнаго значенія. Въ Манчьжуріи среди отроговъ Чань-бо-шаня и у подошвы его образовалось небольшое, правильно устроенное государство; но его вниманіе было обращено не на сѣверъ, къ сторонѣ Амура и Сибири, а на югъ, къ сторонѣ Китая, престолъ котораго и достался маньчжурскимъ государямъ въ 1644 году. Въ обширныхъ степяхъ Средней Азіи, отъ Хингана до Каспійскаго моря и отъ Великой Стѣны до Алтая и даже Урала, не было ничего кромѣ мелкихъ развалинъ имперіи великаго Чингизъ-хана, обитаемыхъ кочевыми Монголами, Калмыками, Узбеками и Киргизами, подъ патріархальнымъ управленіемъ множества хановъ, выводившихъ свою родословную отъ грознаго завоевателя XIII вѣка и часто ссорившихся между собою. О состояніи нынѣшней Сибири было упомянуто выше. Итакъ, вся сѣверная половина Азіи, приблизительно отъ 41° широты, была внѣ общенія съ историческимъ, цивилизованнымъ міромъ. Судьба повидимому опредѣлила ей остаться навсегда въ этомъ отчужденіи и ничтожествѣ, чтобы только по временамъ потрясать міръ разливомъ варварства, какъ было въ V, XIII и XV столѣтіяхъ. Но вотъ въ концѣ XVI вѣка появились въ сѣверной Азіи Русскіе, и обстоятельства измѣняются. Между новою обширною сѣверо-азіятскою монархіей и большими, старыми государствами юго-восточной Азіи завязываются сношенія, которыя,

разростаясь, мало-по-малу измѣняютъ всю политическую судьбу средне-азіятскихъ народовъ, а на крайнемъ востокѣ приводятъ къ заселенію лѣсныхъ пустынь представителями цивилизованныхъ націй. Раздѣлъ Азіятскаго материка и вмѣстѣ историческія его судьбы опредѣлены на долгое время, если не навсегда.

Начало сношеній Россіи съ Китаемъ относится къ царствованію Іоанна Грознаго. Именно въ 1567 году, за Уралъ были посланы два казацкіе атамана, Петровъ и Ялышевъ, «для развѣдыванія о неизвѣстныхъ государствахъ», и они-то первые изъ Русскихъ посѣтили Пекинъ, хотя не могли представиться богдыхану по неимѣнію подарковъ. Атаманы видѣли многое на пространствѣ отъ Урала до Корейскаго моря и отъ Байкала до Пекина; но это была поверхностная развѣдка, оставшаяся безъ всякихъ послѣдствій. Только завоеваніе Сибири, начавшееся двадцатью двумя годами позднѣе и продолжавшееся въ XVII вѣкѣ, привело къ болѣе правильнымъ и серіознымъ сношеніямъ Россіи съ Китаемъ, и притомъ, естественно, прежде съ такими частями нынѣшней Небесной имперіи, которыя лежатъ ближе къ предѣламъ Сибири. Такимъ образомъ, 1608 и 1616 годахъ были отправляемы изъ Томска посольства къ Алтынъ-хану, котораго владѣнія лежали на верхнемъ Енисеѣ и около озера Убсы. Туда же ходили и караваны съ товарами. Скоро этотъ ханъ призналъ себя даже вассаломъ московскаго царя, хотя дани никакой не платилъ. Въ 1644 году, то-есть одновременно съ движеніемъ Маньчжуровъ къ Пекину, русскій отрядъ подъ начальствомъ Пояркова появился на сѣверѣ отъ ихъ отечества, Маньчжуріи, а съ 1651 года, то-есть съ прихода на Амуръ Хабарова, Русскіе даже утвердились на этой рѣкѣ и основали тамъ городокъ Албазинъ и нѣсколько остроговъ. Съ теченіемъ времени удалыя казачьи дружины появились на самой

рѣкѣ Сунгари, то-есть въ непосредственныхъ владѣніяхъ маньчжурской династіи, которая въ то время уже господствовала и въ Срединномъ царствѣ. Такимъ образомъ мало-по-малу Россія сближалась съ Китаемъ географически и даже экономически и политически. Понимая важность этого сближенія и желая, чтобъ оно совершилось при условіяхъ возможно благопріятныхъ и мирныхъ, царь Алексѣй Михайловичъ послалъ въ 1657 году въ Пекинъ боярскаго сына Ѳедора Байкова, который и пробрался туда черезъ всю ширину Монгольскихъ степей, слѣдуя отъ предѣловъ Россіи вверхъ по Иртышу, т.-е. дорогой которая казалась кратчайшею, на самомъ же дѣлѣ была и осталась доселѣ едва ли не самою неудобною. Байковъ однакоже не имѣлъ успѣха, потому что отказался кланяться богдыхану въ землю и вслѣдствіе того не былъ имъ принятъ, хотя обычные подарки Китайцы и взяли. Не болѣе удачны были и слѣдовавшія затѣмъ посольства боярскаго сына Перфильева, Ярыкина, Бухарца Сенткула Аблина, боярскихъ дѣтей Милованова и Кобякина и наконецъ Грека Спафарія. Великій сынъ царя Алексѣя, Петръ, засталъ отношенія Россіи къ Китаю натянутыми вслѣдствіе вопроса объ Амурѣ, и для выясненія дѣла послалъ на переговоры съ уполномоченными императора Кханъси брянскаго воеводу Головина. Тогда-то, въ 1689 году, состоялся знаменитый Нерчинскій договоръ, по которому мы лишились Амура, ибо не только Китайцы предъ тѣмъ вытѣснили насъ оттуда, но даже забрали въ плѣнъ цѣлый гарнизонъ Албазина и переселили его въ Пекинъ, на встрѣчу же Головину привели въ Нерчинскъ цѣлый десяти тысячный корпусъ, которому нашъ воевода могъ противопоставить только Стрѣлецкій полкъ. Дѣлать было нечего; приходилось уступить силѣ; но Головинъ все-таки оказалъ важную услугу Россіи, отстоявъ наши владѣнія на Аргуни и Шилкѣ, т.-е. на верховьяхъ Амура, откуда

легко было рано или поздно вернуться на низовья этой рѣки. Брянскій воевода, такъ сказать, перехитрилъ іезуитовъ Перейру и Жербильйона, которые руководили китайскими уполномоченными. За это-то Петръ и возвелъ Головина въ санъ боярина.

Но дѣло сближенія съ Китаемъ не удавалось, хотя мы даже заискивали у него, дозволивъ напримѣръ китайскому посольству проѣхать через Сибирь въ Приволжскія степи, къ калмыцкому хану Аюкѣ, и посылая сами въ Пекинъ довольно частыя посольства, изъ которыхъ иныя, какъ напримѣръ гвардіи капитана Измайлова, были очень блистательны. За исключеніемъ успѣшнаго ходатайства о дозволеніи имѣть для плѣнныхъ Албазинцевъ въ Пекинѣ нѣсколько русскихъ духовныхъ лицъ, всѣ остальныя наши домогательства отвергались по вліянію іезуитовъ, несмотря даже на то, что Петръ приказывалъ своимъ посланникамъ ласкать послѣднихъ и давать имъ разныя обѣщанія. Пріемъ иныхъ изъ этихъ пословъ, напримѣръ Голландца Исбранда-Идеса, былъ таковъ, что самъ правдолюбивый монархъ приказалъ скрыть унизительныя для Россіи подробности пребыванія его въ Пекинѣ. Вообще то была эпоха преобладанія Китая надъ Россіей въ восточной и средней Азіи; но, унижая насъ, Китайцы сослужили намъ и важную службу. При современникѣ Петра, Кханъ-си, маньчжурская династія утвердила свою власть на сѣверѣ отъ Гоби, въ Халкѣ, и такимъ образомъ разъ на всегда избавила насъ отъ печальной необходимости имѣть дѣло съ хищными варварами-Монголами, принявъ на себя трудное и дорого стоющее дѣло умиротворенія ихъ. При Кханъ-си же потрясено было Китайцами могущество Калмыцкаго царства, которое въ первой половинѣ XVIII вѣка распространялось отъ Алтая до Тибета и пало наконецъ подъ ударами Китая же, въ 1756 — 59 годахъ.

Овладѣніе Ханкой привело Китайскую Имперію въ непосредственное соприкосновеніе съ Русскою, и потому весьма естественно должно было повести къ правильному разграниченію ихъ земель. Такое разграниченіе и состоялось въ 1727 году по смерти двухъ великихъ соперниковъ, Петра и Кханъ си, и послѣ потери преобладающаго вліянія при Пекинскомъ дворѣ іезуитами. Договоры Буринскій и Кяхтинскій, заключенные графомъ Рагузинскимъ въ 1727 и 1728 годахъ, опредѣлили русскую границу на пространствѣ отъ Алтая до Аргуни, и это разграниченіе не только осталось въ силѣ до настоящаго времени, но и представляется очень удачнымъ въ томъ смыслѣ, что проложило государственный рубежъ большею частію по вершинамъ трудно переходимыхъ горъ и такимъ образомъ облегчило каждой изъ двухъ цивилизованныхъ націй дѣло умиротворенія своихъ безпокойныхъ кочевыхъ подданныхъ. Со времени этихъ же договоровъ возникла Кяхта, которой торговое развитіе было едва ли не самымъ прочнымъ залогомъ мира между двумя величайшими государствами Азіи въ теченіе ста тридцати трехъ лѣтъ, съ 1728 по 1861, то есть по день уничтоженія кяхтинской монополіи.

Нѣкоторое какъ бы преобладаніе Китая въ сношеніяхъ съ Россіей сохранялось во все продолженіе XVIII столѣтія и даже перешло въ девятнадцатое. Такимъ образомъ при возобновленіи въ 1792 году кяхтинскаго торга, временно прерывавшагося по причинѣ взаимныхъ пограничныхъ недоразумѣній, Китайцы позволили себѣ употребить въ бумагѣ къ иркутскому губернатору Нагелю такія слова: «Великій, святѣйшій государь (богдыханъ), милосердствуя одинаково о всѣхъ живущихъ и во вниманіе къ благосклонному прошенію Россійскаго Сената, соизволилъ на открытіе торга на Кяхтѣ; того ради надлежитъ...» и пр. И это было еще не послѣднее униже-

ніе, потому что въ 1806 году не было допущено въ Пекинъ великолѣпное посольство графа Головкина, отъ котораго уже въ Ургѣ требовали унизительныхъ обрядовъ, а въ 1820 годахъ Китайцы позволили себѣ назначить ханомъ въ подвластную намъ Среднюю орду своего приверженца, султана Габайдулу. Дорожа кяхтинскою торговлей, которая приносила казнѣ милліоны дохода и снабжала Россію чаемъ независимо отъ Англичанъ, привозившихъ его въ Европу изъ Кантона, правительство наше было уступчиво, можетъ быть даже чрезъ мѣру; но оно сохранило миръ съ Китаемъ въ теченіе ста восьмидесяти лѣтъ (1689 — 1876), а этотъ миръ и позволилъ намъ прочно утвердиться въ сѣверной и восточной Азіи.

Со второй половины XIX столѣтія начинается эпоха обратнаго воздѣйствія Россіи на Китай, преобладаніе первой надъ вторымъ, и этотъ новый порядокъ вещей, окончательно опредѣляетъ судьбы обширныхъ странъ въ Амурскомъ водоемѣ, у Тихаго океана и отчасти въ Чжунгаріи, гдѣ прежде не было непосредственнаго соприкосновенія Русскихъ съ Китайцами. Начало этой перемѣны было совершенно мирное и обоюдно выгодное. Оно состояло въ заключеніи, въ 1851 году, Ковалевскимъ, Кульджинскаго договора, по которому кромѣ Кяхты русско-китайская торговля могла производиться еще въ Чугучакѣ и Кульджѣ, двухъ крайнихъ точкахъ Китайской имперіи на сѣверо-западѣ, гдѣ Россія получила право держать консуловъ и гдѣ торговля уже въ 1854 году стала дѣлать милліонные обороты. Одновременно съ этимъ начались и приготовленія къ возвращенію Амура, который, по развѣдкамъ Ладыженскаго (1834), Миддендорфа (1845), Ахте, Шварца и Невельскаго (1849—1851), оказывался почти пустымъ, то-есть незанятымъ Китайцами, которые очевидно не умѣли цѣнить міровой важности великой рѣки и сосѣдняго ей прибрежья Тихаго

океана. 1854 годъ былъ рѣшительнымъ въ этомъ великомъ дѣлѣ. Благодаря разумнымъ представленіямъ и подготовительнымъ дѣйствіемъ генералъ-губернатора Муравьева, который въ этомъ случаѣ былъ счастливѣе своихъ предмѣстниковъ, Броневскаго и Лавинскаго, предлагавшихъ тотъ же проектъ, 2-го января этого года императоръ Николай далъ на вѣки достопамятное рѣшеніе: приступить къ возсоединенію Амура, вопреки мнѣнію тогдашняго руководителя иностранной политики Россіи графа Нессельрода. Начинавшаяся война съ Англіей и Франціей дала предлогъ къ отправленію первой Амурской экспедиціи, которая должна была будто бы доставить въ Охотское море наши войска и запасы, назначенные въ Камчатку. Слѣдующіе два года обезпечили за нами владѣніе низовьемъ Амура, а черезъ годъ по заключеніи Парижскаго мира, русскія селенія возникали уже на верховьяхъ этой рѣки, отъ Стрѣлки до горъ Хинганскихъ, такъ что китайская колонизація на лѣвомъ берегу рѣки сразу очутилась островомъ среди русскихъ колоній. Въ 1858 году заселена остальная часть Амура до впаденія въ него Усури и даже возникло нѣсколько селеній на этой послѣдней рѣкѣ, которая въ то же время была нами изслѣдована до самыхъ верховьевъ. 16-го мая того года Амурскій край сталъ наконецъ русскимъ не только на дѣлѣ, но и по праву: былъ подписанъ Айгунскій трактатъ, котораго заключеніе — плодъ многолѣтней энергической дѣятельности Н. Н. Муравьева, — замѣтимъ, едва было не выскользнуло изъ его рукъ... И вся эта великая цѣль была достигнута при помощи только трехъ баталіоновъ и четырехъ орудій, *безъ всякихъ экстренныхъ расходовъ*, такъ какъ «амурскій капиталъ», на который велись экспедиціи, былъ результатомъ сбереженій того же генералъ-губернатора, сдѣланныхъ имъ изъ смѣтныхъ суммъ разныхъ вѣдомствъ

Восточной Сибири. Ни одного боеваго выстрѣла не было сдѣлано при этомъ завоеваніи, ни одна капля русской крови не пролита. Китайцы уступали намъ почти молча, покоряясь величію энергіи нашей и превосходству нашей цивилизаціи, представленной въ первую же Амурскую экспедицію пароходами и хорошо дисциплинованными войсками. Если даже намъ приходилось выносить невзгоды, въ родѣ происшедшаго въ 1856 году, отъ нераспорядительности ген. Корсакова, изнуренія партіи солдатъ отъ голода, то въ общемъ итогѣ конечно едва ли какое пріобрѣтеніе Россіи обошлось такъ дешево, особенно если вспомнить, для сравненія, Кавказъ и Туркестанъ въ XIX вѣкѣ и завоеванія Потемкина въ XVIII.

Присоединеніе Амурскаго края завершило раздѣлъ восточной и средней Азіи между Россіей и Китаемъ, и поставило два эти государства въ непосредственное соприкосновеніе на огромномъ протяженіи 7,000 верстъ. Это одно уже даетъ достаточно поводовъ обоимъ государствамъ къ непрерывнымъ сношеніямъ, а правительства ихъ обязываетъ относиться другъ къ другу съ полнымъ довѣріемъ и взаимною услужливостью, ибо иначе всякое частное, мѣстное недоразумѣніе отражалось бы прискорбными послѣдствіями на слишкомъ огромномъ пространствѣ и числѣ людей. Но такая же причина, общая во всѣхъ случаяхъ когда двѣ обширныя страны соприкасаются на значительномъ протяженіи, получаетъ особое значеніе по отношенію къ Китаю и Россіи. Мы уже замѣтили что первый оказалъ услугу второй, принявъ на себя дѣло умиротворенія Монголовъ. Будь Китай когда-нибудь вынужденъ покинуть свои владѣнія за Великою Стѣной, на Россію пало бы тяжелое бремя управленія хищниками, съ которыхъ взять нечего, а которые между тѣмъ безпрестанно причиняютъ множество безпокойствъ и расходовъ, какъ мы хорошо знаемъ по опыту Киргиз-

скихъ степей и Туркестана. Съ другой стороны, и наоборотъ: если-бы на сѣверѣ отъ Монголіи не лежала сильная Россія, или еслибъ эта Россія была враждебна Китаю, то послѣдній напрасно бы истощался въ борьбѣ съ своими многовѣковыми кочевыми врагами; они бы оставались почти неуязвимы. Итакъ, у обоихъ государствъ есть одинъ общій и дорогой имъ интересъ: поддерживать *statu quo* въ восточной половинѣ Средней Азіи, то-есть теперешнія границы и теперешнее политическое ничтожество среднеазіятскихъ народовъ, которые по самой природѣ ихъ странъ не могутъ составить государствъ цивилизованныхъ, а получивъ хоть долю политической независимости сдѣлаются бичомъ сосѣдней гражданственности. Другое важное основаніе для поддержанія не только мирныхъ, но и дружественныхъ связей Россіи съ Китаемъ состоитъ въ сходственномъ положеніи ихъ территорій по отношенію къ Великому океану. Ни та, ни другая держава не имѣютъ еще на этомъ океанѣ могущественнаго флота, а потому ихъ берега и ихъ морская торговля могутъ подвергаться большимъ опасностямъ со стороны исключительно мореходныхъ націй, которыя не упустятъ случая поочередно истребить только-что возникающія морскія силы Россіи и Китая, если эти государства будутъ жить во враждѣ. Цѣли этихъ мореходныхъ націй нынѣ уже обозначились изъ цѣлаго ряда историческихъ фактовъ достаточно ясно, чтобы державы существенно континентальныя не принимали противъ нихъ нѣкоторыхъ мѣръ; и чѣмъ тѣснѣе будетъ ихъ согласіе между собою, тѣмъ труднѣе будетъ морскимъ эксплуататорамъ лишать ихъ береговъ, флотовъ и всемірныхъ торговыхъ путей по океану. Китай очень хорошо знаетъ, что такое эта эксплуатація, навязывающая ему ядъ и ограничивающая его въ одномъ изъ самыхъ законныхъ правъ государства самостоятельнаго — въ установленіи

тарифовъ. Извѣстны также и послѣдствія основанія у его берёговъ пристанища контрабандистовъ и пиратовъ въ видѣ Гонъ-Конга... Россія также можетъ узнать нѣчто подобное, если въ случаѣ войны съ морскими державами будетъ еще имѣть противъ себя и Китай, могущій атаковать съ тыла южную часть Приморской области. Наконецъ Россія и Китай имѣютъ у себя въ Азіи общаго политическаго соперника въ лицѣ Англіи, которая, овладѣвъ Индіей, опасается потери ея въ томъ случаѣ, если который-нибудь изъ двухъ сѣверныхъ сосѣдей вздумаетъ возбудить или поддержать бунтъ недовольныхъ ею Индусовъ, и потому старается вредить имъ обоимъ по мѣрѣ возможности. Вотъ три основные пункта политики, которые связываютъ насъ съ Китайцами и очевидно имѣютъ огромную важность, такъ что предъ ними должны стираться всѣ частныя недоразумѣнія, какія неизбѣжно могутъ отъ времени до времени возникать между двумя сосѣдними государствами.

Въ общихъ чертахъ, эта высшая, миролюбивая цѣль и достигается болѣе или менѣе успѣшно со времени установленія границъ на Амурѣ; но, къ сожалѣнію, есть отдѣльные факты довольно прискорбнаго характера, которые вызываютъ взаимное охлажденіе между Россіей и Китаемъ. Одинъ изъ такихъ фактовъ состоитъ въ нераціональномъ устройствѣ Чжунгарской границы, т.-е. части государственныхъ рубежей между Алтаемъ и Тянь-Шанемъ. Долгое время граница эта проходила отъ западнаго конца Зайсана прямо на югъ, къ Хабаръ-асу, и оттуда почти по меридіану же, мимо Чугучака, ко хребту Чжунгарскому Алатау, который составляетъ естественную грань между занятымъ Киргизами бассейномъ Балхаша и внутренностью Чжунгаріи, т.-е. Калмыцкой земли. Отъ юго-западнаго конца Чжунгарскаго Алатау условная межа между Россіею и Китаемъ шла до 1871 года также по-

чти по меридіану до Ханъ-Тенгри. Но вотъ въ 1869 и 1871 годахъ эти очертанія измѣнились, и почти прямая линія замѣнилась ломаною, вдвое длиннѣйшею и очень невыгодною для обѣихъ сторонъ. Вопервыхъ, неизвѣстно для чего перешла въ наше владѣніе степь на югъ отъ Зайсана, гдѣ, за исключеніемъ нѣсколькихъ квадратныхъ миль у Джемини, нѣтъ удобныхъ для культуры земель. Если для того чтобы прикрыть наше зайсанское рыболовство, то это не вѣрно, потому что именно рыболовные-то участки противъ устья Чернаго Иртыша и въ дельтѣ этой рѣки остались за Китайцами. Если для того чтобы захватить въ наши руки всѣ кочевья Киргизовъ, оставивъ за Китаемъ лишь Калмыцкія земли, то это также не вѣрно, и новая граница въ этомъ смыслѣ даже хуже прежней, ибо отдѣляетъ для нѣкоторыхъ киргизскихъ родовъ ихъ зимовки отъ лѣтовокъ. Наконецъ, Россія имѣетъ такое огромное количество степей, что всякое новое пріобрѣтеніе ихъ, безъ крайней необходимости, есть для нея положительный вредъ, тѣмъ болѣе что въ данномъ случаѣ степь составляетъ выдающуюся часть территоріи, которую нужно охранять съ трехъ сторонъ. *) Другой участокъ Чжунгарской границы въ настоящее время также можетъ не быть причиной нѣкоторыхъ взаимныхъ неудовольствій между Россіей и Китаемъ, потому что въ 1871 году, рѣшась уничтожить вновь возникшее въ Кульджѣ мусульманское государство, мы сами объявили Китайцамъ, чтобъ они приходили взять свое законное достояніе, а между тѣмъ не отдаемъ его доселѣ, да и сами не знаемъ, останемся ли мы тамъ навсегда или нѣтъ. Отношенія наши къ Китаю по поводу Восточнаго

*) По поводу этого пріобрѣтенія за-Зайсанской степи въ свое время ходила шутка, что нужно бы пріобрѣтателей наградить майоратами въ этой степи.

Туркестана также не могутъ быть названы безусловно дружественными, несмотря на то, что китайскія войска въ при-тяньшаньскихъ мѣстностяхъ снабжаются отъ насъ продовольствіемъ; ибо хотя мы и не поддерживаемъ Якубъ-бека въ борьбѣ его съ Китайцами, но и не мѣшаемъ ему бороться съ ними, хотя прямой интересъ нашъ — не допускать возникновенія въ сосѣдствѣ съ нашими среднеазіятскими владѣніями мусульманскихъ государствъ, тѣмъ болѣе находящихся подъ вліяніемъ изъ-за Гималая. Мы могли бы еще указать на нѣкоторыя другія частныя причины неудовольствій между нами и Китаемъ, гдѣ, какъ напримѣръ, въ вопросахъ о разбояхъ, о судоходствѣ по Сунгари, о торговлѣ нашихъ купцовъ въ Монголіи, виноватыми являются уже Китайцы. Но не будемъ останавливаться надъ этими частностями, а сдѣлаемъ лишь общее замѣчаніе на счетъ русско-китайской политики нашего времени. Замѣчаніе это, на которое мы позволимъ себѣ обратить особое вниманіе читателя, состоитъ въ томъ, что *у насъ, по отношенію къ Небесной имперіи*, не смотря на двухвѣковыя сношенія съ ней непосредственное сосѣдство и множество общихъ интересовъ первокласснаго политическаго значенія, *не выработалось никакой общей политической программы*, и отъ того *наша политика колеблется, то въ ту, то въ другую сторону, не имѣя одной ясно опредѣленной цѣли.* Что замѣчаніе это *фактически* вѣрно, мы могли бы подтвердить показаніями лицъ вполнѣ компетентыхъ, по нѣскольку лѣтъ стоявшихъ у русско-китайскихъ дѣлъ; но ограничимся принятіемъ полной отвѣтственности за него на себя, на что двадцатилѣтнія занятія Азіей, быть-можетъ, даютъ намъ нѣкоторое право. Отъ этой шаткости политики и происходятъ тѣ прискорбныя явленія, которыя, по чувству любви къ родинѣ, мы позволимъ себѣ здѣсь засвидѣтельствовать, и которыхъ общій смыслъ со-

стоитъ въ томъ что *Россія утратила часть того значенія, которое она имѣла еще недавно въ Китаѣ* и которое достигло своего зенита въ 1860 году, когда генералъ Игнатьевъ поставилъ во главѣ пекинскаго правительства князя Гуна и тѣмъ спасъ Китайскую имперію отъ разрушенія ея Англо-Французами, Тайпингами и магометанами. Фактовъ въ доказательство у насъ очень много, но приведемъ лишь нѣкоторые. Китайцы не позволяютъ намъ торговать на Сунгари, мѣшаютъ ученымъ экспедиціямъ нашимъ въ застѣнныхъ земляхъ и пр.; а между тѣмъ въ 1858 году спутники И-шана, уполномоченнаго подписавшаго Айгунскій договоръ, признавались, что Китай готовъ былъ отдать намъ всѣ эти земли лишь бы сохранить нашу дружбу. Современная невнимательность китайскихъ министровъ къ нашей миссіи въ Пекинѣ дошла до того, что въ началѣ 1876 года нашему посланнику потребовалось «возвысить тонъ», т. е. прибѣгнуть къ давленію и, быть-можетъ, угрозамъ, въ чемъ Россія не нуждалась доселѣ. Наши консулы теперь не на такой ногѣ съ мѣстными китайскими властями, какъ напримѣръ былъ въ 1850 годахъ г. Захаровъ въ Кульджѣ, гдѣ кромѣ дзянь-дзюня, или генералъ-губернатора, не было лицъ равныхъ съ нимъ по общественному положенію, хотя было много стоявшихъ выше его по табели о рангахъ. Были даже случаи, гдѣ офиціальное званіе русскаго офицера или чиновника не предохраняло отъ личныхъ непріятностей. Въ 1858 году, плавая по Усури, тогда еще вполнѣ китайской рѣкѣ, я приказывалъ начальникамъ китайскихъ военныхъ постовъ, желавшимъ знать мое имя и видѣть мой паспортъ, являться ко мнѣ — и они исполняли; въ 1871 году, г. Пржевальскому приходилось терпѣть отъ мелкихъ китайскихъ чиновниковъ притѣсненія и, во избѣжаніе ихъ, обходить города; въ 1876 году г. Потанинъ даже подвергся аресту

въ мелкомъ городишкѣ Тулту. Кромѣ того, на китайской почвѣ намъ приходится выносить униженія отъ иностранцевъ, и они остаются безъ возмездія, что Китайцы хорошо знаютъ и цѣнятъ. Такъ въ 1869 году, при пріѣздѣ въ Шанхай одного западно-европейскаго принца, на городской пристани были выставлены попарно флаги: впереди англійскій съ американскимъ, потомъ французскій съ германскимъ, италіянскій съ испанскимъ, швейцарскій съ бельгійскимъ, португальскій съ греческимъ, и, наконецъ, русскій съ... сіамскимъ! А на пароходѣ, высланномъ на встрѣчу принцу за Вусунскій баръ и разукрашенномъ всевозможными флагами, даже вовсе не было русскаго, потому что принцъ не любилъ Россіи. И какъ въ составѣ распорядительнаго комитета по пріему князька былъ одинъ господинъ (иностранецъ), котораго домъ прикрывался русскимъ консульскимъ флагомъ, то Китайцы, все хорошо замѣтившіе, не могли не сдѣлать соотвѣтственнаго вывода о значеніи Россіи среди другихъ государствъ. Къ подобному же выводу ихъ могъ привести и слѣдующій фактъ. Когда въ Вашингтонѣ были обнародованы бумаги, относящіяся къ посольству въ Китай въ 1857 — 60 годахъ г. Рида, то Китайцы могли тамъ прочесть инструкцію этому послу отъ его правительства, которою предписывалось ему «оказывать всякое вниманіе уполномоченнымъ Англіи и Франціи и не обращаться ни за чѣмъ къ представителю Россіи». А между тѣмъ самъ Ридъ и многіе его преемники въ Китаѣ были предметомъ самой предупредительной любезности со стороны русскаго посольства, что не могло не имѣть, въ глазахъ Китайцевъ, вида заискиванья со стороны Россіи предъ Соединенными Штатами.

Впрочемъ, приводя эти факты, непріятные для нашего національнаго самолюбія, поспѣшимъ замѣтить что выражаемое ими ослабленіе вѣса Россіи въ глазахъ Ки-

тая отнюдь не такъ велико чтобы русскій посланникъ въ Пекинѣ, желающій занимать такое же почетное положеніе, какъ напр. нашъ же посолъ въ Константинополѣ за послѣднія 11 лѣтъ, не нашелъ къ этому возможности. Самое положеніе Россіи, какъ сосѣдки Китая и какъ державы которой интересы нерѣдко противоположны домогательствамъ западныхъ націй, особенно ненавистныхъ Китайцамъ, много облегчаетъ достиженіе такой цѣли. Русскіе не ввозятъ въ Китай опіума; они не поддерживаютъ никакихъ пропагандистовъ, подъ предлогомъ распространенія евангельскаго ученія подготовляющихъ разрушеніе національнаго единства Китая, научающихъ Китайцевъ папу ставить выше богдыхана; они не пролили ни капли китайской крови, не бомбардировали китайскихъ городовъ, не разграбляли китайскихъ дворцовъ, не продавали китайскимъ инсургентамъ пороха и оружія. Словомъ, на русскомъ правительствѣ и народѣ не лежитъ ни одного изъ тѣхъ тягостныхъ обвиненій, какими полны сердца Китайцевъ по отношенію къ западно-европейскимъ націямъ. И потому, если мы хотя отъ времени до времени будемъ поддерживать Китай въ его столкновеніяхъ съ этими западными эксплуататорами, то однимъ этимъ уже выиграемъ много въ своемъ вліяніи на него. А присоединивъ сюда нѣкоторое содѣйствіе Китайцамъ въ ихъ борьбѣ съ при-Тяньшаньскими мусульманами и затѣмъ спокойное, ровное и полное достоинства поведеніе по отношенію къ Пекинскому правительству, безъ излишняго возвышенія тона, но и безъ малѣйшаго послабленія въ дѣлѣ защиты русскихъ интересовъ въ Китаѣ, — мы безъ сомнѣнія возстановимъ скоро то, что̀ временно потеряли.

Отношенія наши къ Кореѣ до сихъ поръ очень односторонны, но нельзя сказать, чтобы совершенно ничтожны, какъ можно бы думать потому, что между правитель-

ствами нашимъ и Корейскимъ нѣтъ дипломатической переписки. Не забудемъ, что нами принято въ Амурскій край болѣе трехъ тысячъ корейскихъ выходцевъ, которыхъ выдачи корейскія пограничныя власти неоднократно требовали. Кромѣ того, одно изъ нашихъ военныхъ судовъ, лодка *Соболь*, за неуваженіе къ русскому флагу, уже бомбардировало въ 1869 году одну корейскую деревню, а въ одномъ изъ ближайшихъ къ этому времени годовъ русская пограничная стража сожгла нѣсколько Корейцевъ, вопреки запрещенію перебравшихся на нашу территорію и вздумавшихъ было сопротивляться въ одной брошенной Китайцами фанзѣ. Это слѣдовательно такіе прецеденты, которые вслучаѣ открытія Кореи для иностранцевъ, — къ чему Японія недавно проложила дорогу, — будутъ не въ нашу пользу. Но какъ будущее предвидѣть трудно, въ настоящее же время Корея для Россіи есть политическая *terra incognita*, то и говорить объ отношеніяхъ къ ней здѣсь нѣтъ никакой нужды.

Совершенно иное слѣдуетъ разумѣть о Японіи. Исторія сношеній ея съ Россіей, не смотря на свою краткость, представляетъ настолько много поучительныхъ и любопытныхъ фактовъ, что мы позволимъ себѣ здѣсь напомнить важнѣйшіе изъ нихъ. Россія не знала Японіи до второй половины прошлаго вѣка. Русскіе образованные люди конечно имѣли понятіе объ этой странѣ изъ сочиненій западныхъ путешественниковъ; но ни правительство, ни народъ нашъ не искали сближенія съ Японцами, которые притомъ въ то время составляли націю, замкнутую въ себѣ, не допускавшую на почву свою чужеземцевъ. Первая попытка сношеній послѣдовала съ нашей стороны въ 1792 году, когда по повелѣнію императрицы Екатерины II были отправлены на родину нѣсколько Японцевъ, выброшенныхъ бурей на русскіе берега и прожившихъ нѣсколько лѣтъ въ Россіи. Посланный

съ ними, отъ имени иркутскаго губернатора, поручикъ Лаксманъ, успѣлъ получить согласіе Японцевъ, на прибытіе русскихъ кораблей въ Нагасаки, гдѣ могла бы быть основана такая же русско-японская торговля какъ существовавшая уже голландско-японская. Но мы упустили своевременно воспользоваться этимъ предложеніемъ, а въ 1804 году наше офиціальное посольство въ Японію несмотря на свою торжественность, не имѣло уже успѣха, отчасти по интригамъ Голландцевъ, боявшихся конкурренціи. Посолъ Рязановъ не былъ принятъ и, какъ человѣкъ раздражительный, вздумалъ отмстить за свое униженіе довольно странною респресаліей. По его повелѣнію два морскіе офицера, Хвостовъ и Давыдовъ, сожгли нѣсколько японскихъ селеній на овтровѣ Іезо и объявили весь Сахалинъ собственностью Россіи, хотя въ то время тамъ не было ничего русскаго, а напротивъ, сверхъ туземцевъ, Аиновъ и Гиляковъ, жило нѣсколько рыбаковъ-Японцевъ. Правительство наше, разумѣется, не признало такихъ дѣйствій законными; но Японцы не удовольствовались этимъ, а при первомъ же случаѣ хитростію захватили капитана и нѣсколько офицеровъ и матросовъ съ русскаго военнаго судна и потребовали категорическаго порицанія дѣйствій Давыдова и Хвостова. Эта цѣль была ими достигнута, и тогда плѣнные — извѣстный Головнинъ съ товарищами — были возвращены, но Русскимъ объявлено что Японія не желаетъ сношеній съ ними. Это «запрещеніе», общее впрочемъ для всѣхъ европейскихъ народовъ, продолжалось до 1855 года, когда значительной русской эскадрѣ адмирала Путятина, дѣйствовавшей притомъ одновременно съ американскою, коммодора Перри, удалось наконецъ открыть доступъ въ японскіе порты русскимъ судамъ и торговымъ людямъ. Это былъ разумный шагъ, несмотря на его насильственный характеръ. Но, заключая Симодскій трактатъ 1855

года, мы внесли въ него одно условіе, которое намъ доставило потомъ не мало хлопотъ и могло бы стать источникомъ постоянныхъ столкновеній съ Японіей, еслибы не убѣжденія Іедосскаго правительства что съ сильнымъ сосѣдомъ лучше жить въ мирѣ. Разумѣемъ статью вторую трактата о Сахалинѣ, которою этотъ островъ признавался «неразграниченнымъ между обоими государствами». Это выраженіе, развитое еще въ 1867 году въ особую конвенцію, создало для Сахалина безпримѣрное въ международной исторіи положеніе зависимости одновременно отъ двухъ государствъ. И если Японія могла быть очень довольна этимъ условіемъ, потому что оно отдавало въ ея руки судьбы никогда въ дѣйствительности ему не принадлежавшей земли и позволяло имѣть постоянное вліяніе на Россію, то совершенно въ иномъ положеніи очутилась Россія, для которой Сахалинъ есть политически важная мѣстность, командующая устьемъ Амура и Татарскимъ проливомъ и способная доставлять хорошій уголь для ея Тихо-океанскаго флота. Только послѣ продолжительныхъ переговоровъ и уступки Японіи всего Курильскаго архипелага намъ удалось въ 1875 году избавиться отъ этой странной комбинаціи, придуманной дипломатами. Но за то съ тѣхъ поръ у насъ уже нѣтъ повода къ разногласіямъ съ Японіей и напротивъ мы получили залогъ ея постояннаго желанія сохранять нашу дружбу вслѣдствіе того что предоставили Японцамъ ловить у Сахалинскихъ береговъ рыбу, составляющую въ ихъ хозяйствѣ предметъ первой необходимости. Съ прошлаго 1876 года въ нижней части острова поселился даже японскій вице-консулъ для наблюденія за своими рыбаками, временно туда наѣзжающими. Русская колонизація на Сахалинѣ получила правильную почву для своего развитія какъ и русскіе горные промыслы, которые возникли уже съ 1859 года. За устраненіемъ щекотливыхъ вопро-

совъ представитель Россіи въ Іеддо нынѣ сталъ такою *persona grata* при Японскомъ дворѣ что можно повидимому считать дружественныя отношенія двухъ государствъ обезпеченными надолго. И теперь мы видимъ установившимися правильныя сношенія Владивостока съ Нагасаки и Іокагамой, какъ подобаетъ между двумя сосѣдними цивилизованными націями, посредствомъ пароходовъ и телеграфа. При большемъ развитіи нашей колонизаціи въ Приморской области, эти сношенія сдѣлаются, конечно, еще болѣе плодотворными въ смыслѣ поддержанія дружественныхъ связей Россіи съ Японіей.

Таковы главные, наиболѣе выдающіеся результаты трехвѣковаго поступательнаго движенія Россіи въ сѣверной и восточной Азіи, начавшагося переходомъ за Уралъ нанятой частнымъ человѣкомъ казачьей вольницы и приведшей къ утвержденію государственной власти Россіи надъ двумя пятыми Азіятскаго материка, къ созданію и упроченію ея международнаго вліянія надъ самыми древними государствами Стараго Свѣта, къ водворенію прочнаго спокойствія среди народовъ издавна тревожившихъ своими волненіями весь міръ, и къ основанію русскаго мореплаванія на обширнѣйшемъ изъ всѣхъ океановъ — Восточномъ. Грядущія судьбы не только Азіи, но и всего земнаго шара, очевидно, во многомъ зависятъ отъ результатовъ этого движенія. И если, быть-можетъ, эти результаты покажутся не вполнѣ удовлетворительными отъ сравненія съ тѣми которые, въ тѣ же три вѣка, достигнуты англо-саксонскимъ племенемъ, то пусть читатель приметъ въ соображеніе, пользовался ли русскій народъ такими же благопріятными условіями, какъ Англичане. Въ нашемъ очеркѣ, при всей его краткости, для рѣшенія послѣдняго вопроса онъ найдетъ, полагаемъ, достаточно данныхъ.

ПОСТУПАТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНІЕ РОССІИ ВЪ СРЕДНЕЙ АЗІИ.

Во всемірной исторіи, особенно же въ лѣтописяхъ востока, немного найдется событій такого глубокаго значенія, какъ поступательное движеніе Россіи въ Средней Азіи, совершившееся въ теченіе двухъ послѣднихъ столѣтій и, конечно, еще не вполнѣ заключенное. Съ точки зрѣнія естественной исторіи человѣка, это движеніе можно назвать возстановленіемъ или распространеніемъ господства арійской расы въ странахъ, которыя долгое время были подъ владычествомъ народовъ тюркскаго и монгольскаго корня. Въ смыслѣ экономическомъ, оно представляетъ собою послѣдовательное водвореніе общечеловѣческихъ бытовыхъ потребностей и европейскихъ способовъ къ ихъ удовлетворенію въ странахъ, гдѣ тысячелѣтія прошли безъ перемѣнъ въ совершенно азіатской бытовой обстановкѣ людей, ихъ вкусахъ и пріемахъ промышленности. По отношенію къ нравственности, законодательству и религіи, это есть новый шагъ къ расширенію области христіанства, къ замѣнѣ гуманными его началами

началъ мусульманскаго изувѣрства, и слѣдовательно къ освобожденію человѣческой личности отъ поглощенія ея узкими требованіями ислама. Для науки и людскаго образованія, русское движеніе не только открыло новый, не изслѣдованный край, но и положило прочное начало къ развитію общечеловѣческихъ знаній въ средѣ населенія его, дотолѣ совершенно невѣжественнаго. Въ смыслѣ гражданскаго благоустройства, народы Средней Азіи отнынѣ могутъ считать себя въ періодѣ такого же сближенія съ передовыми націями, какъ съ начала нашего вѣка кавказскія племена и съ конца прошлаго индусы. Наконецъ въ политическомъ смыслѣ успѣхи наши въ Средней Азіи также важны: для самой Россіи, — какъ постепенное сближеніе съ естественными предѣлами, наиболѣе для нея выгодными, для Азіи — какъ завершеніе подчиненія почти половины ея власти одной націи, и для человѣчества вообще — какъ движеніе одного могущественнаго европейскаго народа на встрѣчу другому, уже захватившему богатѣйшія страны Востока и опасающемуся за потерю въ нихъ своей власти. Попробуемъ изложить здѣсь наиболѣе выдающіеся факты, которыми сопровождается это русское движеніе во всѣхъ исчисленныхъ отношеніяхъ.

Извѣстно, что современныя антропологія и сравнительная филологія признаютъ родиною арійскихъ, или индо-европейскихъ народовъ горныя страны по верховьямъ Инда и Окса. Отсюда арійскіе предки наши распространились, съ одной стороны, на югъ, въ Индостанъ, гдѣ оттѣснили тамульцевъ, а съ другой, на сѣверо-западъ, въ Иранъ, на Кавказъ и въ Европу, гдѣ, благодаря исключительно-благопріятнымъ условіямъ этой части свѣта, получили особенно высокое промышленное и умственное развитіе. Если мы нынѣ станемъ слѣдить за разселеніемъ людей въ названныхъ странахъ, то уви-

димъ, что, начиная отъ предѣловъ Кашмира, можно черезъ Дардистанъ, Читралъ, Бадакшанъ, Балхъ, Гератъ, Персію, Кавказъ, южную Россію, Австрію, Италію, южную Францію и Испанію, пройдти до самыхъ западныхъ предѣловъ Стараго Свѣта, не выступая изъ полосы арійскаго населенія. Но нѣчто другое представится нашему взору, если, въ нашемъ движеніи къ западу, мы изберемъ путь не южнѣе, а сѣвернѣе Каспійскаго моря. Тутъ послѣ дардовъ, ваханцевъ, гальчей и таджиковъ, занимающихъ сравнительно небольшое пространство въ горахъ Верхней Азіи, мы вступимъ надолго въ земли, занятыя народами монголо-турецкими, каковы узбеки и киргизы, и только на берегахъ Урала снова встрѣтимъ индо-европейское населеніе, да и то смѣшанное. Между тѣмъ путь сѣвернѣе Каспія, совершенно открытый, т. е. не прегражденный ни горами, въ родѣ Кавказа, ни водоемами, въ родѣ Чернаго моря и Архипелага, былъ вѣроятно главнымъ путемъ при движеніи арійцевъ на западъ, въ Европу, и если нынѣ мы находимъ тутъ перерывъ, то онъ обусловленъ исторіею. Народы монголотюркскіе, въ нѣсколько пріемовъ спускавшіеся съ большаго нагорья восточной Азіи въ среднеазіятскія страны, вытѣснили оттуда первоначальныхъ обитателей, совсѣмъ или отчасти, и стали обладателями почвы отъ береговъ Оби и Иртыша до Хорасана, Гиндукуша и Гималая. Здѣсь не мѣсто слѣдить, какъ совершалось это движеніе. Довольно будетъ напомнить, что оно тянулось много вѣковъ, начиная съ эпохи великаго переселенія народовъ до завоеваній Чингизъ-хана и движеній кочевниковъ въ прошломъ и даже въ нынѣшнемъ столѣтіяхъ. Но для насъ важенъ тотъ фактъ, что, въ настоящее время, между арійскими горцами Гиндукуша и Памира, съ одной стороны, и жителями береговъ Урала и Иртыша, съ другой стороны, т. е. тамъ, гдѣ до начала девятнад-

цатаго вѣка вовсе не было связующихъ членовъ арійской семьи, явился такой связующій этнографическій членъ. Мало того, эта роль цемента досталась русскимъ, т. е. націи господствующей въ политическомъ и интеллектуальномъ смыслѣ. И хотя рознь между русскимъ народомъ и таджиками, гальчами, ваханцами, кафиръ-сіягпушами, дардами и пр. велика; но уже одинъ взглядъ на словари, собранные у послѣднихъ народцевъ англійскими путешественниками, Борнсомъ, Кенингэмомъ, Дрью и Лейтнеромъ, показываетъ, что мы идемъ тутъ на встрѣчу народамъ родственнымъ, съ которыми сближаютъ насъ (сверхъ общности расы) сходство облика и даже нѣкоторыя историческія преданія. Греческая цивилизація, какъ извѣстно, коснулась верховьевъ Окса еще за 1200 лѣтъ до начала русскаго государства, и современные государи Дарваза, Шигнана и Вахана гордятся своимъ происхожденіемъ отъ Александра Великаго; отъ грековъ же, хотя другой эпохи, приняли многіе зачатки гражданственности и мы.

Какой реальный этнографическій смыслъ будетъ имѣть это «возвращеніе» части славянъ въ сосѣдство къ ихъ доисторической родинѣ — трудно теперь сказать. Очень можетъ быть, что религіозная рознь помѣшаетъ образованію въ Туркестанѣ многочисленной смѣшанной породы арійско-русской. Но уже то важно, что отнынѣ туземные арійцы Средней Азіи выходятъ изъ-подъ зависимости монгольскихъ узбековъ; что передъ ними открывается лучшая будущность. Если раса ихъ не утратила благороднѣйшихъ качествъ бѣлаго племени, то она можетъ еще играть въ исторіи немаловажную роль. Не забудемъ притомъ, что племенная рознь даже между долго жившими вмѣстѣ таджиками и узбеками доселѣ не стерлась, что первые ненавидятъ послѣднихъ и рѣдко съ ними вступаютъ въ браки. Они, кромѣ того, воспріимчивѣе къ

образованности и болѣе развиты умственно, чѣмъ узбеки, какъ это хорошо выяснилъ одинъ изъ лучшихъ практическихъ знатоковъ Средней Азіи, Гребенкинъ. Умѣнье поставить себя такъ, чтобы эта рознь служила нашимъ національнымъ интересамъ и вообще интересамъ цивилизаціи, много можетъ облегчить сложную задачу, возложенную на Россію въ Средней Азіи. Но не безъ сожалѣнія должно признаться, что пока въ этомъ направленіи у насъ ничего не сдѣлано. Нѣтъ даже словарей таджикскаго и гальчинскаго нарѣчій, и никто изъ русскихъ ученыхъ, посѣщавшихъ Туркестанъ, не далъ себѣ труда выслѣдить степень родства арійской части его обитателей хотя бы со славянами и литовцами, не говоря уже про германцевъ и кельтовъ. Никто также не поднялъ вопроса о томъ, чтобы русскому населенію, мало-по-малу проникающему въ Среднюю Азію, разрѣшено было, нисколько не возбраняемое каноническими правилами и здравымъ смысломъ, вступленіе въ браки съ туземцами, что дало бы возможность множеству мужской молодежи, привлекаемой въ Туркестанъ военною службою, по окончаніи ея обзаводиться тамъ же семействами и мало-по-малу создать, быть можетъ, такую же превосходную породу людей, какую мы встрѣчаемъ на берегахъ Терека, гдѣ, въ теченіи долгаго времени, русскіе казаки женились на дочеряхъ кавказскихъ горцевъ. Мы не англичане, которые стараются въ Индіи отнюдь не смѣшиваться съ туземною расою и которые за то, рано или поздно, могутъ заплатить потерю этой страны, гдѣ у нихъ не будетъ *родственныхъ* связей; наша сила напротивъ, въ томъ и состояла доселѣ, что мы ассимилировали покоренные народы, дружелюбно сливаясь съ ними. Желательно, чтобы этотъ историческій выводъ не былъ забытъ и въ будущемъ, особенно же съ приходомъ нашимъ на верховья Аму-дарьи, гдѣ намъ нужно будетъ создать

вполнѣ русскую украйну, какъ единственную гарантію прочности нашего положенія въ Туркестанѣ.

Впрочемъ, оставимъ въ сторонѣ соображенія о будущей этнографической физіономіи Средней Азіи посмотримъ, что̀ уже сдѣлано нами для упроченія нашего собственнаго племеннаго господства въ этой обширной странѣ. До двадцатыхъ годовъ нашего вѣка русскіе вовсе не поселялись за Ураломъ и Иртышемъ, и отъ того тогда зависимость отъ насъ киргизовъ, номинально подвластныхъ съ 1732 года, была почти мнимою. Мало-по малу однако же колонизаціонное движеніе въ степь началось и нынѣ достигло уже значительныхъ результатовъ. Цѣлый рядъ русскихъ поселеній основался въ степяхъ и даже въ недавно покоренныхъ осѣдлыхъ частяхъ Туркестана. Эти русскія поселенія могутъ быть подведены подъ три главные типа: степныя укрѣпленія, казачьи и крестьянскія земледѣльческія колоніи и торговыя слободы при нѣкоторыхъ городахъ, населенныхъ туземцами. О значеніи первыхъ укрѣпленій сказать почти нечего. Въ лучшихъ случаяхъ значеніе укрѣпленій поддерживалось лишь въ теченіе лишь немногихъ лѣтъ, пока какое нибудь изъ нихъ служило опорнымъ пунктомъ для дѣйствій нашихъ отрядовъ; обыкновенно же степныя укрѣпленія были просто этапами или передовыми постами, которыхъ основаніе обусловливалось временными военными потребностями, а поддержка больше всего интересовала ихъ строителей и подрядчиковъ по продовольствію гарнизоновъ. Въ наше время, т. е. послѣ подпаденія власти или вліянію Россіи Кокана, Хивы и самой Бухары, многія изъ этихъ укрѣпленій, напр. Масше, Уильское, Карабутакъ и пр., утратили всякое значеніе и зачѣмъ существуютъ — намъ неизвѣстно. Вѣроятно, они мало-по-малу будутъ упразднены во избѣжаніе напрасныхъ издержекъ казны и отчасти даже вреднаго вліянія на судьбу ихъ обитателей, солдатъ, и

окрестныхъ туземцевъ, киргизовъ, систематически отъ нихъ удаляющихся, чтобы не быть жертвами произвола мелкихъ военныхъ начальниковъ.

Другой разрядъ русскихъ осѣдлостей — казачьи и крестьянскія деревни — есть, безъ сомнѣнія, самый полезный для упроченія русскаго могущества въ Средней Азіи и для пріобщенія ея народовъ къ интересамъ мирной, цивилизованной жизни. Въ тѣхъ случаяхъ, когда выборъ мѣстъ для этихъ селеній былъ правильно соображенъ со свойствами страны и экономическими потребностями ея кореннаго населенія, образовались истинные центры для цивилизаціи номадовъ, какъ Вѣрный, Акмоллы и Каркаралы. Но бывали конечно случаи — и нерѣдкіе, — что русское населеніе водвореніемъ своимъ не только не оживляло мѣстной промышленности и торговли, а напротивъ стѣсняло ихъ. Такъ напр. основаніе Аягуза заставило торговцевъ, ходившихъ съ караванами изъ Чугучака въ Каркаралы, измѣнить свою дорогу въ обходъ этой русской осѣдлости. И когда мѣстныя власти, для устраненія этого неудобства, перенесли колонію на новую дорогу, то купцы вернулись на старый путь. Еще болѣе неудачный примѣръ русской колонизаціи въ степяхъ представляетъ заселеніе въ 1840 годахъ восточной, зауральской части нынѣшней Оренбургской губерніи. Здѣсь колонисты-казаки лишили киргизъ множества лучшихъ кочевокъ, и сами обѣднѣли на столько, что теперь наилучшимъ исходомъ для нихъ было бы новое переселеніе куда-нибудь на югъ, въ плодородныя части Туркестанскаго края. Общее число земледѣльцевъ-казаковъ въ пяти степныхъ областяхъ, Уральской, Тургайской, Акмолинской, Семипалатинской и Семирѣченской нынѣ достигаетъ до 505,000 душъ, но собственно въ степяхъ за Ураломъ и Иртышемъ, на пространствѣ 40,000 кв. миль, живетъ не свыше 60,000 д., распредѣленныхъ притомъ очень

неравномѣрно. Наиболѣе густое казачье населеніе встрѣчается на сѣверѣ этихъ степей, около Ишима и Тобола, и лишь въ одномъ мѣстѣ на югѣ, именно въ Заилійскомъ краѣ, встрѣчается снова подобная сосредоточенность, впрочемъ очень небольшаго числа казаковъ. На остальномъ протяженіи степныхъ равнинъ, особенно оренбургскаго вѣдомства, осѣдлыхъ казаковъ почти нѣтъ. Такимъ образомъ это военно-земледѣльческое сословіе, историческимъ призваніемъ котораго всегда было охранять границы государства, нынѣ живетъ очень далеко отъ этихъ границъ, продолжая впрочемъ ходить туда на службу изъ-за многихъ сотенъ и даже тысячъ верстъ *). Это показываетъ, что вопросъ о средне-азіатскомъ казачествѣ рано или поздно долженъ будетъ подлежать разсмотрѣнію въ правительственныхъ сферахъ, и очень возможно, что часть казаковъ, наиболѣе удаленная отъ границъ, вернется въ гражданское состояніе, а другая подвинется къ югу. По крайней мѣрѣ это было бы раціонально и съ военно-политической точки зрѣнія, и съ государственно-хозяйственной.

Свободная земледѣльческая колонизація, т. е. крестьянская, на всемъ протяженіи русскихъ владѣній въ Средней Азіи еще весьма незначительна. Больше всего она развилась въ Семирѣчьѣ, и, быть можетъ, въ состояніи будетъ утвердиться въ бассейнѣ Сыра, если удастся оросить Мурзарабатскую степь, а также въ Кульджинскомъ округѣ, если онъ будетъ наконецъ объявленъ русскимъ владѣніемъ. Что касается торгово-промышленныхъ слободъ или русскихъ кварталовъ въ Ташкентѣ, Самаркандѣ и нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ, то, какъ ни быстро развернулись эти колоніи, онѣ пока не представляютъ

---

*) Отъ Омска до Ташкента 2.400 в., до Кокана 2.600, отъ Верхнеуральска до Самарканда 2.300 в., до Петро-Александровска 1.800 верстъ.

чего-либо прочнаго, постояннаго. Въ случаѣ какой-либо политической неудачи Россіи въ Средней Азіи, онѣ столь же быстро изчезнутъ, потому что населеніе ихъ чисто наплывное, случайное и перемѣняющееся въ своемъ составѣ. Въ Ташкентѣ была сдѣлана недешево стоившая попытка упрочить тамъ пришлый русскій элементъ предоставленіемъ разныхъ льготъ и субсидій русскимъ домовладѣльцамъ; но результаты оказываются невполнѣ удовлетворительными, потому что выстроенные напр. чиновниками дома продавались нерѣдко, при отъѣздѣ строителей изъ Ташкента, мѣстнымъ сартамъ. Да и вообще водвореніе въ городахъ вновь завоеванной страны однихъ чиновниковъ и купцовъ не можетъ служить прочнымъ залогомъ присоединенія этой страны: иначе бы Англія нисколько не боялась за свое преобладаніе въ Индіи.

Такимъ образомъ, обозрѣвъ вкратцѣ русскія поселенія въ Средней Азіи, мы видимъ, что число ихъ очень ограниченно и что, слѣдовательно, до племеннаго преобладанія надъ туземцами русскимъ еще далеко. Можно даже думать, что это преобладаніе никогда не достигнется, потому что свободныхъ, годныхъ для культуры, земель уже почти нѣтъ *). Остается еще разъ пожелать, чтобы это преобладаніе было достигнуто инымъ путемъ, чѣмъ переселеніемъ издалека русскихъ семейныхъ колонистовъ, а именно мирною замѣною части туземнаго населенія смѣшанно-русскимъ, что, какъ мы замѣтили, могло бы совершиться чрезъ водвореніе тѣхъ молодыхъ мужчинъ, которые, будучи разъ привлечены въ Среднюю Азію службою, пожелали бы жениться на мусульманкахъ и остаться въ странѣ навсегда. Этимъ путемъ мало-помалу измѣнился бы скудный процентъ русскаго населенія,

*) Ихъ, впрочемъ, можно до нѣкоторой степени создать вдоль Сыръ-дарьи, распустивъ часть ея воды въ оросительныя канавы.

который теперь едва простирается въ Семирѣченской области до 5%, а въ Сыръ-дарьинской области, Ферганской, отдѣлахъ Самаркандскомъ и Аму-дарьинскомъ до 2% и даже менѣе, до 0,5%.

Признавая невполнѣ удовлетворительною современную русскую колонизацію въ Средней Азіи по числу колонистовъ и порядку ихъ разселенія, мы не должны однако забывать, что и это малое число, благодаря своей высшей культурѣ, можетъ оказывать и дѣйствительно уже оказываетъ сильное вліяніе на преобразованіе физіономіи всей страны, если не въ этнографическомъ, то въ экономическомъ и политическомъ смыслѣ. Начнемъ наши замѣчанія съ фактовъ перваго рода. До водворенія русскихъ въ киргизскихъ степяхъ, населеніе послѣднихъ въ экономическомъ смыслѣ тяготѣло гораздо болѣе къ Бухарѣ, Кокану и Хивѣ, чѣмъ къ сосѣднимъ частямъ Россіи. Почти вся торговля внутри степей находилась въ рукахъ сартовъ изъ Бухары и Ташкента. Имъ киргизы сбывали свой скотъ, шерсть и кожи, отъ нихъ получали предметы одежды, посуду, сѣдла, ковры и все остальное, что нужно въ ихъ скудномъ быту. Даже русскіе товары изъ Оренбурга, Троицка и Петропавловска шли въ степи и далѣе въ Туркестанъ постоянно черезъ посредство среднеазіятскихъ купцовъ, которые такимъ образомъ были почти монополистами на томъ рынкѣ, гдѣ Россія, по положенію своему, должна преобладать. Основаніе нѣсколькихъ передовыхъ русскихъ осѣдлостей, какъ Баянъ-аулъ, Акмоллы, Копалъ, Вѣрный, положило конецъ этому порядку въ степной полосѣ Средней Азіи. Русскіе торговцы проникли въ глубь степей и вошли въ непосредственныя сношенія съ киргизами, которыхъ экономическая зависимость отъ Россіи чрезъ то усилилась въ ущербъ связей съ среднеазіятскими ханствами. — Другимъ важнымъ экономическимъ послѣдствіемъ водворенія русскихъ коло-

ній среди киргизовъ было пріученіе ихъ къ хлѣбу и распространеніе среди ихъ земледѣлія, насколько оно возможно въ сухихъ, маловодныхъ пустыняхъ. Справедливо замѣчаютъ всѣ знакомые съ жизнью номадовъ, что какъ только они привыкаютъ къ хлѣбу, такъ зависимость ихъ отъ сосѣднихъ осѣдлыхъ народовъ становится безвозвратною. Мы не хотимъ этимъ сказать, что въ наше время уже весь киргизскій народъ считаетъ хлѣбъ предметомъ первой необходимости; однакоже значительное число передовыхъ, т. е. зажиточныхъ и сколько-нибудь образованныхъ киргизовъ уже питается хлѣбомъ и даже сѣетъ его (главнымъ образомъ просо, пшеницу, ячмень). Въ Кокчетавскомъ округѣ султанъ Валихановъ, въ Семипалатинскомъ Букашъ, и многіе другіе, представляютъ убѣдительные примѣры тому, какъ жизнь исключительно кочевая уступаетъ, гдѣ только можетъ, осѣдлой или полуосѣдлой, даже у природныхъ номадовъ, искони презиравшихъ земледѣльческій трудъ. Эти два важныя послѣдствія водворенія русскихъ въ степяхъ Средней Азіи кажутся намъ важнѣйшимъ залогомъ мирной исторической будущности кочевниковъ, которой столь противоположно ихъ тревожное прошлое. Если бы тѣснота рамокъ этой статьи не препятствовала намъ входить въ мелкія подробности, мы могли бы привести много статистическихъ данныхъ объ успѣхахъ земледѣлія во всей Средней Азіи, куда только проникла русская власть; но ограничимся указаніемъ на «Туркестанскій Ежегодникъ», гдѣ приведено немало любопытныхъ свѣдѣній о хлѣбопашествѣ около Перовска и въ Семирѣчьѣ, возникшемъ и развившемся только съ прихода въ эти мѣста русскихъ. Довольно сказать, что въ этихъ двухъ мѣстностяхъ не только сами киргизы питаются мѣстнымъ хлѣбомъ, но часть его идетъ на продовольствіе войскъ и городскихъ жителей. Въ Акмолинской области распространеніе земледѣлія привело къ тому,

что многіе киргизы запасаютъ на зиму сѣно и уже не ограничиваются вьючною перевозкою предметовъ своего хозяйства, а завели телѣги, на подобіе русскихъ.

Въ нагорной части Туркестана, имѣющей довольно густое осѣдлое населеніе, утвержденіе владычества русскихъ естественно не могло произвести кореннаго переворота въ земледѣльческой промышленности, которая издстари тамъ утвердилась, приспособлена къ мѣстной почвѣ и климату и ограничена одними подгорными оазисами, имѣющими орошеніе изъ рѣчекъ. Но если общіе размѣры производства мѣстныхъ земледѣльческихъ продуктовъ мало измѣнились, то въ частностяхъ произошло немало перемѣнъ къ лучшему. Такъ напр. случилось съ производствомъ хлопка и пшеницы, изъ которыхъ первый нуженъ для вывоза въ Россію *), а вторая на продовольствіе войскъ. Шелководство, о которомъ любопытныя свѣдѣнія собраны г. Петровскимъ, сдѣлало также нѣкоторые успѣхи вслѣдствіе введенія лучшихъ противу прежняго способовъ шелкомотанія; при этомъ главное участіе въ дѣлѣ принимали русскіе люди, — Хлудовъ, Первушинъ, Долгорукій, Раевскій. Мѣстный виноградъ въ Сыръ-дарьинской области сталъ давать, кромѣ изюма (кишмиша), вино, конечно, пока посредственное, но все-таки замѣняющее, хотя отчасти, дорогія привозныя вины изъ Европы. Скотоводство, важнѣйшая отрасль хозяйства у кочевыхъ обитателей всей Средней Азіи, измѣнилось отъ прихода русскихъ въ эту страну немного; однако не осталось неподвижнымъ. Нѣкоторые киргизы стали устроивать крытые загоны для сохраненія скота во время зимнихъ мятелей,

*) Хотя можно бы желать, чтобы среднеазіятскій хлопокъ перерабатывался весь на мѣстныхъ фабрикахъ, къ основанію которыхъ, послѣ открытія каменнаго угля въ разныхъ частяхъ Туркестана, нѣтъ особыхъ препятствій, кромѣ развѣ недостатка свѣдущихъ въ механикѣ людей съ капиталомъ.

чего прежде не было, такъ какъ степной скотъ безпріютно проводитъ зиму на тебеневкахъ, выкапывая изъ-подъ снѣга сухую траву. Въ недавнее время сдѣлана даже попытка основать, вблизи Ташкента, конскій заводъ для улучшенія туземнаго коневодства; но пока эта попытка не особенно удачна, потому что стоитъ дорого, а результатовъ дала мало, безъ сомнѣнія потому, что дѣло находится въ рукахъ не хозяина-заводчика, а цѣлаго комитета чиновниковъ, ведущихъ хозяйство на счетъ казны. Гораздо болѣе, чѣмъ этимъ и ему подобными примѣрами «образцоваго» казеннаго хозяйства, сдѣлано въ пользу среднеазіятскаго скотоводства простымъ умиротвореніемъ степи, потому что оно уничтожило баранту или отгонъ скота непріязненными сосѣдями-хищниками, такъ что баранта нынѣ сохранилась только въ мѣстностяхъ, прилегающихъ къ государственной границѣ и лишь какъ рѣдкое исключеніе внутри степей.

Въ дѣлѣ открытія и разработки минеральныхъ богатствъ средней Азіи русское движеніе въ этой странѣ привело къ результатамъ довольно значительнымъ. Въ Семипалатинской области возникли мѣдные заводы, найдены мѣсторожденія графита, угля, свинца, даже золота. Въ Сыръ-дарьинской области нѣкоторые залежи каменнаго угля уже разработываются, доставляя топливо на пароходы и въ частныя жилища, въ замѣнъ дровъ изъ саксаула и изъ плодовыхъ деревьевъ. Въ Кульджинскомъ округѣ каменный уголь, добывавшійся, впрочемъ, уже китайцами, разработывается по мѣрѣ потребности. Въ Ферганской области, прежде даже присоединенія ея къ Россіи, русскими промышленными людьми найдена нефть. Въ Закаспійскомъ краѣ, около Красноводска, именно на островѣ Челекени, нефть также разработывается и притомъ съ большою пользою для самаго Красноводска, который получаетъ такимъ образомъ дешевый матеріалъ для

освѣщенія и отопленія, тѣмъ болѣе для него важный, что прѣсная вода получается тамъ только изъ морской помощью перегонки. Каменный уголь найденъ русскими и на Мангышлакѣ, гдѣ его уже брали для опыта отопленія пароходовъ; этотъ опытъ былъ впрочемъ не вполнѣ благопріятенъ, хотя онъ и не исключаетъ надежды, что рано или поздно этотъ уголь пойдетъ въ дѣло. Свинецъ, котораго добываніе такъ ограниченно въ Россіи, разработывается въ Каратаускихъ горахъ. Желѣзныя руды, извѣстныя во многихъ мѣстахъ, остаются пока нетронутыми только потому, что выработка ихъ требуетъ большаго количества топлива, рукъ, затраты капиталовъ на заводы и дешевыхъ путей для сбыта выработаннаго металла, а всего этого пока не достаетъ Средней Азіи. Притомъ сосѣдство богатаго желѣзомъ Урала естественно мѣшаетъ возникновенію выдѣлки того же металла въ степяхъ.

Основныя причины неуспѣха желѣзодѣлательной промышленности отражаются и вообще на заводскомъ дѣлѣ, которое очень слабо развито во всѣхъ среднеазіятскихъ владѣніяхъ Россіи, не смотря на то, что русскіе не держутся такой узкой системы, какъ англичане, которые долго препятствовали заведенію фабрикъ въ Индіи, чтобы расширить рынокъ манчестерскихъ и др. собственно англійскихъ издѣлій. Большихъ мануфактуръ, въ европейскомъ смыслѣ слова, нѣтъ совсѣмъ въ Средней Азіи, и только заводы салотопленные, кожевенные и винокуренные въ нѣкоторыхъ мѣстахъ степи, особенно же на линіи оренбургско-сибирской, служатъ къ переработкѣ немногихъ мѣстныхъ сырыхъ продуктовъ въ заводскія издѣлія. Винокуренные заводы въ Вѣрномъ и Лепсѣ даже развились до степени, превышающей разумную потребность въ ихъ продуктѣ; но, конечно, пока около трети дохода русской казны будетъ получаться отъ акциза со спирта, ожидать стѣ-

сненія ихъ вредной производительности нельзя. Въ Туркестанскомъ краѣ, туземное осѣдлое населеніе изстари знакомо съ разными ремеслами и особенно съ приготовленіемъ тканей, шелковыхъ и бумажныхъ; но эта промышленная дѣятельность не прогрессивна и даетъ издѣлія средняго и низшаго сорта, пригодныя только для азіятцевъ и очень мало для вывоза въ европейскую Россію, гдѣ мы потому и видимъ среднеазіатскіе ковры и шелковые ткани лишь изрѣдка, а другихъ издѣлій не видимъ совсѣмъ. Этого мало: усиливающійся вывозъ хлопка и шелка изъ Ташкента въ среднерусскія фабричныя губерніи прямо показываетъ, что на мѣстную заводскую обработку важнѣйшихъ произведеній Средней Азіи никто и не расчитываетъ, предпочитая отправлять сырье за 2500 верстъ, лишь бы оно было обработано лучше, чѣмъ на ручныхъ станкахъ сартовъ. Замѣтимъ, что такой порядокъ обработки хлопка представляется экономически довольно страннымъ, потому что всѣ русскіе солдаты въ Туркестанѣ (а ихъ есть до 37.000), по закону, носятъ бѣлье изъ хлопчатобумажныхъ тканей мѣстнаго производства, такъ что большая миткальная фабрика въ Ташкентѣ могла бы имѣть вѣрнѣй сбытъ для своего продукта. Между тѣмъ такой фабрики нѣтъ.

Что касается торговли въ средней Азіи, то мы не можемъ выразить какими-либо численными данными успѣховъ, сдѣланныхъ ею со времени утвержденія русскаго господства въ этой странѣ. Послѣ уничтоженія въ 1866 году оренбургско-сибирской таможенной линіи изчезли изъ статистики даже тѣ малонадежныя цифры привоза и вывоза по среднеазіатской торговлѣ, которыя въ прежнее время публиковались министерствомъ финансовъ. Обнародуемыя же «Туркестанскими Вѣдомостями» данныя о торговлѣ въ Ташкентѣ не обнимаютъ даже всѣхъ оборотовъ одного этого города, не говоря уже про осталь-

ной Туркестанъ и киргизскія степи. Но что торговля Россіи съ Среднею Азіею и разныхъ частей послѣдней между собою возросла особенно въ послѣдніе 10 — 15 лѣтъ, — въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Одно развитіе такихъ городовъ, какъ Вѣрный и русскій Ташкентъ, свидѣтельствуетъ объ этомъ столь же краснорѣчиво, какъ могли бы сдѣлать самыя подробныя статистическія таблицы. Особенно утѣшительно, что торговля эта начала было становиться для насъ активною, т. е. переходить по немногу въ руки русскихъ купцовъ, поселившихся въ Туркестанѣ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ степи. Къ сожалѣнію, самыя послѣднія извѣстія изъ Сыръ-дарьинской области не оставляютъ сомнѣнія, что въ этой обширной и многолюдной провинціи такая активная торговля снова упадаетъ, или переходитъ въ руки сартовъ; при этомъ русскія фирмы уменьшаютъ свои обороты или даже вовсе сходятъ со сцены. Также и въ Вѣрномъ важнѣйшая коммерческая роль нынѣ принадлежитъ не русскимъ, а сартамъ и китайцамъ, изъ которыхъ послѣдніе едва нѣсколько лѣтъ назадъ переселились туда изъ Кульджи. На восточной границѣ Семипалатинской области, гдѣ двадцать лѣтъ назадъ торговля развилась было до довольно значительныхъ размѣровъ, *) нынѣ она въ сильномъ упадкѣ вслѣдствіе потери китайцами власти въ значительной части Джунгаріи и по дорогѣ оттуда въ собственный Китай. Сомнительно, чтобы эта торговля когда либо стала обширною, потому что между собственнымъ Китаемъ и европейскою Россіею уже установился для товаровъ скорый и дешевый морской путь на пароходахъ, а среднеазіятскія владѣнія обѣихъ державъ, особенно Китая, слишкомъ бѣдны по природѣ,

*) Черезъ Чугучакъ шло въ Россію чаю на милліонъ рублей; въ этомъ же городѣ находили сбытъ нѣкоторые русскіе продукты.

чтобы изъ нихъ могло идти много предметовъ въ международные торговые обороты. Отправленная въ 1874 — 75 году учено-торговая экспедиція для изслѣдованія коммерческаго пути изъ Ханькоу въ Семипалатинскъ, несмотря на желаніе нѣкоторыхъ изъ ея членовъ представить этотъ путь въ привлекательномъ свѣтѣ, на самомъ дѣлѣ больше всего доказала истину, давно впрочемъ извѣстную, что пора большихъ степныхъ каравановъ прошла и что если не существуетъ болѣе монопольныхъ торговыхъ факторій въ родѣ кяхтинской (до 1861 года), то не можетъ быть и надежды на замѣну морскаго пути изъ Шанхая въ Одессу сухопутнымъ изъ Ханькоу въ Пермь, т. е. на протяженіи 5 — 6 тысячъ верстъ, изъ которыхъ еще 2400 должны совершиться на вьюкахъ. Самая посылка каравановъ изъ Зайсанскаго поста въ Чжунгарію была дѣлаема не безъ натяжекъ и покровительства мѣстныхъ властей, въ родѣ напр. назначенія дорогостоющихъ вооруженныхъ прикрытій каравановъ; это показываетъ, что коммерческое движеніе совершается тутъ на весьма зыбкихъ основаніяхъ.

О торговлѣ въ Закаспійскомъ краѣ, развитіе которой было оффиціальнымъ поводомъ къ основанію Красноводска, намъ нечего больше сказать, какъ то, что въ дѣйствительности ея почти нѣтъ и, конечно, никогда не будетъ, потому что туркменамъ продавать почти нечего, а для торговли Хивы, Бухары и верховьевъ Аму-дарьи есть много другихъ путей, болѣе удобныхъ, чѣмъ бугристо-песчаныя, безлюдныя и безводныя степи на протяженіи 600, 1,000 и 1,500 верстъ отъ Красноводска. Въ нашемъ обществѣ нерѣдко слышатся толки, что перемѣна въ теченіи водъ Аму-дарьи, т. е. направленіе ихъ вмѣсто Аральскаго моря въ Каспійское, можетъ существенно измѣнить промышленную судьбу Туркменіи и восточнаго берега Каспія. Но это есть чистое заблужденіе. Отводъ

воды изъ Окса въ Узбой въ количествѣ достаточномъ, чтобы рѣка доходила до Каспія и еще давала орошеніе своей долинѣ, можетъ, конечно, оживить эту долину, но не иначе, какъ въ ущербъ плодородію теперешней дельты Аму-дарьи, гдѣ производительной почвы и безъ того есть не болѣе 100 кв. миль. Кромѣ того, съ прекращеніемъ притока аму-дарьинской воды, сократится по крайней мѣрѣ на половину Аральское море и слѣдовательно утратится пароходная связь между бассейнами Яксарта и Окса. Попытки торговыхъ сношеній между Красноводскомъ и Хивою (объ успѣхахъ этихъ сношеній нерѣдко возвѣщаютъ какъ о чемъ-то экономически-важномъ) въ дѣйствительности такъ скромны, что по нимъ можно заключить только о современномъ ничтожествѣ этой торговли, а никакъ не о будущемъ ея величіи. Одна печальная картина Красноводска, какъ она вѣрно нарисована въ 1875 году г. Гриммомъ, должна подѣйствовать на самые предубѣжденные умы. Если, несмотря на такой взглядъ, мы все таки не можемъ иначе, какъ съ признательностью, упомянуть здѣсь о настойчивой дѣятельности г. Глуховскаго по открытію караваннаго движенія между Хивою и Красноводскомъ, то въ этомъ случаѣ мы цѣнимъ не размѣръ обнаружившагося торговаго движенія, а его политическій результатъ: водвореніе дружественныхъ сношеній русскихъ съ туркменами.

Чтобы заключить нашъ бѣглый взглядъ на развитіе средне-азіятской торговли, которую, конечно, должно считать однимъ изъ лучшихъ проводниковъ русскаго вліянія и русской цивилизаціи въ Туранѣ и сосѣднихъ ему странахъ, намъ слѣдуетъ еще сказать о сношеніяхъ съ Кашгаромъ, Хорасаномъ и пр., и затѣмъ сдѣлать нѣсколько общихъ выводовъ изъ современнаго развитія русско-азіятскаго торговаго движенія и тѣхъ договоровъ съ средне-азіятскими ханствами, которые какъ бы предна-

чертывали, при своемъ заключеніи, характеръ и размѣры этого движенія въ будущемъ. Но торговля съ Кашгаромъ весьма незначительна и почти совершенно случайна, хотя иногда не безвыгодна, благодаря тому, что соперничествующіе тамъ съ нами англичане ведутъ свои дѣла неумѣло *). Въ Хорасанѣ же вовсе нѣтъ представителей русскаго торговаго міра, хотя русскіе товары проникаютъ туда и даже въ Афганистанъ черезъ Астрабадъ. Впрочемъ, такое отсутствіе русскихъ купцовъ замѣтно не въ одномъ Хорасанѣ, а на верхнемъ Оксѣ, въ Хивѣ и даже въ самой Бухарѣ, гдѣ постоянныхъ русскихъ фирмъ всего одна или двѣ. Вѣроятно, чтобы перемѣнить къ лучшему такой не вполнѣ удовлетворительный ходъ русскихъ коммерческихъ дѣлъ, т. е. непремѣнно утвердить за русскою торговлею ея первенствующее значеніе въ средней Азіи, заключены наши торговые договоры съ Кашгаромъ (1872), Бухарою (1868 и 1873) и Хивою (1873), которыми русскіе купцы въ этихъ ханствахъ совершенно приравнены въ своихъ правахъ къ туземнымъ. Безъ сомнѣнія, этимъ же желаніемъ расширить русскій рынокъ въ средней Азіи мотивировано и запрещеніе привоза въ русскій Туркестанъ англійскихъ товаровъ изъ Индіи. Но ни трактаты, ни запретительная система пока не привели къ особенно значительнымъ послѣдствіямъ. Конечно, одною изъ важнѣйшихъ тому причинъ служитъ недостатокъ русскихъ капиталовъ; но кромѣ того не маловажную роль играютъ: конкурренція сартовъ, давно и хорошо знакомыхъ съ потребностями средне-азіятцевъ и имѣющихъ всюду старинныя связи, также неспокойное состояніе нѣкоторыхъ степныхъ мѣстностей, гдѣ проходятъ торговыя дороги, и главное — длина этихъ дорогъ и необходимость

*) Объ этомъ есть отчетъ агента Средне-азіятской компаніи, основанной въ Индіи.

возить все на вьюкахъ, что чрезвычайно поднимаетъ цѣну товаровъ и нерѣдко дѣлаетъ ее недоступною для небогатыхъ вообще жителей средней Азіи.

Эти неудобства среднеазіятскихъ путей сообщенія, ощутительныя еще и въ стратегическомъ отношеніи, давно уже привели къ мысли соединить Россію съ Туркестаномъ посредствомъ желѣзной дороги. Цѣлый рядъ статей въ журналахъ и отдѣльныхъ брошюрахъ у насъ и даже за границею посвященъ вопросу объ этой дорогѣ, которымъ занимались и ученыя общества *), и наконецъ само правительство, рѣшившееся произвести подробныя изысканія для устройства рельсоваго пути до Ташкента. Было бы преждевременно въ настоящую минуту высказывать какое нибудь опредѣленное, непреложное заключеніе объ этой будущей средне-азіятской торговой артеріи, но вотъ что представляется уму само собою при разсмотрѣніи вопроса во всей его ширинѣ, какъ то подобаетъ въ сферѣ науки. Сама природа ограничила число направленій, по которымъ могутъ проходить рельсовые пути въ Средней Азіи, такъ какъ большая часть этой обширной страны занята безплодными и безводными степями, а желѣзныя дороги могутъ проходить только по оазисамъ, гдѣ есть населеніе и культура, или же, по крайней мѣрѣ, связывать такіе оазисы по кратчайшимъ направленіямъ. Такимъ образомъ выборъ въ настоящемъ, какъ и въ будущемъ, возможенъ только между слѣдующими линіями: 1) отъ юго-восточнаго угла Каспія къ Герату и оттуда къ верховьямъ Окса; отъ Герата можно еще впослѣдствіи провести дорогу къ нижнему Инду; 2) отъ Красноводска въ Хиву, гдѣ начинаются водные пути съ одной стороны вверхъ по Оксу, до предѣловъ Гиссара и Балха, а съ

*) Общества: Русск. географическое, содѣйствіе промышленности, парижскій географическій конгрессъ.

другой — внизъ по этой рѣкѣ и далѣе чрезъ Аральское море въ устья Сыра, который судоходенъ почти до Ходжента; 3) отъ давнишняго центра среднеазіятской торговли и отчасти администраціи, Оренбурга, въ Ташкентъ, черезъ степь; при этомъ выгоднѣйшее направленіе линіи представляется пока спорнымъ; 4) отъ Екатеринбурга черезъ Троицкъ въ Ташкентъ же, и 5) изъ Семипалатинска (до котораго есть водный путь изъ Тюмени) въ Вѣрный, а оттуда уже въ Ташкентъ и далѣе. Сдѣлаемъ, въ немногихъ словахъ, характеристику всѣхъ этихъ путей. Первый путь представляется единственнымъ изъ русскихъ путей, по которому когда-либо будетъ привязана нетолько къ Россіи, но и къ западной Европѣ. Индія, такъ что изъ всѣхъ пяти направленій средне-азіятской желѣзной дороги это одно можетъ получить значеніе международное и всемірное. Кромѣ того на одномъ этомъ пути желѣзная дорога не выйдетъ нигдѣ изъ земель съ осѣдлымъ населеніемъ, даже отчасти богатыхъ отъ природы, каковы Закавказье, Гиланъ, Мазандеранъ, Гератъ и проч. Все протяженіе рельсоваго пути отъ Тифлиса до Кундуза тутъ выйдетъ около 3,400 верстъ, и почти тоже разстояніе раздѣляетъ Тифлисъ отъ Шикарпура на Индѣ. Въ сооруженіи этой дороги могутъ быть заинтерѣсованы не только русскіе, для которыхъ она свяжетъ ихъ естественные южные предѣлы въ Средней Азіи съ европейскою Россіей, но и персіяне, афганцы, индусы, даже англичане, если вѣковое предубѣжденіе послѣднихъ противъ Россіи на столько ослабнетъ, что они рѣшатся ѣздить въ Индію черезъ русскія земли. Но очевидно, что въ настоящее время и въ близкомъ будущемъ, эта дорога, которую мы назовемъ хорасанскою, не имѣетъ никакой вѣроятности исполненія. Для самой Россіи (т. е., для ея внутреннихъ сообщеній) она впрочемъ имѣла бы значеніе второстепенное, по своей отдаленности отъ средоточій государства.

Второе направленіе, красноводско-хивинское, соблазнительно по своей краткости, 650 верстъ и также потому, что, построивъ тутъ дорогу, можно, повидимому, на долгое время ограничиться судоходствомъ по Аму- и Сыръдарьямъ, не дѣлая огромныхъ издержекъ на дальнѣйшее проложеніе рельсовъ. Кромѣ того, на этомъ пространствѣ зима короче и зимніе бураны менѣе опасны, чѣмъ на всѣхъ путяхъ, ведущихъ съ Урала и Иртыша. Но населенія по этому направленію нѣтъ вовсе, и водворить его можно лишь въ небольшомъ числѣ, около Сары-Камыша, куда можно пустить нѣсколько воды изъ Окса, не ослабляя впрочемъ судоходныхъ качествъ послѣдняго къ сторонѣ Арала. Наконецъ, эта дорога не привязываетъ непосредственно къ Россіи ни Ташкента, ни Кокана, ни Самарканда съ ихъ окрестностями, такъ что для нихъ всегда останутся болѣе естественными, хотя и дорогими, вьючные пути къ Оренбургу и Троицку. Направленіе третьей дороги, изъ Оренбурга въ Ташкентъ, еще не уяснилось окончательно, и весьма возможно, что будетъ избрана линія на Орскъ, Уркачъ и Джулекъ, оставляя въ сторонѣ кратчайшее направленіе по берегамъ Сыря у Казалинска. Но какъ Россія не богата деньгами, то едва ли не будетъ практичнѣе вести дорогу по послѣднему направленію, такъ-какъ при этомъ вмѣсто 2020 верстъ придется выстроить 980, особенно если отъ Оренбурга пойдти вверхъ по Илеку, на Акъ-тюбе. Въ крайнемъ случаѣ, можно даже остановиться, до времени, у этого послѣдняго пункта, отъ котораго до Казалы 650 верстъ. Но необходимымъ условіемъ приведенія этой дешевѣйшей (послѣ красноводско-хивинской) желѣзной дороги въ Среднюю Азію служитъ поддержаніе и развитіе правильнаго пароходства по Сыру, что̀, какъ извѣстно, до сихъ поръ удавалось не вполнѣ. Поэтому мы замѣтимъ, что если уже нельзя будетъ, по причинѣ неудобствъ

сыръ-дарьинскаго пароходства и вслѣдствіе трудности перехода через Каракумскіе пески, вести дорогу изъ Оренбурга на Казалинскъ, то лучше избрать исходнымъ пунктомъ восточнаго направленія не Оренбургъ, а Екатеринбургъ и Троицкъ, откуда въ Среднюю Азію всегда будутъ значительные грузы металловъ и куда уже нынѣ идутъ соль, кожи и сало изъ степи и хлопокъ изъ Ташкента. Можно, наконецъ, соединить обѣ линіи, оренбургскую и троицкую, гдѣ-нибудь около Уркача, гдѣ есть значительная добыча соли; но это увеличитъ размѣръ степной сѣти до 2600 верстъ, которыя потребуютъ для своего осуществленія огромнаго капитала, примѣрно въ 250 милліоновъ рублей: ибо полагать стоимость сооруженія одной версты дороги по безлѣснымъ, безводнымъ, нерѣдко лишеннымъ камня и всегда металловъ, степямъ менѣе чѣмъ въ 95,000 рублей было бы легкомысленно и могло бы повести къ дурному устройству станцій, колодцевъ и самаго полотна. Наконецъ о пятомъ пути, изъ Семипалатинска въ Вѣрный и оттуда въ Ташкентъ, можно сказать, что, хотя въ техническомъ и даже хозяйственномъ отношеніи онъ самый легкій и выгодный, но онъ не имѣетъ никакой вѣроятности быть осуществленнымъ въ сколько-нибудь близкомъ будущемъ. Когда же населеніе Западной Сибири увеличится и Иртышъ станетъ важнымъ пароходнымъ путемъ, тогда соединеніе Семипалатинска съ Вѣрнымъ можетъ оказаться небезвыгоднымъ и притомъ нетруднымъ. Эта линія будетъ уже среднеазіятскою въ самомъ широкомъ смыслѣ слова, ибо не только охватитъ значительную часть тамошнихъ нашихъ владѣній, но и привлечетъ экономически къ Россіи Чжунгарію и Восточный Туркестанъ, которые не всегда же будутъ находиться въ состояніи революціи.

Этими краткими замѣтками о среднеазіятскихъ желѣзныхъ дорогахъ, т. е. о явленіи еще будущемъ, мы

заключимъ нашъ взглядъ на экономическую сторону поступательнаго движенія Россіи въ Туранѣ, чтобы вернуться къ современной дѣйствительности и притомъ перейдти отъ интересовъ вещественныхъ къ духовно-нравственнымъ, именно къ религіи, законодательству и умственному образованію. Не безъ прискорбія должно признаться, что сто сорокъ лѣтъ нашего владычества надъ киргизами не только не стерли религіозной розни ихъ съ нами, но еще усилили ее, хотя по своей природѣ номады вовсе не горячіе поклонники исламизма. Мало того; мы сами ввели организацію въ церковное дѣло магометанскихъ ордынцевъ, строили для нихъ мечети, заводили указныхъ, т. е. ученыхъ, болѣе фанатическихъ, муллъ, и въ результатѣ имѣемъ два милліона кочевыхъ послѣдователей корана, живущихъ еще въ сосѣдствѣ нѣсколькихъ милліоновъ осѣдлыхъ. Мы не хотимъ, конечно, этимъ сказать, что слѣдовало въ теченіе ста сорока лѣтъ строить въ степяхъ христіанскія церкви и залучать въ нихъ, силою или коварствомъ, киргизовъ: это было бы противно и совѣсти, и традиціонной вѣротерпимости русскихъ. Но что наша христіанская пропаганда *ничего* не сдѣлала среди младенчествовавшихъ душою ордынцевъ и даже не касалася ихъ, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. А между тѣмъ это вопросъ важный, и между прочимъ именно въ политическомъ смыслѣ. Китайцы, покровительствуя распространенію кроткаго ломаизма въ Монголіи, передѣлали неугомонныхъ и воинственныхъ потомковъ Чингизъ-хана въ мирныхъ пастуховъ; напротивъ, мусульманскіе ихъ подданные, сосѣди нашихъ среднеазіятскихъ магометанъ, навсегда остались безпокойнѣйшимъ этнографическимъ элементомъ въ составѣ Небесной имперіи. Тѣхъ же послѣдствій можемъ, до нѣкоторой степени, опасаться и мы, въ особенности когда Бухара, этотъ центръ среднеазіятскаго исламизма, войдетъ въ составъ

нашихъ владѣній, подобно внутреннему раку въ организмъ, съ затаенною ненавистью противъ гяуровъ, или же когда, наоборотъ, усилится въ нашемъ сосѣдствѣ довольно большое мусульманское государство, возникшее въ Джитышарѣ.

Мусульманство и теперь уже даетъ намъ чувствовать себя съ неблагопріятной стороны, ибо поддерживаетъ племенную и политическую рознь киргизовъ, узбековъ и таджиковъ съ русскими, вслѣдствіе чего на сліяніе этихъ расъ мало надежды; кромѣ того оно же препятствуетъ даже передовымъ азіятцамъ вполнѣ объевропеиться, т. е. войдти въ интересы общечеловѣческой цивилизаціи. Результатомъ этого, по необходимости, является то, что мы не можемъ напр. ввѣрять всѣмъ этимъ инородцамъ многихъ должностей, которыя бы всего удобнѣе замѣщать туземцами. Приходится назначать на эти должности людей пришлыхъ, мало знакомыхъ съ народною жизнію. Подобное же назначеніе иногда можетъ вести къ очень вреднымъ послѣдствіямъ, вводя въ администрацію элементъ неумѣлости, раздражающей своими пріемами все туземное населеніе. До чего же эта самоувѣренная неумѣлость можетъ доходить, примѣровъ можно бы собрать не мало въ исторіи русскаго управленія хотя бы въ одномъ Туркестанскомъ краѣ, гдѣ молодые и холостые армейскіе офицеры, будучи сдѣланы какими нибудь мелкими членами уѣздной администраціи, позволяли себѣ разбирать бракоразводныя дѣла мусульманъ, т. е. вторгаться въ самую заповѣдную и самую близкую сердцу каждаго человѣка область. Привлечь мусульманъ на нашу сторону можно однимъ только способомъ, — обращеніемъ ихъ съ юности въ сферу европейской науки и жизни, и тогда, разумѣется, наиболѣе даровитыя личности, какъ братья Валихановы, Бабаджановы, Джегангировы и др., могутъ дать прекрасные образцы просвѣщенныхъ азіят-

цевъ. Но до сихъ поръ число подобныхъ личностей весьма незначительно. Въ большей же части случаевъ самые передовые среднеазiятскiе мусульмане, при сближенiи съ русскими, ограничиваются тѣмъ, что начинаютъ носить вмѣсто халата казакинъ, пить вино и водку и отличать себя отъ невѣжественныхъ массъ нѣкоторымъ скептическимъ шикомъ.

Впрочемъ, медленному или слишкомъ поверхностному привитiю среднеазiятскимъ нашимъ подданнымъ началъ европейскаго образованiя удивляться нельзя. Мы сами въ этомъ случаѣ ушли не такъ далеко, какъ бы можно желать. И въ то время, какъ англичане въ Индiи создали четыре университета, шестьдесятъ коллегiй и многiя тысячи начальныхъ школъ для туземцевъ, у насъ во всей Азiятской Россiи нѣтъ ни одного университета, гимназiи находятся далеко не во всѣхъ губернскихъ и областныхъ городахъ, а въ степяхъ и Туркестанѣ русскiя училища едва начинаютъ возникать. Не безъ основанiя, хотя конечно съ нѣкоторымъ преувеличенiемъ, было замѣчаемо, что, въ то время, какъ англо-германская колонизацiя вездѣ начинаетъ, при устройствѣ новыхъ осѣдлостей, съ отвода участка земли подъ школу, у насъ аванпостами гражданственности являются укрѣпленiя и казармы, за которыми слѣдуютъ зданiя полицейскихъ управленiй, остроги и, наконецъ, посредственные дома частныхъ лицъ, построенные еще иногда на субсидiю отъ казны; объ училищахъ же думаютъ меньше всего. Это низкое мѣсто, занимаемое школою въ нашей собственной жизни, разумѣется, не могло не парализировать распространенiе науки среди покоренныхъ нами азiятскихъ народовъ. Мы проглядѣли, что изъ всѣхъ завоевательныхъ силъ самая прочная есть общенiе побѣжденныхъ съ побѣдителями на поприщѣ умственнаго развитiя, какъ было въ Римской имперiи, какъ отчасти есть теперь во вла-

дѣніяхъ Англіи. Если нѣкоторые изъ нашихъ читателей найдутъ настоящій упрекъ нашъ слишкомъ рѣзкимъ, то просимъ ихъ принять въ соображеніе, что онъ истекаетъ изъ самой чистой любви къ Россіи и въ данномъ случаѣ не можетъ быть уменьшенъ въ силѣ, потому что послѣдствія пренебреженія школою слишкомъ очевидны. Въ данную минуту, въ предѣлахъ среднеазіятскихъ владѣній мы имѣемъ всего двѣ военныя гимназіи, въ Оренбургѣ и Омскѣ, служащія высшими разсадниками европейскаго знанія на 50,000 кв. миляхъ, нѣсколько прогимназій, къ которымъ относятся и двѣ едва возникающія въ Ташкентѣ и Вѣрномъ, да очень небольшое число низшихъ училищъ въ казачьихъ станицахъ. Нѣтъ даже порядочнаго учрежденія для приготовленія переводчиковъ, безъ которыхъ однакоже наша администрація въ степяхъ и въ Туркестанѣ не можетъ дѣйствовать... Конечно, не такими малочисленными и притомъ еще невсегда образцовыми орудіями мы можемъ бороться съ среднеазіятскимъ невѣжествомъ и соотвѣтствующимъ ему фанатизмомъ мусульманъ и стирать ту рознь съ побѣжденными, которая всегда служитъ источникомъ бѣдствій для побѣдителей, какъ удостовѣряетъ исторія испанскихъ колоній, Турціи, Китая и разныхъ другихъ странъ, которыя иной разъ и не подозрѣвали своей внутренней слабости и близости къ разрушенію, особенно если имѣли большое число солдатъ.

Впрочемъ, наше замѣчаніе о слабости русскаго умственнаго движенія въ средней Азіи значительно смягчается тѣми успѣхами научнаго изслѣдованія этой страны, которыми мы обязаны во многихъ направленіяхъ образованнымъ русскимъ дѣятелямъ. Особенно естествознаніе, географія и отчасти статистика сдѣлали огромные успѣхи, благодаря трудамъ Бларамберга, Богданова, Борщова, Бутакова, Валиханова, Григорьева, Каульбарса, Костенко,

Купа, Левшина, Маева, Макшеева, Муравьева, Небольсина, Соболева, Стебницкаго, Струве, Сѣверцева, Терентьева, Тилло, Шарнгорста, Ханыкова и многихъ другихъ, которыхъ, къ чести Россіи, мы можемъ считать даже не единицами, а десятками. Зданіе, ими заложенное и отчасти выведенное, будетъ самымъ прочнымъ изъ всѣхъ, которыя нами созданы на среднеазіятской почвѣ, и изъ подъ его-то сѣни мало-по-малу выйдутъ тѣ новые *туземные* дѣятели науки, отъ которыхъ можно ожидать, что они наконецъ припаяютъ среднеазіятскія русскія владѣнія къ самой Россіи. Къ сожалѣнію, и тутъ нельзя не замѣтить, что донынѣ у насъ мало поощряется это образованіе мѣстныхъ, туземныхъ дѣятелей науки, такъ что примѣръ Чокана Валиханова, который былъ выдвинутъ генералъ-губернаторомъ Гасфордомъ, есть едва ли не единственный. А между тѣмъ, повторимъ: нѣсколько подобныхъ ученыхъ среднеазіятцевъ, русскихъ по образованію и симпатіямъ, могли бы дать нашему политическому положенію въ Средней Азіи болѣе прочности, чѣмъ десятки дорого-стоющихъ укрѣпленій, подобныхъ Уильскому, Масше, Кармакчамъ, Аягузу, чѣмъ цѣлыя сотни мелкихъ, полуобразованныхъ чиновниковъ и цѣлыя тысячи солдатъ и казаковъ.

Но «наука есть прихотливое растеніе; она созрѣваетъ не на всякой почвѣ», или—говоря безъ метафоры, употребленной знаменитымъ учителемъ современнаго трудящагося русскаго поколѣнія, Грановскимъ—не при всякихъ условіяхъ. На сколько теперешнія нравственныя условія русской Азіи могутъ способствовать или препятствовать зарожденію умственнаго движенія въ ея обитателяхъ, видно отчасти изъ сказаннаго. Къ этому можно прибавить, что, по словамъ великаго обновителя самой Россіи, Петра I, «науки принужденія и насилія терпѣть не могутъ, свободу любящее», а между тѣмъ значительная часть русскихъ владѣній въ Средней Азіи находится, ежели не

de jure, то *de facto* на военномъ положеніи. Конечно, это военное положеніе можетъ быть во многомъ смягчено успѣхами гражданскаго управленія, и на самомъ дѣлѣ въ этомъ смыслѣ русскими сдѣлано въ средней Азіи очень немало, но далеко не все. По важности вопроса разсмотримъ его здѣсь съ нѣкоторою подробностію. Въ прошломъ и въ началѣ нынѣшняго вѣка киргизскія степи, намъ подвластныя, управлялись безъ опредѣленныхъ законоположеній, мѣстными ханами, подъ надзоромъ нашихъ губернаторовъ въ Оренбургѣ и Тобольскѣ; потомъ званіе хановъ было уничтожено, и Малая Орда стала управляться тремя султанами, по частямъ, но на прежнихъ безконтрольныхъ началахъ. Для Средней же орды, т. е. для киргизовъ Сибирскаго вѣдомства, Сперанскій далъ, въ 1822 г., иное, лучшее устройство. Не отнимая у родовыхъ киргизскихъ начальниковъ ихъ власти вполнѣ, онъ обставилъ употребленіе послѣдней совѣщательною коллегіею, или приказомъ, который находился въ каждомъ округѣ и въ которомъ старшій султанъ былъ только предсѣдателемъ, имѣвшимъ о-бокъ себя членовъ не только изъ киргизъ, находившихся подъ его вліяніемъ, но и изъ русскихъ. Съ тѣхъ поръ Средняя Орда во многомъ обогнала по своему развитію Малую, не смотря на свою отдаленность и на то, что въ дѣла ея вмѣшивались то коканцы, то китайцы. Киргизы акуратно вносили подати, которыя раскладывались въ приказахъ по степени богатства каждаго изъ ордынцевъ скотомъ, и хотя составленіе этой раскладки подавало поводы къ злоупотребленіямъ, но на нихъ были возможны жалобы къ русскимъ властямъ въ Омскѣ. Султаны, ставъ въ близкую и постоянную зависимость отъ контролирующихъ начальствъ, вводили въ управленіе менѣе произвола. Между тѣмъ въ Оренбургской степи никакого надзора не было, и напр. въ кочевья

адаевцевъ никогда не появлялся ни одинъ русскій чиновникъ, а султаны отчасти считали себя союзниками Россіи, но не безусловными ея подданными. Сдѣлавъ что-либо противузаконное, они нерѣдко уходили въ предѣлы Хивы и Кокана, уводя туда съ собою и многихъ родовичей. Эта двойственность въ управленіи степей, населенныхъ однимъ и тѣмъ же народомъ, продолжалась до 1868—69 г., когда введено было общее для обѣихъ положеніе, нынѣ дѣйствующее. Положеніе это, составленное съ знаніемъ дѣла, при участіи такихъ знатоковъ киргизскаго быта, какимъ былъ Гутковскій, и послѣ трехлѣтняго объѣзда всѣхъ степей коммиссіею (составленною изъ людей съ европейскимъ образованіемъ), было огромнымъ шагомъ къ улучшенію управленія киргизами. Выборное начало проведено въ немъ очень широко. Не только аульные старосты и біи или судьи, но и волостные старшины, бывшіе прежде почти исключительно изъ султановъ, стали выбираться свободно изъ всего народа. Общее управленіе уѣздами отнято у необразованныхъ ордынцевъ и поручено русскимъ уѣзднымъ начальникамъ; но въ помощники имъ поступило немало природныхъ киргизъ, только уже не одной «бѣлой кости», а всякихъ, смотря по дарованіямъ, заслугамъ и вліянію среди населенія. Понятно, что эта реформа не понравилась, на первое время, многимъ членамъ киргизской знати, и они не замедлили даже произвести волненія, но только въ Оренбургской степи; Сибирская же оставалась спокойною, какъ это и было естественно, ибо новый порядокъ дѣлъ былъ въ ней только развитіемъ прежняго и былъ очевидно выгоденъ для массъ. Теперь степи вообще можно считать устроенными и управляемыми довольно удовлетворительно, и только въ Малой Ордѣ нужно желать скорѣйшаго водворенія областныхъ и уѣздныхъ управленій въ своихъ районахъ, вмѣсто того,

чтобы они находились отъ нихъ за многія сотни верстъ. Можно также думать, что устройство въ этой ордѣ двухъ областей излишне, и что, если бы выдѣлить изъ состава Уральской области казачьи земли, лежащія въ Европѣ, а не въ Азіи, то для остальной степи совершенно достаточно одного областнаго управленія въ Оренбургѣ, особенно съ передачею баганалинцевъ въ сибирское вѣдомство, а адаевцевъ въ закаспійское.

Относительно устройства и управленія Туркестанскаго края всякая критика, естественно, должна быть снисходительна, потому что присоединеніе этой страны сдѣлано слишкомъ недавно и даже еще продолжается. Но правдивость науки не позволяетъ обойдти нѣкоторыхъ важныхъ явленій, далеко не желательныхъ съ точки зрѣнія политики и правъ государственнаго, уголовнаго и гражданскаго. Мы, конечно, не станемъ повторять фактовъ и—нѣсколько поспѣшныхъ—выводовъ изъ нихъ, которые изложены были три года тому назадъ г-мъ Скайлеромъ въ его извѣстномъ донесеніи правительству Соединенныхъ Штатовъ. Многіе изъ этихъ фактовъ вѣрны, и мы могли бы привести много другихъ подобныхъ, рекомендующихъ административный произволъ и безответственность чиновниковъ, злоупотреблявшихъ властью; но все это мелочи, которыя могутъ сегодня быть, а завтра пройдти. Гораздо важнѣе то, что *у насъ не выработался вообще взглядъ на систему управленія Туркестаномъ.* Два проекта, представленные изъ Ташкента въ 1871 и 1873 годахъ, оба признанные неудовлетворительными въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, исходили изъ весьма различныхъ началъ и имѣли въ себѣ общаго только заботливость о хорошей обстановкѣ мѣстнаго русскаго чиновничества и крайне мелочное вмѣшательство администраціи во всѣ подробности общественной и даже семейной жизни.

Такъ напр. по первому проекту *) совѣтъ генералъ-губернатора долженъ былъ заниматься правилами о томъ, какъ обсаживать деревьями оросительныя канавы. По второму полицейскіе чиновники уѣздныхъ управленій должны были рѣшать бракоразводныя дѣла мусульманъ, предварительно побывавшія въ двухъ мѣстныхъ судебныхъ инстанціяхъ. Мы не говоримъ уже о почти невѣроятныхъ требованіяхъ, чтобы всѣ жители края, осѣдлые и кочевые, получали, за 20 копѣекъ, особые билеты, отсутствіе которыхъ лишало бы ихъ всѣхъ гражданскихъ и личныхъ правъ; о томъ, чтобы всякая община, желающая быть законною, заключала не менѣе десяти членовъ, и пр. Все это показываетъ незрѣлость мысли у редакторовъ отдѣльныхъ главъ проектовъ. Но что сказать о выраженіяхъ въ родѣ тѣхъ, которыми мотивировалась *вся совокупность* проекта, *всѣ* предлагавшіяся нововведенія, а именно, что въ теченіи пяти лѣтъ подчиненія Россіи, Туркестанскій край утратилъ всѣ особенности своей исторической національной жизни и представляетъ чистую страницу (tabula rasa), на которой законодатель можетъ писать что угодно?! Подобная незрѣлость основанія проекта выходитъ уже изъ ряда самыхъ причудливыхъ доводовъ, которыми когда-либо мелкіе, полуобразованные чиновники обставляли свои кабинетныя предположенія.

Не касаясь далѣе подробностей проекта и дѣйствительнаго хода управленія Туркестанскимъ краемъ, остановимся однако еще на двухъ вопросахъ, до него относящихся и входящихъ въ сферу внутренней политики. Въ то время, какъ бѣдныя отъ природы степи, безъ отяго-

---

*) Подробное извлеченіе изъ него было напечатано въ газетѣ «Голосъ» 1871 года. Въ той же газетѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ были обнародованы извлеченія изъ втораго проекта 1873 г.

щенія своихъ жителей, содержатъ мѣстныя администрацію и войска и даже даютъ остатки въ государственное казначейство, Туркестанскій край, о богатствахъ котораго нерѣдко говорится, представляетъ постоянные дефициты, которыхъ сумма къ 1876 году должна была возрасти до $20^{1}/_{2}$ милліоновъ рублей, если не болѣе. Такое превышеніе расходовъ передъ доходами внушаетъ не безосновательныя опасенія всѣмъ, кому дороги интересы Россіи; противникамъ же ея подаетъ поводъ, съ одной стороны, радоваться ея истощенію, — какъ это недавно сдѣлалъ публично одинъ изъ англійскихъ государственныхъ людей, — а съ другой, прямо объяснять нашу снисходительность къ нынѣшнимъ дефицитамъ предположеніемъ въ насъ надежды покрыть ихъ въ будущемъ завоеваніемъ Индіи, что̀, разумѣется, вселяетъ къ намъ непримиримую ненависть Англіи. На существованіе этихъ дефицитовъ и ихъ опасное значеніе было не разъ указываемо (хотя большею частью только вскользь) во многихъ нашихъ періодическихъ изданіяхъ и даже въ нѣкоторыхъ оффиціальныхъ. Но къ удивленію, въ одномъ частномъ журналѣ за 1875 г. напечатано было, что такія указанія невѣрны и что не только нѣтъ превышенія расходовъ надъ доходами, но есть остатки. Чтобы достигнуть такого неожиданнаго вывода, въ журнальной статьѣ были высчитаны расходы туркестанской администраціи по всѣмъ вѣдомствамъ, *кромѣ военнаго*, и представлено, какъ выводъ, что доходы дѣйствительно превышаютъ расходы. Военный же бюджетъ, простирающійся нынѣ до 4 милліоновъ рублей и почти сполна составляющій дефицитъ, авторы статьи признали не касающимся Туркестана, на томъ основаніи, что Россія, все-равно, содержала бы въ степяхъ тѣ же войска, которыя теперь находятся въ Туркестанѣ, а слѣдовательно производила бы тѣ же самые расходы, образующіе теперь кажущійся туркестанскій дефицитъ. Но это

мало добросовѣстное изложеніе фактовъ не можетъ скрыть истины. Россія, замѣтимъ мы, далеко не содержала такого числа войскъ въ средней Азіи до 1867 г., какое содержитъ теперь. Вся совокупность солдатъ и казаковъ за Иртышемъ и Ураломъ десять лѣтъ назадъ не превосходила 7,500 человѣкъ, а теперь ихъ въ одномъ Туркестанскомъ генералъ-губернаторствѣ 38,000, да въ степяхъ сибирскихъ и оренбургскихъ 5,000. Весь избытокъ, 35,500 чел., сполна вызванъ военными и политическими потребностями Туркестана, которыя людямъ, знакомымъ съ характеромъ среднеазіятскихъ народовъ, кажутся нѣсколько преувеличенными противъ дѣйствительной надобности. Не будемъ однако касаться здѣсь этого труднаго вопроса, для правильнаго разбора котораго нужно было бы теперь же войти въ политическія и стратегическія соображенія, которыхъ мы не желаемъ касаться, а скажемъ еще нѣсколько словъ о гражданскомъ бюджетѣ.

Занявъ сѣверо-западныя части Коканскаго ханства въ 1865 году, мы ничѣмъ такъ не обрадовали вновь покоренныхъ жителей его, какъ уничтоженіемъ массы налоговъ, которые были введены жаднымъ Худояръ-ханомъ и его беками. Это уничтоженіе излишнихъ и многихъ безсмысленныхъ поборовъ сразу пріобрѣло намъ расположеніе ташкентцевъ и вообще обитателей нынѣшней Сыръ-дарьинской области. Остались только такіе налоги, которые признаются коренными мусульманскими законами, именно танапъ, хераджъ и зякетъ, которые не отяготительны и распредѣляются правильно безъ большаго труда *). Жителямъ было обѣщано, что уничтоженные налоги не будутъ возстановлены никогда. И дѣйствительно, *de jure* новыхъ налоговъ нѣтъ, но *de facto* они введены, подъ

---

*) Зякетъ, или таможенная пошлина, равенъ $2^1/_2\%$ цѣны товаровъ: танапъ — поземельный налогъ, пропорціональный урожаю и также невысокій.

неопредѣленнымъ титуломъ мѣстныхъ сборовъ на разныя надобности. А какъ эти надобности измѣняются изъ года въ годъ, то и возникаетъ трудность установить нормальный ежегодный бюджетъ, цифры же дѣйствительнаго бюджета колеблются изъ года въ годъ съ поражающею неправильностью. Среднимъ числомъ, однако, Туркестанское генералъ-губернаторство до присоединенія Ферганы *) доставляло около 2.000,000 рублей, при населеніи 1.700,000 душъ; это очень немного, особенно если принять въ соображеніе, что есть мѣстности, напр. Міанкалъ, гдѣ одна десятина земли стоитъ 1,000 руб. и приноситъ чистаго дохода 60—70 рублей. Взявъ для сравненія какую-нибудь русскую губернію съ тѣмъ же числомъ населенія, даже въ сѣверной полосѣ, мы увидимъ, что Туркестанскій край по отношенію къ налогамъ есть самая счастливая часть Русской имперіи. Между тѣмъ о новыхъ источникахъ для обложенія ничего неизвѣстно, и цифры доходовъ иногда не только не возрастаютъ, а даже падаютъ къ слѣдующему году. Это показываетъ, что платежныя податныя средства края не довольно изучены или неточно оцѣнены и что самые сборы взимаются недостаточно правильно, на что впрочемъ есть прямыя указанія въ печатныхъ источникахъ. Расходная часть туркестанскаго бюджета едва ли не еще болѣе безпорядочна и поражаетъ особенно огромными суммами на содержаніе чиновниковъ, изъ которыхъ многіе не занимаютъ никакихъ должностей, а состоятъ въ распоряженіи мѣстной центральной власти, для употребленія по ея усмотрѣнію **). Кромѣ того, многіе значительные расходы, занесенные въ смету и правильно

*) Могущей давать до 700,000 въ годъ.

**) Это служитъ источникомъ немалаго нравственнаго зла, возбуждая интриги при отыскапіи занятій и уничтожая всякую увѣренность въ служащихъ, что они служатъ государству, а не лицамъ, и что судьба ихъ зависитъ только отъ исполненія «законныхъ» обязанностей.

утвержденные, иногда оказываются мало производительными, какъ напр. это было съ почтовыми станціями по оренбургскому тракту, которыя черезъ три года послѣ постройки пришли въ разрушеніе, хотя и стоили дорого. Иные расходы дѣлались и дѣлаются безъ внесенія въ смету, и министерству финансовъ стоило въ 1871—72 году не мало труда привести въ ясность израсходованіе слишкомъ милліона рублей изъ бывшихъ доходовъ съ Заравшанскаго округа. Бывали такіе случаи, что суммы, получившія уже опредѣленное назначеніе, употреблялись на совершенно другіе предметы, какъ напр. вмѣсто основанія общественныхъ банковъ по селеніяхъ ушли на основаніе конскаго завода. Все это показываетъ, что финансовая администрація Туркестанскаго края оставляетъ еще желать многаго и что будущимъ преобразователямъ ея будетъ предстоять немаловажная задача не только сократить много лишнихъ издержекъ, но и привести въ ясность всѣ источники доходовъ и установить правильную систему ихъ взиманія и израсходованія. Мы полагаемъ, что прежде всего можетъ удасться, безъ вреда краю и Россіи, уменьшить составъ мѣстной бюрократіи, увеличивъ въ то же время содержаніе тѣхъ чиновниковъ, которые останутся и которые должны быть хорошо обставлены, чтобы достойно представлять русское могущество въ средней Азіи. При этомъ условіи и сама бюрократія нѣсколько переродится, ибо у нея не будетъ времени заниматься слишкомъ ничтожными мелочами, которыя всѣ перейдутъ къ выборнымъ туземнымъ чинамъ низшей администраціи.

Другое общее замѣчаніе, которое мы должны сдѣлать о характерѣ управленія Туркестантскимъ краемъ, заключается въ томъ, что край этотъ состоитъ въ исключительномъ вѣдѣніи военнаго министерства, какъ будто онъ военное поселеніе. Почему именно принятъ такой порядокъ, мы не знаемъ; но порядокъ этотъ есть очевидно

исключительный и даже едва ли не безпримѣрный. Кавказъ въ теченіи 60 лѣтъ былъ театромъ непрерывной войны и однако никогда не считался исключительною территоріею военнаго министерства, и намѣстникъ его имѣлъ правильныя сношенія со всѣми министрами, на основаніи общихъ законовъ. Амуръ и Киргизскія степи, во время ихъ завоеванія, тоже не подлежали исключительному вѣдѣнію военнаго вѣдомства. Такая рѣзкая особенность въ управленіи Туркестаномъ несомнѣнно имѣетъ серьезное вліяніе на его судьбу, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на положеніе въ немъ русской власти. Огромное число военныхъ офицеровъ, очень мало знакомое съ законами не только мусульманскими, но и русскими, и не смотря на то занимающее нынѣ гражданскія должности въ краѣ, было бы невозможно, если бы замѣщеніе вакансій не производилось почти исключительно военнымъ вѣдомствомъ. Установленіе юридическихъ обычаевъ и административныхъ пріемовъ, которые для народа вновь покореннаго имѣютъ такую важность, пріобрѣло бы совершенно иной характеръ, если бы каждое вѣдомство имперіи имѣло тамъ своихъ непосредственныхъ представителей, усвоившихъ его понятія и пріемы. Наконецъ, сами офицеры, отъѣзжающіе на службу въ Туркестанъ, не мечтали бы, какъ теперь, при первой возможности бросить фронтъ и идти куда-нибудь участковымъ начальникомъ, письмоводителемъ или полиціймейстеромъ, оставляя въ рядахъ войскъ лишь такихъ товарищей, у которыхъ нѣтъ покровителей. Весь этотъ ненормальный строй администраціи очевидно нуждается въ передѣлкѣ, и мы думаемъ сверхъ того, что съ выходомъ Туркестанскаго края изъ исключительной зависимости отъ военнаго вѣдомства, много облегчится дѣло составленія «положенія» о его управленіи, болѣе широкаго въ своихъ теоретическихъ началахъ и болѣе годнаго для практики, чѣмъ доселѣ предлагавшіеся проэкты. Военное Министер-

ство, какъ и всякое другое спеціальное вѣдомство, сколько бы оно ни было просвѣщено и дѣятельно, не въ силахъ *одно*, безъ совокупнаго дѣйствія со всѣми другими вѣдомствами, дать упомянутому положенію должную полноту, многосторонность и основательность.

Изложенныя здѣсь замѣчанія о характерѣ русскаго управленія Туркестаномъ были бы односторонни, если бы на ряду съ ними мы не выставили несомнѣнно важныхъ заслугъ, оказанныхъ этимъ управленіемъ самому краю и русскому дѣлу въ немъ. Важнѣйшею и наиболѣе прочною изъ этихъ заслугъ нельзя не признать научнаго изслѣдованія страны, предпринятаго сознательно, по почину генерала Кауфмана, который еще въ 1868 году заявилъ, что его администрація не можетъ съ пользою дѣйствовать въ новой странѣ, пока не будутъ изучены ея естественныя и промышленныя богатства и этнографическія особенности ея населенія. Изданіе такихъ трудовъ, какъ «Путешествіе» Федченко, какъ нѣсколько томовъ «Туркестанскаго Ежегодника» и «Русскаго Туркестана», въ высшей степени облегчаетъ задачи «разумной эксплоатаціи края», и той же цѣли служатъ издаваемыя при управленіи генералъ-губернатора въ Ташкентѣ «Туркестанскія Вѣдомости», которыя можно считать лучшею изъ русскихъ провинціальныхъ газетъ. Другое важное дѣло русской администраціи въ Туркестанѣ есть основаніе русскихъ училищъ, гдѣ, какъ нужно надѣяться, туземное молодое поколѣніе будетъ понемногу усвоивать европейскія знанія наравнѣ съ русскимъ юношествомъ. Поощреніе разныхъ отраслей мѣстной промышленности, напр. шелководства, приготовленія хлопка и тканей изъ него (черезъ введеніе послѣднихъ въ войска), выдѣлки замши (тоже), добыванія каменнаго угля и другихъ минераловъ, попытки расширенія орошенія въ степяхъ — все это труды важные для настоящаго времени и еще болѣе для будущаго. Въ высшей

степени полезно также устройство экипажныхъ дорогъ, переправъ, мостовъ въ родѣ чирчикскаго и ходжентскаго, правильныхъ почтовыхъ сообщеній и наконецъ телеграфа. Все это такіе могущественные залоги экономическаго и духовнаго вліянія Россіи на среднеазіятцевъ, что скорое и энергическое осуществленіе ихъ, принадлежащее туркестанской администраціи, превосходитъ по результатамъ много дешевыхъ побѣдъ надъ тѣми же среднеазіятцами.

Но самою важною изъ историческихъ заслугъ туркестанской администраціи, безъ сомнѣнія, слѣдуетъ считать поддержаніе и даже возвышеніе того ореола всемогущества, которымъ Россія издавна пользуется въ средней Азіи, такъ что воля русскаго государя представляется нынѣ среднеазіатцу неотразимою, какъ воля судьбы. «У Бѣлаго-царя, говоритъ простодушный киргизъ, укрючина *) длинна: достанетъ вездѣ», и онъ тутъ же признаетъ туркестанскаго генералъ-губернатора «ярымъ-падишахомъ», т. е. половиной царя. Распространеніе этого-то убѣжденія не только въ номадахъ, но и въ осѣдлыхъ жителяхъ Турана, даже въ ихъ повелителяхъ, въ родѣ бухарскаго эмира и хивинскаго хана, есть прочнѣйшій залогъ будущихъ успѣховъ Россіи, которая не можетъ еще остановиться въ своемъ поступательномъ движеніи, пока не замкнетъ съ юга степей, простирающихся до Хорасана и Гиндукуша. Краткимъ разсмотрѣніемъ того, что сдѣлано русскими на этомъ, чисто-политическомъ поприщѣ, мы и заключимъ нашу статью, чтобы читатель могъ ознакомиться съ самыми выдающимися явленіями не только внутренней, но и внѣшней политики Россіи въ среднеазіятскихъ странахъ.

Россія начала имѣть сношенія съ среднею Азіею еще въ XVI вѣкѣ. И не только это были отправленія

---

*) Длинная палка съ веревкою на концѣ, для поимки лошадей въ степи.

посольствъ, но и цѣлыя военныя экспедиціи, какъ набѣгъ атамана Нечая на Хиву. Впрочемъ, послѣднее дѣло не было дѣйствіемъ правительственнымъ, а просто предпріятіемъ шайки удальцовъ въ родѣ тѣхъ, которыя были обычны въ то время всему южно-русскому казачеству по отношенію къ татарамъ, ногайцамъ и пр. Систематическія правительственныя дѣйствія начались съ Петра Великаго, который въ 1716—17 г. отправлялъ двѣ экспедиціи внутрь среднеазіатскихъ пустынь: Бековича въ Хиву и Лихарева на Черный Иртышъ. Обѣ имѣли цѣлію открыть путь въ золотоносныя страны, которыя предполагались внутри Средней Азіи, и обѣ кончились неудачно, особенно Бековича, котораго отрядъ, достигнувъ Хивы, былъ тамъ истребленъ поголовно. Съ тѣхъ поръ Петръ не думалъ уже о повтореніи завоевательныхъ экспедицій внутрь степей, хотя и считалъ послѣднія «воротами въ Азію». Но желая завязать связи съ богатой Индіею, онъ рѣшился прочно утвердиться на южномъ берегу Каспійскаго моря и для того въ 1722 году завоевалъ у Персіи Гиланъ и Мазандеранъ. Эти богатыя отъ природы области не принесли однако-же Россіи той пользы, которую надѣялся отъ нихъ получить великій императоръ. Болѣзни истребляли наши гарнизоны, поставленные тамъ, и содержаніе войскъ было очень убыточно, а потому правительство Бирона, не умѣвшее ни понять широкіе виды Петра, ни энергически слѣдовать по его стопамъ, возвратило Персіи южно-каспійскія земли. Въ то же время, именно въ 1732 году, Россія получила добровольный вызовъ на подданство ей со стороны хана Малой киргизской орды, Абульхаира, и приняла его. Это событіе есть эпоха, отъ которой приходится вести лѣтопись всѣхъ послѣдующихъ дѣйствій нашихъ въ средней Азіи, которыя мало-по-малу перешли въ непрерывное движеніе къ югу, не смотря на убыточность свою для Россіи. Двадцать пять лѣтъ послѣ заяв-

ленія подданства Абульхаиромъ, мы завладѣли еще небольшимъ осколкомъ распавшагося подъ ударами, китайцевъ Чжунгарскаго царства, на Иртышѣ, и такимъ образомъ къ началу царствованія Екатерины II были владѣтелями обширнаго пространства отъ Алтая до Каспійскаго моря, куда впрочемъ сами не вступали, ограничиваясь только основаніемъ ряда форпостовъ вдоль Урала, Иртыша и на пространствѣ между ними, до такъ-называемой Горькой линіи. Императрица Екатерина хорошо видѣла ничтожность нашихъ среднеазіятскихъ владѣній, и потому, заботливо охраняя міръ среди своихъ почти номинальныхъ подданныхъ, киргизовъ, чтобы они не безпокоили собственно русскихъ предѣловъ, она вовсе не предпринимала движеній въ глубину степей. Мало того, при ней безпокойные пограничные номады значительно уменьшились въ числѣ, вслѣдствіе удаленія изъ степи между Ураломъ и Волгою калмыковъ, бѣжавшихъ въ Чжунгарію и на дорогѣ почти истребленныхъ киргизами. Связь Россіи съ среднею Азіею въ это время получила другой характеръ, совершенно мирный, вслѣдствіе развитія торговли черезъ Оренбургъ и отчасти черезъ Троицкъ и Петропавловскъ. Линіи по Уралу и Иртышу мало-по-малу окрѣпли на столько, что уже не пропускали кочевыхъ хищниковъ на почву Европейской Россіи и Западной Сибири. Зависимость киргизовъ Малой и Средней Орды выражалась тѣмъ, что ханы ихъ избирались всегда подъ вліяніемъ Россіи и что отъ времени до времени въ Петербургъ являлись на поклонъ депутаціи отъ орды. Съ среднеазіятскими ханствами никакихъ связей, кромѣ торговыхъ, не было, а относительно туркменовъ, уже со времени Петра Великаго не разъ просившихся въ русское подданство, было принято рѣшеніе отрицательное, во вниманіи къ тому, что народъ этотъ, хищный и дикій, подъ видомъ подданства искалъ только средствъ къ пропитанію и къ ограбленію купече-

скихъ каравановъ, относительно которыхъ дѣйствовалъ безъ малѣйшей совѣсти. Основаніе города, укрѣпленія или факторіи на туркестанскомъ берегу Каспія также признано было безполезнымъ, хотя еще при Петрѣ I, передъ походомъ Бековича въ Хиву, тутъ существовали русскія укрѣпленія.

Императоръ Павелъ взглянулъ на степи своеобразно. Онъ полагалъ, что онѣ представляютъ не только открытую, но и удобную дорогу въ южную Азію, а потому, будучи недоволенъ Англіею и желая изгнать англичанъ изъ Индіи, онъ направилъ черезъ земли Малой Орды значительную часть донскихъ казаковъ подъ начальствомъ Орлова. Въ то же время, т. е. въ 1800 году, былъ заключенъ съ первымъ консуломъ французской республики, Бонапартомъ, договоръ, по которому соединенная русско-французская армія должна была высадиться въ Астрабадѣ и идти оттуда въ Индію черезъ Хорасанъ и Афганистанъ. Смерь императора положила предѣлъ осуществленію этихъ болѣе чѣмъ смѣлыхъ плановъ, и казаки, вытерпѣвшіе уже въ степи много лишеній, были возвращены.

Въ царствованіе императора Александра I, когда Россія была поглощена западо-европейскими интересами, средняя Азія была почти забыта, и даже въ собственныхъ нашихъ владѣніяхъ иногда распоряжались китайцы, которые напр. приходили въ Среднюю Орду съ войсками, чтобы возвести въ ханское достоинство своего приверженца, султана Габайдулу. Но въ 1820-хъ годахъ о киргизскихъ степяхъ снова вспомнили, и, по плану Сперанскаго, совершилось новое знаменательное событіе въ ихъ судьбѣ. Именно, въ замѣнъ посылки прежнихъ летучихъ отрядовъ для наблюденія за кочевниками, основано было нѣсколько передовыхъ укрѣпленій, около которыхъ водворены казачьи станицы. Эта военная колонизація умиротворила сѣверную часть Сибирской степи

и, слѣдовательно, оказалась очень выгодною для самой Сибири; но она же заставила потомъ выдвинуть къ югу новый рядъ укрѣпленій для защиты самихъ степныхъ поселеній. Такъ обозначился самъ собою пріемъ, который мы употребляли въ степяхъ и который неизбѣжно приведетъ насъ къ Гиндукушу и Альбурсу, потому что всякая новая линія будетъ вызывать собою основаніе передовой, сначала изъ утрѣпленій, а потомъ изъ станицъ, селеній и городовъ, пока крайняя изъ нихъ не примкнетъ къ какой нибудь естественной, трудно-проходимой преградѣ, на окраинѣ степи.

Въ Оренбургскомъ краѣ однако же не сразу послѣдовали сибирскому примѣру. Тамъ до 1840-хъ годовъ продолжала господствовать теорія, что степь нужно держать въ покорности одними летучими отрядами; и эта теорія, очень выгодная для казаковъ, безконтрольно распоряжавшихся въ аулахъ, поддерживалась еще убѣжденіемъ нѣкоторыхъ начальствовавшихъ лицъ, что селить русскихъ среди киргизовъ значитъ отнимать у послѣднихъ лучшія ихъ кочевки, т. е. раздражать противу Россіи. Свести счетъ, какъ великъ будетъ убытокъ кочевниковъ отъ водворенія нѣсколькихъ русскихъ колоній и какая прибыль получится отъ этихъ колоній для всего государства, въ Оренбургѣ какъ бы не желали. Но какъ между тѣмъ степь нерѣдко волновалась, отъ вліянія Хивы и по другимъ причинамъ, то стоимость снаряженія летучихъ отрядовъ возрасла до огромныхъ суммъ. Наконецъ, главному защитнику отрядной системы, Перовскому, на себѣ пришлось испытать, что такое отсутствіе въ Оренбургской степи передовыхъ русскихъ осѣдлостей. Постоянно коварнымъ поведеніемъ, покровительствомъ степнымъ хищникамъ, и содержаніемъ въ тяжкомъ плѣну множества русскихъ, Хива вызвала насъ къ отправленію противу нея большаго военнаго отряда въ 1839 году. Отрядъ

этотъ предводительствуемый лично Перовскимъ, не прошелъ однакоже и половины дороги, какъ потерялъ множество скота, продовольствія и другихъ запасовъ, которыхъ обновить было не откуда. Пришлось со стыдомъ возвратиться назадъ. Тогда-то, но уже при преемникѣ Перовскаго, Обручевѣ, признана была и въ Оренбургѣ необходимость передовыхъ линій, и въ 1845—46 гг. основаны были укрѣпленія Оренбургское и Уральское, или Тургай и Иргизъ.

Два эти укрѣпленія и находившіяся въ Сибирской степи Улу-тау, Акъ-тау, Каркаралы, Аягузъ и Копалъ, составили въ 1846 году такую линію, которая имѣла немаловажный экономическій и стратегическій смыслъ. Именно, она ограничивала съ юга почти всѣ лѣтнія кочевки киргизовъ Малой и Средней Орды и, кромѣ того, прилегала съ сѣвера къ той полосѣ безплодныхъ пустынь, которая, подъ именемъ Барсуковъ, Каракумовъ и Бетпакъ-дала, тянется на сѣверѣ отъ Аральскаго моря, Сыра и Чу, до самаго Балхаша и отчасти даже восточнѣе его. Генералъ Обручевъ, какъ воинъ наполеоновской школы, считавшій голодныя степи наилучшею защитою государства отъ нашествія враговъ, предлагалъ остановиться въ нашемъ поступательномъ движеніи къ югу, не принимая въ расчетъ того, что киргизы, уходившіе для зимовокъ на Сыръ-дарью и за Чу, стали бы двоеданцами. Судьба однако рѣшила иначе. Въ томъ же 1846 году присягнула намъ на подданство Большая киргизская Орда, по ту сторону Балхаша, а въ Оренбургской степи императоръ Николай нашелъ, что вмѣсто предполагавшагося третьяго укрѣпленія на Эмбѣ лучше основать таковое на нижнемъ Сырѣ...

Основаніе Раимскаго укрѣпленія, близъ устьевъ Сыръ-дарьи, привело насъ, въ 1847 году, въ непосредственное соприкосновеніе съ двумя изъ среднеазіятскихъ ханствъ:

съ Хивою, которой владѣнія простирались на югъ оттуда, и Коканомъ, который считалъ своими придарьинскія земли, лежавшія на востокѣ. Рано, или поздно столкновеніе съ этими ханствами стало, съ того времени, неизбѣжнымъ, хотя бы уже потому, что мы отняли у нихъ часть земель, подати съ придарьинскихъ киргизовъ и пошлины съ переправы черезъ нижній Яксартъ, а, главное, потому, что пріобрѣли точку, которая могла служить опорною для военныхъ предпріятій противу обоихъ ханствъ. Эта неизбѣжность сказалась черезъ самое короткое время. Въ 1852 году мы должны были отправить отрядъ къ коканской крѣпостцѣ Акъ-мечети, служившей гнѣздомъ безпорядковъ, дѣланныхъ киргизами по наущенію кокандевъ. Отрядъ этотъ оказался слишкомъ слабымъ для овладѣнія крѣпостцею, и потому въ слѣдующемъ году двинутъ былъ въ степь болѣе значительный, который, подъ руководствомъ храбраго и рѣшительнаго генерала Хрулева, взялъ Акъ-мечеть, переименованную вслѣдъ затѣмъ въ фортъ Перовскій. Возникъ цѣлый рядъ укрѣпленій на низовьяхъ Сыра, а въ 1854 году далеко на востокъ оттуда основано было, среди земель Большой орды, укрѣпленіе Вѣрное, черезъ что получились зачатки новой передовой линіи, болѣе или менѣе примыкавшей къ естественнымъ рубежамъ — горамъ и рѣкамъ, — но далеко несомкнутой, потому что отъ Перовска до Вѣрнаго было слишкомъ 700 верстъ пустынь, открытыхъ для вторженія хищниковъ, да кромѣ того между Аральскимъ и Каспійскимъ морями оставались ворота въ 300 верстъ шириною, которыя удобны для набѣговъ въ Оренбургскую степь со стороны Хивы. Послѣднія ворота мы пробовали было наблюдать чрезъ основаніе небольшаго укрѣпленія на восточномъ берегу залива Мертваго Култука; но укрѣпленіе это по нездоровости мѣста и трудному сообщенію съ нимъ, перенесено было въ 1846 г. на Тюпъ-Кара-

ганъ, и ворота для хивинцевъ остались снова вполнѣ открытыми. Стремленіе устроить замкнутую линію къ сторонѣ среднеазіятскихъ ханствъ было совершенно естественно, но его осуществленіе, на этотъ разъ, не могло уже быть такъ просто, какъ прежде въ киргизскихъ степяхъ. Нужно было начать борьбу, прежде всего съ Коканомъ, и она дѣйствительно началась. Уже въ 1859 г. мы ознакомились съ тою частью этого ханства, которая прилежитъ къ землямъ Большой орды и откуда къ намъ безпрестанно вторгалися дикокаменные киргизы, коканскіе подданные; въ слѣдующемъ году были взяты и разрушены коканскія крѣпосцы за Чу, Токмакъ и Пишпекъ. Вслѣдъ затѣмъ раздвинута къ востоку и сыръ-дарьинская линія, занятіемъ Джулека и Яны-кургана; и вообще началось то движеніе сибирскихъ и оренбургскихъ силъ на встрѣчу, которое, подъ руководствомъ Черняева, привело насъ въ 1864 г. ко взятію Аулье-ата и Чемкента, а въ 1865 — Ташкента.

Всѣмъ памятны событія послѣдовавшія затѣмъ. Правительство думало остановиться въ ходѣ завоеваній и, ограничаясь учрежденіемъ сомкнутой линіи на югѣ киргизскихъ степей, предоставило осѣдлымъ жителямъ Ташкента и окрестностей образовать особое ханство, независимое отъ враждебнаго намъ Кокана. Но это оказалось невозможнымъ. Среднеазіятскіе правители, видя русскія войска на своей исторической почвѣ, старались ихъ удалить оттуда, а ташкентцы, хорошо понимая, что лучше добровольно отдаться во власть русскимъ, которые сразу уменьшили налоги, чѣмъ дожидаться новаго завоеванія, которое могло кончиться хуже, избрали ханомъ умѣвшаго пріобрѣсти среди ихъ большую популярность генерала Черняева. Среднеазіятская война продолжалась, и съ 1866 въ число враговъ нашихъ сталъ бухарскій эмиръ, искони бывшій въ дружественныхъ къ намъ отношеніяхъ, такъ

что еще въ 1840-хъ годахъ самъ *) призывалъ нашихъ ученыхъ къ изслѣдованію его страны. Скоро, именно въ 1866 же году, были взяты нами Ходжентъ и Джизакъ и такимъ образомъ отрѣзаны одно отъ другаго два главныя средне-азіятскія ханства, Бухара и Коканъ. Въ слѣдующемъ году необходимость дать прочное устройство вновь завоеваннымъ странамъ и установить тамъ сильную мѣстную власть съ политическимъ характеромъ, независимую и отъ Оренбурга и отъ Омска, привела къ учрежденію особаго генералъ-губернаторства, Туркестанскаго, и дѣло поступательнаго движенія въ средней Азіи вступило въ тотъ фазисъ, который продолжается доселѣ и который не можетъ кончиться ничѣмъ инымъ, какъ присоединеніемъ къ Россіи всего Турана до подножія Гиндукуша, Паропамиза и горъ Хорасанскихъ.

Исторія этого новѣйшаго періода русскаго движенія въ Туркестанѣ вѣроятно будетъ обстоятельно изложена въ имѣющемъ скоро выйдти обширномъ сочиненіи о хивинскомъ походѣ 1873 года. Не мало относящихся сюда любопытныхъ данныхъ русскіе читатели могутъ найти въ трудахъ гг. Костенко и Терентьева о средней Азіи, а знакомые съ англійскимъ языкомъ въ сочиненіи Скайлера, недавно вышедшемъ въ Лондонѣ. Въ нашемъ очеркѣ мы постараемся быть краткими и коснемся лишь такихъ событій, которыя характеризуютъ русское движеніе въ разныхъ частяхъ Турана и ставятъ вопросы для будущаго. Начнемъ это разсмотрѣніе съ запада. Когда власть наша утвердилась въ бассейнѣ Сыра и въ пріаральскихъ степяхъ, тогда стало ясно, что мы не можемъ уже нынѣ отстранять отъ себя, какъ было не только въ XVIII вѣкѣ, но и въ 1859 г., вопроса о Туркменіи, которая состав-

*) Точнѣе, отецъ современнаго эмира Муззаффара, умный Насръ-ула-Эддинъ.

ляетъ простое продолженіе этихъ степей. Дѣйствовать на туркменъ съ сѣвера, изъ Оренбурга, или съ сѣверо-запада, отъ Тюпъ-Карагана, гдѣ у насъ существуетъ небольшое укрѣпленіе съ 1846 года, было однако же неудобно, потому что мѣстности эти отдалены отъ кочевьевъ массы туркменъ. Вслѣдствіе этого въ 1869 году былъ основанъ Красноводскъ на той точкѣ восточнаго берега Каспійскаго моря, которая представляетъ наиболѣе удобствъ для приставанія судовъ и которая вполнѣ безопасна отъ нападеній туркменъ, хотя лежитъ невдалекѣ отъ ихъ кочевокъ. Нельзя, конечно, сказать, что Красноводскъ вполнѣ удобный пунктъ для русской колоніи; для послѣдней цѣли гораздо лучше было бы устроиться на устьѣ Гюргени, у Серебрянаго-бугра, гдѣ и предлагали это сдѣлать еще въ 1859 году сами туркмены; но во всякомъ случаѣ этотъ фортъ послужилъ намъ точкою опоры для многихъ важныхъ военно-политическихъ предпріятій, потому что ежегодно изъ него выходили отряды войскъ, то къ сторонѣ Хивы, то къ подножію Кепетъ-дага и къ берегамъ Атрека, изучая страну и ея обитателей, съ которыми мало-по-малу удалось войти въ мирныя сношенія, хотя еще въ 1870 году они пробовали дѣлать открытыя нападенія на наши военные посты. Что успѣхъ увѣнчалъ наши мѣры, видно изъ того, что уже въ 1875 году туркмены сами возили черезъ степь русскую почту въ Хиву, а караваны, приходящіе въ Красноводскъ всѣ имѣютъ туркменскихъ верблюдовъ и вожаковъ. Это успокоеніе туркменъ, ближайшихъ къ нашей осѣдлости, принесло свою пользу и въ другихъ отношеніяхъ. Оно положило предѣлъ ихъ хищничествамъ на Каспійскомъ морѣ, гдѣ для парализированія его мы уже съ 1842 года содержали морскую станцію въ Астрабадскомъ заливѣ. Оно повело къ признанію недавними врагами нашими прямаго подданства Россіи, потому что часть іомудовъ уже пла-

титъ намъ подати. Оно дозволило намъ въ 1876 г. начать устройство удобной дороги изъ Красноводска въ Хиву. Оно, наконецъ, избавило до нѣкоторой степени отъ постояннаго раззоренія сосѣднюю Астрабадскую провинцію Персіи, которую дотолѣ туркмены постоянно и безпощадно опустошали. Видя выгоду отъ мирныхъ сношеній съ русскими, стали проситься подъ покровительство Бѣлаго царя и тѣ туркмены, которые живутъ вдали отъ Каспійскаго моря (часть текинцевъ по сѣверной сторонѣ Кепетъ-дага). Все, стало-быть, пришло въ тотъ порядокъ, какого только можетъ желать цивилизованная нація, приходя въ прикосновеніе съ полудикими и хищными варварами. Къ сожалѣнію, этотъ благопріятный выводъ относительно судьбы закаспійскаго края значительно ослабляется однимъ обстоятельствомъ, которое создано самими же нами. Когда въ 1869 году мы задумали основать Красноводскъ, въ Тегеранъ дано было знать изъ Петербурга, чтобы персидское правительство не безпокоилось этимъ движеніемъ, что мы признаемъ южнымъ предѣломъ нашей дѣятельности Атрекъ. Это заявленіе, вовсе не вызванное какими-либо домогательствами Персіи, значительно усложнило положеніе наше на восточномъ берегу Каспія. Теперь одни и тѣ же пріатрекскіе туркмены восемь мѣсяцевъ въ году проводятъ на нашихъ земляхъ, а четыре мѣсяца — на такъ-называемыхъ персидскихъ земляхъ, хотя, собственно, персидскія власти къ нимъ почти не показываются. Такое двоеданство, разумѣется, имѣетъ крайнія неудобства, которыя, неизвѣстно, какъ будутъ устранены. Ошибка произошла, повидимому, оттого, что мы не знали географическія и этнографическія подробности югозападной Туркменіи; это подтверждается напр. тѣмъ фактомъ, что даже въ 1875 г. изъ Тегерана спрашивали у начальника ашурадинской станціи, какая рѣка сѣвернѣе: Атрекъ или Гюргень. Но избѣжать по-

добныхъ ошибокъ было легко, потому что еще въ 1836 г. все восточное прибрежье Каспійскаго моря подробно описано Бларамбергомъ, а въ 1859 г. эти свѣдѣнія подновлены Галкинымъ и др. Невыгода теперешней границы по Атреку состоитъ еще въ томъ, что если буквально слѣдовать программѣ 1869 г., то должно будетъ съ нашей стороны, не ограничиваясь туркменами, признать русскими подданными и часть курдовъ, давнихъ персидскихъ подданныхъ, живущихъ по правую сторону Атрека около Кабушана. Наконецъ при теперешнемъ положеніи границы, всѣ движенія въ восточную часть туркменской степи, особенно противу враждебныхъ намъ мервскихъ текинцевъ, очень затруднены, не говоря уже про то, что, въ случаѣ необходимости движенія къ Герату, мы должны будемъ имѣть дѣло съ Персіею и даже съ Англіею, которая усердно заботится закрыть для насъ навсегда эту дорогу и въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ выслала не менѣе восьми военныхъ агентовъ для изученія ея.

Переходя на востокъ, къ Хивѣ, мы можемъ быть кратки. Ханство это долго служило источникомъ неурядицъ во всѣхъ нашихъ пріаральскихъ степяхъ и содержало всегда множество русскихъ плѣнниковъ, которыхъ продавали хивинцамъ степные разбойники. Недоступность страны, доказанная неудачею экспедиціи Перовскаго, поощряла Хиву къ упорству въ удовлетвореніи самыхъ законныхъ нашихъ требованій относительно дружески-сосѣдскаго поведенія. Кромѣ того хивинцы знали, что уже въ 1839 г. лордъ Пальмерстонъ обѣщалъ ихъ хану, что за Хиву всегда вступится Англія. Отъ того ханъ позволялъ себѣ небрежно относиться къ заявленіямъ туркестанскаго генералъ-губернатора. Этимъ порядкамъ положенъ конецъ въ 1873 г., послѣ достопамятной экспедиціи генераловъ Кауфмана, Веревкина и Ломакина, поведшей къ занятію Хивы, которая съ того времени сдѣ-

лалась почти вассальнымъ владѣніемъ Россіи, состоящимъ подъ строгимъ надзоромъ нашихъ военныхъ начальствъ на правомъ берегу Аму-дарьи, который присоединенъ къ Россіи. Завоевавъ Хиву, мы не присоединили ея только потому, что предварительно нами было обѣщано Англіи не уничтожать самостоятельности этого ханства, которое еще въ 1871 году искало защиты у англичанъ. Впрочемъ полунезависимость Хивы, вмѣсто полнаго подчиненія, не только не представляетъ для насъ неудобствъ, а еще имѣетъ пока и выгодную сторону, потому что отстраняетъ отъ непосредственныхъ нашихъ владѣній на Оксѣ удары туркменовъ, которые, если совершаются, падаютъ на заслоняющую насъ Хиву. Кромѣ того, Хива, продолжая считаться самостоятельною, платитъ намъ довольно значительную контрибуцію, которой сборъ лежитъ на мѣстныхъ, а не на нашихъ властяхъ. Сверхъ того замѣтимъ, что сосѣдство русскихъ значительно измѣнило къ лучшему бытъ самихъ хивинцевъ. Обязанные въ 1870 г. отпустить на свободу всѣхъ плѣнныхъ рабовъ, къ какой бы націи ни принадлежали, они нынѣ уже не торгуютъ людьми, какъ скотомъ. Въ сознаніи пользы отъ мирныхъ торговыхъ сношеній съ Россіею, Хива даже сама помогаетъ намъ устроить сообщеніе низовьевъ Окса съ Каспійскимъ моремъ у Красноводска. Ханъ во внутреннихъ своихъ дѣлахъ намъ многимъ обязанъ; наши войска помогли ему упрочить власть надъ туркменами, живущими по окраинамъ ханства.

Бухара съ 1868 года низведена нами съ той, сравнительно высокой степени могущества, на которой она стояла въ средней Азіи въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій. Важнѣйшій ударъ нанесенъ ей въ 1868 году отнятіемъ Самарканда, послѣ этого намъ стало нетрудно лишить бухарцевъ самой возможности ихъ существованія въ долинѣ заравшана, черезъ распущеніе воды его въ арыки,

недоходящіе до бухарскихъ предѣловъ. Самая программа политическаго существованія Бухары, какъ отдѣльнаго владѣнія, дана нами ей въ видѣ двухъ договоровъ, 1868 и 1873 годовъ, которые опредѣлили ея подчиненное отношеніе къ Россіи, не лишая впрочемъ внутренней самостоятельности эмирова правительства. Объ этихъ договорахъ и вообще, заключенныхъ нами съ среднеазіятскими ханствами, слышатся иногда скептическіе отзывы, доказывающіе ихъ безполезность, потому будто, что среднеазіятцы не понимаютъ европейскаго международнаго права, а покоряются только силѣ. Но никто и не смотритъ на эти акты, какъ на договоры равнаго съ равнымъ. Это суть инструкціи въ вѣжливой формѣ, или программы, которыя даются цивилизованнымъ побѣдителемъ побѣжденнымъ варварамъ, но исполненіе которыхъ непремѣнно обезпечивается близкимъ присутствіемъ военной силы. Если же не всѣ пункты этихъ договоровъ всегда строго исполняются, какъ доказалъ напр. г. Скайлеръ, купивъ въ Бухарѣ невольника; то это доказываетъ не безполезность договоровъ, а только трудность наблюденія за ихъ исполненіемъ. Эта трудность съ теченіемъ времени, напр. съ увеличеніемъ числа русскихъ въ Бухарѣ, можетъ уменьшиться. Наши дѣйствія по отношенію къ Бухарскому ханству преслѣдуютъ, въ послѣдніе годы, три важнѣйшія цѣли: усиленіе торговыхъ связей съ нимъ, успокоеніе приграничныхъ земель отъ волненій кочевниковъ и устраненіе вредныхъ намъ вліяній на эмира съ юга, изъ-за Гиндукуша. Цѣли эти достигаются болѣе или менѣе, хотя конечно мы не можемъ препятствовать эмиру сноситься съ Афганистаномъ или водворятъ на сильно русскихъ купцовъ въ Бухарѣ или Шехрисябсѣ, если они сами не находятъ этого выгоднымъ. Мы не стѣснили бухарскаго правительства относительно числа войскъ, которое оно можетъ держать, какъ то нерѣдко дѣлается

англичанами въ Индіи; но это лишь потому, что бухарскія войска совершенно ничтожны, и можно сказать, что чѣмъ ихъ будетъ больше, тѣмъ ханство станетъ слабѣе, потому что казна эмира будетъ нести непосильные расходы въ мирное время, а въ военное одного пораженія будетъ достаточно, чтобы положить конецъ существованію истощеннаго государства. Что бухарское правительство хорошо понимаетъ силу наложенныхъ на него обязательствъ, это доказывается множествомъ примѣровъ, и мы приведемъ здѣсь лишь одинъ, но очень вѣскій. Получивъ отъ насъ, въ благодарность за содѣйствіе хивинскому походу, участокъ малогодной земли на правомъ берегу Аму-дарьи и обязавшись при этомъ выстроить на Оксѣ укрѣпленіе для присмотра за туркменами, оно исполняетъ это обязательство, не смотря на его убыточность. Бухарское правительство даже на столько искренно дорожитъ благорасположеніемъ къ нему Россіи, на столько старается сблизиться съ нею, что эмиръ недавно отдалъ своего сына на воспитаніе въ Петербургъ. До времени, намъ можно только ждать продолженія подобныхъ отношеній, потому что самостоятельность Бухары предохраняетъ насъ отъ непосредственнаго сосѣдства съ Афганистаномъ, отношенія къ которому еще не опредѣлились, котораго населеніе воинственно и который находится подъ вліяніемъ Англіи.

На юго-востокѣ отъ Бухары, въ гористой странѣ, орошаемой притоками верхняго Окса, находится группа мелкихъ государствъ, съ которыми мы до послѣдняго времени не имѣли никакихъ сношеній, хотя всѣ они лежатъ въ предѣлахъ Турана. Государства эти, начиная съ сѣвера, суть: Каратегинъ, Дарвазъ, Шигнанъ, Ваханъ и Бадакшанъ. На ряду съ ними еще недавно можно было поставить бывшія вассальныя владѣнія бухарскаго эмира: Андху, Шибарханъ, Сирипуль и Маймене, которыя за-

нимаютъ оазисы у подножія Паропамиза и мало-по малу перешли въ зависимость отъ афгановъ. Въ томъ, что̀ мы можемъ сказать о нихъ, мы вынуждены руководствоваться, къ сожалѣнію, большею частью, за исключеніемъ Каратегина, одними англійскими источниками, такъ-какъ русскихъ почти нѣтъ совсѣмъ. Владѣніе Каратегинъ, лежащее по рѣкѣ Сурхабу, самому сѣверному изъ большихъ истоковъ Окса, какъ говорятъ, имѣетъ до 100.000 населенія, окружено и перерѣзано горами и въ послѣдніе годы служило предметомъ интригъ Бухары и Кокана, которые искали утвердить тутъ свое вліяніе. Съ присоединеніемъ Кокана къ русскимъ владѣніямъ, каратегинскій ша (государь) понялъ, что ему нужно искать покровительства русскихъ, и это заискиваніе уже началось, такъ какъ каратегинцы не допустили къ себѣ одного изъ враждебныхъ вождей коканской инсуррекціи 1875 года. Съ Дарвазомъ и Шигнаномъ, мы не имѣли доселѣ никакихъ связей и слѣдовательно, свободны отъ всякихъ, относительно ихъ, обязательствъ; но недавнее движеніе наше на Алай и Памиръ, гдѣ киргизы, хозяева страны, признали себя нашими подданными, приводитъ насъ уже въ соприкосновеніе съ этими мелкими государствами, которыхъ властители ведутъ свой родъ отъ Александра Македонскаго. Кулябъ, подобное же мелкое владѣніе, долго существовавшее на западѣ отъ Дарваза, нынѣ составляетъ бухарскую провинцію; но бывшій владѣтель его, Сары-бекъ, находится въ Кабулѣ и добивается отъ Ширъ-Али хана содѣйствія афганскихъ войскъ для возвращенія на родину, что̀ можетъ подать поводъ къ довольно труднымъ политическимъ комбинаціямъ, тѣмъ болѣе, что съ другой стороны бухарцы могутъ добиваться отъ афгановъ возвращенія имъ Андхоя и пр. Едва-ли можно сомнѣваться, что этими компликаціями воспользуется Англія, чтобы вновь вмѣшаться въ среднеазіятскія дѣла, къ нашей не-

выгодѣ, какъ было въ 1869—73 годахъ. Ваханъ есть маленькое государство по самымъ верховьямъ Окса, или по Сарьхяду и Пянджу. На его земляхъ находятся важнѣйшіе проходы изъ Аральскаго водоема въ бассейнъ Лобъ-нора, черезъ Памиръ; поэтому землица эта имѣетъ важное значеніе, и бывшій нашъ посолъ въ Лондонѣ гр. Бруновъ, настойчиво добивался, чтобы она не подпала подъ вліяніе Афганистана, хотя бы только номинально, ибо это обстоятельство привело бы въ непосредственное прикосновеніе два большія мусульманскія государства, Афганистанъ и Джитышаръ, которыхъ дружественное расположеніе къ намъ сомнительно. Мы однако же уступили настояніямъ Англіи, хотя чисто фиктивно, потому что въ дѣйствительности памирскіе проходы не находятся еще въ зависимости ни отъ Якубъ-бека, ни отъ Ширъ-Али, успѣвшаго занять только Бадакшанъ. Послѣднее государство, еще въ 1864 году имѣвшее своего природнаго владѣтеля, въ лицѣ скитающагося нынѣ по Азіи Джегандаръ-шаха, есть, безъ сомнѣнія, самое важное изъ всѣхъ среднеазіятскихъ въ политическомъ отношеніи. Безъ овладѣнія имъ и устройства тамъ русской колонизаціи, мы никогда не въ состояніи будемъ ручаться за миръ въ Туркестанѣ и даже за прочность нашего тамъ господства. Оно занимаетъ наиболѣе цвѣтущую мѣстность въ бассейнѣ Окса и способно кормить многочисленное населеніе. Только владѣя имъ, мы можемъ повелѣвать сѣверными предгорьями Гиндукуша и проходами черезъ этотъ хребетъ въ долину Кунара, гдѣ лежатъ Читралъ и Мастучъ, донынѣ упорно сохраняющіе независимость отъ афгановъ, а слѣдовательно и отъ англичанъ. Къ сожалѣнію, съ 1874 года Бадакшанъ находится подъ властію эмира кабульскаго, хотя жители, его персіяне или таджики, ненавидятъ афганцевъ. И какъ завоеваніе это сдѣлано по наущенію Англіи и отчасти на ея средства,

то въ будущемъ мы должны предвидѣть много хлопотъ. А между тѣмъ, повторимъ, безъ Бадакшана русскіе должны считать себя въ средней Азіи какъ бы временными гостями, не имѣющими прочной осѣдлости и не могущими даже устроить таковую. Бадакшанъ, Кундузъ и Балхъ въ рукахъ эмира афганскаго, находящагося въ вассальныхъ отношеніяхъ къ Англіи,—это тѣ передовые посты англичанъ, изъ которыхъ они выражаютъ твердое желаніе «защищать Индію помощью туркменскихъ шаекъ, хорошо вооруженныхъ и руководимыхъ искусными офицерами», то-есть не давать Россіи покоя въ ея среднеазіатскихъ владѣніяхъ и истощать ея средства на подавленіе мятежей.... Какъ исторія рѣшитъ бадакшанскій вопросъ, мы, конечно, предсказывать не можемъ; но нельзя, по поводу его не выразить удивленія къ дальновидности британской политики.

Почти то же значеніе, какъ Бадакшанъ и Ваханъ, имѣютъ Андхой, Сирапуль, Шибарханъ и Майменэ, лежащіе вдоль дороги изъ Балха къ Герату. Эти мелкія узбекскія землицы составляютъ послѣдніе оазисы на южныхъ предѣлахъ степной туранской низменности, у самого подножія Паропамиза. Замѣнить ихъ какими-либо другими годными для осѣдлаго населенія мѣстностями, при будущемъ основаніи единственно-прочной государственной границы нашей на югѣ, невозможно. А между тѣмъ и съ ними случилось то же, что съ Бадакшаномъ. Не принимая въ соображеніе того, что еще въ половинѣ нашего вѣка на нихъ распространялась власть Бухары, и что Майменэ еще въ 1863 году была независима отъ афганцевъ, и, по свидѣтельству Вамбери, гордилась этимъ, мы признали, при переговорахъ 1873 г. графа Шувалова съ лордомъ Грэнвилемъ, права на нихъ Афганистана, который однакоже озаботился покореніемъ Майменэ не ранѣе 1875 года. Если этому, неблагопріятному для нашего

будущаго утвержденія въ Туранѣ факту, можно придавать меньше значенія, чѣмъ уступкѣ Бадакшана, то это лишь потому, что едва ли когда афганцамъ удастся прочно утвердиться въ этихъ оазисахъ, имѣющихъ населеніе изъ узбековъ и таджиковъ, нерасположенныхъ къ афганскому господству. Кромѣ того, между Андхоемъ, Майменэ и пр., съ одной стороны, и собственно Афганистаномъ съ другой, лежатъ гористыя земли, занятыя хезерейцами, джемшидами, кипчаками, монголами, фирузкухами и др., которые всѣ не любятъ афгановъ. Наконецъ и туркменское населеніе степи къ сѣверу отъ подгорныхъ оазисовъ нерасположено къ послѣднимъ, такъ что еще въ 1874 г. помогало противнику Ширъ-Али-хана кабульского, мятежному сыну Якубу.

Исторія завоеванія Кокана, остававшагося независимымъ послѣ отнятія у него въ 1853—65 годахъ большей части его земель, очень проста. Жестокій и корыстолюбивый властитель его, Худояръ-ханъ, чтобы спасти хотя на время свой шаткій тронъ, не только подчинился вполнѣ, съ 1867 года, вліянію Россіи, но усердно служилъ ея интересамъ, такъ что былъ награжденъ русскимъ орденомъ и представленъ даже, со стороны туркестанскаго генералъ-губернатора, къ титулу высочества, въ замѣнъ титула высокостепенства, принятаго у насъ для среднеазіятскихъ властителей. Онъ не препятствовалъ изученію русскими Кокана ни въ естественно-историческомъ, ни въ промышленномъ отношеніяхъ; для того, чтобы лучше угождать русскимъ властямъ, онъ держалъ въ Ташкентѣ особаго агента, въ лицѣ ловкаго мирзы Хакима, во многомъ освоившагося съ европейскими формами жизни. Какъ бы чувствуя, что дни его господства сочтены, Худояръ все свое вниманіе обратилъ на обогащеніе своей личной казны всѣми правдами и неправдами. Эта жадность и крайняя жестокость хана возбудили противъ

него все населеніе, особенно кипчаковъ, съ которыми у него были давніе счеты. Возставшіе кочевники, подъ предводительствомъ одного изъ бывшихъ любимцевъ хана, Абдеррахмана-автобачи, низвергли Худояра, и онъ долженъ былъ бѣжать въ русскіе предѣлы. Затѣмъ, хотя подъ нашимъ вліяніемъ и провозглашенъ былъ ханомъ законный наслѣдникъ Худояра, Сеидъ, но онъ долго удержаться не могъ. Многіе коканскіе и киргизскіе патріоты, приписывая зло безпорядковъ въ ихъ странѣ русскимъ, не разъ вторгались въ наши предѣлы и этимъ вызвали строгое возмездіе, концомъ котораго было присоединеніе Коканскаго ханства къ Россіи, подъ именемъ Ферганской области. Въ настоящее время, совершается послѣдній актъ этого присоединенія чрезъ усмиреніе непокорныхъ горныхъ киргизовъ, которые особенно многочисленны въ восточныхъ частяхъ области, и это новое поступательное наше движеніе уже привело насъ къ Памиру, къ озеру Каракулю. Худояръ же ханъ и его преемникъ вывезены въ Европейскую Россію, такъ что теперь въ средней Азіи остался лишь одинъ замѣтный представитель бывшей независимости Кокана, Абдулъ-Гафаръ, который успѣлъ убѣжать въ Афганистанъ и оттуда проникнуть въ Индію.

На юго-востокѣ отъ Кокана, за Небесными горами, лежитъ послѣднее государство Средней Азіи, о которомъ умѣстно упомянуть въ нашемъ очеркѣ. Это государство — Джитышаръ или Восточный Туркестанъ, который созданъ коканскимъ уроженцемъ Якубъ-бекомъ на развалинахъ власти китайцевъ. Государство это образовалось недалѣе 10—12 лѣтъ назадъ, вслѣдствіе возстанія мѣстнаго мусульманскаго населенія противу власти китайцевъ-язычниковъ, — одного изъ тѣхъ возстаній, которыя уже нѣсколько разъ повторялись со времени завоеванія Малой Бухаріи войсками Фудэ и другихъ китайскихъ генера-

ловъ въ 1757 году. Въ первое время инсуррекціи, т. е. въ 1863—68 г., мы почти совсѣмъ не обращали вниманія на ходъ дѣлъ въ бассейнѣ Тарима и считали, что *de jure* все это китайская земля, относительно которой у насъ даже есть трактатъ съ пекинскимъ правительствомъ, допускающій свободную русскую торговлю въ Кашгарѣ. Въ 1868 г. явился къ туркестанскому генералъ-губернатору довѣреннымъ агентомъ счастливаго основателя новой мусульманской монархіи племянникъ его Шади-мирза, чтобы увѣрить русскихъ въ дружбѣ и снискать расположеніе Россіи. Находясь въ вѣковыхъ пріязненныхъ отношеніяхъ къ Китаю, мы не придали этому посольству большаго значенія, и Шади-мирза, хотя побывалъ въ Петербургѣ, но вернулся домой ни съ чѣмъ. Въ 1872 году однако заключенъ былъ съ Якубомъ договоръ о торговлѣ, естественно доставившій ему большое удовольствіе, потому, что этимъ самымъ уже признавался онъ со стороны Россіи самостоятельнымъ государемъ, а не бунтовщикомъ противу китайцевъ, стоявшимъ внѣ области международнаго права. Договоръ принесъ пользу и намъ, потому что съ того времени русскіе купцы могли спокойно отправляться въ Кашгаръ и даже въ Яркентъ; это нѣкоторые изъ нихъ и дѣлали, хотя собственно правильной, постоянной торговли у насъ въ Джитышарѣ нѣтъ. Что Якубъ бекъ серьезно понималъ обязательства, наложенныя на него договоромъ, видно напр. изъ случая уплаты имъ безприкословно 15,000 рублей за убытки, нанесенные нашимъ купцамъ въ Кашгарѣ дѣйствіями его чиновниковъ. Для пріобрѣтенія возможно прочнаго расположенія къ себѣ русскаго правительства, повелитель Джитышара отправлялъ въ 1874 году особое посольство въ Петербургъ, гдѣ оно было ласково принято и одарено, а самому Якубу отправлены подарки отъ двора съ особымъ офицеромъ. Но не смотря на эти пріязненныя

сношенія, кашгарскій эмиръ въ душѣ не любилъ Россіи, потому что боялся ея. И въ самомъ дѣлѣ, Россія есть единственное государство, которое можетъ разрушить созданную имъ монархію или держать ее постоянно на уровнѣ ничтожества. Китайцы такъ ослабѣли въ притяньшаньскихъ странахъ, что Якубъ до самой смерти своей боролся съ ними, какъ равный съ равными; англичане далеко, за Гималаями, да и относились они къ повелителю Джитышара весьма дружелюбно: заключили съ нимъ договоръ, снабдили его хорошимъ оружіемъ, военными техниками и инструкторами и наконецъ торжественно признали за нимъ титулъ эмира, тогда какъ прежде онъ скромно назывался бадаулетомъ (счастливцемъ) или аталыкомъ-гази (поборникомъ вѣры), да и то лишь въ силу письма эмира бухарскаго. О сосѣдяхъ на западѣ, мелкихъ горныхъ владѣтеляхъ Памирскаго нагорья, и говорить нечего: они сами боялись Якубъ-бека, и одинъ изъ нихъ, Алифъ-бекъ сириколъскій, заплатилъ потерю престола за попытку не слушаться кашгарскаго бадаулета еще въ 1868 году. Только Россія являлась препоною честолюбивому эмиру въ его стремленіи основать большое мусульманское государство въ средней Азіи, и онъ безпрестанно оглядывался на нее. Съ нашей стороны, конечно, нѣтъ никакого основанія содѣйствовать осуществленію его видовъ и, напротивъ, должно желать, чтобы усиленію Джитышара былъ наконецъ положенъ предѣлъ. Всего бы лучше, повидимому, было содѣйствовать китайцамъ въ нанесеніи ему хорошаго удара съ востока, для чего достаточно упрочить ихъ положеніе въ Чжунгаріи и Хами и снабдить ихъ оружіемъ и другими военными запасами. Китайцы — сосѣди испытаннаго миролюбія и притомъ имѣютъ одинаковый съ нами интересъ въ средней Азіи: сдерживать волненія номадовъ, столь вредныя для ихъ осѣдлыхъ сосѣдей. Ихъ сосѣдство въ Кашгарѣ было бы для насъ выгодно уже

потому, что заслонило бы насъ отъ сѣверной Индіи, откуда идутъ не только многія непріязненныя намъ внушенія Якубъ-беку, но и оружіе, далеко превосходящее луки со стрѣлами и фитильныя ружья среднеазіятцевъ, благодаря которымъ они не могли намъ пока оказывать серьезнаго сопротивленія. Г. Скайлеръ предвидитъ, рано или поздно, борьбу Кашгаріи съ Россіею и полагаетъ, что послѣдняя покоритъ весь Джитышаръ, чтобы провести свою границу у сѣверной подошвы Кунь-Луни; но намъ кажется, что это было бы совершенно противно ея интересамъ. Наша теперешняя граница, по Тянь-Шаню, лучше потому, что совершенно опредѣлительна и недоступна, тогда какъ Джитышаръ не имѣетъ естественныхъ предѣловъ съ востока. Кромѣ того, Россія уже сдѣлала столько завоеваній въ мусульманской Азіи, что можетъ желать только одного: не увеличивать безъ необходимости числа своихъ магометанскихъ подданныхъ, да еще такихъ безпокойныхъ людей, какими всегда оказывались обитатели восточнаго Туркестана.

Чтобы заключить нашъ очеркъ поступательнаго движенія Россіи въ средней Азіи и въ частности политическій отдѣлъ его, намъ остается сказать нѣсколько словъ объ одномъ, уже не азіятскомъ, а европейскомъ государствѣ, имя котораго не разъ было произнесено и котораго вліяніе не разъ оказывалось на самомъ нашемъ движеніи. Государство это—Англія. Что англичане опасаются за потерю своихъ владѣній въ Индіи, что они ожидаютъ толчка къ паденію этого могущества со стороны Россіи, это такія общеизвѣстныя истины, что здѣсь незачѣмъ ихъ повторять. Но напомнимъ нѣсколько фактовъ, показывающихъ, какъ далеко простирается непріязнь Англіи къ Россіи и какъ неутомима первая въ своихъ проискахъ противу послѣдней. Въ концѣ 1830 годовъ мы вынуждены были предпринять хивинскій походъ. Лордъ Пальмерстонъ

немедленно увѣдомилъ хивинскаго хана, что завоеваніе его владѣній русскими послужитъ поводомъ къ объявленію Англіею войны Россіи. Въ другой странѣ, именно въ Персіи, около того же времени англичане прямо противодѣйствовали союзному Россіи персидскому шаху въ завоеваніи Герата, который былъ защищаемъ англійскимъ офицеромъ Поттинджеромъ и спасенъ, отъ завоеванія персидскою арміею, англійскимъ посланникомъ Макъ-Нейлемъ. Въ 1857 году англичане, занятые въ то время усмиреніемъ сипайскаго бунта и войною съ Китаемъ, не затруднились объявить войну и Персіи, какъ только она покусилась на Гератъ, и заставили ее разъ навсегда осказаться отъ домогательствъ на эту землю, потому что отъ персіянъ она, по ихъ мнѣнію, непремѣнно перейдетъ къ русскимъ. Въ 1869 — 73 годахъ британское правительство вело долгіе переговоры съ нашимъ правительствомъ о созданіи нейтральной полосы между нашими среднеазіятскими владѣніями и Индіею; но подъ именемъ этой *нейтральной* полосы оно разумѣло владѣнія вассальнаго ему эмира кабульскаго, который, за субсидію въ 120,000 ф. стерлинговъ въ годъ, обязанъ содержать войска, способныя отразить нашествіе русскихъ. Къ этой нейтральной полосѣ англичане всѣми мѣрами старались причислить не только собственно-афганскія земли, но и мелкія узбекскія и таджикскія владѣнія къ сѣверу отъ Гиндукуша и по верховьямъ Окса. Въ 1874 г. они снабдили Якубъ-бека кашгарскаго цѣлою массою инструкторовъ, военныхъ техниковъ, запасомъ оружія и пр. Въ 1874—75 годахъ подобнымъ же запасомъ снабжена была часть туркменъ, враждебныхъ Россіи, а еще задолго до того по вліянію Англіи на персидское правительство послѣднее вздумало было потребовать, чтобы русскіе билеты туркменамъ на право свободнаго плаванія по Каспійскому морю выдавались лишь съ согласія астрабадскаго

губернатора. Наконецъ, англійская печать въ Индіи прямо высказалась въ послѣдніе годы, что «охранять эту страну отъ нашествія русскихъ слѣдуетъ помощію туркменскихъ шаекъ, хорошо вооруженныхъ и руководимыхъ искусными офицерами», то-есть что должно не обороняться отъ Россіи, а нападать на нее, только чужими руками. Самыя, повидимому, дружелюбныя заявленія англійской печати,— не говоря уже про такіе горячіе памфлеты, какъ «England and Russia in the East» Роулинсона — наполнены оскорбительными или коварными замѣчаніями о Россіи. Times, самый могущественный органъ британскаго общественнаго мнѣнія, нерѣдко поощряетъ русское движеніе въ Азіи, находя его благодѣтельнымъ для тамошнихъ народовъ. Эта газета «съ точки зрѣнія цивилизаціи» была бы рада, если бы Россія овладѣла всѣми среднеазіятскими пустынями до Великой Стѣны и Гималая; англійская политика въ Китаѣ къ тому и направлена, чтобы Срединное царство, ослабѣвъ, лишилось своихъ застѣнныхъ владѣній, которыя бы такимъ образомъ пришлось взять Россіи. Цѣль тутъ одна: ослабить русское государство возложеніемъ на него истощающаго непосильнаго бремени владѣть ничего непроизводящими степями и безпокойнымъ ихъ населеніемъ, что, по мнѣнію англичанъ, будетъ прочнѣйшею гарантіею ихъ могущества въ Индіи и вообще въ южной Азіи.

На сколько предубѣжденіе англичанъ и истекающая изъ нихъ политика долговѣчны, предвидѣть, разумѣется, невозможно, но что эта политика не вызвана никакими замыслами относительно Индіи со стороны Россіи, въ этомъ едва ли можетъ быть какое-нибудь сомнѣніе. Примѣръ казачьяго похода 1801 года никакъ не можетъ служить доказательствомъ видовъ современной Россіи уже потому только, что эта Россія въ 75 лѣтъ ушла далеко

впередъ по своему политическому развитію и предусмотрительности. Доказательствъ этому можно привести много. Напомнимъ одно. Въ 1857 году, послѣ крымской войны, нѣкоторыми лицами въ Тифлисѣ и Петербургѣ были составлены два проекта возмездія англичанамъ въ Индіи, что было въ то время очень возможно, потому что Англія вела одновременно войну съ Персіею, съ Китаемъ и съ собственными взбунтовавшимися солдатами; между тѣмъ оба эти проэкта остались безъ малѣйшихъ послѣдствій. И въ наше время, не смотря на необходимость и нетрудность для насъ занять южную окраину Туркменіи, это движеніе не исполняется, чтобы не возбудить напрасныхъ волненій въ англійской Индіи. Быть можетъ, время принесетъ коренное измѣненіе въ убѣжденіяхъ англичанъ, и тогда обѣ великія европейскія націи пойдутъ навстрѣчу одна другой въ Азіи не съ горькими подозрѣніями и укоризнами, а съ довѣріемъ и пріязнію, какъ исполнители *одной* исторической задачи — цивилизовать далекій Востокъ. Но скоро ли наступитъ это время? Россія, во всякомъ случаѣ, не ожидая его, должна исполнить *свое* призваніе: занять Туркестанъ сполна. Это, безъ сомнѣнія, окажется не безполезнымъ и въ томъ отношеніи, что заставитъ Англію быть сдержаннѣе на другихъ поприщахъ всемірной политики, на которыхъ она постоянно противодѣйствуетъ видамъ Россіи.

Закончимъ нашъ очеркъ краткимъ обращеніемъ къ читателю. Задача нашей работы заключалась не въ томъ, чтобы представить полную картину положенія Россіи въ средней Азіи или дать какія-нибудь *новыя* подробности о немъ. Это было невозможно по самому объему статьи, заранѣе опредѣленному. Но изложить вкратцѣ самые выдающіеся факты изъ исторіи нашего поступательнаго движенія въ западной половинѣ среднеазіятскихъ пустынь,

коснуться наиболѣе важныхъ вопросовъ современности, изъ области международнаго, государственнаго, полицейскаго и частію даже гражданскаго права, указать на нѣсколько успѣховъ и промаховъ нашей экономической и политической дѣятельности въ степяхъ и въ Туркестанѣ— все это было цѣлью, которой мы старались по возможности достигнуть.

ОЧЕРКЪ
МЕЖДУНАРОДНЫХЪ ВОПРОСОВЪ ВЪ АЗІИ.

I.

Девятнадцатое столѣтіе, особенно во второй его половинѣ, весьма замѣтно отличается отъ всѣхъ предшествовавшихъ временъ тѣмъ, что область европейскаго международнаго права быстро распространилась въ теченіе его на такіе народы, которые издавна были въ совершенно особенныхъ отношеніяхъ къ европейскимъ націямъ. Китай и Японія, долгое время запертые для европейцевъ, вошли нынѣ въ непосредственныя сношенія съ ними, и не только торговыя, но умственныя и политическія. Государства Индо-Китая мало-по-малу подчинились европейскому вліянію и отчасти даже владычеству, какъ британская Бирма и Кохинхина. Индія, гдѣ въ концѣ прошлаго вѣка были такіе сильные государи какъ Гайдеръ-Али и Типпу-Саибъ и гдѣ еще въ 1856 году номинально властвовалъ Великій Моголъ, стала окончательно однимъ изъ заморскихъ владѣній большой европейской державы, Англіи. Персія, государи которой, въ родѣ Шахъ-Надира, приводили еще въ прошломъ вѣкѣ

въ трепетъ половину Азіи, нынѣ, благодаря вліянію европейцевъ, низошла на степень третьеразряднаго государства. Ея границы опредѣлены Европейцами и притомъ главнымъ образомъ по соображенію европейскихъ интересовъ. Турція держится въ своемъ составѣ только благодаря поддержкѣ европейскихъ державъ. Даже средне-азіятскія страны, Хива, Бухара, Афганистанъ, Восточный Туркестанъ, испытали, и иногда въ очень сильной степени, вліяніе Европейцевъ, несмотря на свою труднодоступность. Почти всѣ государства Азіи связаны нынѣ договорами съ государствами Европы; иныя изъ нихъ, какъ напримѣръ Японія, сами заботятся о пріобщеніи своемъ къ союзу образованныхъ націй Запада. Все показываетъ что и для нѣкоторыхъ другихъ часъ подобнаго пріобщенія не далекъ; и если еще мусульманская Азія сохраняетъ много вполнѣ восточныхъ особенностей, то Азія буддійская и браминская болѣе или менѣе уже вступила на дорогу общечеловѣческой, т. е. европейской цивилизаціи. Замѣтимъ притомъ что 49% Азіятскаго материка состоитъ въ прямой власти европейскихъ народовъ; именно изъ 741 тысячи квадратныхъ миль 366 тысячъ, изъ которыхъ 294 тысячи приходится на азіятскую Россію и 72 тысячи на британскую Индію съ вассальными государствами, такъ что собственно область чисто-азіятскихъ международныхъ отношеній распространяется лишь на половину Азіи.

Число международныхъ договоровъ связывающихъ Европу съ Азіей пока не велико, особенно если исключить договоры Англіи съ ея остъ-индскими вассалами; но за то эти трактаты очень многозначительны. Въ однихъ изъ нихъ опредѣлены, напримѣръ, таможенные тарифы, измѣнять которые азіятскія государства не могутъ безъ согласія европейскихъ націй; въ другихъ заключаются стѣсненія относительно обороны береговъ про-

тиву европейскихъ морскихъ силъ; третьи предоставляютъ европейскимъ державамъ покровительство надъ христіанами въ иновѣрныхъ государствахъ и т. д. Между собою европейскія націи уже не заключаютъ нынѣ подобныхъ трактатовъ; но на Востокѣ они еще считаются необходимыми, конечно, въ большинствѣ случаевъ не на другомъ основаніи, какъ по праву сильнаго.

Мы не предположили здѣсь разбирать эти договоры для достиженія какихъ-либо общихъ теоретическихъ выводовъ, годныхъ для внесенія въ науку международнаго права. Никакія теоретическія рубрики не будутъ имѣть мѣста въ этой статьѣ. Цѣль наша болѣе близка къ практической жизни и состоитъ въ томъ, чтобы въ сжатомъ изложеніи представить читателямъ перечень тѣхъ международныхъ вопросовъ, которые существуютъ на азіятской почвѣ и способны производить международныя столкновенія. Истекаютъ ли они изъ договоровъ азіятскихъ государствъ съ европейскими, или изъ исторіи отношеній между одними Азіятцами, — намъ все равно. Мы даже отдали бы преимущество вопросамъ послѣдняго разряда, такъ какъ они имѣютъ болѣе прочные корни на азіятской почвѣ, чѣмъ вопросы, созданные договорами съ Европой, большею частью весьма недавними. При этомъ съ нашей стороны не заявляется ни малѣйшаго домогательства на признаніе этого перечня полнымъ или обстоятельнымъ въ такой степени чтобъ онъ могъ служить руководствомъ для лицъ занимающихся политикой ex-professo. Но если читатель ознакомится изъ него съ рядомъ фактовъ слабо извѣстныхъ или совсѣмъ неизвѣстныхъ въ русскомъ образованномъ обществѣ, то цѣль наша будетъ достигнута. Быть можетъ таже задача станетъ со временемъ предметомъ обширныхъ ученыхъ изслѣдованій историковъ и юристовъ, и мы убѣждены что она вполнѣ заслуживаетъ того; но пока мы предлагаемъ лишь простой

очеркъ, построеніе котораго не пріурочено къ главамъ какого-либо курса международнаго права, — все равно, будь то книги Гефтера, Филлимора или Блунчли,—а соотвѣтствуетъ географическому расположенію государствъ на поверхности Азіи. Чтобы не утомлять продолжительными вступленіями, которыя одинаково отнимаютъ время у автора и у читателя, приступимъ прямо къ дѣлу.

Азіятская Турція представляетъ любопытную страну, въ которой вліяніе международныхъ обязательствъ чувствуется сильнѣе, чѣмъ гдѣ-либо на почвѣ Востока. Этимъ страна, конечно, обязана тому обстоятельству что имперія Османлисовъ распространяется и въ Европу, гдѣ ей уже съ давняго времени наносились болѣе или менѣе чувствительные удары, приводившіе къ признанію за Европейцами права на вмѣшательство во многія явленія внутренней жизни націи. Положительно можно сказать, что еслибы Турки не занимали Константинополя и не распространялись до Дуная и до Адріатическаго моря, то ихъ азіятская держава была бы крѣпче теперешней. Конечно, Парижскій трактатъ 1856 года гарантируетъ «цѣлость и независимость Оттоманской имперіи», но это международное постановленіе (§ 7 трактата) имѣетъ практическій смыслъ пока только по отношенію къ Россіи. Англичане же не затруднились послѣ 1856 года отнять у Турціи островъ Перимъ и распространить свою власть на 300 кв. миль турецкой территоріи, сосѣдней Адену. И Суэзскій каналъ, который, въ рукахъ болѣе сильной державы чѣмъ Турція, служилъ бы источникомъ обогащенія и политическаго мугущества, служитъ лишь для подготовки къ отпаденію отъ нея Египта и къ утвержденію на Суэзскомъ перешейкѣ господства той же Англіи, которая уже владѣетъ 4/9 всѣхъ акцій канала.

Мы не будемъ здѣсь говорить ни о капитуляціяхъ, ни о нравахъ христіанскихъ подданныхъ Порты, выте-

кающихъ изъ Парижскаго договора: они одинаково распространяются на европейскія области Турціи, какъ и на азіятскія. Они, какъ извѣстно, создали совершенно исключительное положеніе для европейскихъ дипломатовъ и консуловъ, которые могутъ вмѣшиваться въ такія дѣла, которыя во всякой другой странѣ, кромѣ Турціи, принадлежатъ вѣдѣнію туземныхъ полиціи и судовъ. Многочисленность европейскаго консульскаго корпуса *) сама по себѣ уже свидѣтельствуетъ о недовѣріи Европы къ турецкимъ порядкамъ; но еще важнѣе тотъ фактъ, что европейскіе консулы живутъ не только въ приморскихъ городахъ, гдѣ есть международная торговля, а и внутри страны, напримѣръ, на азіятской почвѣ, въ Алеппо, Багдадѣ, Бассорѣ, Дамаскѣ, Діарбекирѣ, Іерусалимѣ, Эрзерумѣ. Если всѣ эти консулы пожелаютъ дѣятельно исполнять обязанности возлагаемыя на нихъ капитуляціями и трактатами, то однимъ своимъ постояннымъ вмѣшательствомъ они сильно расшатаютъ непрочное зданіе Оттоманской имперіи, у которой болѣе половины подданныхъ (54%) имѣетъ право на покровительство иностранныхъ правительствъ противу мѣстныхъ турецкихъ властей. Вопросъ *объ уменьшеніи числа иностранныхъ консуловъ* конечно имѣетъ для Турціи большое значеніе; но пока онъ не можетъ быть ею поднятъ, потому что Европа рѣзко высказалась бы противу такого намѣренія. Замѣтимъ впрочемъ, что значеніе этого вопроса много ослабляется соперничествомъ европейскихъ націй и ихъ представителей въ разныхъ областяхъ Турціи.

---

*) Этотъ корпусъ состоитъ изъ 106 генеральныхъ и обыкновенныхъ консуловъ, въ томъ числѣ 19 австрійскихъ, 18 русскихъ, 17 англійскихъ, 15 французскихъ, и т. д.; но въ *Almanach de Gotha*, откуда взяты эти цифры, не поименованы многочисленные вицеконсулы и консульскіе агенты (напримѣръ въ Діарбекирѣ, Александретѣ и пр.); съ ними весь консульскій корпусъ въ Турціи достигаетъ до 402 чел.

Но независимо отъ этого общаго для всей Оттоманской имперіи вопроса о покровительствѣ турецкимъ христіанамъ со стороны иностранныхъ правительствъ, въ азіятской ея части есть не мало мѣстныхъ международныхъ вопросовъ существенной важности. Во многихъ городахъ Анатоліи массами живутъ Греки, которые, даже владѣя въ Турціи недвижимою собственностью и родившись на турецкой почвѣ, охотно объявляютъ себя подданными Греціи и такимъ образомъ становятся предметомъ международныхъ сношеній. Въ недавнее время турецкое правительство попробовало было обратить всѣхъ этихъ Грековъ, если они не въ состояніи были представить документальныхъ доказательствъ о происхожденіи изъ Греціи, въ своихъ подданныхъ; но это ему не удалось, и теперь вопросъ остается не рѣшеннымъ, такъ что напримѣръ значительная часть жителей Смирны, Митилены, Родоса и пр. хотя и живетъ постоянно въ Турціи и имѣетъ тамъ собственность, но считаетъ себя подъ покровительствомъ Аѳинскаго правительства, съ которымъ Турки, по политическимъ разсчетамъ, обращались въ послѣднее время снисходительно, не смотря на поддержку имъ въ 1867 году бунта въ Кандіи и на много другихъ непріязненныхъ поступковъ. Греки сознаютъ свое выгодное положеніе и поддерживаютъ его во-первыхъ деньгами, которыми отъ времени до времени ссужаютъ турецкое правительство и чиновниковъ, во-вторыхъ, противодѣйствіемъ въ европейскихъ провинціяхъ Турціи Славянамъ, которыхъ они ненавидятъ вдвойнѣ за отложеніе отъ Константинопольскаго патріархата и за несочувствіе «великой идеѣ», то-есть возстановленію Византійской имперіи въ смыслѣ греческой. Когда наступитъ моментъ разрушенія Турціи, Греки, конечно, извлекутъ изъ него болѣе пользы чѣмъ какая-нибудь другая нація; вездѣ гдѣ они окажутся въ большинствѣ, Туркамъ не будетъ мѣста.

Вся внѣшняя торговля Леванта всегда будетъ въ ихъ рукахъ; но въ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ есть сторона невыгодная для *греческаго вопроса*. Именно, торговые успѣхи Грековъ крайне не нравятся другой коммерческой націи, Англичанамъ; и такъ какъ послѣдніе сильнѣе, то они употребятъ всѣ усилія, чтобы не дать Грекамъ стать слишкомъ могущественными. Уже и теперь всякій разъ, когда Греція готовитъ что-нибудь непріятное Туркамъ, англійскій флотъ постоянно является въ Пиреѣ. Кромѣ того Англіи очень нравится Кандія, лежащая на пути отъ Гибралтара къ Суэзу, а на этомъ островѣ изъ 275,000 жителей 234,000 Грековъ, да и мѣстные мусульмане говорятъ по-гречески, такъ что въ воображеніи Эллиновъ эта землица есть необходимая часть ихъ будущей имперіи. Перечисленія этихъ фактовъ достаточно, чтобы понять сущность греческаго вопроса и его сложность. Къ этому можно прибавить, что Грековъ въ Азіятской Турціи есть около 1.050,000, изъ которыхъ 306,000 на островахъ Архипелага. Одинъ изъ этихъ острововъ, Самосъ (35,000 жит.), уже имѣетъ самостоятельное правительство и даже національный флагъ, такъ что всѣ его отношенія къ Турціи состоятъ въ уплатѣ дани (въ 22,000 руб.), что̀ конечно только поддерживаетъ непріязнь мѣстныхъ Грековъ къ Туркамъ.

Невдалекѣ отъ восточнаго берега Средиземнаго моря, въ горахъ и долинахъ Ливана и Антиливана, живутъ *сирійскіе христіане*, марониты и якобиты, которыхъ судьбы составляютъ также международный вопросъ, хотя территорія, ими занимаемая, находится посреди прямыхъ владѣній Турокъ. Еще въ 1649 году Лудовикъ XIV обѣщалъ маронитамъ, въ которыхъ видѣлъ потомковъ крестоносцевъ, такое же покровительство противу притѣсненій Турокъ, какъ и своимъ подданнымъ, Французамъ. Это покровительство и соотвѣтственное ему административное

устройство и управленіе христіанскихъ общинъ на Ливанѣ, вслѣдствіе рѣзни, затѣянной мусульманами въ 1860 году, стали предметами международныхъ заботъ, и повели къ образованію особаго мутесафирлыка (области) Ливана, управляемаго непремѣнно христіаниномъ, хотя и по назначенію Порты. Область имѣетъ свою конституцію, которой исполненіе нѣкоторое время обезпечивалось присутствіемъ французскихъ войскъ. Но особую остроту международному вопросу о сирійскихъ христіанахъ, которыхъ исповѣданіе больше всего подходитъ къ греко-россійскому, придаютъ ихъ симпатіи къ Россіи. «Когда же придетъ *Московъ*, чтобъ устроить у насъ порядки?» спрашивали сирійскіе христіане въ 1875 году у одного нашаго соотечественника, путешествовавшаго по ихъ горамъ. Также и католическое вліяніе немалосильно въ этихъ мѣстностяхъ. Всѣхъ сирійскихъ христіанъ 245,000 душъ, и конечно это число можетъ только увеличиваться, а не уменьшаться, такъ какъ самоуправленіе, гарантированное имъ международными актами 1861 и 1864 года, обезпечиваетъ извѣстное благосостояніе, а, главное, невмѣшательство Турокъ въ ихъ бытъ.

Такъ какъ мы слѣдимъ за международными вопросами на азіятской почвѣ въ географическомъ порядкѣ, то было бы естественно, не выходя изъ предѣловъ Сиріи, сказать нѣсколько словъ о такъ-называемомъ *вопросѣ о Святыхъ Мѣстахъ*, то-есть о правахъ и порядкахъ пользованія святынями Іерусалима и другихъ евангельскихъ мѣстностей христіанами разныхъ исповѣданій. Но вопросъ этотъ, кажется, отошелъ уже въ область прошедшаго, по крайней мѣрѣ въ томъ смыслѣ, что изъ-за него не возникнетъ новыхъ крестовыхъ походовъ. Едва ли даже онъ можетъ нынѣ послужить приличнымъ предлогомъ для начала такой войны, какою была Крымская. А затѣмъ про него можно сказать только то, что онъ служитъ для Турокъ

немалымъ источникомъ презрѣнія ихъ къ «гяурамъ», которые даже на Гробѣ Основателя своей религіи — религіи любви и братства — не прекращаютъ своихъ распрей, часто изъ-за предметовъ совершенно пустыхъ. Во всякомъ случаѣ это вопросъ болѣе европейскій, чѣмъ азіятскій, такъ какъ число христіанъ въ Азіи, по сравненію съ Европой, незначительно.

Гораздо любопытнѣе, въ предѣлахъ той же Сиріи, другой вопросъ, нынѣ временно затихшій, но не разъ возобновлявшійся въ исторіи, именно *сирійско-египетскій*, то-есть вопросъ о подчиненіи Сиріи Египту. Не только во времена Сезостриса или Саладина, но и въ нашемъ столѣтіи правители Египта владѣли землями на Востокѣ Средиземнаго моря, и еслибы не появленіе русскаго отряда на Босфорѣ, остановившее въ 1833 году успѣхи Ибрагимъ-паши египетскаго, то потомки Мехмеда-Али и донынѣ владѣли бы Іерусалимомъ, Дамаскомъ, Алеппо, и слѣдовательно самый вопросъ о Суэзскомъ каналѣ, то-есть о міровомъ пути между Востокомъ и Западомъ, стоялъ бы на совершенно другой почвѣ, чѣмъ нынѣ. Весьма вѣроятно также, что отрѣзавъ Медину и Мекку отъ Стамбула и наконецъ овладѣвъ ими, египетскіе паши малопо-малу добились бы перенесенія калифата, то-есть средоточія мусульманскаго міра, съ Босфора на Нилъ; а это имѣло бы большое значеніе и для всего историческаго міра, особенно же было бы выгодно для Россіи, Греціи и балканскихъ Славянъ. Замѣтимъ, что стремленіе расширить египетскую власть въ Азію существовало въ Мемфисѣ и Каирѣ издавна; тайно существуетъ и нынѣ. И хотя давленіе Англіи стремится въ самомъ зародышѣ убить честолюбивые замыслы египетскихъ правителей, но вопросъ о присоединеніи Сиріи къ Египту можетъ возродиться, если за дѣло возьмется рука сильная и искусная, въ родѣ Наполеона I, именно заботившагося о томъ, чтобы вос-

точное прибрежье Средиземнаго моря составляло одно цѣлое съ Египтомъ.

Значеніе присоединенія Сиріи къ Египту еще болѣе возвысится въ глазахъ читателей, когда мы вспомнимъ, что только на почвѣ Сиріи возможна желѣзная дорога, которая бы связала Средиземное море съ Персидскимъ заливомъ, то-есть съ Индійскимъ океаномъ, минуя Суэзскій каналъ и Бабэльмандебскій проливъ, которые такъ легко захватить въ однѣ руки. Англія, пока не овладѣла $^4/_9$ акцій канала, много хлопотала объ устройствѣ такой дороги. Три проекта были предложены Англичанами Турціи, и при этомъ они не забывали выговаривать себѣ право перевозить по имѣвшей устроиться рельсовой линіи свои войска въ Индію и обратно. Теперь проекты эти оставлены; но возобновленіе ихъ не невозможно, хотя бы въ видахъ обезпеченія отъ политическихъ случайностей международной торговли, которая не можетъ же быть вѣчно подъ гегемоніей Англіи, владѣющей Перимомъ и уже хозяйничающей въ Суэзѣ. Въ этомъ смыслѣ особенно важна сѣверная Сирія, ближайшая къ Александреттѣ и Алеппо, ибо тутъ находится кратчайшее разстояніе между Средиземнымъ моремъ и Евфратомъ, судоходство по которому начинается у Береджика. Замѣтимъ, для русскихъ читателей, что отъ Береджика до русской границы у Арарата не болѣе 650 верстъ черезъ Діарбекиръ и значительно менѣе по прямой линіи.

Проекты желѣзной дороги отъ Средиземнаго моря къ Евфрату и Тигру приводятъ насъ въ сосѣдство такихъ мѣстностей, гдѣ, все еще въ предѣлахъ Азіатской Турціи, есть матеріалы для двухъ международныхъ вопросовъ: *несторіано-халдейскаго* и *курдскаго*. Изъ нихъ послѣдній по своей сущности и по числу заинтересованныхъ въ немъ націй имѣетъ большую важность и уже не разъ тревожилъ не только азіатскій міръ, но и двѣ большія евро-

пейскія державы, Россію и Англію; второй же, хотя и не возбуждалъ пока большихъ тревогъ въ политическихъ сферахъ, но можетъ, при нѣкотораго рода постановкѣ, пріобрѣсти значеніе. Именно, въ провинціяхъ Ванской, Діарбекирской и Багдадской, на турецкой почвѣ, и въ Адзербейджанѣ и Иракѣ, на персидской, живутъ разсѣянно, но отдѣльными общинами, довольно многочисленные христіане древнихъ толковъ: якобитскаго и несторіанскаго. Первые, именующіе себя также сирійскими христіанами, признаютъ своимъ духовнымъ главой патріарха вавилонскаго; вторые, называемые также халлеями, имѣютъ особаго первосвященника въ лицѣ маршимона (маръ-Симона), проживающаго въ одномъ монастырѣ вблизи Джуламерка и управляющаго двумя епархіями въ Турціи и четырьмя въ Персіи. Число халдеевъ на турецкой землѣ простирается до 160.000; сколько же ихъ есть въ Персіи — неизвѣстно, но вѣроятно не менѣе 180.000, ибо ихъ очень много въ сосѣдствѣ озера Урміи съ запада. Число якобитовъ, по турецкимъ источникамъ, меньше, но они встрѣчаются въ Харпутѣ, Діарбекирѣ, Урфѣ, Битлисѣ, Мосулѣ и пр., такъ что вѣроятно ихъ наберется тысячъ до 60.000. Всѣ эти люди чуждаются мусульманъ и не любятъ Турокъ. Чтобы найти защиту отъ послѣднихъ, они иногда переходятъ въ католическую унію, что̀ ставитъ ихъ подъ покровительство западной Европы, или дѣлаются послѣдователями американскихъ миссіонеровъ. Нѣкоторые изъ нихъ, ближайшіе къ Россіи, пытались войти въ связи съ православною церковью, и теперешній епископъ туркестанскій, Софоній, собралъ при этомъ нѣсколько любопытныхъ данныхъ о нихъ. Отъ Россіи они ждутъ избавленія ихъ отъ мусульманскаго ига и отъ грабежа Турокъ и Курдовъ.

Несторіане, распространенные въ пограничныхъ мѣстностяхъ Турціи и Персіи, сколько извѣстно, не были

источникомъ споровъ этихъ двухъ мусульманскихъ державъ между собою. Но совсѣмъ иное нужно сказать о другомъ племени, обитающемъ въ тѣхъ же мѣстностяхъ и далеко къ западу и востоку отъ нихъ, о Курдахъ. Многочисленный народъ этотъ (вѣроятно въ 2½ милліона душъ) распространенъ отъ береговъ Кизылъ-Ирмака до Пуштику и отъ окрестностей Алеппо до Арарата и озера Урміи. Особенно большими массами живутъ Курды въ турецкихъ провинціяхъ Эрзерумской, Ванской и Діарбекирской и въ персидскихъ Адзербейджанѣ и Иракѣ. Они суть люди кочевые или полукочевые, рѣдко осѣдлые. Имѣя своихъ наслѣдственныхъ вождей, они подчиняются имъ и почти знать не хотятъ властей турецкихъ, такъ что лишь послѣ систематическаго истребленія ихъ родовыхъ предводителей, начатаго султаномъ Махмудомъ II, въ 1830 годахъ, Турки успѣли часть ихъ обложить податями и привлечь къ отбыванію военной повинности. Но отъ взноса первыхъ они по возможности уклоняются, а изъ рядовъ арміи бѣгаютъ массами, хотя сами по себѣ отличаются воинственностью. Главный ихъ промыслъ — разбой. Ихъ вымогательства по отношенію къ сосѣднимъ осѣдлымъ жителямъ принимаютъ всевозможныя формы. То они заставляютъ ихъ косить на зиму сѣно для своихъ стадъ, то навязываютъ эти стада на прокормленіе подъ страшною отвѣтственностью за пропажу животныхъ, то являются во время жатвы и требуютъ себѣ доли урожая... Но впрочемъ насъ занимаетъ здѣсь не эта сторона ихъ быта, а то что они кочевья свои смѣло переносятъ изъ Турціи въ Персію и обратно, не обращая никакого вниманія на офиціальную границу между этими государствами, или придавая ей только одно значеніе, именно что нельзя турецкимъ властямъ преслѣдовать ихъ по Персіи, а персидскимъ по Турціи, хотя бы за самый явный разбой. Причины этихъ переходовъ трояки. Съ одной стороны,

они вызываются свойствами кочевой жизни, такъ какъ всѣ номады имѣютъ зимовки въ однихъ мѣстахъ, а лѣтовки въ другихъ, и въ данномъ случаѣ государственная турецко-персидская граница нерѣдко отрѣзываетъ первыя отъ послѣднихъ. Съ другой, въ Персіи Курдамъ лучше живется, чѣмъ въ Турціи, ибо тамъ чиновники рѣшительно не вмѣшиваются въ ихъ дѣла, а только родовые правители вносятъ незначительную дань шаху; военной службы въ шахской архіи Курды не знаютъ. Вотъ почему они нерѣдко уходятъ въ Персію, хотя презираютъ Персіянъ, какъ шіитовъ. Кромѣ того, какъ мы уже замѣтили, причиной ихъ переходовъ изъ одной страны въ другую служитъ желаніе уйти отъ кары за разбои. Безпокойства, производимыя всѣми этими переходами служатъ не малою причиной холодности между дворами стамбульскимъ и тегеранскимъ и уже давно заставляли ихъ заботиться объ установленіи такой границы между двумя государствами, которая бы по возможности избавила ихъ отъ частыхъ недоразумѣній. Послѣ долгихъ споровъ Турки и Персіяне рѣшились прибѣгнуть къ посредничеству Россіи и Англіи, и въ 1843 году составлена была международная разграничительная коммиссія, въ которой съ русской стороны былъ коммиссаромъ генералъ Чириковъ, а съ англійской Вильямсъ, и которая окончила свои работы въ 1865 году. Эти работы состояли въ съемкахъ и въ опредѣленіи принадлежности тѣхъ или другихъ земель Турціи или Персіи. Но при этомъ истина и интересы собственно азіятскихъ государствъ были едва ли не на послѣднемъ мѣстѣ. Главною же руководствующею идеей было стремленіе англійскихъ уполномоченныхъ увеличить турецкія владѣнія насчетъ Персіи, которая предпочитаетъ русское вліяніе англійскому. Эта цѣль и была достигнута, такъ что всѣ земли сколько-нибудь производительныя, въ бассейнѣ Тигра, остались за Тур-

ціей *). То же можно сказать и про мѣста стратегической важности, напримѣръ Котуръ, Кизылъ-Робатъ и другія. Курдовъ при этомъ разграниченіи спрашивали меньше всего, а турецкій уполномоченный заявлялъ, что такіе-то аширеты (кочевыя общины) принадлежатъ Турціи и дѣло большею частію кончалось въ его пользу. Отсюда цѣлый рядъ безпорядковъ на турецко-персидской границѣ, и попытка въ 1875 году вновь передѣлать эту границу при содѣйствіи опять-таки англійскаго и русскаго коммиссаровъ (Кембела и Зеленаго), собиравшихся вмѣстѣ съ турецкимъ и персидскимъ уполномоченными въ Константинополѣ. Само собою разумѣется, что эта коммиссія, какъ и всякая другая, не сдѣлала и не могла сдѣлать ничего существеннаго для улаженія вопроса, въ которомъ главными дѣйствующими лицами являются Курды, имѣющіе цѣлью ускользнуть изъ-подъ постояннаго господства какъ Персіянъ, такъ и Турокъ. Вопросъ фактически остается на вѣсу и такимъ вѣроятно останется надолго, такъ какъ отдачѣ персидскимъ Курдамъ ихъ зимовокъ въ бассейнѣ Тигра противятся Англичане, не желающіе допускать Персію на берега этой рѣки.

Объ этомъ послѣднемъ фактѣ мы еще скажемъ ниже, когда перейдемъ къ Персіи, а теперь, чтобы не выходить изъ предѣловъ Оттоманской имперіи, коснемся *Аравіи*. Арабы суть ли турецкіе подданные и Аравія есть ли дѣйствительное владѣніе Константинопольскаго султана? На этотъ вопросъ, въ строгомъ смыслѣ, отвѣчать однимъ *да* или *нѣтъ* нельзя, хотя, конечно, турецкіе статистики и не сомнѣваются что весь Аравійскій полуостровъ есть не болѣе какъ «вилайетъ Іемень, только еще не устроен-

---

*) Тильманъ на пути изъ Тегерана въ Мосулъ былъ пораженъ этою разницей турецкихъ земель съ персидскими, особенно замѣтною у горнаго перевала Гарушимъ, на востокѣ отъ Ревандуза.

ный» *). Если судить по большинству земель и населенія полуострова, то, напротивъ, слѣдовало бы сказать что Аравія есть страна независимая, въ которой Турки владѣютъ лишь нѣсколькими округами. И не только внутри полуострова, напримѣръ, въ Неджедѣ, а и въ предѣлахъ Мессопотаміи и Сиріи Арабы-Бедуины знать не хотятъ турецкихъ властей, смѣло грабятъ Турокъ и ненавидятъ ихъ всею душой за отнятіе ими власти, нѣкогда имъ принадлежавшей, какъ народу положившему основаніе господству ислама въ передней Азіи. Но мы оставимъ въ сторонѣ этотъ общій вопросъ и напомнимъ только что въ первые 35—40 лѣтъ нашего вѣка въ Аравіи была очень могущественная секта Веггабитовъ, которые находились прямо въ войнѣ съ Турціей. Да и теперь владычество Турокъ ограничено лишь священными городами Мединой и Меккой, да окрестностями Санны, то-есть Іеменомъ, гдѣ впрочемъ еще въ мартѣ прошлаго года было возмущеніе. Ни Неджедъ, то-есть внутренность Аравіи, ни Гадрамаутъ, — юго-востокъ, ни Оманъ и Бахрейнъ, — востокъ, не принадлежатъ Туркамъ. Отъ того то Англичане такъ смѣло хозяйничаютъ въ этихъ земляхъ **). Въ 1843 г. они основали Аденъ, въ 1861 г. захватили важный по своему положенію въ срединѣ Бабэльмандебскаго пролива островъ Перимъ, и въ обоихъ устроили сильныя укрѣпленія. Кромѣ того имъ же нынѣ принадлежатъ: въ Красномъ Морѣ, у береговъ Іемена, островъ Камаранъ, и въ Индійскомъ океанѣ, у береговъ Гадрамаута, острова Куру-Мурія. Всѣ эти захваты сдѣланы чисто по праву сильнаго, такъ что когда Турки

---

*) Убичини и Паве-де-Куртейль повторяютъ это въ своемъ новѣйшемъ изъ всѣхъ описаній Турціи. См. *Etat prés. de l'Emp. Ottoman, page* 10.

**) Имъ въ 1860 годахъ подражали было и Французы, купившіе у одного шейха кусочекъ земли почти напротивъ Перима и устроившіе тамъ морскую станцію, покинутую однако въ 1871 году.

пробовали возражать, Англія отвѣчала имъ вопросомъ: чѣмъ вы докажете ваши права на эти мѣстности? Такъ какъ Европа безмолвіемъ своимъ какъ бы освятила эти насилія (какъ и двукратный захватъ сосѣдней Сокоторы), то собственно международныхъ вопросовъ въ отчужденіи аравійско-турецкой территоріи нѣтъ; но какъ Англичане съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе расширяютъ предѣлы своего вліянія, если не прямой власти, и въ 1875 году у нихъ чуть не дошло до сраженія съ Турками въ окрестностяхъ Адена, то и на аравійской почвѣ возможны немаловажныя международныя недоразумѣнія, особенно если вспомнить что имамъ Маскатскій можетъ считаться почти вассаломъ Англіи, и что въ Персидскомъ заливѣ, у береговъ Аравіи, есть любопытный вопросъ о жемчужной ловлѣ у Бахрейновыхъ острововъ. Вліяніе Англіи на Оманъ особенно усилилось вслѣдствіе договора 1873 года объ уничтоженіи торговли невольниками, исполненіе котораго обезпечивается почти постояннымъ присутствіемъ англійскихъ военныхъ судовъ въ Маскатѣ. Подъ этимъ вліяніемъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ послѣдовала замѣна одного имама Маскатскаго другимъ, болѣе покорнымъ Англіи.

Если мы съ южнаго берега Персидскаго залива и Ормускаго пролива перейдемъ на сѣверный, то-есть въ Персію, то здѣсь прежде всего встрѣтимъ именно *оманскій* вопросъ, котораго исторія и сущность состоятъ въ слѣдующемъ. По упадкѣ на прибрежьяхъ Персидскаго залива торговли Португальцевъ и Голландцевъ, въ концѣ прошлаго столѣтія стали тамъ утверждаться Англичане. Но какъ прибрежные Арабы, которые были всегда сами отличными моряками, дѣлали имъ конкурренцію, то подъ предлогомъ искорененія морскихъ разбоевъ, англійскія военныя суда истребили не мало судовъ арабскихъ, а англійскія войска изъ Индіи разорили нѣсколько при-

брежныхъ арабскихъ укрѣпленій. При этомъ Англичане вошли въ связи съ имамомъ Маскатскимъ, который оказался имъ вѣрнымъ союзникомъ, дозволившимъ у себя безпошлинную торговлю. Этотъ-то имамъ нанималъ у Персіи нѣсколько гаваней на сѣверномъ берегу Персидскаго залива, именно: Эль-Кишмъ, Бендеръ-Аббасъ, Ормусъ и Хамиръ, нужныхъ оманскимъ Арабамъ для ихъ торговыхъ цѣлей. Наемная плата была 6.000 томановъ въ годъ. Обусловливалось это явленіе тѣмъ что Персіяне въ этихъ мѣстностяхъ вовсе не занимаются мореходствомъ и даже не любятъ моря, такъ что ихъ сосѣди. Арабы, издавна занимались тутъ морскою торговлей. Поладивъ съ имамомъ и даже заключивъ съ нимъ трактаты, Англичане въ 1821 году вздумали съ его согласія основаться въ Эль-Кишмѣ. Но тогда Персидское правительство протестовало, и Эль-Кишмъ былъ оставленъ. Конечно это возбудило досаду Англичанъ, которымъ было нужно пріобрѣсти морскую станцію въ Ормусскомъ проливѣ для достиженія тѣхъ политическихъ цѣлей, которыя они преслѣдуютъ въ Персидскомъ заливѣ и которыя формулированы извѣстнымъ официальнымъ писателемъ, Кл. Маркхэмомъ, слѣдующимъ образомъ: «1) уничтожить пиратство (точнѣе, арабскій флотъ); 2) поддерживать (выгодное для Англіи) *statu quo* въ отношеніяхъ мелкихъ владѣльцевъ арабскаго берега; 3) предупреждать войны между ними; 4) *исключить всѣ иностранныя вліянія*, и 5) уничтожить торговлю невольниками» *). Поэтому, когда Персія въ 1837 году провинилась предъ Англіей осадой Герата, то Англичане не только силой овладѣли, въ личную пользу, персидскимъ островомъ Каракомъ, но еще объявили почти всѣ южныя прибрежья Персіи владѣніемъ союзнаго имъ имама Маскатскаго, и этотъ обманъ исправно повторялся

---

*) Cl. Markham, *History of Persia*, 1874. Стр. 431.

на большинствѣ европейскихъ картъ. Позднѣе, именно въ 1854 году, для подкрѣпленія его былъ составленъ контрактъ между имамомъ и шахомъ, по которому послѣдній предоставилъ первому пользоваться названными выше портами въ теченіе двадцати лѣтъ. Въ этотъ срокъ лордъ Пальмерстонъ надѣялся мало-по-малу упрочить власть имама, т. е. свою собственную. Но къ концу срока обстоятельства измѣнились. Англіи потребовалось заискивать у Персіи чтобы склонить ее на расширеніе границъ къ сторонѣ Туркменіи, гдѣ проходитъ путь отъ Каспійскаго моря къ Герату и Индіи. Поэтому не только контрактъ 1854 года не былъ возобновленъ, но Англичане оставили даже островъ Каракъ *), такъ что теперь Персія снова какъ будто сполна возстановлена въ своихъ правахъ на морское прибрежье отъ устья Шатъ-эль-Араба до Гвадара. Но на долго ли? — это трудно сказать. Домогательства имама Маскатскаго могутъ возобновиться, тѣмъ болѣе что для возбужденія раздоровъ за нимъ оставленъ небольшой клочекъ земли у Гвадарской бухты, почти на границѣ Персіи съ Белуджистаномъ, гдѣ недоразумѣнія всегда очень возможны.

Смыслъ того четвертаго параграфа основныхъ условій англійской политики въ Персидскомъ заливѣ, который мы подчеркнули, распространяется Англичанами не только на этотъ заливъ, но и на большой его притокъ, Шать-эль-Арабъ съ обѣими составляющими его рѣками, Евфратомъ и Тигромъ. Здѣсь у Англіи таже цѣль: «исключить всѣ иностранныя вліянія», въ частности русское. Маркхемъ не оставляетъ въ этомъ случаѣ никакого сомнѣнія и прибавляетъ еще что «трудно бы выжить Русскихъ, если бы они утвердились въ Мессопотаміи». А

---

*) Онъ былъ занимаемъ ими дважды: въ 1838 и въ 1856 годахъ; но въ 1842 и въ 1856, по нездоровости климата, оставляемъ.

какъ Персія разсматривается Англичанами какъ государство слишкомъ покорное Россіи, то они и боятся допускать ее на берега Тигра и Евфрата, хотя Персіяне стремились къ этому при всякомъ удобномъ случаѣ, напримѣръ во время русско-турецкой войны 1829 года. Овладѣвъ торговымъ движеніемъ на Шатъ-эль-Арабѣ, Англичане старались отрѣзать Персію даже отъ этой рѣки; но это имъ не удалось во время дѣятельности разграничительной коммиссіи 1843 — 1865 годовъ. Поэтому въ 1875 году они подняли было вопросъ о покупкѣ у Персіи портоваго города Мухамеры, лежащаго у мѣста раздѣленія обоихъ устьевъ Шатъ-эль-Араба; но и эта покупка не состоялась. Но какъ стремленія англійской политики въ южной Азіи постоянны и настойчны, то едва ли можно сомнѣваться что при первомъ удобномъ случаѣ Англія постарается оттѣснить Персію отъ Шатъ-эль-Араба чтобъ устранить всякую возможность появленія тамъ Россіи. Заявленія въ родѣ того которое сдѣлалъ въ 1875 году сэръ-Рутерфордъ Алькокъ въ статьѣ «о наслѣдіи Великаго Могола» что «сама природа предназначаетъ Русскимъ дойти до Персидскаго залива», суть не болѣе какъ фразы, которыя отнюдь не находятъ сочувствія въ массѣ Англичанъ, имѣющихъ очень опредѣленные интересы въ вопросѣ о Шатъ-эль-Арабѣ.

Впрочемъ, какъ мы уже замѣтили, Англія какъ бы смиловалась надъ Персіей со времени основанія нами Красноводска и нашихъ походовъ въ Туркменскія степи, прилегающія къ Атреку. И не только пока ничто не отнято у тегеранскаго правительства, кромѣ маленькаго клочка земли у Гвадара, но еще прибавлено къ Персіи болѣе 3000 кв. миль, правда, въ пустынѣ Керманской! Это любопытное присоединеніе состоялось въ 1871 году, во время дѣйствій извѣстной коммиссіи генерала Гольдсмида, уполномоченнаго сочинить границу между Пер-

сіей и Афганистаномъ. Стремясь отнять у первой тѣ мѣстности, которыя по соображеніямъ англійской политики должны находиться въ рукахъ Афгановъ, именно Сеистанъ, Фаррахъ, Себзеваръ не говоря уже о Гератѣ, Гольдсмидъ вздумалъ вознаградить Персовъ округами Бамбуръ, Ганкъ и другими частями Мекрана. Мѣстности эти и рисуются нынѣ на картахъ персидскими, хотя въ населеніи ихъ преобладаютъ Белуджіи, которые знать не хотятъ Персидскаго правительства. Но къ этому *мекранскому* вопросу примыкаетъ другой, гораздо важнѣйшій, *сеистанскій.* Отрѣзавъ отъ Персіи Себзеваръ, Фаррахъ и Лашъ, англійскій посредникъ не нашелъ однако возможнымъ вовсе изгнать Персіянъ изъ Сеистана *). Поэтому онъ надѣлилъ Персію дельтой рѣки Хильменда, оставивъ однакоже въ рукахъ Афгановъ возможность лишать эту дельту воды. Это-то и послужило основаніемъ къ неутвержденію персидскимъ правительствомъ всѣхъ проектовъ коммиссіи 1870 — 71 годовъ, такъ что если на картахъ проводится нынѣ весьма опредѣленная граница Персіи съ востока, то эта пограничная черта есть не болѣе какъ политическая фикція.

Указавъ Персіи границы на западѣ, югѣ и востокѣ, Англичане хотѣли бы дать таковыя и съ сѣвера. Даже можно сказать что всѣ обороты ихъ политики въ Тегеранѣ имѣютъ въ виду собственно эту границу, которую бы они хотѣли провести такъ, чтобы не только Хорасанъ, но и часть Туркменіи оставались за Персіей, дабы сдѣлать невозможнымъ движеніе Россіи къ Герату, этому «ключу Индіи». Нигдѣ такъ хорошо не формулованъ этотъ хорасанскій вопросъ, какъ въ книгѣ Бекера *Тучи на востокѣ,* изданной въ 1876 году и составляющей от-

---

*) См. *Eastern Persia,* by Goldsmid and others, 1866, vol. I, introduction and appendix, и англійскія парламентскія бумаги.

четъ о его путешествіи 1873 года. Вотъ что̀ имъ рекомендуется англійскому правительству: «1) Смѣлая настойчивая политика; 2) установленіе сѣверной границы Персіи и Афганистана по окраинѣ степей, *при посредствѣ англо-русской коммиссіи;* 3) развитіе желѣзныхъ дорогъ и торговли въ странахъ на западѣ отъ Индіи; 4) переустройство остъ-индской арміи съ добавленіемъ артиллеріи и формированіемъ резервовъ въ Англіи; 5) *занятіе Кветты*; 6) снабженіе Индіи лошадьми отъ *Туркменовъ Текѐ*; 7) устройство мервскаго вопроса черезъ подчиненіе Текинцевъ Афганистану (такъ какъ Персія для этого оказывается безсильною); 8) побужденіе Персіи заняться поскорѣе вопросомъ о ея сѣверной границѣ» *). Что англійское правительство сильно интересуется хорасанскимъ вопросомъ, видно изъ того, что оно съ 1871 года ежегодно посылаетъ въ сѣверную Персію военныхъ агентовъ, а со стороны Инда приняло всѣ мѣры къ обезпеченію захвата Кветты черезъ Боланскій проходъ. Такъ какъ однакоже хорасанскій вопросъ есть лишь часть общаго южно-туркменскаго, въ которомъ заинтересована Россія, то мы оставимъ его пока въ сторонѣ и вернемся на востокъ отъ Персіи, въ Белуджистанъ и Афганистанъ.

Белуджистанъ представляетъ ту часть Азіи, которою наименѣе интересуются не только европейскіе народы, но и сосѣдніе ей азіятскіе, кромѣ однакоже Англичанъ, которые видятъ въ Белуджистанѣ гласисъ Индіи съ запада. Пустынность страны, бѣдность и хищническія наклонности ея населенія долгое время сдерживали Англичанъ отъ вооруженнаго занятія не только всего обширнаго пространства занятаго Белуджіями, но даже только важнѣйшихъ его стратегическихъ пунктовъ, не смотря на то

---

*) См. *Clouds in the East*, by V. Baker, 1876, стр. 374—75. Почти та же политическая программа развита Раулинсономъ въ его книгѣ *England and Russia in the East.*

что уже въ 1854 году былъ заключенъ о томъ договоръ съ ханомъ Келатскимъ. Наконецъ въ февралѣ 1877 года эта рѣшимость созрѣла, и англійскій отрядъ изъ 800 человѣкъ пѣхоты, съ артиллеріей и конницей, перешелъ за Индъ, чтобы занять гарнизоны въ Келатѣ и Кветтѣ, т. е. въ двухъ важнѣйшихъ пунктахъ на пути изъ Шикарпура къ Герату. Въ то же время водворился въ Келатѣ англійскій политическій агентъ, который впрочемъ и прежде пребывалъ тамъ по нѣскольку лѣтъ. Келатскому хану за эти уступки Остъ-Индское правительство обязалось платить по 10,000 ф. ст. въ годъ. Такія отношенія прямо показываютъ что онъ сталъ вассаломъ Англіи; но значитъ ли это что и Белуджистанъ приравнялся сосѣднему Синду?—это вопросъ, и вотъ почему. Белуджистанъ есть федерація, состоящая изъ нѣсколькихъ мелкихъ владѣній, надъ которыми келатскій ханъ хотя и признается главою, но почти номинально, ибо вассалы его, ламъ Бейльскій, сердари ялаванскій, саравансвій и др., нерѣдко входятъ съ нимъ въ вооруженныя распри. Ханъ Хўдададъ могъ продать себя; но Белуджіи и ихъ вожди останутся не только независимыми, но даже враждебными и ему и Англіи. Для Англичанъ очевидно важенъ одинъ Боланскій проходъ, ведущій въ Гератъ; въ немъ онѣ вѣроятно утвердятся прочною ногой; но будутъ ли дружелюбны къ нимъ сосѣднія племена, — это вопросъ, который мы и назовемъ *белуджистанскимъ*. Пока англійскій гарнизонъ въ Кветтѣ не пользуется расположеніемъ жителей.

Болѣе богатъ международными вопросами *Афганистанъ*, начиная говорить о которомъ, упомянемъ прежде всего о судьбахъ *Герата*. Городъ этотъ лежитъ среди довольно большаго и богатаго отъ природы оазиса, который находится на полупути отъ Каспійскаго моря до Инда и на окраинѣ Иранскаго нагорья къ сторонѣ Турк-

менскихъ степей. Благодаря этому положенію, онъ издавна пріобрѣлъ важное торговое и стратегическое значеніе, которое особенно усилилось, когда Англичане убѣдились что Гератскаго оазиса нельзя миновать, идя съ войсками отъ Каспійскаго моря въ Индію и что завоеватель последней страны непремѣнно долженъ будетъ здѣсь имѣть стратегическую базу, то-есть складъ всякаго рода запасовъ, которыхъ нѣтъ далѣе на пути къ Инду. Мы уже видѣли что Англія считаетъ Персію державой слишкомъ подчиненною вліянію Россіи, такою, которая можетъ быть если не завоевана сполна, то раздроблена Русскими. Отсюда опасенія Англичанъ за Гератъ и стремленіе отнять его у Персіи и передать во власть Афгановъ, которыхъ эмиръ получаетъ англійскую субсидію въ 120.000 ф. ст. весьма для него важную въ смыслѣ средства держать въ подчиненіи многочисленныхъ и нерѣдко мятежныхъ вассаловъ. Послѣдній договоръ Англіи съ Персіей на счетъ Герата относится къ 4 марта 1857 года *), и еслибъ историческія судьбы народовъ всегда зависѣли только отъ дипломатическихъ бумагъ, то конечно Персіи нечего было бы и думать о возвращеніи этого города. Но не слѣдуетъ забывать что населеніе его чисто персидское и ненавидитъ Афганъ **), такъ что при первомъ ослабленіи могущества послѣднихъ, можетъ освободиться отъ нихъ и, если не присоединиться къ Персіи, то составить независимое владѣніе, какимъ Гератъ и былъ не далѣе 1863 года.

Съ вопросомъ гератскимъ въ тѣсной связи находятся сеистинскій и *мервскій*. О первомъ мы уже говорили, второй обусловливается стремленіемъ Англичанъ подчинить власти эмира Кабульскаго не только Гератъ, но и

*) См. Markham, *Hist. of Persia*, 539, гдѣ помѣщенъ текстъ договора, которымъ окончилась война 1856 — 7, начатая Англіей противу Персіи именно изъ-за Герата.

**) См. Вамбери, *Путешествіе въ Средней Азіи*, рус. пер. 136.

передовой постъ къ сторонѣ русскаго Туркестана, Мервь, гдѣ нынѣ властвуетъ текинскій ханъ Каушидъ, недоброжелатель Россіи. Первоначальное намѣреніе англичанъ состояло въ присоединеніи Мерви къ Персіи, которою такъ легко управлять угрозами съ юга и которая сама пыталась не разъ, хотя и безуспѣшно, подчинить себѣ Текинцевъ. Это намѣреніе существовало еще въ 1874 и даже въ 1875, когда шахъ Насръ-Эддинъ, подстрекаемый англійскимъ посланникомъ, готовился уже выступить въ походъ на Мервь; но теперь окончательно оставлено, такъ что по отношенію къ низовьямъ Мурхаба Англичане повидимому рѣшились на осуществленіе программы Бекера, выше изложенной. Осенью 1876 газеты извѣщали что уже 10.000 афганскихъ войскъ собрано въ Гератѣ для похода на Мервь; но потомъ извѣстія прекратились. Вѣроятно, Каушидъ-ханъ также мало желаетъ стать подданнымъ эмира Ширъ-Али, какъ и шаха Насръ-Эддина. Но, конечно, попытки утвержденія афганской власти на всемъ теченіи Мурхаба возобновятся еще не разъ, со стороны ли Герата или изъ Балха, все равно. Теперь черезъ Гератъ Англичане снабжаютъ хорошимъ оружіемъ Туркменъ, желающихъ тревожить Русскихъ въ Закаспійскомъ краѣ, и это дѣлается по плану отлично формулованному англо-индійскими газетами, которыя говорятъ что «нужно защищать Индію отъ Русскихъ помощію туркменскихъ шаекъ, хорошо вооруженныхъ и руководимыхъ искусными офицерами». Полное осуществленіе этого плана затрудняется лишь тѣмъ что Афганы не довѣряютъ англичанамъ и не допускаютъ ихъ офицеровъ въ Гератъ.

Та же идея о воспрепятствованіи Русскимъ утвердиться въ подгорныхъ оазисахъ Паропамиза и Гиндукуша породила *вопросы о Маймене и Бадакшанѣ.* Исторія ихъ вкратцѣ состоитъ въ слѣдующемъ. Маймене, узбекское владѣніе, было въ 1850 годахъ вассальнымъ Бухарѣ,

наравнѣ съ сосѣдними Андхоемъ, Сирипулемъ и Шибарханомъ. Въ 1863 году, Вамбери нашелъ его независимымъ и особенно гордившимся отпоромъ которое оно сдѣлало попыткѣ афганскаго завоеванія. Въ 1873 году, англійской дипломатіи удалось убѣдить русскую что Маймене уже входитъ въ составъ Афганской монархіи, а въ 1875 эмиръ Ширъ-Али-ханъ дѣйствительно двинулъ афганскія войска на покореніе этого княжества, котораго эмиръ до самаго этого времени былъ средоточіемъ оппозиціи Афганамъ со стороны всѣхъ сосѣднихъ узбекскихъ владѣньицъ и даже въ 1874, въ виду опасности, предлагалъ имъ обратиться къ заступничеству Россіи. Напрасны были въ 1875 году и протесты эмира Бухарскаго, который считалъ эмира Маймане своимъ вассаломъ: Афганцы утвердились въ этомъ маленькомъ (до 100.000 нас.), но важномъ по положенію княжествѣ. Но должно замѣтить что положеніе ихъ здѣсь не можетъ быть прочнымъ, потому что въ тылу ихъ, между Маймене и Кабуломъ, живутъ самые разнородные, вовсе не афганскіе племена Джемшидовъ, Кипчаковъ, Фирузкуховъ, Монголовъ и особенно Хезарейцевъ, которые далеко не всегда находятся въ дружескихъ отношеніяхъ къ Афганамъ и, владѣя горными проходами черезъ Гиндукушъ и Паропамизъ, могутъ совершенно отрѣзать недавнія пріобрѣтенія Ширъ-Али-хана отъ средоточія его государства въ долинѣ Кабулъ-Дарьи.

Вопросъ о Бадакшанѣ въ сущности ничѣмъ не разнится отъ вопроса отъ Маймене, кромѣ того что тутъ дѣло идетъ не объ Узбекахъ, а о Таджикахъ. И здѣсь Афганы распространили свою власть по внушеніямъ изъ-за Инда, на деньги данныя Англичанами. И здѣсь былъ употребленъ обманъ, то-есть увѣреніе Англичанами Русскихъ что еще въ 1863 году Бадакшанцы подчинились добровольно отцу Ширъ-Алія, Достъ-Мухамеду, тогда какъ

дѣйствительное завоеваніе Бадакшана совершилось лишь въ августѣ 1874 года *). Бывшій посолъ нашъ въ Лондонѣ, графъ Бруновъ, хорошо понимая значеніе Бадакшана и Вахана на пути изъ Афганистана въ Восточный Туркестанъ, то-есть изъ одного мусульманскаго, находящагося подъ вліяніемъ Англіи, государства въ другое, гдѣ мало-по-малу это вліяніе развивается, настойчиво противился, въ 1872 — 73 годахъ, домогательствамъ англійской политики относительно Бадакшанскаго вопроса; но старанія его были напрасны **). Замѣтимъ, что бывшій наслѣдственный правитель Бадакшана, Жегандаръ-ханъ, поддержанный одно время правителемъ Читрала, но все-таки проигравшій дѣло, нынѣ скитается по средней Азіи и въ 1875 году, при занятіи Русскими Кокана, былъ въ этомъ ханствѣ. Замѣтимъ также, что претендентъ на самый кабульскій престолъ, сынъ старшаго брата Ширъ-Али, Абдеррахманъ-ханъ, живетъ въ русскихъ владѣніяхъ, въ Самаркандѣ. Это можетъ также создать международный вопросъ, тѣмъ болѣе важный для Афганистана и сосѣднихъ ему съ сѣвера земель, что въ Кабулѣ нашли убѣжище: старшій сынъ эмира бухарскаго, недовольный отцомъ, и бывшій бекъ кулябскій, Сары-бекъ, лишенный тѣмъ же бухарскимъ эмиромъ бекства.

Мы не будемъ теперь перечислять другихъ средне-азіятскихъ международныхъ вопросовъ, предпочитая коснуться ихъ, когда зайдетъ рѣчь о Россіи; а вернемся опять въ Афганистанъ, или точнѣе, на южную сторону

---

*) Весной того года Англичане Гордонъ, Биддольфъ и Троттеръ не могли проникнуть въ Бадакшанъ изъ Вахана, потому что Бадакшанцы еще боролись съ Афганами.

**) Получивъ инструкціи изъ Петербурга объ уступкѣ въ этомъ случаѣ настояніямъ Англичанъ, графъ Бруновъ отвѣчалъ что «Богъ, совѣсть и любовь къ отечеству не позволяютъ ему исполнить ихъ». Вскорѣ послѣ этого онъ вышелъ въ отставку.

Гиндукуша. Здѣсь мы находимъ прежде всего *Кяфиристанъ*, который доселѣ стоитъ совершенно внѣ области международнаго права, хотя имѣетъ общественную организацію, съ наслѣдственными или избирательными правителями. Главное изъ мѣстныхъ обществъ, которое можно даже назвать маленькимъ государствомъ, есть Читралъ, коего владѣтель считаетъ себя однимъ изъ потомковъ Александра Македонскаго и управляетъ значительною частью долины Кунара, имѣя еще вассаловъ, въ родѣ эмира Ясинскаго. Независимо отъ этого въ Кяфиристанѣ, именно въ долинѣ Свата, есть мусульманская община, управляемая ахуномъ, то-есть духовнымъ лицомъ, а къ сѣверо-востоку отъ нея, въ Дардистанѣ, лежатъ мелкія владѣнія Гилгитъ и Ясинъ. Границы всѣхъ этихъ владѣній, а тѣмъ болѣе взаимныя ихъ отношенія, очень мало извѣстны. Гилгитъ, напримѣръ, признается Англичанами за вассальную землю вассальнаго Англіи магараджи Кашмирскаго; но такъ ли это на самомъ дѣлѣ мы не можемъ сказать; ибо едва ли вассальныя отношенія могутъ выражаться лишь тѣмъ что кашмирскіе солдаты проникаютъ въ Гилгитъ для похищенія женщинъ, отличающихся бѣлизною кожи. Далѣе, какъ велики владѣнія Сватскаго ахуна, мы также не знаемъ; а между тѣмъ самое существованіе мусульманскаго теократическаго владѣнія у границъ Индіи имѣетъ свое значеніе, которое и не замедлило высказаться возбужденіемъ недовольства противу Англичанъ между магометанами Пенджаба. Когда же, въ 1863 году, Англичане попробовали наказать за это Сватцевъ оружіемъ, то понесли значительныя потери и вернулись за Индъ безъ успѣха. Позднѣе, именно въ 1874 году, пенджабскій губернаторъ рѣшился употребить золото тамъ, гдѣ не помогли свинецъ и желѣзо; но въ слѣдующемъ же году отправленное къ Сватцамъ золото было разграблено ими же или сосѣдними

Юсуфзаями, то-есть Афганами. Съ Афганистаномъ Сватцы и Читральцы вообще не въ добрыхъ отношеніяхъ; но подробностей этихъ отношеній мы не знаемъ, за исключеніемъ того, что плѣнные, взятые одною стороной у другой обращаются въ рабство. Нельзя даже съ точностію опредѣлить, гдѣ Афганистанъ переходитъ въ Кяфиристанъ, такъ какъ по горамъ къ сѣверу отъ Кабулъ-Дарьи живутъ племена иногда афганскаго же корня, но не слишкомъ сочувствующія кабульскимъ правителямъ и ихъ ставленникамъ въ провинціяхъ. Вся эта этнографическая и политическая путаница, въ связи съ тѣмъ что Кяфиристанъ вѣроятно станетъ въ непродолжительномъ времени единственною землей, раздѣляющею русскія владѣнія отъ англійскихъ, составляетъ очень сложный и доселѣ неразъясненный вопросъ, который мы назовемъ *кяфиристанскимъ*.

Восточная граница Афганистана представляетъ также много любопытныхъ особенностей въ смыслѣ международномъ. Афганистанъ собственно есть независимое государство, которое только связано съ Англіей условіемъ содержать 18.000 войскъ на случай приближенія къ Индіи съ сѣверо-запада какихъ-либо опасныхъ противниковъ, за что̀ кабульскій правитель получаетъ субсидію во 120.000 фунтовъ стерлинговъ въ годъ. Но не только во внутреннія дѣла Афганистана Англичане не могутъ вмѣшиваться; они не могутъ даже держать въ Кабулѣ иного агента, какъ Азіатца. Мало того, горныя афганскія племена Афридіи, Вазири и другія безпрестанно безпокоятъ англійскіе предѣлы, нападаютъ на окрестности Пешавера, препятствуютъ сношеніямъ его съ Когатомъ, убиваютъ англійскихъ офицеровъ, являющихся въ Афганскія горы «на охоту», грабятъ англо-индійскіе караваны на пути въ Газну и т. п., и Кабульское правительство не привлекается за это къ отвѣтственности. Такія отношенія

очевидно находятся въ противорѣчіи съ обыкновенными началами международнаго права; но чѣмъ они объясняются? это-то и составляетъ вопросъ, достойный быть предметомъ изученія хорошаго юриста и дипломата, для которыхъ сочиненіе Эванса, отчеты о состояніи Индіи Маркхема и лѣтописи остъ-индской администраціи хотя и могутъ доставить нѣкоторые матеріалы, но весьма недостаточные. Мы назовемъ этотъ вопросъ *индо-афганскимъ* и напомнимъ при этомъ три факта, имѣющіе при оцѣнкѣ его значеніе. Первый состоитъ въ томъ что эмиръ Афганскій, не довольствуясь доставкой ему оружія Англичанами, завелъ собственную оружейную фабрику въ Кабулѣ (1874 — 75); второй есть отказъ того же эмира пріѣхать въ 1876 году въ Дели, на торжество провозглашенія королевы Викторіи императрицей Индостана; сущность третьяго заключается въ безуспѣшности переговоровъ, которые въ февралѣ настоящаго 1877 года были начаты англійскимъ уполномоченнымъ, Пелли, съ афганскимъ первымъ министромъ, въ Пешаверѣ, для опредѣленія новыхъ, болѣе выгодныхъ Англичанамъ отношеній ихъ къ Афганистану. Въ связи съ другими, упомянутыми выше данными, не выражаютъ ли эти факты глубокаго недовѣрія Афгановъ къ Англіи? Не наводятъ ли они на мысль что Англичане въ свою очередь побаиваются храбраго многочисленнаго и уже давшаго имъ знать себя, въ Хурдъ-Кабульскомъ ущельѣ, народа Афганскаго?... Кто знаетъ, можетъ-быть Англія, думая создать изъ Афганистана щитъ Индіи съ сѣверо-запада, подготовляетъ въ немъ мечъ, то-есть врага, который воспользуется первымъ удобнымъ случаемъ перейти за Индъ, осебенно если будетъ поддержанъ извнѣ? Вѣдь въ исторіи Индіи есть длинный періодъ афганскаго владычества, и еще въ началѣ нашего столѣтія Афганскій эмиръ владѣлъ частью теперешней Англо-Индійской имперіи. Прибавимъ къ этому

что умный и энергическій правитель Афганистана, если вздумаетъ перейти за Индъ, найдетъ тамъ 40.000.000 союзниковъ въ лицѣ магометанъ, которыхъ Гентеръ и Кемпбелъ, отличные знатоки Индіи, считаютъ опаснѣйшими врагами британской власти. И не для устраненія ли самой возможности подобнаго явленія Англичане заботились о заключеніи въ тюрьму не любившаго ихъ, но умнаго и любимаго народомъ, Якубъ-хана, сына бездарнаго Ширъ-Али?...

Оставимъ, впрочемъ, въ сторонѣ загадки исторіи и вопросы будущаго и вернемся опять на почву Афганистана, чтобы сказать нѣсколько словъ о международномъ вопросѣ относительно границъ этой страны съ Белуджистаномъ. Англійскія карты, а за ними и всѣ европейскія рисуютъ эту границу очень опредѣлительно, точно границу какихъ-нибудь Бельгіи и Голландіи. Но на дѣлѣ ничего подобнаго не существуетъ, и англійскій же *официальный* писатель, Гольдсмидъ, не отважился на картахъ, сопровождающихъ его отчеты, начертить хотя какую-нибудь линію разграничивающую Афганистанъ съ Белуджистаномъ. Мало того, въ его книгѣ мы находимъ фактъ прямо противорѣчащій самой возможности опредѣленія границы между этими двумя странами. Именно, Азадъ-ханъ Каранскій, котораго владѣнія Англичане вообще причисляютъ къ Белуджистану, самъ считаетъ себя болѣе вассаломъ Ширъ-Али-хана Кабульскаго, чѣмъ Худададъ-хана Келатскаго. Въ числѣ его совѣтниковъ и офицеровъ есть Афганы, и самъ онъ находится въ постоянной оппозиціи Келату. Эта неопредѣленность пограничныхъ отношеній очевидно вызываетъ самостоятельный международный вопросъ, который мы называемъ *каранскимъ*.

За Кяфиристаномъ, Афганистаномъ и Белуджистаномъ лежитъ *Индустанъ*. Какъ ни любопытно для русскихъ

читателей знать близко отношенія Англичанъ къ многочисленнымъ (443) туземнымъ владѣльцамъ Индіи, еще терпимымъ Англіей, мы однако не будемъ здѣсь останавливаться на нихъ, потому что фактически это не суть отношенія международныя, такъ какъ кромѣ Англіи и раджей въ нихъ никто не замѣшанъ, а государь первой есть сюзеренъ всѣхъ послѣднихъ *). Исключеніе мы сдѣлаемъ только для магараджей Кашмирскаго и Нипальскаго и для раджи Сиккимскаго, которыхъ владѣнія прилежатъ къ Гималаямъ. Магараджа Ранбиръ-Сингъ Кашмирскій, которому королева Викторія недавно пожаловала титулъ «щита Индіи», не есть въ сущности вассалъ Англо-Индійской имперіи. Внутреннее управленіе его страной чуждо всякаго контроля Англичанъ; онъ не платитъ Англіи дани (хотя и посылаетъ небольшіе ежегодные подарки вице-королю); онъ даже получаетъ отъ Англо-Индійскаго правительства денежное вознагражденіе за отказъ отъ транзитныхъ пошлинъ съ товаровъ провозимыхъ изъ Индіи въ Восточный Туркестанъ. Кромѣ того сами Англичане видимо заботятся о расширеніи его владѣній къ западу, сѣверу и востоку, конечно съ тѣмъ разсчетомъ, что все пріобрѣтенное имъ цѣной усилій и издержекъ кашмирскихъ потомъ достанется имъ даромъ. Это-то постепенное расширеніе владѣній кашмирскихъ и точное ихъ разграниченіе съ сосѣдними землями **) могли бы быть предметомъ международныхъ сношеній, подобно тому какъ разграниченіе Персіи съ Турціей или Афганистаномъ. Но едва ли этотъ *кашмирскій* вопросъ воз-

---

*) Объ отношеніяхъ раджей къ Англіи см. сочиненія Айтчисона Гриффина, Маркхема, *Лѣтоп. ост.-инд. адм.* и пр.

**) Подробности о Кашмирѣ смотри въ великолѣпномъ сочиненіи Дрью объ этой странѣ, гдѣ находится договоръ Англіи съ Голабъ-Сингомъ, бывшимъ магараджой, обезпечивающій «цѣлость» кашмирскихъ владѣній.

никнетъ раньше чѣмъ Китайцы утвердятся снова въ Восточномъ Туркестанѣ и будутъ чувствовать себя достаточно сильными какъ тамъ, такъ и въ Тибетѣ. Вмѣшательство же въ это дѣло Россіи, противъ которой Кашмиръ назначенъ служить щитомъ, намъ кажется невѣроятнымъ; а теперешній повелитель Джитышара, Бекъ-Кули-ханъ, не довольно силенъ, чтобы дать властный отзывъ по этому вопросу, хотя его же подданные, Киргизы, заинтересованы въ дѣлѣ.

Нипалъ есть единственное изъ государствъ Индіи, которое самими Англичанами признается за независимое и которое этою независимостью обязано какъ положенію своему въ горахъ, такъ и еще болѣе широкой полосѣ лѣсистыхъ болотъ (тераи), разстилающихся вдоль границъ его съ англійскими владѣніями. Это также есть единственное государство Индустана, въ которомъ народъ исповѣдуетъ буддійскую, а не браминскую или магометанскую вѣру *). Оно, слѣдовательно, принадлежитъ столько же къ группѣ государствъ Восточной Азіи, гдѣ буддизмъ есть господствующая религія, какъ и къ Индустану, котораго продолженіемъ служитъ въ этнографическомъ смыслѣ. Мало того, связи его съ китайско-буддійскимъ міромъ поддерживаются посольствами въ Пекинъ. Пріобрѣсти надъ этимъ государствомъ власть было бы очень выгодно для Англіи, и ея резидентъ, съ конвоемъ въ 95 человѣкъ, уже давно живетъ въ Катманду; ея съемщики изъѣздили Нипалъ въ разныхъ направленіяхъ; но пока все-таки Англичане не успѣли завоевать его, хотя вели войны съ нимъ до самаго 1846 г. Умный министръ Джангъ-Багадуръ 30 лѣтъ управлялъ Нипаломъ отъ имени болѣзненнаго магараджи и, сохраняя по наружности самыя

*) Кромѣ Нипала буддисты въ Индіи встрѣчаются только на островѣ Цейлонѣ. Они не любятъ браминовъ.

привѣтливыя отношенія въ Калькуттскому правительству, ревниво охранялъ независимость своей страны, въ которую, какъ и въ Афганистанъ, нѣтъ доступа ни одному Англичанину *). Когда эти отношенія и какимъ образомъ измѣнятся, трудно сказать; но что пока нѣтъ у Англичанъ прямаго намѣренія завоевать Нипалъ, видно изъ того, что съ нимъ установлена правильная государственная граница, проложенная на подробныя карты, чего Англичане избѣгали въ тѣхъ случаяхъ, когда имѣли въ виду движеніе впередъ. А какъ при томъ въ складахъ магараджи есть до 100.000 ружей, и въ томъ числѣ есть скорострѣльныя, то *нипальскій* вопросъ есть очевидно вопросъ будущаго.

Совсѣмъ не то можно сказать о вопросѣ *сиккимскомъ*, уже отчасти рѣшенномъ въ томъ смыслѣ, что подчиненіемъ Сиккима Англичане достигли отдѣленія независимаго Нипала отъ независимаго Бутана. Но впрочемъ главное дѣло тутъ состояло не въ Нипалѣ и Бутанѣ, а въ Тибетѣ. Уже Уорренъ Гастингъ, слишкомъ сто лѣтъ тому назадъ (1774) составилъ планъ: поставить главу буддійскаго міра, далайламу, подъ вліяніе не Китая, а Англіи. Онъ отправлялъ для этой цѣли въ Тибетъ Манинга, Богля, Турнера, но не имѣлъ успѣха. Въ нынѣшнемъ столѣтіи Англичане пробовали завязать, — разумѣется по наружности лишь для торговыхъ цѣлей, — сношенія съ тибетскими властями черезъ вассальнаго имъ раджу Сиккимскаго; но и тутъ не имѣли успѣха. Письма генералъ-губернатора возвращались изъ-за Гималаи нераспечатанными. Тогда британская стратегія нѣсколько измѣнилась. Чтобы быть по возможности ближе къ одному изъ важнѣйшихъ центровъ ламаизма, къ Шигацзе, гдѣ

---

*) Джангъ-Багадуръ умеръ во время печатанія настоящей статьи; его должность перешла къ его сыну.

живетъ второе лицо буддійской іерархіи, баньчень-эрдени, Англичане прирѣзали къ Сиккиму клочокъ земли лежавшій къ сѣверу отъ него, въ Тибетѣ, отнявъ взамѣнъ того у раджи Дарджиллингъ, чѣмъ самымъ подвинули къ сѣверу и непосредственныя свои владѣнія. Сѣверная граница Сиккима теперь проходитъ въ 55 верстахъ отъ Шигацзе, и хотя дорога черезъ Гималаи въ этомъ мѣстѣ все еще не устроена, но возможность такого устройства уже есть. Впрочемъ, въ этихъ труднодоступныхъ горныхъ мѣстностяхъ Англичане и не разсчитываютъ дѣйствовать силой оружія, по крайней мѣрѣ собственнаго, а придумали иную систему. Воспользовавшись уступчивостью Китайцевъ по дѣлу объ убійствѣ Маргери (1875), они нынѣ приготовляютъ, съ согласія Китайскаго правительства, посольство въ Хлассу для договора о торговлѣ съ Тибетомъ. Такимъ образомъ открывается вопросъ *англо-тибетскій*, котораго сущность состоитъ въ томъ что Англія желаетъ взять подъ опеку далай-ламу, этого азіятскаго папу, который есть духовный глава не только Тибетцевъ, но Бирманцевъ, Сіамцевъ, Малайцевъ, Аннамитовъ, бо̀льшей части Китайцевъ и Японцевъ, Корейцевъ, Манчжуровъ, Монголовъ и даже русскихъ подданныхъ — Бурятъ и Калмыковъ. Это, слѣдовательно, вопросъ міровой важности, въ которомъ заинтересованы всѣ государства восточной Азіи, не исключая двухъ обширныхъ имперій Китайской и Русской.

Прежде чѣмъ перейти меридіанъ устьевъ Ганга, коснемся еще одного вопроса, имѣющаго мѣсто на почвѣ Индустана, хотя собственно маловажнаго для Азіи. Вопросъ этотъ состоитъ въ существованіи французскихъ колоній Пондишери, Карикаля, Янаона и Шандернагора. Зачѣмъ Французское правительство продолжаетъ владѣть этими колоніями, которыя не приносятъ ему доходовъ и не имѣютъ никакого экономическаго и политическаго

значенія, трудно сказать: вѣроятно изъ національнаго тщеславія, такъ какъ Франція все еще «великая держава» и не можетъ подражать «какой-нибудь» Даніи, которая продала свои остъ-индійскія владѣнія Англичанамъ. Во всякомъ случаѣ фактъ владѣнія Французами ничтожною частью (10 кв. м.) территоріи Индустана существуетъ; мало того, Англія не отказывалась еще доселѣ отъ уплаты Французамъ 250.000 руб. за то, чтобъ они не разводили у себя опіума. Но, разумѣется, все это отзывается только терпимостью, а еще болѣе разсчетомъ Англичанъ, ибо и сами Французы хорошо понимаютъ *), что при первомъ столкновеніи съ Англіей они лишатся своихъ остъ-индскихъ владѣній безо всякаго вознагражденія. Но какъ національное тщеславіе у Французовъ большею частію беретъ перевѣсъ надъ политическою разсудительностью, то существованіе ихъ колоній въ Индіи только служитъ залогомъ ихъ невольнаго подчиненія политическимъ видамъ Англіи, такъ что пока надъ Шандернагоромъ и Пондишери развѣваются французскіе флаги, на вѣсахъ парижской политики имѣется одною гирей больше въ пользу союза съ за-Ламаншскимъ сосѣдомъ, хотя бы даже онъ былъ такимъ галлофобомъ какъ лордъ Пальмерстонъ, который не затруднялся говорить что онъ «плюетъ на Францію». Вопросъ о *французскихъ колоніяхъ, въ Индустанѣ*, повторимъ, есть вопросъ чисто европейскій, только имѣющій мѣсто въ Азіи, на судьбу которой то или другое рѣшеніе его не можетъ имѣть никакого вліянія.

Переходя за Гангъ, мы видимъ прежде всего въ бассейнѣ Брахмапутры любопытный вопросъ о *гималайскихъ горныхъ племенахъ* на сѣверѣ и востокѣ отъ Ассама, которыя большею частію независимы отъ Англичанъ, а отчасти и враждебны имъ. Начало ихъ покоренія сдѣ-

---

*) См. напримѣръ Деве, Voyage aux Indes etc., 1865.

лано въ 1875 году экспедиціей противъ Дуффласовъ; но за послѣдними къ востоку живутъ независимо такіе же горцы, Мирисы и Мишміи, изъ которыхъ вторые особенно интересны, такъ какъ въ случаѣ подчиненія ихъ Остъ-Индскому правительству англійскія владѣнія перейдутъ въ непосредственное прикосновеніе съ китайскими провинціями Юнъ-Нанью и Сычуанью. Эти-то Мишміи, вѣроятно не безъ внушенія китайскихъ властей, воспрепятствовали въ 1869 году извѣстному англійскому піонеру Куперу пройти съ Брахмапутры на Янъ-цзе-кіанъ. Меньше политическаго интереса имѣютъ племена на югѣ отъ Ассама къ сторонѣ Бирмы. Они тоже сопротивляются Англичанамъ, какъ напримѣръ въ 1871 году Лушаи, но конечно это сопротивленіе не спасетъ ни ихъ, ни лежащую за ними Бирму отъ британскаго оружія и власти.

Высказавъ это замѣчаніе, мы касаемся важнаго вопроса о *существованіи Бирманскаго государства.* Доселѣ эта страна, бывшая едва ли не самымъ обширнымъ послѣ Китая осколкомъ монархіи Чингизъ-хана, дважды уже (1825 и 1853) несла пораженія отъ Англіи и подверглась отъ нея уменьшенію болѣе чѣмъ на половину. Но она все еще не вполнѣ ничтожна, и это-то приводитъ Англичанъ къ настойчивому желанію покончить съ ея самостоятельностью какъ можно скорѣе. Бирманскій король однако пока не даетъ повода начать противъ него войну, да и финансы Индіи въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ представляютъ большіе дефициты, по необходимости сдерживающіе завоевательныя стремленія Англичанъ. За то ни кому не приходится терпѣть отъ нихъ столько притѣсненій и униженій какъ Бирмѣ. Отрѣзанная отъ моря, она можетъ получать изъ Европы лишь такіе товары, которые пропускаются Англичанами черезъ Рангунъ; оружіе, напримѣръ, вовсе не можетъ въ нее проникать, развѣ черезъ Китай или Сіамъ. Попытки Бир-

манскаго короля устроить армію при помощи французскихъ инструкторовъ кончились неудачами; даже французское посольство изъ Сайгона, прибывшее въ 1875 году въ Мандалай, понесло полное фіаско подъ давленіемъ англійскаго агента въ этой столицѣ. Между тѣмъ національныя узы независимой Бирмы съ британскою еще не порваны: религіозныя и соціальныя связи поддерживаются *), и еслибы Китай не былъ такъ слабъ, то, опираясь на него, Бирма могла бы причинять много хлопотъ Англичанамъ. Между тѣмъ есть полная вѣроятность предполагать, что въ непродолжительномъ времени она не только послужитъ дорогой для англійскаго опіума въ Китай, но и просто перестанетъ существовать какъ государство. Его золотостопное величество, какъ называютъ Англичане Бирманскаго короля, вѣроятно даже не будетъ низведенъ на степень вассала, а просто уволенъ отъ своей должности, какъ король Аудскій въ 1856 году; если же вздумаетъ сопротивляться, то конечно подвергнется участи Абиссинскаго негуса Ѳеодора, такъ какъ Англичане конечно не позволятъ ему спастись бѣгствомъ. Въ 1875—76 годахъ, когда дѣло Маргари не было еще вполнѣ выяснено, Остъ-Индское правительство не только выслало отрядъ въ сѣверную часть Бирмы, къ Бхамо, то-есть къ границѣ Китая, но и отправило офицера съ порядочнымъ конвоемъ на юго-востокъ отъ Мандалая къ границѣ Сіама, подъ предлогомъ разрѣшенія на мѣстахъ споровъ о границѣ въ округѣ Каріинцевъ, въ сущности же затѣмъ, чтобы Бирманскому королю некуда было спастись въ случаѣ бѣгства.

Впрочемъ, вопросъ объ уничтоженіи самостоятельно-

*) Въ 1871 году Бирманскій король украсилъ Рангунскую пагоду золотымъ зонтикомъ. Это почти то же какъ еслибы Французы украсили теперь Страсбургскую колокольню своимъ трехцвѣтнымъ флагомъ.

сти Бирмы есть дѣло будущаго, хотя и не далекаго. Непосредственно же къ нашему времени относится вопросъ о *транзитѣ черезъ Бхамо* въ Китай. Въ принципѣ онъ рѣшенъ, то-есть Англичане имѣютъ уже право производить сухопутную торговлю съ китайскою провинціей Юнъ-Нанью; но подробности еще не опредѣлены. Вѣроятно Англо-Индійское правительство сдѣлаетъ то же съ Бирмою, что уже сдѣлано съ Кашмиромъ, то-есть согласится платить какую-нибудь сумму, чтобы только товары британскихъ купцовъ не подвергались осмотру на Бирманской землѣ. Любопытно еще будетъ видѣть, какъ рѣшатся затрудненія, зависящія отъ непокорности какой-либо государственной власти хищныхъ горцевъ, живущихъ въ пограничной полосѣ между Китаемъ и Бирмою: кто-то будетъ отвѣчать за ихъ поведеніе, Китайскій императоръ или Бирманскій король?

Замѣчательно, что примѣръ Бирмы, потерявшей лучшія свои земли, не вразумилъ доселѣ сосѣднихъ ей Сіама, Аннама и Камбодьи, которые, если бы составили прочную коалицію, могли бы отстоять свою «цѣлость и независимость», не прибѣгая къ покровительству чужихъ державъ, какъ Турція. Но исторія ничему не научаетъ деспотовъ; а всѣ четыре коронованные повелители Инду-Китая суть невѣжественные и корыстолюбивые деспоты, которые больше заботятся объ обираніи своихъ подданныхъ, чѣмъ о внѣшней ихъ безопасности. Король Бирманскій напримѣръ не разъ пытался сдѣлать торговлю рисомъ своею монополіей, и вѣроятно успѣлъ бы въ этомъ еслибы не угрозы англійскаго резидента. Король Сіамскій не искалъ монополіи *de jure*, но добился ее *de facto*, такъ что довольно многочисленные корабли подъ флагомъ Слона посѣщающіе порты Китая и Японіи едва ли не всѣ принадлежатъ его величеству Пхрабату-Сомдетіп-Пхра-Парамитарѣ Сіамскому. Но какъ ни значительны торго-

вые обороты Бангкока, который даже имѣетъ телеграфную связь съ Сайгономъ, Гонъ-Конгомъ и Сингапуромъ, въ сущности эта сіамская торговля находится въ большой зависимости отъ Англичанъ двухъ послѣднихъ городовъ, какъ главныхъ поставщиковъ всего европейскаго. А *Сіамъ,* замѣтимъ, нынѣ покупаетъ у Европы не одни ткани, но и машины. И ему при этой торговлѣ приходится терпѣть на собственной почвѣ одно немаловажное стѣсненіе; именно трактатъ 5-го апрѣля 1856 года съ Англіей связалъ Сіамское правительство тарифомъ, котораго оно измѣнить по своей волѣ не можетъ. Этотъ обязательный тарифъ есть первый въ ряду тѣхъ, о которыхъ намъ придется еще не разъ говорить при дальнѣйшемъ изложеніи. Его нарушенія или добровольныя перемѣны въ немъ очевидно относятся къ области международнаго права *).

На почвѣ Сіама есть еще два любопытные международные вопроса, *ляосскій* и *малаккскій.* Первый изъ нихъ состоитъ въ томъ, что въ сѣверной половинѣ Сіамскаго государства, имѣющаго, вообще говоря, феодальное устройство, живутъ племена полунезависимыя и распространяющіяся не только въ сосѣдніе Бирму и Аннамъ, но даже въ Китай, гдѣ извѣстны подъ именемъ Ляо-цзе. Точныхъ границъ между четырьмя названными государствами въ землѣ Ляосовъ нѣтъ; стало-быть эти границы опредѣлятся лишь въ будущемъ, вслѣдствіе правильныхъ международныхъ актовъ. И разумѣется, что останься вопросъ объ этомъ опредѣленіи чисто азіятскимъ, его рѣшеніе вѣроятно было бы простымъ подтвержденіемъ *statu quo* безъ рѣзкихъ споровъ между сосѣдями. Но совсѣмъ другую постановку получитъ ляосскій вопросъ въ случаѣ

---

*) См. этотъ трактатъ и тарифъ въ *Hong-Kong Chronicle and Directory,* 1870. Новый договоръ Англіи съ Сіамомъ относится къ 1874 году.

занятія Англичанами Бирмы. Земли Ляосовъ, безъ сомнѣнія, послужатъ для нихъ обширнымъ полемъ интригъ съ цѣлью ослабить Китай и пріобрѣсти сильное вліяніе на Сіамъ и Аннамъ. При этомъ любопытно, что азіятскій вопросъ о Ляосахъ можетъ отозваться также на отношеніяхъ между Лондономъ и Парижемъ, такъ какъ Франція все еще мечтаетъ рано или поздно занять въ Инду-Китаѣ приблизительно то же положеніе, какъ Англія въ Индустанѣ, что̀ разумѣется Англичанамъ не нравится.

Малакскій вопросъ есть также территоріальный и состоитъ въ томъ: власть короля Сіамскаго, какъ сюзерена, распространяется ли на всю Малакку или только до 5^0 широты? Собственно говоря, всѣ радьи въ южной половинѣ полуострова независимы во внутреннихъ дѣлахъ своихъ княжествъ; но мелкія ихъ владѣнія не могли бы существовать въ мирѣ, если бы надъ ними не было какого-нибудь общаго нравственнаго авторитета, какимъ некому болѣе пользоваться, какъ королю Сіамскому, который, замѣтимъ, и въ собственномъ государствѣ правитъ народомъ чрезъ вассаловъ. Въ 1875 году Англія вмѣшалась въ дѣло одного мелкаго малакскаго владѣнія, Перака. Она поддерживала одного претендента на власть въ княжествѣ противъ другаго, и кончила разумѣется тѣмъ, что утвердила собственную власть. Но въ ту минуту, когда борьба требовала не малыхъ жертвъ и усилій, было заявленно Сіамскому королю, не желаетъ ли онъ оставить Перакъ за собою, лишь съ предоставленіемъ Англичанамъ нѣкоторыхъ правъ? Благоразумный король уклонился отъ этой чести, понимая куда повели бы его международныя обязательства предъ Великобританіей *).

---

*) Благоразуміе Сіамцевъ по отношенію къ Англичанамъ доходитъ до того, что по трактату 1856 года англійскіе корабли, подходящіе къ Бангкоку, должны оставлять имѣющіяся на нихъ пушки у Пекнама.

Такимъ образомъ Сіамъ какъ бы призналъ, что онъ не интересуется дѣлами южной половины Малакки. Но не было ли тутъ чего-либо подобнаго отреченіямъ Пекинскаго правительства отъ вассальнаго господства надъ Кореей, всякій разъ когда послѣдней приходилось имѣть съ могущественными Европейцами или Американцами, тогда какъ тотъ же Китай вступился за ту же Корею, когда ей угрожала Японія? Азіятскіе властители напуганы захватами Европейцевъ. Если они не видятъ возможности бороться съ послѣдними, то отрекаются отъ своихъ правъ на земли, какъ будто не считали ихъ своими, хотя въ тоже время они не прочь доказывать своимъ азіятскимъ сосѣдямъ, что та или другая земля издревле платила имъ дань. Любопытно было бы изслѣдовать малаккскій вопросъ въ подробности и притомъ не ограничиваясь одиѣми англійскими парламентскими бумагами и консульскими донесеніями, такъ какъ въ этихъ бумагахъ всегда можно подозрѣвать заднюю мысль. Сочиненіе о Малаккѣ Томсона не даетъ на этотъ счетъ ничего опредѣлительнаго.

У южной оконечности Малакки, на небольшомъ островѣ лежитъ *Сингапуръ*, этотъ «международный» городъ по преимуществу, эта міровая торговая станція на пути изъ Европы и южной Азіи въ Тихій Океанъ, это гнѣздо пиратства и контрабанды, эта китайская колонія подъ англійскимъ флагомъ! Какъ ни важно для всей Европы, не говоря уже про Испанію, что Гибралтаръ принадлежитъ Англіи, но эта грозная твердыня у пролива, соединяющаго Атлантическій Океанъ со Средиземнымъ моремъ, отступаетъ на второй планъ предъ «мирнымъ», вовсе не укрѣпленнымъ Сингапуромъ, подобно большому, но все-таки провинціальному городу предъ столицей. Европа уже свыклась съ его исключительнымъ положеніемъ и международнымъ значеніемъ; она даже довольна что на дале-

комъ пути къ «крайнему Востоку» есть такой прекрасный промежуточный пунктъ, гдѣ пароходы могутъ запасаться углемъ и продовольствіемъ, гдѣ есть безопасныя пристани и куда съѣзжаются по необходимости путешественники со всѣхъ концовъ свѣта: изъ Америки, Японіи, Китая, Зондскаго Архипелага, Австраліи, Мыса Доброй Надежды, Индіи, Египта, Италіи, Франціи, Испаніи, Англіи, Голландіи и Германіи. Тамъ никто долго не заживается; всякій спѣшитъ пересѣсть на другой пароходъ, чтобы продолжать свой путь, если этотъ путь не есть главная европейско-китайская линія; но чѣмъ кратковременнѣе это прибываніе, тѣмъ болѣе цѣнитъ путешественникъ выгоды и даже прелести этой станціи, очарованный ея міровымъ положеніемъ и роскошью тропической природы. И пока бичъ войны не коснулся этого счастливаго уголка земли, онъ служитъ дѣйствительно къ выгодѣ всего человѣчества. Но нѣчто иное будетъ, когда передовые или наиболѣе многочисленные народы міра пожелаютъ наконецъ вырвать свою торговлю изъ-подъ англійской гегемоніи и когда возрожденный Китай приметъ лозунгомъ такое же смѣлое выраженіе, какое мы слышимъ теперь въ нѣмецкой пѣснѣ: «Wo ist das Vaterland?», то-есть заявитъ, что Китай вездѣ, гдѣ слышится въ народныхъ массахъ китайская рѣчь. Сингапуръ, по всѣмъ вѣроятіямъ, будетъ — хотя еще въ далекомъ грядущемъ—одною изъ тѣхъ мѣстностей, на которыхъ желѣзомъ и кровью, обильною кровью, будетъ рѣшаться вопросъ объ освобожденіи Востока отъ эксплуатаціи Запада и объ освобожденіи самаго Запада отъ эксплуатаціи его одною народностью, которая лицемѣрно проповѣдуя the christian civilisation, не затрудняется открыто держать у южной оконечности Малакки огромные склады пороха и оружія для продажи ихъ пиратамъ и высылать изъ этой

станціи цѣлые флоты контрабандистовъ въ Нидерландскія колоніи на Зондскихъ островахъ, въ Сіамъ, Аннамъ, Китай, на Филиппинскіе острова. Эта послѣдняя особенность Сингапура, конечно, могла бы быть нынѣ же предметомъ международныхъ переговоровъ и обязательствъ; но гдѣ же та сила которая можетъ заставить гордую и корыстолюбивую властительницу морей выслушать себя и уважить?

Впрочемъ отвѣтъ на этотъ вопросъ не такъ проблематиченъ, какъ можетъ показаться съ перваго раза, даже если мы оставимъ пока въ сторонѣ Срединное Царство съ его трехсотъ пятидесятью милліонами населенія однороднаго и способнаго. Съ тѣхъ поръ, какъ Германія объединилась въ видѣ имперіи, у Нѣмцевъ зрѣетъ мало-по-малу, не скрываемая притомъ, мысль, что рано или поздно Нидерланды должны стать нѣмецкою провинціей, «низовыми рейнскими землями», пожалуй со своимъ провинціальнымъ говоромъ, даже со своими мѣстными учрежденіями, но все же подвластными Берлину. А съ присоединеніемъ Голландіи могутъ попасть въ руки Нѣмцевъ и ея колоніи въ Зондскомъ Архипелагѣ. Допуститъ ли это Англія и не станетъ ли вопросъ о *Зондскихъ островахъ* яблокомъ раздора между двумя отраслями германскаго племени? Это задача, разрѣшимая лишь въ далекомъ будущемъ, но уже теперь намѣченная исторіей. Очень вѣроятно, что рѣшеніе ея начнется, какъ только объединенная Германія окончательно устроитъ свои дѣла въ Европѣ и заведетъ сильный военный флотъ.

Съ переходомъ за меридіанъ Сингапура, мы вступаемъ въ мѣстности, гдѣ на каждомъ шагу замѣтно историческое вліяніе Китая, гдѣ почти нѣтъ города безъ многолюдной китайской общины, гдѣ вся мелочная, а иногда и оптовая торговля сосредоточивается въ рукахъ

Китайцевъ *) и гдѣ цѣлые ряды поколѣній воспитаны въ китайскихъ понятіяхъ и традиціяхъ. Этому китайскому вліянію, какъ извѣстно, нанесенъ сильный ударъ вторженіемъ въ тѣ же мѣстности европеизма; но нельзя не замѣтить, что почва подъ Китайцами еще очень прочна, и что если Срединному Царству удастся снова пріобрѣсти политическую мощь, то вліяніе его отзовется опять съ большою силой на всѣхъ странахъ прилегающихъ къ Китайскому морю, отъ Сингапура до устья Тумень-улы, то-есть на протяженіи сорока градусовъ широты. Это возстановленное вліяніе естественно выкажется съ особою силой на Аннамѣ, котораго населеніе состоитъ въ такомъ близкомъ родствѣ съ Китайцами по происхожденію, вѣрѣ и обычаямъ. А какъ нынѣшняя французская Кохинхина весьма лишь недавно была частью Аннамской имперіи, то весьма вѣроятно, что первое пораженіе Франціи въ Европѣ приведетъ къ очищенію Французами Кохинхины, гдѣ они очень малочисленны (не болѣе 20.000 на 1.526.000 всего населенія) и не популярны, благодаря своей клерикально-полицейской системѣ управленія и полному неумѣнью упрочиться въ завоеванной странѣ. Тогда возникнетъ вопросъ *кохинхинскій*, который можетъ имѣть нѣсколько рѣшеній, смотря по тому, какая изъ большихъ морскихъ державъ вмѣшается въ дѣло, Англія или Германія. За Кохинхиной къ сѣверу лежитъ тѣсно связанное съ ней небольшое государство Камбодья, нѣкогда вассальное Сіаму, а теперь Франціи. Его судьба, въ случаѣ паденія французской власти, будетъ также имѣть международный интересъ. Но впрочемъ, если, наоборотъ, Франція возстановитъ свое прежнее могущество

*) Изъ этого правила не дѣлаютъ исключенія ни Гонъ-Конгъ, ни Сингапуръ, ни Сайгонъ, центры европеизма, не говоря уже про собственно азіятскіе города.

и притомъ перестанетъ навязывать Аннамитамъ и Камбодійцамъ ультрамонтанскій катихизисъ и исторію Меровинговъ, какъ необходимыя условія ихъ цивилизаціи, то пріобрѣтеніе ею весьма важнаго вліянія на всю восточную половину Инду-Китая еще не невозможно, тѣмъ болѣе, что договоромъ 1875 года она успѣла открыть для своихъ кораблей два порта въ сѣверной части Аннама, Хайфынъ и Ханой.

Оба эти порта находятся въ такъ-называемомъ Тонкинѣ, то-есть въ странѣ, значительная часть которой составляетъ дельту рѣки Сангкой, берущей начало въ Китаѣ и дѣлающейся уже тамъ судоходною. Это послѣднее обстоятельство и имѣли въ виду Французы, настаивая на открытіи именно двухъ данныхъ портовъ, которые такимъ образомъ предназначаются быть вполнѣ международными. Чтó будетъ въ дѣйствительности, трудно пока сказать; но англійскій консулъ въ Кантонѣ, Робертсонъ, посѣтивъ въ прошломъ 1876 году эти порты, вынесъ изъ нихъ впечатлѣніе благопріятное, такъ какъ окрестная страна богата отъ природы *). Только тотъ же Робертсонъ замѣтилъ, что эта прекрасная страна имѣетъ довольно слабое населеніе, а главное, часто обуревается междусобіями. Во всякомъ случаѣ, важно то, что теперь, въ случаѣ войны Китая съ какою-нибудь сильною морскою державой, Китайцы имѣютъ выходъ въ море, не подлежащій закрытію, хотя и удаленный отъ центра имперіи. Но это исключительно выгодное международное положеніе Хайфына и Ханоя, въ связи съ тѣми внутренними безпорядками, которые такъ нерѣдки въ Тонкинѣ, не поведетъ ли къ возникновенію сложнаго политическаго вопроса, который кончится тѣмъ, что какое-нибудь сильное госу-

---

*) См. Report of M. Robertson, H. B. M. consul in Canton, 1876.

дарство захватитъ страну въ свои руки? Это и составляетъ *тонкинскій* вопросъ.

На недалекомъ отъ Тонкина островѣ Хайнанѣ имѣется также свой мѣстный международный вопросъ. По договору 26-го іюня 1858 года (§ 11) Китай обязанъ открыть находящійся на этомъ островѣ портъ Кьюнъ-Чжеу для европейской торговли; но до 1876 года этого сдѣлано не было, кажется, главнымъ образомъ потому, что гористая внутренность острова заселена племенами враждебными Китайцамъ, и что Пекинское правительство боялось допустить иностранцевъ въ такую ненадежную мѣстность. Разумѣется, вслѣдствіе этого возникла контрабанда, и въ 1875 году одно англійское судно было захвачено китайскими крейсерами и отведено въ Кантонъ, гдѣ продано со всѣмъ грузомъ. Теперь Чифуская конвенція 14-го сентября 1876 года снова подтвердила прежнее право Европейцевъ на открытый портъ въ Хайнанѣ; но какія изъ этого выйдутъ политическія послѣдствія, неизвѣстно, и въ этомъ состоитъ *хайнанскій* вопросъ. Замѣтимъ, что на островѣ населены Китайцами только прибрежья.

Къ сѣверу отъ Хайнана мы вступаемъ на почву собственнаго Китая, о международныхъ отношеніяхъ котораго и вытекающихъ изъ нихъ вопросахъ могло бы быть написано обширное сочиненіе. Въ нашемъ краткомъ очеркѣ мы коснемся, однако, лишь очень немногихъ изъ этихъ вопросовъ и начнемъ съ двухъ важнѣйшихъ, пользующихся громкою извѣстностью. «Прощайте, господинъ посланникъ», говорилъ въ 1869 году князь Гунъ сэръ-Рутерфордъ Алькоку, оставлявшему свой постъ въ Пекинѣ, «счастливаго пути! *Жаль только, что вы не увозите съ собой опіума и миссіонеровъ*». Въ послѣднихъ словахъ отлично высказана вся сущность этихъ двухъ вопросовъ, и къ нимъ остается прибавить немного. Опіумъ, какъ извѣстно, введенъ Англичанами въ Китай сознатель-

но, съ прямою цѣлью ослабить физіологически Китайскій народъ и чрезъ то сдѣлать его опаснымъ противникомъ политическимъ и торговымъ. Никакія попытки Китайскаго правительства остановить безсовѣстную контрабанду разныхъ Джардиней, Дентовъ, Росселей, Сасуновъ и другихъ злодѣевъ, составившихъ себѣ колоссальныя богатства продажей яда Китайцамъ, не имѣли успѣха, и когда въ 1839 году кантонскій генералъ-губернаторъ Линъ велѣлъ бросить массу этого товара, цѣной на двадцать милліоновъ рублей, въ воду, Англія объявила за это Китаю войну, кончившуюся въ 1842 году Нанкинскимъ миромъ, который «узаконилъ» ввозъ опіума. Ввозъ этотъ важенъ для Англичанъ вдвойнѣ: вопервыхъ, потому, что достигаетъ цѣли политической, указанной выше, и вовторыхъ, потому, что съ вывозимаго изъ Индіи яда (который, замѣтимъ, запрещенъ тамъ, какъ и въ самой Англіи) Остъ-Индское правительство взыскиваетъ до 50.000.000 рублей отпускныхъ пошлинъ. Тщетны были попытки сѣверо-американскаго посланника Рида, во время переговоровъ 1858—60 годовъ, въ Тянь-Цзинѣ убѣдить англійскаго уполномоченнаго, лорда Эльгина, признать опіумъ запрещеннымъ товаромъ: британскій дипломатъ не поступился этою «статьей тарифа», потому что она слишкомъ выгодна для его соотечественниковъ. И рѣчи, позднѣе раздававшіяся въ Англійскомъ Парламентѣ со стороны нѣкоторыхъ гуманистовъ, напримѣръ Лоусона въ 1870 году *), не имѣли никакого успѣха, потому что большинство Палаты всегда противилось всякому «стѣсненію свободы торговли товаромъ, который оставляетъ предметъ роскоши у Китайцевъ, подобно какъ въ Европѣ шампанское», по выраженію Боуринга. Наконецъ, не къ

---

*) Въ своей рѣчи Лоусонъ требовалъ запрещенія самаго производства опіума въ Индіи.

большему результату пока привели и адресы особаго Лондонскаго «общества для прекращенія продажи опіума», подававшіеся британскимъ министрамъ, напримѣръ лорду Дэрби 24-го ноября 1876 года. Надѣяться на настоянія по этому дѣлу дипломатіи христіанскихъ державъ едва ли можно, а потому приходится сказать, что *опіумный* вопросъ можетъ еще разъ подать поводъ къ войнѣ Китая съ Англіей и рѣшится удовлетворительно въ смыслѣ человѣколюбія лишь тогда, когда китайское оружіе одержитъ въ этой войнѣ значительные успѣхи.

Миссіонеры — это тоже опіумъ, но только не физіологическій, а духовный и политическій... Такой отзывъ со стороны христіанина можетъ показаться не только рѣзкимъ, но просто дерзкимъ, даже кощунственнымъ. Къ глубокому нашему сожалѣнію, мы должны признаться, что совѣсть наша остается, предъ подобнымъ упрекомъ, совершенно спокойною, и притомъ по самой простой причинѣ. Ни православныхъ, ни протестантскихъ проповѣдниковъ, честно трудящихся въ Китаѣ надъ распространеніемъ христіанства, мы рѣшительно не подводимъ подъ нашъ строгій приговоръ; но по отношенію къ католическимъ патерамъ, особенно іезуитамъ, не беремъ назадъ ни одного слова. Болѣе разлагающей язвы, какъ эти религіозные промышленники, эти gens de bien, какъ ихъ назвалъ Мольеръ въ *Тартюфѣ*, нельзя придумать для націи. Они занимаются не проповѣдью религіи любви, братства и самопожертвованія долгу, а самою наглою эксплуатаціей Китайцевъ, всегда готовые при первомъ опытѣ заслуженнаго возмездія со стороны народа прибѣгнуть къ европейскимъ пушкамъ и ко вмѣшательству бездушной и лицемѣрной дипломатіи, за которымъ слѣдуютъ кровавыя казни. Открыто сбрасывая ту личину смиренія и бѣдности, которую они носятъ въ Европѣ, патеры смѣло хозяйничаютъ на большую ногу въ нѣко-

торыхъ городахъ Китая, какъ напримѣръ въ Шанхаѣ, гдѣ имъ принадлежатъ цѣлыя улицы домовъ и лавокъ, отдаваемыхъ внаймы. Владѣя фабриками, они скупаютъ у бѣдныхъ родителей ихъ дѣтей, чтобы съ нѣжнаго возраста держать ихъ на неустанной работѣ за станками, верстаками и т. п., совершенно какъ крѣпостныхъ. Въ самой религіозно-догматической сферѣ они смѣло приспособляютъ Священное Писаніе ко вкусамъ скептическихъ Китайцевъ, лишь бы заманить въ свое стадо наибольшее число овецъ, которыхъ руно идетъ въ ихъ пользу. Для удовлетворенія своей чувственности они держатъ въ близкомъ сосѣдствѣ своихъ монастырей другіе монастыри, женскіе, куда входъ доступенъ только отцамъ-исповѣдникамъ. Наконецъ, смѣло употребляя религію для политическихъ цѣлей, они съ церковной каѳедры поучаютъ своихъ прозелитовъ-Китайцевъ, что «для добраго католика папа выше императора», т. е. въ корнѣ подкапываютъ авторитетъ богдыхана, которымъ поддерживается государственный строй Небесной Имперіи. Удивляться ли послѣ этого, что отъ времени до времени Китайцы, хорошо уразумѣвъ этихъ волковъ въ овечьей шкурѣ, производятъ съ ними расправы въ родѣ тянь-цзинской рѣзни 1870 года? Мы скорѣе удивляемся тому, что эти кровавыя расправы производятся такъ рѣдко... Замѣтимъ что въ Европѣ іезуиты почти всюду изгнаны или если терпятся, то негласно; въ Китаѣ же имъ предоставлено открыто слѣдовать ихъ хищническимъ и коварнымъ началамъ. И на Франціи, которая будучи сама страной невѣрія, ставитъ вопросомъ своей «чести» поддерживать этихъ алчныхъ лицемѣровъ, до тѣхъ поръ будетъ лежать тяжелое пятно, пока она не откажется отъ права заступаться за людей которыхъ презираетъ у себя дома. Въ этомъ состоитъ вопросъ *миссіонерскій*.

Не выходя пока изъ сферы отношеній Китая къ

Европейцамъ, остановимся еще на вопросѣ *тарифномъ*. Мы уже упомянули о его сущности, говоря о Сіамѣ; здѣсь замѣтимъ, что нигдѣ обязательные, т. е. трактатами установленные тарифы, не отзываются такъ пагубно на національной промышленности, какъ въ Китаѣ. Страна всеобщаго употребленія хлопчатобумажныхъ тканей, для которыхъ матеріалъ у нея издавна разводится дома, она не можетъ завести собственныхъ фабрики, потому что англійскіе миткали, ситцы заваливаютъ рынокъ и исключаютъ возможность затраты капиталовъ на дѣло, которое долго не приносило бы барышей. Отечество шелка и нѣкогда единственный производитель шелковыхъ тканей Китай нынѣ уже не отпускаетъ послѣднихъ за границу, а массу своего сырца въ необработанномъ видѣ отправляетъ въ Европу, чтобы взамѣнъ его и благодатнаго чая получать изъ Индіи опіумъ. Съ наиболѣе цѣнныхъ произведеній европейской промышленности, съ предметовъ чистой роскоши, способныхъ выдерживать самыя высокія ввозныя пошлины, китайская казна не можетъ получать болѣе 5% съ ихъ стоимости, которая притомъ въ таможняхъ объявляется ниже дѣйствительной. Китайское правительство не можетъ хотя бы на время запретить вывозъ такихъ продуктовъ, въ которыхъ чувствуется настоятельная нужда въ странѣ. Словомъ, Китай, по отношенію къ тарифному вопросу, есть государство, лишенное одного изъ важнѣйшихъ признаковъ самостоятельности и, замѣтимъ, лишенное силой. Нельзя поэтому сомнѣваться, что оно будетъ употреблять всѣ усилія, чтобы освободиться изъ-подъ ига этихъ навязанныхъ силою тарифовъ, и въ томъ, какъ эта цѣль будетъ достигнута, заключается важный международный вопросъ.

Открытіе иностранцамъ портовъ внутри страны очень вредно отзывается на собственной торговлѣ Китайцевъ, оттѣсняемыхъ европейскими негоціантами. Кромѣ того,

европейскія купеческія колоніи служатъ центрами контрабанды, которая напримѣръ въ Шанхаѣ во время возстанія Тайпинговъ была направлена къ продажѣ инсургентамъ оружія, т. е. прямо въ подрывъ Китайскому государству. И еще замѣтимъ, что эти колоніи, неприкосновенныя для китайскихъ властей, служатъ источниками оппозиціи, дискредитующей эти власти въ глазахъ народа, потому что самый могущественный генералъ-губернаторъ ничего не можетъ сдѣлать всѣмъ тѣмъ лицамъ, за которыхъ вступается какой-нибудь европейскій консулъ. Въ Кантонѣ напримѣръ отъявленные негодяи ускользаютъ изъ рукъ китайской администраціи, объявляя себя гонконгскими подданными ея британскаго величества. Во всѣхъ другихъ портахъ европейскіе матросы постоянно дѣлаютъ безнаказанно множество гадостей. И замѣтимъ, что въ Китаѣ нѣтъ смѣшанныхъ консульскихъ судовъ для иностранцевъ, какъ напримѣръ въ Турціи, а исключительно національные, причемъ тотъ консулъ-судья, который наиболѣе потакаетъ своимъ, пользуется наибольшею популярностью. Рано или поздно эта абсолютно-національная консульская юрисдикція въ открытыхъ портахъ однако станетъ предметомъ важнаго вопроса международнаго.

Повторяемъ, объ интернаціональныхъ проблемахъ, имѣющихъ мѣсто на почвѣ Китая, можно написать цѣлое большое сочиненіе, если даже касаться лишь такихъ вопросовъ, гдѣ замѣшаны Европейцы. Но кромѣ ихъ есть еще цѣлый рядъ такихъ международныхъ отношеній Срединнаго Царства, которыя, не касаясь Европы, важны для него, какъ для державы существенно азіятской. Коснемся наиболѣе важныхъ изъ нихъ, и вопервыхъ, *отношеній Китайскаго императора къ далай-ламѣ.* Извѣстно что со времени Кханъ-си выборъ этого азіятскаго папы находится въ рукахъ Китайскаго правительства, которое

потому такъ ревниво охраняетъ Хлассу отъ иностранныхъ вліяній. Но конечно эти вліянія, особенно англійское (вспомнимъ о готовящейся экспедиціи изъ Индіи) получатъ свою силу, и тогда положеніе далай-ламы измѣнится, къ выгодѣ или невыгодѣ для него самого — все равно, но во всякомъ случаѣ къ невыгодѣ Китайцевъ. Ни Англія, ни Россія, имѣющія буддійскихъ подданныхъ, конечно, не захотятъ оставить верховнаго первосвященника буддійскаго міра подъ исключительнымъ вліяніемъ Китая, лишь только добьются права имѣть при его дворѣ своихъ представителей. Въ чемъ будетъ высказываться ихъ вліяніе, здѣсь было бы безполезно гадать: вѣроятно Англія будетъ стремиться къ отдѣленію Тибета отъ Китая, а Россія противиться этому; но оставляя въ сторонѣ это обстоятельство, замѣтимъ, что потеря исключительнаго положенія въ Хлассѣ будетъ очень важнымъ ударомъ для Небесной Имперіи, которой власть не только надъ Тибетцами, но и надъ Монголами поддерживается главнымъ образомъ буддійскою іерархіей. И когда глава послѣдней перестанетъ быть китайскимъ ставленникомъ, то Срединному Царству можетъ снова предстоять масса заботъ въ «застѣнныхъ» земляхъ. Въ этихъ краткихъ намекахъ заключается сущность того вопроса, который мы позволимъ себѣ назвать, для краткости, *далай-ламскимъ*.

Съ нимъ, по политической важности, можно поставить на ряду другой религіозно-политическій вопросъ *мусульманскій*, который со времени основанія Якубъ-бекомъ Кашгарскаго государства сталъ дѣйствительно международнымъ. Извѣстно, какимъ тяжелымъ испытаніямъ подвергло Китай возмущеніе магометанъ въ западныхъ провинціяхъ, Шень-си, Гань-су, Юнь-нани, и еще болѣе въ Восточномъ Туркестанѣ и Чжунгаріи. Борьба, которую они вынуждены были начать двадцать лѣтъ назадъ, еще донынѣ не кончена и чѣмъ кончится, неизвѣстно.

Во всякомъ случаѣ магометанское государство, начавшее свое существованіе истребленіемъ Китайцевъ въ Кашгарѣ и другихъ мало-бухарскихъ и вообще при-тяньшаньскихъ городахъ, еще существуетъ и даже успѣло заручиться поддержкой извнѣ изъ Индіи; а этого достаточно, чтобы мусульманскій вопросъ для Китая продолжалъ быть международнымъ и притомъ едва ли разрѣшимымъ безъ помощи Россіи. Не забудемъ при этомъ, что мусульмане въ самомъ Китаѣ и даже въ Манчжуріи довольно многочисленны, вездѣ образуютъ отдѣльныя общины, въ родѣ еврейскихъ у насъ, и вездѣ являются людьми безпокойными.

О вопросѣ *кульджинскомъ*, который исторически имѣетъ такую тѣсную связь съ мусульманскимъ, а географически слѣдуетъ послѣ рѣчи о Джитышарѣ, мы скажемъ въ послѣдствіи, при обзорѣ международныхъ отношеній Россіи, гдѣ и вообще коснемся всѣхъ русско-китайскихъ задачъ. Теперь же упомянемъ объ отношеніяхъ Китая къ Кореѣ. Многіе вѣка послѣднее государство считалось вассальнымъ по отношенію къ Китаю, въ смыслѣ отчасти напоминавшемъ отношенія Румыніи или Сербіи къ Турціи. Хотя Китайцы не могли проникать въ Корею, но Корейское правительство ежегодно отправляло въ Пекинъ посольство на поклонъ богдыхану, Корейскій король при началѣ царствованія получалъ отъ послѣняго инвеституру, и Китай являлся защитникомъ Кореи отъ внѣшнихъ враговъ, напримѣръ отъ Японцевъ въ XVII вѣкѣ. Но вотъ возникъ вопросъ объ открытіи европейцамъ портовъ Восточной Азіи, и оказалось что Корея государство самостоятельное, т. е. независимое отъ Китая. Французы, Американцы сдѣлали опыты вооруженныхъ вторженій въ Корею, и Китайское правительство не сочло этого нарушеніемъ своихъ территоріальныхъ правъ. Пограничныя отношенія на Ялу-цзянѣ ос-

таются прежними, то-есть тамъ есть широкая нейтральная полоса, намѣренно оставленная пустыней, и Китайцы съ Корейцами торгуютъ только разъ въ годъ на ярмаркахъ вблизи Фынъ-Хуана. Каковы будутъ отношенія Китая къ Кореѣ, когда послѣдняя войдетъ въ непосредственныя сношенія съ другими народами, — къ чему Японія проложила дорогу,—мы не можемъ догадываться; но вѣроятно въ первое же время возникнутъ вопросы о раздѣлѣ нейтральной полосы, объ отмѣнѣ ежегодныхъ посольствъ и инвеституры, о снятіи запрещеній въ дѣлѣ обоюдныхъ сношеній. Всѣ эти частныя проблемы мы сводимъ въ одинъ общій международный вопросъ *китайско-корейскій.*

Весьма недавно въ недальнемъ разстояніи отъ Кореи было мѣсто любопытному международному вопросу *о принадлежности Формозы.* Теперь, съ 1875 года, вопросъ этотъ окончательно рѣшенъ, и Китай, по договору съ Японіей, принялъ на себя отвѣтственность за поведеніе Формозцевъ на всемъ протяженіи острова, т. е. не только на западномъ его берегу, два вѣка уже населенномъ Китайцами, но и на восточномъ, гдѣ доселѣ китайскихъ селеній не было. Этимъ присоединеніемъ всей Формозы къ Китаю, на которое не послѣдовало протестовъ ни откуда, закрывается сама собою возможность для какой-нибудь европейской державы безъ войны съ Небесною Имперіей захватить часть острова въ свою пользу, какъ о томъ была рѣчь въ началѣ 1870-хъ годовъ, когда считалось вѣроятнымъ основаніе на Формозѣ нѣмецкихъ колоній.

Впрочемъ, вопросъ *объ учрежденіи этихъ колоній* въ островномъ мірѣ окружающемъ Азію съ юго-востока отнюдь не угасъ отъ этого. Напротивъ, съ каждымъ годомъ такое учрежденіе становится все болѣе вѣроятнымъ; предметомъ же нѣмецкой политики нынѣ становится мѣст-

ность еще болѣе выгодная чѣмъ Формоза. Именно, въ восточной части Борнео, въ юго-западной Минданао и на островахъ между ними лежитъ владѣніе Сулу, котораго жители, знаменитые какъ морскіе разбойники, особенно вредятъ испанской торговлѣ на Филиппинскомъ архипелагѣ. Испанцы пробовали было завоевать Сулу *); потомъ, послѣ неудачи экспедиціи 1875 года, стали блокировать мѣстные порты; но Германія возстала противъ этого, какъ противъ факта невыгоднаго для ея морской торговли. Очевидно она ищетъ учрежденія своего *покровительства* надъ Сулу и чрезъ это кладетъ начало немаловажному международному вопросу, которымъ кромѣ Испаніи и Сулу будетъ вѣроятно интересоваться и Англія, столь не любящая соперничества въ колоніальномъ мірѣ, особенно со стороны державъ владѣющихъ хорошимъ военнымъ флотомъ **).

Не выходя еще изъ этого океаническаго міра, упомянемъ о любопытномъ вопросѣ *ликейскомъ*. Король Ликейскихъ острововъ есть двоеданецъ. Онъ прямой вассалъ Японіи и въ то же время данникъ Китая. Японское правительство для поддержанія своего значенія въ Ликейскомъ архипелагѣ содержитъ тамъ военныя суда и даже, кажется, гарнизонъ въ Нафѣ, столицѣ короля; но Китай также можетъ заявить претензію на эту длинную гряду острововъ, съ которой джонки являются ежегодно съ данью въ Фу-Чжеу или Ганъ-Чжеу.

Съ Ликейскихъ острововъ естественъ переходъ въ *Японію*. Страна эта повидимому должна бы находиться въ самыхъ счастливыхъ международныхъ отношеніяхъ,

---

*) Нѣкоторые подробности объ этомъ см. у Bousquet, *Voyage entre Yeddo et Paris,* 1876.

**) Въ мартѣ 1877 года по вопросу о Сулу подписанъ въ Кадиксѣ протоколъ между Англіей, Германіей и Испаніей. Содержаніе его намъ пока неизвѣстно.

такъ какъ въ теченіе слишкомъ двухъ вѣковъ она была свободна отъ всякихъ столкновеній съ иностранцами, и когда наконецъ вошла съ ними въ связи, то могла сразу стать внѣ всякихъ исключительныхъ, то-есть одностороннихъ вліяній, потому что одновременно допустила на свою почву представителей такихъ націй, которыя всюду встрѣчаются какъ соперники. Притомъ ея положеніе на отдѣльномъ архипелагѣ избавляетъ ее отъ вопросовъ территоріальныхъ, подобно тому, какъ избавлена въ Европѣ Великобританія. Однако способный, воспріимчивый и посвоему хорошо образованный японскій народъ, вступая въ связи съ народами христіанскими изъ Америки и Европы, былъ сразу уловленъ ими въ политическія сѣти, хотя и не столь густыя, какъ въ Китаѣ, но все же дающія себя чувствовать. На первомъ мѣстѣ въ ряду международныхъ вопросовъ, возникшихъ изъ договоровъ 1854—58 годовъ, конечно слѣдуетъ поставить вопросъ *тарифный*, вредный для японской промышленности. Но впрочемъ обязательные тарифы отозвались на Японіи гораздо менѣе вредно чѣмъ на Китаѣ, потому что смышленые Японцы несмотря ни на что поспѣшили завести собственныя фабрики, собственный паровой флотъ и много другихъ техническихъ учрежденій, обезпечивающихъ успѣшное національное экономическое развитіе. Они не остановились предъ издержками для того чтобы развить у себя усовершенствованные горные промыслы; земледѣліе же и ремесла у нихъ издавна стояли на высокой степени совершенства. Поэтому тарифный вопросъ является въ Японіи скорѣе вопросомъ о національной автономіи и чести, чѣмъ о матеріальныхъ потеряхъ. И въ японскихъ тарифахъ вовсе нѣтъ опіума, такъ какъ по отношенію къ Японіи даже лордъ Эльгинъ призналъ этотъ товаръ вреднымъ.

Важнѣе обязательныхъ тарифовъ другой международ-

ный вопросъ, который истекаетъ изъ договоровъ Японіи съ европейскими государствами, и состоитъ въ правѣ иностранцевъ на *національный консульскій судъ.* Мы уже замѣтили неудобства этого суда, говоря о Китаѣ; здѣсь придется повторить то же, съ прибавленіемъ впрочемъ что въ Японіи бывали уже примѣры судовъ смѣшанныхъ, такъ что при особенно важныхъ дѣлахъ въ составѣ трибунала находились консулы постороннихъ державъ и даже японскіе чиновники. Учреждая у себя дома судопроизводство на европейскій ладъ, Японское правительство полагало, что иностранцы согласятся отмѣнить консульскую юрисдикцію, при существованіи которой обиженные Японцы рѣдко находятъ удовлетвореніе за причиняемыя имъ иностранцами обиды или ущербы; но правительство очевидно было въ этомъ случаѣ очень наивно. Національные консульскіе суды тѣмъ и дороги для европейскихъ и американскихъ эксплуататоровъ, составляющихъ населеніе Іокагамы, Кобе и пр., что они всегда дѣйствуютъ въ пользу этихъ эксплуататоровъ. Кромѣ того допустить Японцевъ, хотя бы съ участіемъ европейскихъ защитниковъ, къ обсужденію дѣйствій «людей высшей расы и высшей цивилизаціи», какими считаютъ себя прикащики и коммиссіонеры лондонскихъ, гамбургскихъ и марсельскихъ купцовъ, значило бы лишиться того ореола, которымъ Европейцы вообще любятъ окружать себя на Востокѣ. Вопросъ объ отмѣнѣ исключительно національныхъ консульскихъ судовъ однако остается не только поднятымъ, но и открытымъ, и вотъ по какой причинѣ. Иностранцы, видя уменьшеніе своихъ барышей по торговлѣ съ хорошо узнавшими ихъ японскими купцами открытыхъ портовъ, добиваются свободнаго доступа во внутреннія мѣста Японіи. Іеддоское правительство готово дать это право, но подъ условіемъ отмѣны обязательныхъ тарифовъ и подчиненія иностран-

цевъ суду японскому. Для тѣхъ иностранцевъ, которые нынѣ пускаются внутрь страны съ особыми японскими паспортами, оно прямо выговорило себѣ право собственнаго суда на мѣстахъ возникновенія судебнаго случая, и уже бывали примѣры арестованія Европейцевъ японскими властями. Правительство Соединенныхъ Штатовъ даже изъявило готовность отступиться отъ исключительно-національнаго консульскаго суда, а перейти къ смѣшанному или даже японскому, если, разумѣется, то же будетъ принято европейскими націями; но эти-то націи и не соглашаются, а потому консульскіе суды поддерживаются, Японія же остается для Европейцевъ замкнутою, хотя впрочемъ больше теоретически, такъ какъ на практикѣ паспорты выдаются безъ особенныхъ затрудненій и только съ оговоркой относительно подсудности и непроизводства торговли внутри страны.

Есть основаніе думать, что мало-по-малу оба вопроса, тарифный и судебный, уладятся на общихъ основаніяхъ европейскаго международнаго права, то-есть въ смыслѣ возвращенія Японіи тѣхъ правъ, которыми пользуется каждая цивилизованная нація у себя дома. Но гораздо труднѣе ожидать того же относительно вопроса *о неукрѣпленіи Симоносакскаго пролива.* Въ 1863—64 годахъ, какъ извѣстно, Англо-Французы, поражая японскихъ патріотовъ, бомбардировали Симоносаки и не ранѣе отказались отъ дальнѣйшаго разрушенія, какъ взявъ съ князя Нагато обязательство не укрѣплять сѣверный берегъ пролива. Это обязательство волей-неволей было признано тайкуномъ, а потомъ микадо; но оно очень невыгодно для Японіи, гдѣ Симоносакскій проливъ имѣетъ то же значеніе какъ Бельты въ Даніи или Босфоръ въ Турціи. Вѣроятно Японцы будутъ пользоваться всякимъ удобнымъ случаемъ чтобы добиться отмѣны унизительнаго и невыгоднаго для нихъ условія, хотя, собственно

говоря, никто не можетъ имъ помѣшать нынѣ же выстроить крѣпость на южной сторонѣ пролива и расположить въ немъ самомъ рядъ торпедъ.

Японія считаетъ своимъ *архипелагъ Бонимъ-Сима*, лежащій на юго-востокъ отъ нея, среди Тихаго Океана, но до послѣдняго времени не имѣвшій другаго населенія кромѣ нѣсколькихъ, европейскихъ и американскихъ выходцевъ. Хотя въ 1874 году, кажется, и сдѣланъ опытъ японской колонизаціи на этихъ островахъ; но во всякомъ случаѣ дѣло о нихъ можетъ еще стать международнымъ при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, напримѣръ, если съ развитіемъ пароходства на Восточномъ Океанѣ явится потребность учрежденія здѣсь пароходной станціи. Для китолововъ этотъ архипелагъ также имѣетъ свое значеніе.

Весьма недавно, именно въ 1875 году, Японія добилась открытія для себя трехъ портовъ въ Кореѣ, отказавшись при этомъ отъ всѣхъ домогательствъ на вассальную зависимость этой страны. Обстоятельство это кладетъ начало важному международному вопросу *объ открытіи доступа въ Корею* всѣмъ иностранцамъ, изъ которыхъ Французы и Американцы уже ранѣе пробовали добиться такого открытія вооруженною силой. Въ настоящемъ 1877 году попытка повторяется Англичанами и кажется что будетъ успѣшнѣе. У Французовъ есть уже счеты съ Кореей за католическихъ миссіонеровъ, украдкой пробиравшихся въ эту страну и подвергавшихся тамъ гоненіямъ: это дастъ, сверхъ общаго корейскаго вопроса, *корейско-миссіонерскій*.

Такимъ образомъ, мы обогнули всю южную половину Азіи, отъ Босфора черезъ Малаккскій проливъ до устья Туменьулы и перечислили болѣе пятидесяти вопросовъ, которые всѣ могутъ подать поводъ къ международнымъ сношеніямъ, если не къ распрямъ. Читатель конечно

замѣтилъ, что въ значительной части этихъ вопросовъ, кромѣ самихъ азіятскихъ государствъ, замѣшана одна большая западная держава, Англія, которая поэтому-то имѣетъ ровно столько же права именоваться азіятскою какъ и европейскою. Какія при этомъ преслѣдуются ею цѣли, мы также старались показать; но считаемъ не лишнимъ оговорить здѣсь, что, не скрывая негодованія на эгоистическій образъ дѣйствій Англичанъ на Востокѣ, мы не думаемъ порицать тѣ великіе общечеловѣческіе результаты, которые ими достигнуты при этихъ своекорыстныхъ дѣйствіяхъ. Кто видѣлъ Индію, въ которой конечно коварство англійской политики высказалось сильнѣе чѣмъ гдѣ-нибудь, тотъ многое проститъ Англичанамъ даже въ нравственномъ смыслѣ, не говоря про политическій. Англійское владычество положило предѣлъ тысячелѣтнимъ распрямъ многочисленныхъ мелкихъ тирановъ, которые грабили и разоряли Индусовъ какъ безпорядочнымъ внутреннимъ управленіемъ, такъ и непосредственными войнами. Оно дало населенію въ 240.000,000 душъ средство получать европейское образованіе, устроило для него пароходство, желѣзныя дороги и телеграфы; оно благотворно вліяетъ въ смыслѣ привитія европейской цивилизаціи и другимъ азіятскимъ народамъ, хотя и съ постояннымъ почти нарушеніемъ международнаго права... Это забыть не слѣдуетъ.

II.

Общественное вниманіе цѣлаго свѣта въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ сосредоточено на событіяхъ совершающихся въ Турціи. При этомъ самыя разнородныя и скопившіяся въ теченіе вѣковъ политическія задачи на почвѣ Балканскаго полуострова всѣ обобщаются народами западной Европы подъ именемъ одного «Восточнаго» вопроса,

и всякій знаетъ что для западо-европейцевъ подъ этимъ разумѣется не столько то, будутъ ли Турки выгнаны изъ Европы, а болѣе то, кому достанутся ихъ теперешнія владѣнія, особливо Константинополь и Дарданеллы. Каждому извѣстно также, что въ рѣшеніи послѣдняго вопроса, сверхъ жителей Балканскаго полуострова: Турокъ, Болгаръ, Грековъ, Румыновъ и Сербовъ, главными заинтересованными націями являются: Россія, для которой весьма важно имѣть свободный выходъ изъ Чернаго моря, Англія, которая желаетъ прямо противоположнаго, и Австрія, которая чувствуетъ, что съ основаніемъ за Савой большаго славянскаго государства для нея настанетъ послѣдній актъ разложенія, начавшагося послѣ битвъ подъ Сольферино и подъ Садовой.

Этотъ взглядъ на Восточный вопросъ есть ходячій въ народныхъ массахъ Европы и даже въ большинствѣ того что̀ принято называть образованнымъ европейскимъ обществомъ. Только нѣкоторыя варіаціи присовокупляются къ нему людьми разныхъ національностей, смотря по частнымъ ихъ интересамъ. Такъ, Италіянцы вводятъ въ общую задачу вопросъ о Далмаціи и даже объ Албаніи, Греки — вопросъ о возсозданіи Византійской имперіи въ пространствѣ между Балканами, Мраморнымъ и Іоническимъ морями, Нѣмцы — вопросъ о непріятномъ для нихъ возрожденіи Славянъ, которыхъ они до сихъ поръ успѣшно тѣснили со времени Оттона Великаго, Римскій папа — вопросъ о господствѣ католицизма надъ ученіемъ православныхъ, то-есть «схизматиковъ»; но въ общемъ итогѣ для всѣхъ континентальныхъ народовъ подъ именемъ «Восточнаго» вопроса разумѣется политическая проблема о будущихъ судьбахъ Балканскаго полуострова. Одни Англичане и Русскіе смотрятъ шире и видятъ въ международной задачѣ о будущности Европейской Турціи лишь часть гораздо болѣе обширнаго вопроса о судьбахъ

всей юго-западной Азіи — отъ Архипелага до Малакки и отъ Арарата до пролива Бабельмандебскаго, къ которой лишь случайно, благодаря владычеству Турокъ, примкнула небольшая часть юго-восточной Европы. Для Англичанъ при этомъ на первомъ планѣ стоитъ проблема объ Индіи и о путяхъ къ ней чрезъ Суэзъ и по долинѣ Евфрата, для Россіи — вопросъ о ея естественныхъ рубежахъ какъ великой державы, доселѣ только въ одномъ мѣстѣ примкнувшей къ открытому Океану и не имѣющей на югѣ выхода въ Средиземное море. Къ этому еще присоединяются для многихъ Русскихъ религіозныя и племенныя сочувствія, на которыя впрочемъ, должно замѣтить, христіанскія народности Балканскаго полуострова и Азіятской Турціи отвѣчаютъ довольно слабо.

Поставивъ въ заголовкѣ нашей статьи слово *Азія*, мы этимъ самымъ сняли съ себя обязанность говорить о тѣхъ частностяхъ Восточнаго вопроса, которыя вытекаютъ изъ взаимодѣйствія элементовъ чисто европейскихъ, напримѣръ изъ трудносогласимыхъ стремленій Грековъ, Болгаръ, Сербовъ, Румыновъ, Венгровъ и Нѣмцевъ. Но сверхъ того, мы позволимъ себѣ пройти молчаніемъ и вопросъ о проливахъ соединяющихъ Черное Море съ Архипелагомъ, такъ какъ онъ также имѣетъ значеніе предпочтительно для Европы. Мы начнемъ прямо съ того что̀ принадлежитъ къ области отношеній вполнѣ восточныхъ, и притомъ такихъ, гдѣ Россія является стороной прямо или косвенно заинтересованною.

На первомъ мѣстѣ тутъ приходится поставить довольно важный вопросъ о *Батумскомъ портѣ*. Извѣстно что небольшая бухта эта представляетъ единственное надежное убѣжище для судовъ во всей восточной половинѣ Чернаго Моря, начиная отъ меридіана Керчи. Не только Поти, но Сухумъ, Новороссійскъ и Анапа не могутъ идти въ сравненіе съ Батумомъ, и потому для Закав-

казскаго края онъ составляетъ необходимость какъ естественныя ворота его къ сторонѣ Европы. Въ немъ доселѣ совершалась перегрузка всѣхъ предметовъ перевозимыхъ по Поти-Тифлисской желѣзной дорогѣ, причемъ къ устью Ріона ходили мелкіе пароходы съ плоскодонными баржами. Кромѣ того можно замѣтить, что Батумъ лежитъ на сѣверо-западной окраинѣ Гуріи, то есть страны заселенной соплеменниками нашихъ Гурійцевъ и вообще Грузинъ, хотя разнящимися отъ нихъ религіей. Границей распространенія этого племени къ западу обыкновенно признается впадающая близь Батума въ море рѣка Чорокъ-су, которая такимъ образомъ представляетъ естественный рубежъ между Закавказьемъ и Малою Азіей. Въ 1829 году графъ Паскевичъ такъ и направлялъ свои дѣйствія, чтобъ оставить Батумъ за Россіей; но собранные въ Адріанополѣ дипломаты смѣшали Чорокъ-су съ Чолокъ-су, и граница Россіи съ Турціей прошла на 50 верстъ къ сѣверо-востоку отъ Батума, что̀ приводило графа Эриванскаго въ совершенное удивленіе, чтобы не сказать негодованіе. Пріобрѣтетъ ли Россія Батумъ по окончаніи нынѣшней войны, это, разумѣется, вопросъ, о которомъ пока нельзя ничего сказать, хотя одинъ изъ нашихъ отрядовъ и направленъ къ этому городу. Изъ любопытнаго отчета г. Казбека мы знаемъ, что въ лежащей на юго-востокѣ отъ Батума Аджаріи есть лица сочувствующія Россіи, обучающія своихъ дѣтей русскому языку и потому столь мало внушающія довѣрія Туркамъ, что имъ запрещено было улучшать дороги въ направленіи къ русской границѣ.

На югѣ отъ Аджаріи лежитъ турецкая Арменія, которая въ этнографическомъ смыслѣ служитъ продолженіемъ губерній Тифлисской и Эриванской. О притѣсненіяхъ, оказываемыхъ Турками Армянамъ такъ много говорилось въ послѣднее время, что здѣсь незачѣмъ объ

этомъ распространяться. Довольно сказать что турецкіе Армяне подавали адресъ намѣстнику кавказскому, прося его о заступничествѣ Россіи. Сверхъ этой политической причины, турецкихъ Армянъ связываютъ съ Закавказьемъ узы церковныя. Католикосъ или патріархъ всѣхъ Армянъ живетъ въ Эчміадзинѣ, слѣдовательно въ русскихъ предѣлахъ. Наконецъ, въ Россіи Армяне принадлежатъ къ привилегированнымъ народностямъ, такъ какъ не несутъ военной повинности и успѣли захватить въ свои руки всю торговлю Кавказскаго края, поэтому естественно, они предпочли бы всѣ состоять въ русскомъ подданствѣ. Позволимъ себѣ по этому поводу сдѣлать одно замѣчаніе. Всякому извѣстно какое тяжелое бремя представляютъ для западной Россіи и Польши Евреи. Армянскій народъ въ этомъ смыслѣ нѣсколько напоминаетъ іудейскій, и сѣть его эксплуатаціи раскинулась не только на весь Кавказъ, но и на юго-восточную Россію, отъ Нахичевани до Астрахани. Излишне большое число Армянъ въ Закавказьѣ можетъ окончательно передать въ ихъ руки всю экономическую судьбу этого края въ ущербъ другимъ обитающимъ тамъ народностямъ, особенно въ ущербъ добродушному грузинскому племени, которое такъ тѣсно связало свои судьбы съ судьбами Россіи и доставило ей столько вѣрныхъ и славныхъ сыновъ въ лицѣ Багратіоновъ, Циціановыхъ и пр. Конечно и Армяне могутъ со справедливою гордостью указать на многихъ соплеменниковъ, служившихъ и служащихъ Россіи съ честью и славой: имена Мадатовыхъ, Бебутовыхъ и др. живутъ въ русской исторіи; но здѣсь мы говоримъ не объ отдѣльныхъ личностяхъ, а о массѣ промысловаго армянскаго населенія, особенно о торговцахъ, алчность которыхъ не безъ основанія пользуется печальною извѣстностью. А потому усиленіе армянскаго элемента въ русскихъ закавказскихъ владѣніяхъ не составляетъ прямаго интереса

для Россіи, и она только по стратегическимъ причинамъ и отчасти по видамъ человѣколюбія можетъ желать присоединенія Ардагана и Карса, то есть той части турецкой Арменіи, которая съ запада ограничивается хребтомъ Саганлу и его продолженіями на сѣверъ.

Къ Арменіи непосредственно прилежитъ Курдистанъ. О важности *курдистанскаго* вопроса для будущихъ судебъ передней Азіи вообще мы говорили прежде; по отношенію же къ Россіи этотъ вопросъ пока имѣетъ второстепенное значеніе, такъ какъ прочныхъ связей среди Курдовъ у насъ нѣтъ *). Нѣкоторыя попытки къ установленію такихъ связей впрочемъ были. но онѣ пока не дали большихъ плодовъ. Даже тѣ Курды, которые держатся на нашей территоріи, не всегда ведутъ себя мирно, а о турецкихъ и говорить нечего. Но если часть турецкаго Курдистана, особенно Баязидскій округъ, гдѣ есть 93.000 Курдовъ, войдетъ въ составъ Россіи, то этимъ будетъ сдѣланъ важный шагъ для опредѣленія политическаго направленія всей Курдской народности и занятыхъ ею земель, т. е., между прочимъ, странъ прилегающихъ къ Евфрату и Тигру. Замѣтимъ здѣсь что пріобрѣтеніе Россіей даже не власти, а только прочнаго вліянія надъ Курдами будетъ очень важнымъ событіемъ уже по одному тому, что заставитъ Турокъ быть гораздо внимательнѣе къ требованіямъ русской политики, такъ какъ многочисленное и воинственное племя это составляетъ одинъ изъ самыхъ безпокойныхъ разрядовъ подданныхъ султана. Но не забудемъ также что племя это

---

*) Да и не можетъ быть. Внѣ Кавказа едва ли есть въ Россіи хоть одно лицо знающее курдскій языкъ. Правда, бывшій консулъ нашъ въ Эрзерумѣ, г. Жаба, отличный знатокъ этого языка. составилъ было словарь его; но этотъ почтенный трудъ былъ забракованъ въ Петербургѣ, если вѣрить слухамъ, по рецензіи одного господина, ознакомившагося немного съ Курдами въ Ярославлѣ, гдѣ нѣкоторые изъ нихъ жили въ 1855—56 годахъ въ плѣну.

мусульманское, крайне свободолюбивое и обитающее въ горахъ, гдѣ притомъ по большей части даже не имѣетъ осѣдлостей, а кочуетъ.

Вблизи Курдовъ, а отчасти и среди ихъ живутъ разбросанно многія общины христіанъ смѣшаннаго или мало извѣстнаго происхожденія, которыя извѣстны подъ именами Несторіянъ, Якобитовъ, Халдеевъ и пр. Еслибы Россія искала систематическаго разложенія Оттоманской имперіи, то конечно она давно воспользовалась бы этими христіанскими общинами для возбужденія постоянныхъ безпорядковъ въ бассейнахъ Евфрата и Тигра, около Вана и въ Сиріи. Но до сихъ поръ судьба этихъ христіанъ мало интересовала русскую дипломатію, и даже изъ русскихъ ученыхъ и путешественниковъ лишь немногіе (Ханыковъ, Ивановъ, Малома) обращали вниманіе на этихъ единовѣрцевъ. Поэтому мы можемъ сказать что для Россіи не существуетъ вопроса о нихъ. Напротивъ того, среди ихъ неустанно работаютъ миссіонеры католическіе и протестантскіе, которые если и подготовляютъ политическое ихъ пробужденіе, то конечно не въ смыслѣ дружелюбномъ Россіи. Замѣтимъ притомъ что значительное число несторіянскихъ общинъ, подвѣдомственныхъ маръ-шимону (патріарху), живетъ не въ Турціи, а уже въ Персіи, около озера Урміи: это усложняетъ вопросъ.

На востокѣ отъ Арарата до самаго Каспійскаго моря, т. е. на протяженіи около 600 верстъ, русскія владѣнія прилегаютъ къ Персіи, и граница между ними обозначена рѣкой Араксомъ и Талышинскими горами, то-есть естественными рубежами, хорошо замѣтными. Но эти естественные рубежи не совпадаютъ съ племенными границами, такъ какъ по обѣ стороны Аракса живутъ сначала Армяне, потомъ Татары и Персіяне. Русской колонизаціи здѣсь нѣтъ вовсе, а потому приграничный край сохранилъ вполнѣ азіятскій характеръ. И еслибы Персія

была государствомъ сильнымъ, то она могла бы причинить намъ много хлопотъ своимъ вліяніемъ на мѣстное населеніе по лѣвой сторонѣ Аракса и въ Ленкоранскомъ уѣздѣ, тѣмъ болѣе что были случаи, когда это населеніе, недовольное нѣкоторыми мѣрами русской провинціальной администраціи, прямо заявляло о желаніи уходить въ персидскіе предѣлы. Противъ возможности водворенія русскихъ селеній обыкновенно приводится то, что долина Аракса выше Ордубата довольно густо населена Армянами, а ниже этого города, и особенно Худоферина, содержитъ много нездоровыхъ болотистымъ мѣстъ: но очевидно что это возраженіе слабое. Если не на самомъ Араксѣ, то въ междугорныхъ долинахъ Малаго Кавказа, въ Карабахтѣ, могутъ быть отысканы хорошія мѣста для русскихъ колоній, а приараксківя болота можно осушить. Намъ кажется что водвореніе въ здѣшнихъ мѣстахъ казаковъ съ Дона и Терека было бы особенно полезно и значительно облегчило бы рѣшеніе многихъ національно-русскихъ и даже международныхъ задачъ на пространствѣ между Араратомъ и Каспіемъ. Одно возникновеніе русскаго скотоводства въ Муганской степи, куда теперь ежегодно являются персидскія стада, много упростило бы русско-персидскія отношенія.

На почвѣ русской и персидской Арменіи недавно зародился и еще одинъ международный вопросъ, очень важный для Россіи, вопросъ *русско-персидской желѣзной дороги*. Извѣстно что хотя Поти-Тифлисскій рельсовый путь и направилъ часть транзита въ Персію чрезъ Тифлисъ, но далеко не въ такой степени какъ бы было желательно, потому что на дорогѣ изъ Трапезунда въ Тавризъ чрезъ Эрзерумъ и Хой все еще можно встрѣчать большіе караваны, везущіе англійскіе продукты въ Персію. Явленіе это и будетъ неизмѣнно повторяться, пока отъ Тифлиса не пройдетъ желѣзная дорога въ Та-

вризъ. Какъ провести эту дорогу, мы не будемъ здѣсь разбирать. Каждое изъ двухъ предложенныхъ направленій, на Эривань-Джульфу и на Елизаветополь-Асландузъ, имѣетъ свои выгоды и недостатки, и если устройство пути отъ Тифлиса до Асландуза технически проще, то Джульфинская линія имѣетъ важныя стратегическія и политическія преимущества, сближая съ Тифлисомъ Эривань, Эчміадзинъ и Александрополь. Очень возможно что со временемъ осуществятся обѣ дороги, такъ что Тавризъ будетъ связанъ и съ Чернымъ моремъ у Поти-Батума, и съ Каспійскимъ у Баку. Какъ Русскіе, мы въ правѣ желать чтобъ устройство такой рельсовой сѣти на перешейкѣ между Понтомъ и Каспіемъ совершилось на обоихъ берегахъ Аракса подъ нашимъ вліяніемъ, но должны признаться что вѣроятности къ этому мало, и что притомъ, если въ дѣло вмѣшаются Англичане, то даже Джульфо-Тавризская линія (всего 110 верстъ) или попадетъ къ нимъ въ руки, или не осуществится совсѣмъ.

Это послѣднее замѣчаніе мы основываемъ не только на общей идеѣ о соперничествѣ Англіи съ Россіей въ Передней Азіи, но и на томъ болѣе конкретномъ фактѣ, который представляетъ концессія, данная въ 1872 году Персидскимъ правительствомъ англичанину Рейтеру на постройку всѣхъ вообще желѣзныхъ дорогахъ въ Персіи. Правда, концессія эта не осуществилась и въ настоящее время забыта; но она показываетъ что Англичане стараются захватить устройство сообщеній въ Персіи большею предусмотрительностью и ловкостью, чѣмъ мы. Ими же устроенъ и такъ-называемый индо-персидскій телеграфъ, который составляетъ предпріятіе вполнѣ международное, потому что телеграфная линія проходитъ не только чрезъ Персію, но и чрезъ цѣлый рядъ другихъ странъ, между прочимъ чрезъ Россію. Съ нашей стороны, впрочемъ, была сдѣлана попытка добиться отъ Персіянъ

права на сооруженіе Джульфо-Тавризской желѣзной дороги, и кажется что г. Фалькенгагенъ, который брался за это дѣло, былъ хорошо принятъ персидскимъ правительствомъ; но дѣло все-таки кончилось ничѣмъ, какъ и дѣло о самой Джульфо-Тифлисской дорогѣ, которая предназначена къ постройкѣ, но очевидно можетъ возникнуть только чрезъ многіе годы.

Намъ впрочемъ и нѣтъ особенной надобности хлопотать объ исключительно желѣзно-дорожномъ транзитѣ чрезъ Кавказъ европейскихъ товаровъ. Когда будетъ сооружена Тифлисско-Бакинская, т. е. чисто-русская линія, тогда она сама собою станетъ международнымъ путемъ для европейскихъ грузовъ отправляемыхъ въ Персію. Хотя при этомъ провозѣ и потребуются двѣ лишнія перегрузки, на суда и съ судовъ, въ Каспійскомъ морѣ, но все же направленіе товаровъ этимъ путемъ будетъ несравненно выгоднѣе чѣмъ караванною дорогой на Эрзерумъ и Тавризъ. Не говоря про дешевизну, тутъ выиграются: сохранность тюковъ, скорость ихъ перевоза, а главное, срочность доставки, такъ какъ на Каспійскомъ морѣ у насъ есть пароходы, уже нынѣ дѣлающіе періодическіе рейсы изъ Баку къ сѣвернымъ берегамъ Персіи.

Коснувшись такимъ образомъ вопроса о международныхъ русско-персидскихъ сообщеніяхъ чрезъ Кавказъ и до *Каспійскаго пароходства*, мы должны сказать нѣсколько словъ въ частности объ этомъ послѣднемъ. По договорамъ Россіи съ Персіей послѣдняя не можетъ держать на водахъ Каспія военнаго флота; ея судоходство на этихъ водахъ охраняется русскими военными кораблями, да въ настоящее время, когда морскіе разбои Туркменъ сдѣлались невозможны, и не нуждается въ такой охранѣ. Русскія купеческія суда очевидно нуждаются въ ней еще менѣе, потому что Каспій теперь сталъ мирнымъ внутренно-русскимъ озеромъ. Тѣмъ не менѣе Россія держитъ въ этомъ водоемѣ военную флотилію, да еще

можетъ распоряжаться, для военныхъ цѣлей, значительнымъ паровымъ флотомъ торговой компаніи «Кавказъ и Меркурій». Очевидно что эта флотилія и эти пароходы могутъ имѣть одно политическое значеніе: быть готовою транспортною эскадрой для перевозки русскихъ войскъ въ одну изъ мѣстностей сѣверной Персіи въ случаѣ разрыва съ послѣднею. Но если это такъ, если даже суда частной компаніи открыто признаются имѣющими стратегическое назначеніе, то позволительно желать чтобъ этому назначенію не противорѣчила сама организація пароходнаго дѣла. Между тѣмъ мы видимъ нынѣ, что большая часть экипажей на пароходахъ общества «Кавказъ и Меркурій» состоитъ изъ персидскихъ подданныхъ; а это въ случаѣ русско-персидской войны можетъ повести къ важнымъ послѣдствіямъ, на которыя уже и указалъ англійскій генералъ Кенингемъ, спеціально изучавшій военныя силы и средства Россіи на Кавказѣ и Каспіѣ. Намъ кажется что, нисколько не нарушая дружественныхъ международныхъ отношеній къ Персіи, Россія могла бы обязать свою торговую компанію имѣть на русскихъ пароходахъ матросовъ изъ русскихъ уроженцевъ, такъ какъ безъ этого условія въ военное время можно остаться совсѣмъ безъ транспортнаго флота или, по крайней мѣрѣ, безъ возможности плавать на немъ.

Этотъ «матросскій» вопросъ впрочемъ принадлежитъ болѣе къ области внутренней политики Россіи, чѣмъ къ сферѣ международной. Но на Каспіѣ есть еще одинъ любопытный вопросъ, относящійся къ области столько же морскаго, какъ и территоріальнаго международнаго права. Разумѣемъ *вопросъ объ Ашуръ-аде.* Въ 1830—40-хъ годахъ пиратскіе подвиги закаспійскихъ Туркменовъ были еще на столько опасны для Персіянъ, а отчасти и для Русскихъ, что правительство наше нашлось въ необходимости устроить (въ 1842) постоянную станцію для воен-

ныхъ кораблей въ юго-восточномъ углу Каспійскаго моря. Для основанія этой станціи былъ избранъ, какъ бы предназначаемый къ тому самою природой, островокъ Ашуръ-аде, при входѣ въ Астрабадскій заливъ. Возникшія на немъ зданія для жилищъ морскихъ чиновъ и для складовъ разнаго рода принадлежатъ Россіи; но почва острова безспорно персидская. Одна корреспонденція съ этого острова шутливо замѣчала, что «смущаться тутъ нечего, ибо фактъ этотъ доказываетъ только, что ни Гефтеръ, ни Филлиморъ еще не исчерпали всѣхъ пучинъ международнаго права, которое, что̀ бы тамъ ни дѣлали, все же есть право, а не *das Faustrecht*». Вѣроятно подъ вліяніемъ насмѣшки заключающейся въ этихъ словахъ, нѣкоторые изъ нашихъ соотечественниковъ оказались настолько щепетильны и въ то же время непроницательны, что готовы были требовать уничтоженія Ашурадинской станціи. Но станція эта имѣетъ слишкомъ серіозную важность, чтобъ ею можно такъ легко поступиться. Довольно будетъ замѣтить что наши политическіе противники въ Средней Азіи, Англичане, придаютъ ей огромное стратегическое значеніе, какъ по опорному пункту для дѣйствій Россіи не только на Персію, но на Туркменію и Афганистанъ. И они не ошибаются. Если когда-нибудь Россія примкнетъ въ Туркестанѣ къ своимъ естественнымъ гранямъ, Альбурсу и Гиндукушу, то Ашуръ-аде будетъ тѣмъ узломъ, который свяжетъ западную часть закаспійской окраины съ Закавказьемъ. Чрезъ него будутъ происходить сношенія Тифлиса, Баку и Астрахани съ тѣми русскими колоніями, которыя возникнутъ на югѣ Туркменіи. А что такой порядокъ вещей не нравится Англичанамъ, которые боятся что Россія положитъ предѣлъ высасыванію ими богатствъ изъ Индіи и придетъ туда чрезъ Астрабадъ и Гератъ, то тѣмъ лучше, и русскіе люди могутъ только желать, чтобы подобныхъ, страшныхъ

для Англіи, точекъ, какъ Ашуръ-аде, было въ нашей власти побольше. Стремленіе овладѣть Индіей было бы съ нашей стороны политическою неразумностью; но имѣть ключи отъ нея въ своихъ рукахъ для насъ составляетъ историческую необходимость и положительную пользу.

Переправясь съ Ашуръ-аде на твердую землю, лежащую восточнѣе его, мы встрѣчаемъ болотистую долину рѣки Кара-су, которой русло обозначаетъ собою сѣверный предѣлъ Персіи и южный Туркменіи. Какимъ образомъ случилось что въ замѣнъ того въ 1869 году нами добровольно, безъ всякаго домогательства Персіянъ, граница эта *de jure* перенесена на Атрекъ, объ этомъ современемъ разскажетъ исторія. Съ своей стороны укажемъ только оригинальный фактъ, что въ 1875 году, т.-е. чрезъ шесть лѣтъ послѣ основанія Красноводска, въ нашемъ посольствѣ въ Тегеранѣ не было съ достовѣрностью извѣстно, какая рѣка течетъ сѣвернѣе, Гюргень или Атрекъ. Но оставимъ въ сторонѣ всѣ эти событія прошлаго времени, чтобъ остановиться на настоящемъ. И потому прежде всего замѣтимъ, что объявленіе русско-персидскою границей рѣки Атрека создало не существовавшій прежде и весьма сложный международный вопросъ о земляхъ по берегамъ этой рѣки. Извѣстно, что на низовьяхъ ея и сосѣдней Гюргени держатся Туркмены, племени Іомудовъ, которое мѣстами имѣетъ постоянные аулы, большею же частію кочуетъ. Восточнѣе Іомудовъ по верховьямъ Гюргени живутъ почти сплошь осѣвшіеся Гокланы, которые признаютъ власть Персіи; по верховьямъ же Атрека, за Бишъ-калою, начинаются земли Хоросанскихъ Курдовъ, у которыхъ есть города и деревни, въ родѣ Буджнурда, Кабушана, Ширвана, Мухамедъ-абада и пр. Курды эти управляются вассальными Персіи родовыми ханами, и Атрекъ разрѣзываетъ ихъ владѣнія надвое, такъ что еслибъ осуществить буквально смыслъ на-

шей програмы 1869 года, то пришлось бы нѣкоторыхъ изъ этихъ хановъ сдѣлать двоеданцами Россіи и Персіи, что представляетъ политическій абсурдъ. Но не меньшій абсурдъ представляетъ и судьба Іомудовъ уже постигшая ихъ. Люди эти зимуютъ южнѣе Атрека, гдѣ есть достаточно густыя травы; съ весной же они переходятъ на сѣверный берегъ этой рѣки и тамъ проводятъ около восьми мѣсяцевъ. Въ первомъ случаѣ они являются персидскими подданными, во второмъ русскими, причемъ платятъ намъ подати. Такой порядокъ вещей, нѣсколько напоминающій прежнихъ алтайскихъ Калмыковъ-двоеданцевъ, очевидно не можетъ быть долго терпимъ, и задача о томъ какъ изъ него выбраться составляетъ *вопросъ атрекскій*.

Въ первой части нашего труда мы упоминали уже о вопросѣ *мервскомъ*, гдѣ дѣло идетъ о стремленіи Англичанъ подчинить низовья Мурхаба если не Персіи, то Афганистану, лишь бы они не достались Россіи. Замѣтимъ здѣсь, безъ всякихъ заднихъ мыслей, что еще не очень давно Мервь входила въ число вассальныхъ владѣній Хивинскаго хана, такъ что если не признавать за тамошними Текинцами права на политическую самостоятельность, то вассальный намъ ханъ Мухамедъ-Рахимъ можетъ столько же претендовать на господство надъ низовьями Мурхаба, какъ и персидскій шахъ Насръ-Эддинъ. Афганцы же положительно никогда не владѣли Мервью и даже на верховьяхъ Мурхаба прямой власти ихъ не было, а была развѣ косвенная, вслѣдствіе того что живущіе тутъ Джемшиды и другія Чахаръ-аймакскія племена экономически тяготѣютъ къ Герату, какъ ближайшему промышленному центру. Хивинскій посолъ, ѣздившій въ 1871 году въ Индію, прямо свидѣтельствуетъ, что афганскія владѣнія начинаются лишь отъ Кушка, въ двухъ переходахъ отъ Герата; слѣдовательно, перенесеніе ихъ границы къ сѣверу, на параллель Се-

рахса, есть чистое недоразумѣніе или, можетъ-быть, разчетъ англійскихъ картографовъ, которымъ безмолвно подражаютъ и нѣкоторые изъ нашихъ. Мы думаемъ что когда съ одной стороны русскія селенія или хоть укрѣпленія возникнутъ у сѣверной подошвы Кепетъ-дага, въ землѣ находящихся уже подъ нашимъ вліяніемъ Ахалъ-Текинцевъ, а съ другой русское пароходство придастъ торговое значеніе Чарджую на Оксѣ, тогда мервскіе Текинцы безъ особаго затрудненія поддадутся вліянію Россіи, но не Афганистана и Персіи. Это будетъ не болѣе какъ повтореніе того явленія, которое мы наблюдали 12—15 лѣтъ назадъ, когда подъ совокупнымъ вліяніемъ Алматовъ и Перовска смирялись зачуйскіе Киргизы, столь же знаменитые тогда своими хищничествами и воинственностью какъ въ наше время мервскіе Туркмены-Теке. Только хвастливая недобросовѣстность можетъ увѣрять, что для рѣшенія всѣхъ, часто весьма мелкихъ средне-азіятскихъ вопросовъ нужны большія экспедиціи, кровавыя битвы, штурмы, даже правильныя осады. Все это,—да будетъ намъ позволено сказать,—если и нужно, то не для Россіи и ея интересовъ, а для самихъ затѣвателей и участниковъ экспедицій. Самый большой городъ Средней Азіи, Ташкентъ, былъ взятъ штурмомъ какими-нибудь 980 русскими пѣхотинцами (еще не владѣвшими въ то время скорострѣльнымъ оружіемъ), потому что было желаніе дѣлать дѣло, а не пугать воображеніе газетныхъ читателей реляціями о преодолѣнныхъ невѣроятныхъ трудностяхъ. И въ земли Текинцевъ впервые проникъ, подъ начальствомъ Столѣтова, отрядъ всего изъ 400 человѣкъ, не побоявшійся отдалиться отъ своей базы на 217 верстъ. О смѣлыхъ движеніяхъ по Туркменіи генерала Ломакина мы уже и не говоримъ. А потому и мервскій вопросъ вовсе не долженъ быть представляемъ тѣмъ пугаломъ, которое изъ него хотятъ

сдѣлать въ Лондонѣ. Мы даже увѣрены, что какъ только русскія войска займутъ Мервь, такъ дипломатическое многописаніе объ этомъ клочкѣ земли прекратится совсѣмъ, и только въ памяти Англичанъ останется тотъ фактъ, что у Русскихъ есть не только Ашуръ-аде, но и низовья Мурхаба. Значеніе же этого факта мы позволимъ себѣ оцѣнить словами одного изъ образованнѣйшихъ нашихъ знатоковъ Средней Азіи, полковника Соболева: еслибы Россія стояла въ 1854 году на Аму-Дарьѣ и въ южной Туркменіи, то никогда Англія не отважилась бы начать Восточную войну.

Гораздо важнѣе мервскаго вопроса представляется намъ, по трудности рѣшенія, *хивинскій*. Конечно, занять Хиву теперь очень легко безъ большихъ военныхъ экспедицій; но весьма не легко отвѣтить на вопросъ: какія будутъ изъ того послѣдствія? Прежде всего, разумѣется, прибудетъ число сомнительныхъ подданныхъ, потомъ нужно имѣть въ виду, что разоренное Хивинское ханство едва ли дастъ много доходовъ, особенно если принять въ разчетъ что для охраненія его придется усилить войска, нынѣ находящіяся на низовьяхъ Аму-Дарьи. Это, слѣдовательно, будетъ просто увеличеніе туркестанскаго дефицита, который и безъ того лежитъ тяжелымъ бременемъ на государственномъ казначействѣ. Кромѣ того, съ переходомъ на лѣвый берегъ Аму-Дарьи мы станемъ лицомъ къ лицу съ Туркменами, отъ которыхъ Хива нынѣ заслоняетъ Аму-Дарьинскій отдѣлъ. Начнется, пожалуй, повтореніе нескончаемыхъ степныхъ походовъ, которые съ такою любовью предпринимались въ 1830—40 годахъ, да и позднѣе, изъ Оренбурга для усмиренія Киргизовъ (котораго конечно никогда не достигали пока степь была открыта на югѣ), но которые были очень пріятны для казаковъ, инженеровъ, подрядчиковъ и т. п. Другое дѣло, если предварительно или по крайней мѣрѣ одновременно

съ занятіемъ Хивы состоится основаніе русскихъ укрѣпленій у сѣверо-западной подошвы Кепетъ-дага: тогда едва ли даже будетъ нужно усиливать войска на низовьяхъ Аму-Дарьи, ибо Хива будетъ далеко отъ передовой линіи и слѣдовательно въ совершенномъ покоѣ. Также и вновь устраиваемая дорога изъ Красноводска въ Куня-Ургенчъ не потребуетъ тогда особыхъ прикрытій, и сѣверная часть Туркменской степи явится простымъ, мирнымъ продолженіемъ степей Киргизскихъ. Быть-можетъ даже и въ Оренбургѣ согласятся тогда на упраздненіе нѣкоторыхъ степныхъ укрѣпленій, которыхъ существованіе мотивируется незамкнутостью съ юга Усть-Урта, хотя въ сущности оно нужно едва ли только не тѣмъ тремъ разрядамъ людей, которые упомянуты выше.

Коснувшись Хивы, мы вступили въ міръ тѣхъ мелкихъ средне-азіятскихъ государствъ, которыя занимали или еще занимаютъ бассейнъ Аральскаго моря. Не безъ удовольствія можно сказать, что нынѣ сужденія нашего общества объ этихъ странахъ могутъ быть гораздо основательнѣе, чѣмъ было прежде, даже еще въ 1873 году, когда нѣкоторые изъ нашихъ спеціалистовъ по восточнымъ дѣламъ не знали что Оксъ и Аму-Дарья одно и то же, или думали что Кашгаръ лежитъ по дорогѣ изъ Ташкента въ Хиву. И хотя ни одно изъ русскихъ сочиненій о Средней Азіи не потребовалось доселѣ во второмъ изданіи, тогда какъ сочиненія американца Скайлера и англичанина Бернаби выдержали въ годъ по четыре, но все же есть основаніе думать что мы знаемъ наконецъ этотъ Туранъ, въ который первые наши изслѣдователи проникли раньше даже чѣмъ Ермакъ началъ завоеваніе Сибири. Это значительно облегчаетъ разсмотрѣніе международныхъ вопросовъ, существующихъ на туркестанскихъ нашихъ окраинахъ. Начнемъ съ Бухары, еще такъ недавно представлявшейся довольно могущественнымъ вла-

дѣніемъ, лежавшимъ по обѣ стороны Окса *). Послѣ изслѣдованій Гиссарской экспедиціи 1875 года опредѣлились ея предѣлы съ востока и юга, и мы знаемъ теперь что всѣ владѣнія эмира Мурзафара обнимаютъ не болѣе 2,000 квадратныхъ миль, изъ которыхъ по крайней мѣрѣ половина сыпучихъ песковъ и другихъ степныхъ равнинъ, а изъ остальной половины 70% занимаютъ горы, покрытыя скудною растительностью, къ культурнымъ же землямъ принадлежитъ не болѣе 120—150 кв. миль. Все населеніе ханства, считая тутъ и кочевниковъ, не можетъ превосходить полутора милліона душъ. Словомъ, это есть провинція, не превосходящая одной средней величины губерніи въ Европейской Россіи и притомъ далеко уступающая ей суммой произведеній, потому что сухой климатъ дѣлаетъ многія части страны безплодными. Что провинція эта должна рано или поздно сдѣлаться русскою, въ этомъ вѣроятно не сомнѣвается и самъ эмиръ Мурзафаръ, который, хотя еще не дошелъ до такого убѣжденія какъ хивинскій ханъ Мухамедъ-Рахимъ, уже просившій о сложеніи съ него бремени правленія, но какъ бы въ предвидѣніи будущности своего дома, поспѣшилъ отдать одного изъ своихъ сыновей въ пажескій корпусъ. Спрашивается теперь: наступилъ-ли тотъ моментъ, когда Бухара должна послѣдовать за Коканомъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ невозможенъ безъ такого мелочнаго знакомства съ ходомъ дѣлъ въ Туркестанѣ, которое возможно лишь на мѣстахъ и для котораго не даютъ достаточно данныхъ ни мѣстный журналъ, *Туркестанскія Вѣдомости*, ни отчетъ о Гиссарской экспедиціи, ни даже чуждый офиціальности трудъ Скайлера.

---

*) Въ 1850 годахъ Бухарское ханство было по крайней мѣрѣ вдвое больше и населеннѣе нынѣшняго. Эмиръ Насръ-улла-Эддинъ повелѣвалъ отъ Ходжента до Маймене; иногда овладѣвалъ даже Коканомъ.

Во всякомъ случаѣ на присоединеніе Бухарскаго ханства къ Россіи смотрятъ какъ на дѣло времени даже англійскіе журналы, понявшіе что придуманная британскими дипломатами теорія «нейтральной зоны» между Россіей и Индіей, изъ Бухары и Афганистана, есть натяжка, не осуществимая въ дѣйствительности.

Гораздо труднѣе, чѣмъ этотъ собственно *бухарскій* вопросъ, рѣшить дѣло о бывшихъ бухарскихъ, а нынѣ афганскихъ владѣніяхъ: Хулумѣ, Балхѣ, Андхоѣ и Маймене, къ которымъ должно присоединить теперь афганскія же, а прежде независимыя ханства Бадакшанъ и Кундузъ. Мѣстности эти населены Узбеками и Таджиками, немногочисленные же Афганы составляютъ въ нихъ пришельцевъ-завоевателей, нелюбимыхъ народомъ. Бухарскій эмиръ еще недавно заявлялъ свои права на Маймене и Андхой; слѣдовательно, заступя его мѣсто въ самой Бухарѣ, Россія въ состояніи будетъ имѣть юридическій предлогъ для присоединенія ихъ къ своимъ владѣніямъ. Обойтись же безъ нихъ трудно, потому что иначе не будетъ конца волненіямъ на южной окраинѣ имперіи, между Каспійскимъ моремъ и верховьями Окса. Чтобы сдѣлать эти волненія невозможными, нѣтъ другаго средства, какъ протянуть линію русскихъ осѣдлостей по сѣверному подножію Гиндукуша и Паропамиза, гдѣ только и встрѣчаются оазисы, годные для культуры. Но послѣ переговоровъ 1869—73 годовъ съ Англіей у Россіи, если не юридически, то нравственно и политически связаны руки. Съ одной стороны мы обѣщали Англичанамъ признать кабульскаго эмира безспорнымъ владѣльцемъ всѣхъ названныхъ выше мѣстностей и въ 1875 году не возражали противу завоеванія имъ Маймене. Съ другой, перешагнувъ за Оксъ, мы и независимо отъ этихъ переговоровъ, по разсчетамъ политики, должны будемъ заботиться о томъ, чтобы пріобрѣсти въ Афганахъ дру-

зей, а не враговъ. Афганскій народъ довольно многочисленъ; онъ отличается воинственностью, которой лишены другіе средне-азіятскіе народы; онъ наконецъ найдетъ сильную опору въ Англичанахъ, если будетъ затронутъ въ своихъ интересахъ Россіей. Какъ же быть? Какъ достигнуть упроченія русской власти на южной окраинѣ Туркменіи, не возбудивъ вражды Афганистана? Это вопросъ, рѣшеніе котораго мы должны предоставить будущему, причемъ вѣроятно рѣшителямъ его со стороны Россіи придется не разъ пожалѣть о томъ направленіи политическихъ дѣлъ, которое имѣло мѣсто въ наши дни, когда *южно-туркменская* проблема получила опредѣленный видъ....

Эти замѣчанія о необходимости нѣкоторыхъ новыхъ завоеваній въ Средней Азіи легко могутъ вызвать возраженія со стороны такихъ лицъ, которымъ, по общему принципу, всякое расширеніе Россіи кажется вреднымъ, особенно если оно влечетъ за собою присоединеніе земель населенныхъ малонадежными въ политическомъ смыслѣ мусульманами. «Зачѣмъ намъ Бухара, зачѣмъ Туркменія, зачѣмъ Бадакшанъ? Мы и безъ того зашли въ Средней Азіи дальше чѣмъ нужно. Одни сдѣланныя уже присоединенія вызываютъ насъ на содержаніе лишнихъ 35.000 войскъ, что̀ служитъ причиной ежегоднаго дефицита по Туркестанскому генералъ-губернаторству въ 3½ милліона рублей. Кромѣ того, они же возбуждаютъ и поддерживаютъ вражду къ намъ Англіи, что̀ неблагопріятно отзывается на нашей европейской политикѣ и на нашихъ финансахъ». Съ нѣкоторыми изъ этихъ замѣчаній нельзя не согласиться. Но законы большихъ историческихъ движеній такъ же непреложны какъ законы міра физическаго. Съ 1732 года, то-есть со времени принятія нами въ подданство Киргизовъ, въ теченіе цѣлыхъ 145 лѣтъ слышатся возраженія противу среднеазіатскихъ завоеваній.

Великая Екатерина, при которой Росссія сдѣлала такъ много пріобрѣтеній на югѣ и западѣ, сознательно не совершала ни одного шага въ направленіи къ юго-востоку, за рѣку Уралъ. Она отказала въ русскомъ подданствѣ Туркменамъ, просившимъ его; и та же политика невмѣшательства въ средпеазіятскія дѣла продолжалась въ теченіе первыхъ двадцати лѣтъ нашего вѣка. Но это была натяжка, стоившая Россіи не дешево, потому что весь Оренбургскій край и вся южная половина Западной Сибири были въ вѣчномъ страхѣ отъ средпеазіятскихъ варваровъ. Правительство должно было устраивать оборонительныя линіи въ нѣсколько тысячъ верстъ, содержать на нихъ войска и вести непрерывную войну въ самыхъ степяхъ, съ собственными номинальными подданными, Киргизами. Чтобы прекратить это разорительное номинальное подданство и сдѣлать его дѣйствительнимъ, явилась потребность въ основаніи передовыхъ линій въ степи, сначала изъ однихъ укрѣпленій, а потомъ и изъ осѣдлыхъ земледѣльческихъ колоній. И каждый разъ когда такая линія основывалась, лежавшая сзади ея умиротворялась; но сама она становилась предметомъ вящаго озлобленія Средне-Азіятцевъ, видѣвшихъ что они подпадаютъ подъ строгій надзоръ. Въ половинѣ нашего вѣка мы дошли было, наконецъ, до такого рода естественныхъ урочищъ, который давалъ возможность замкнуть Киргизскія степи съ юга, на большей части ихъ протяженія. Это именно было въ 1850-хъ годахъ, когда самыми южными точками русскихъ владѣній въ Средней Азіи были Алматы и Перовскъ, между которыми оставалось только провести линію по сѣверному подножію Каратау и Киргизнынъ-Алатау, чтобы загородить степи Оренбургскія и Сибирскія отъ вреднаго вліянія Кокана и отчасти Хивы. Все было дѣлаемо чтобы не переходить этой линіи. Генералъ Катенинъ въ Оренбургѣ заботился о развитіи на ни-

зовьяхъ Сыра земледѣлія и пароходства, чтобы новая передовая линія имѣла въ самой себѣ нужную мощь; генералъ Дюгамель въ Омскѣ заявлялъ, что онъ будетъ считать себя счастливымъ, ежели ему удастся не присоединить ни одного новаго клочка степей. И что же вышло? Еще Дюгамель не оставилъ управленія Западною Сибирью, какъ Черняевъ завоевалъ Ташкентъ; а Катенинъ даже раньше того открыто призналъ, что для Россіи не можетъ быть иной границы въ Средней Азіи какъ подножіе горъ сосѣднихъ Мешхеду и Балху. И тщетны были всѣ усилія разныхъ администраторовъ и дипломатовъ положить предѣлъ русскому движенію впередъ къ этимъ естественнымъ гранямъ, не смотря даже на то что къ этимъ лицамъ въ 1869 году присоединился англійскій таможенный чиновникъ Форситъ, а въ 1873 году англійскій же министръ Гренвиль съ цѣлою толпой покорныхъ слугъ его въ Лондонѣ, въ Калькутѣ и даже въ самомъ Петербургѣ.

Здѣсь мы позволимъ себѣ, въ развитіе и подкрѣпленіе основнаго взгляда на *туркестанскій* вопросъ, т.-е. въ доказательство необходимости русскихъ завоеваній въ Туранѣ, пока не будутъ достигнуты подножія Альбурса и Гиндукуша, привести еще слѣдующія соображенія. Значительная масса войскъ содержимыхъ нынѣ въ этой странѣ если и имѣетъ свой *raison d'être,* такъ именно въ томъ что граница Россіи въ большей части края остается на воздухѣ. Если намъ удалось установить натуральную грань къ сторонѣ Джитышара, гдѣ потому и нѣтъ почти войскъ, то совершенно иное мы видимъ къ сторонѣ Бухары и Туркменіи. Судя по тому что Англичане держатъ въ въ Индіи на 240 милліоновъ покореннаго населенія всего 190.000 солдатъ, изъ которыхъ не болѣе 64.000 собственно англичанъ, мы должны бы имѣть въ Туркестанѣ лишь нѣсколько сотъ, много развѣ тысячъ вооруженныхъ

русскихъ, разумно расположенныхъ въ важнѣйшихъ мѣстностяхъ края. Вѣдь населеніе его почти не отличается отъ населенія заволжскихъ губерній, оно не воинственно и плохо вооружено. Но эти мусульмане русскаго Туркестана — менѣе даже многочисленные, чѣмъ мусульмане Заволжья— живутъ въ сосѣдствѣ съ независимыми магометанскими владѣніями и въ этомъ вся причина постоянныхъ опасеній нашихъ за покорность ихъ нашей власти. Бухара въ особенности оказываетъ вредное вліяніе, потому что она — признанный центръ среднеазіятскаго ислама, который вмѣстѣ съ религіознымъ изувѣрствомъ сообщаетъ Узбекамъ и Таджикамъ фанатизмъ политическій противъ господства «невѣрныхъ» завоевателей. Къ ней присоединяется съ одной стороны Джитышаръ, находившійся до половины 1877 г. подъ управленіемъ энергическаго поклонника Корана, а съ другой необузданные по природѣ хищники, Туркмены, которыхъ притомъ вооружаетъ и подстрекаетъ противъ Россіи Англія. Какъ же можетъ не требоваться при такихъ условіяхъ масса войскъ въ Туркестанскомъ генералъ-губернаторствѣ? «Уничтожьте самобытность Бухары, охватите Туркменію съ юга, какъ уже охвачена Киргизская степь, и вы въ состояніи будете вывести изъ завоеваннаго края по крайней мѣрѣ половину завоевавшей его арміи. А съ этимъ выводомъ уничтожатся и туркестанскіе дефициты, особенно если будетъ приложено стараніе къ уничтоженію извѣстныхъ порядковъ».... Съ этимъ, кажется, не согласиться нельзя.

Бухара и Туркменія съ ея южными окраинами, годными для осѣдлой жизни, составляютъ все что̀ вызываетъ еще потребность русскаго завоевательнаго движенія въ Средней Азіи; всѣ остальныя за тѣмъ среднеазіятскія владѣнія могутъ быть оставлены внѣ господства русской власти не только въ ущербъ, но даже къ выгодѣ Россіи. Таковы особенно мелкія мирства: Ваханъ, Шигнанъ,

Дарванъ и Каратегинъ. Оставаясь самостоятельными, они, по ничтожеству своему и по особенному положенію въ горныхъ долинахъ, ни въ какомъ случаѣ не могутъ сдѣлаться опасными для Россіи, а между тѣмъ, владѣя проходами по верховьямъ Аму-Дарьи, онѣ загораживаютъ русскіе предѣлы отъ хищничества памирскихъ и джитышарскихъ Киргизовъ. Опасаться объединенія ихъ въ однѣхъ рукахъ пока нѣтъ основанія, потому что они управляются наслѣдственными династами, которые въ теченіе вѣковъ привыкли къ самостоятельному положенію и не захотятъ пожертвовать имъ для объединенія страны въ видахъ борьбы съ Россіей, борьбы, которой безуспѣшность не могутъ же они не предвидѣть. Притомъ немного нужно дипломатическаго искусства со стороны нашей туркестанской администраціи, чтобы прилагать къ этимъ князькамъ извѣстный принципъ: *divide et impera*, чѣмъ самымъ они охранены будутъ и отъ подчиненія какому-нибудь общему вліянію изъ-за Гиндукуша, Гималаи или Памира. Можно бы даже увеличить число этихъ мирствъ, возстановивъ самостоятельность Сириколя, какъ только владѣнія Якубъ-бека начнутъ распадаться. Имѣя на востокѣ Туркестана пять мелкихъ вассаловъ, ташкентскій генералъ-губернаторъ можетъ свободно оставлять эту часть государственной границы почти безъ обороны и держать тамъ войска только въ немногихъ пунктахъ, напримѣръ въ Маргиланѣ, Самаркандѣ и Кулябѣ. Съ этой точки зрѣнія намъ кажутся даже лишними недавнія движенія на Алай и Памиръ для подчиненія тамошнихъ Киргизовъ: пусть бы послѣдніе считались подданными Якубъ-бека и вѣроятныхъ его наслѣдниковъ, Китайцевъ, потому что тогда у насъ было бы меньше расходовъ на войска, укрѣпленія и администрацію въ странахъ бездоходныхъ.

Подвигаясь постепенно по картѣ Азіи къ востоку,

мы подошли теперь къ Джитышару и, чтобы раціонально судить о политическихъ отношеніяхъ этой страны къ Россіи, необходимо должны вспомнить ея исторію. Существующіе въ бассейнѣ Тарима города съ ихъ округами, Яркентъ, Кашгаръ, Хотанъ и пр., издавна составляли отдѣльныя владѣнія подъ управленіемъ своихъ династовъ. Въ половинѣ прошлаго вѣка они всѣ были покорены Китайцами и съ тѣхъ поръ составляли часть имперіи богдыхана. Но въ теченіе ста съ небольшимъ лѣтъ Китайцамъ пришлось убѣдиться, что владѣть такимъ безпокойнымъ и фанатическимъ населеніемъ, какъ малобухарское, въ высшей степени трудно. Безпрестанно случались бунты, и даже водвореніе нѣсколькихъ китайскихъ колонистовъ въ странѣ не послужило къ ея умиротворенію. Въ 1863 году наконецъ вспыхнуло послѣднее рѣшительное возмущеніе, которое положило конецъ владычеству Китая на пространствѣ всего бассейна Тарима и даже болѣе. Изъ всѣхъ городовъ Восточнаго Туркестана за Китайцами остался одинъ Хами; остальные же соединились подъ властью мусульманскаго правителя Джитышара (Семиградія), Якубъ-бека, который явился сначала въ видѣ начальника войскъ Безуркъ-хана, одного изъ потомковъ бывшихъ кашгарскихъ государей, а потомъ сдѣлался самъ независимымъ правителемъ обширной страны, покоренной его оружіемъ. Что Якубъ былъ человѣкъ способный и энергическій, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія; но положеніе его въ странѣ, какъ всякаго узурпатора, не могло быть прочнымъ. Понимая это, онъ искалъ упроченія своего авторитета извнѣ. Сначала эмиръ Бухарскій пожаловалъ ему титулъ аталыка-гази, заступника вѣры; потомъ Англія, взглянувшая на Джитышаръ какъ на новый рынокъ для своихъ продуктовъ и какъ на щитъ Индіи съ сѣвера, со стороны Россіи, признала аталыка уже эмиромъ. Мало того, по внушенію британской по-

литики, хитрый Кашгарскій правитель призналъ себя вассаломъ Турецкаго султана, какъ халифа всѣхъ мусульманъ, сталъ чеканить монету съ султанскимъ именемъ и получилъ средства, при содѣйствіи Турокъ и Англичанъ, устроить регулярную армію. Могущество его возрасло, и онъ пытался даже утвердить свою власть на сѣверѣ отъ Тяньшаня. Но мало-по-малу бывшіе завоеватели страны, Китайцы, начали возстановлять свою власть въ при-Тяньшаньской странѣ. Въ одной изъ битвъ, послѣдовавшихъ въ 1876 году, они разбили Якубъ-бековы войска и даже захватили одного изъ его сыновей. Нравственному авторитету его они противопоставили наслѣдственный авторитетъ Безуркъ-хана, и наконецъ смерть положила предѣлъ политической карьеры ловкаго авантюриста. Что будетъ далѣе, подъ управленіемъ сына его, въ способностяхъ котораго сомнѣвался самъ отецъ—трудно сказать. Во всякомъ случаѣ ясно, что въ данную минуту вниманіе его обращено болѣе всего на востокъ его владѣній, хотя силы свои онъ черпаетъ на западѣ.

Россія сначала не обращала никакого вниманія на Якубъ-бека и не имѣла съ нимъ никакихъ сношеній. Попытка его завести эти сношенія посылкой особаго агента въ Ташкентъ и Петербургъ, сдѣланная въ 1869 году, не привела ни къ чему. И только въ 1872 году завязались правильныя сношенія, послѣ поѣздки въ Кашгаръ капитана Каульбарса, который, разумѣется, былъ принятъ Якубъ-бекомъ съ распростертыми объятіями и успѣлъ немедленно добиться подписанія торговаго договора. Для Якубъ-бека было важно не столько содержаніе этого договора сколько самый фактъ посольства, доказывавшій что могущественная Россія наконецъ не брезгуетъ имъ и признаетъ его самостоятельнымъ государемъ. Онъ поспѣшилъ допустить русскихъ купцовъ не только въ Кашгаръ, но даже въ Яркентъ; только въ глубинѣ

души изъ всѣхъ сосѣдей онъ больше всего нелюбилъ, т. е. боялся Русскихъ. И его опасенія были не безпричинны. Россіи нѣтъ никакого основанія допускать утвержденія у своихъ среднеазіятскихъ границъ новаго; да еще воинственнаго мусульманскаго государства, находящагося въ связи съ Англіей и Турціей; для нея гораздно выгоднѣе возстановленіе во всемъ Джитшарѣ власти Китая *), который въ теченіе 188 лѣтъ сосѣдства доказалъ ей свое миролюбіе и имѣетъ много причинъ дорожить ея расположеніемъ, хотя не лишенъ возможности дѣлать ей сильный вредъ. Мы не сомнѣваемся что въ недалекомъ будущемъ этотъ взглядъ и установится окончательно во всѣхъ сферахъ нашего общества; если же онъ въ настоящее время высказывается не рѣшительно, такъ что Китайцы не поддерживаются нами открыто противу мало-бухарцевъ, то на это есть временныя причины, къ числу которыхъ прежде всего надо отнести *кульджинскій* вопросъ.

Кульджинскій округъ, составляющій верхнюю часть бассейна рѣки Или, до половины прошлаго вѣка принадлежалъ къ Джунгарскому царству, а по истребленіи Джунгаровъ Китайцами вошелъ въ составъ небесной Имперіи. Съ тѣхъ поръ онъ постепенно былъ заселенъ самыми разнородными племенами; Дунганами, Калмыками, Китайцами, Киргизами, Сибо, Солонами и Таранчами, долею осѣдлыми, долею кочевыми. Часть этого населенія исповѣдывала исламизмъ, часть ламаизмъ наконецъ нѣкоторые были послѣдователями Конфуція или же христіане.

---

*) Скайлеръ думаетъ что Россія должна будетъ сама покорить Джитышаръ; но это было бы несчастіемъ для нея, потому что она вышла бы изъ прекрасныхъ естественныхъ границъ и притомъ въ страну бѣдную отъ природы, открытую съ востока для вторженія хищныхъ Монголовъ и Тангутовъ и населенную весьма безпокойными мусульманами, которыхъ легко волновать изъ-за Гималая.

Ни религіозныхъ, ни политическихъ, ни соціальныхъ узъ, достаточно прочныхъ, между этими людьми не было, и какъ мусульмане оказались въ большинствѣ, то въ 1864 году они свергли китайскую власть, перерѣзали Китайцевъ и основали особое владѣніе подъ управленіемъ избраннаго султана. Сосѣдство этого мусульманскаго владѣнія съ нашимъ Семирѣчьемъ не мало причиняло намъ непріятностей, требовало постояннаго присутствія на границѣ военныхъ отрядовъ и покровительствовало безпорядкамъ среди Киргизовъ. Поэтому въ 1871 году рѣшено было прекратить бытіе этого эфемернаго государства, тѣмъ болѣе что оно стало уже сближаться съ Джитышаромъ. Но собираясь завоевать Кульджу, мы вовсе не думали о присоединеніи ея и, признавая Илійскій округъ законнымъ достояніемъ Китая, извѣстили Китайское правительство о намѣреніи нашемъ и даже предложили ему выслать отрядъ какъ для совокупныхъ дѣйствій съ нами по завоеванію, такъ и для пріема потомъ Кульджи подъ власть Китая. Къ несчастію Китайцевъ у нихъ не было въ это время свободныхъ войскъ въ Джунгаріи. Покореніе Кульджи состоялось при посредствѣ однихъ нашихъ войскъ, и съ тѣхъ поръ она осталась за нами если не *de jure*, то *de facto*. Китайское правительство, разумѣется, очень недовольно этимъ; мѣстный цзянь-цзюнь чуть не каждый мѣсяцъ спрашиваетъ у нашихъ пограничныхъ властей, когда же мы отдадимъ Кульджу? и постоянно получаетъ въ отвѣтъ: «когда вы прочно утвердитесь на пути туда изъ Пекина», на что̀ можетъ потребоваться много лѣтъ, ибо одна часть этого пути, вблизи Тяньшаня, легко можетъ подвергаться нападеніямъ мало-бухарцевъ, а другая до конца прошлаго года была занята Дунганами манасинскими и урумційскими. Замѣтимъ при этомъ что хотя съ нашей стороны не было офиціальнаго заявленія о присоединеніи Кульджи къ Россіи, но до города этого

проведенъ телеграфъ, устроена почта, а въ немъ самомъ есть уже русскіе дома и церковь; округъ раздѣленъ на участки, управляемые русскими офицерами, и всѣ жители платятъ подати въ русскую казну. Кромѣ того, чрезъ мѣсяцъ по завоеваніи въ Кульджу пріѣзжалъ изъ Петербурга генералъ Богуславскій и тогда же объявилъ ненавидѣвшему китайское владычество народу, что онъ не будетъ выданъ Китайцамъ. Въ заключеніе странностей представляемыхъ этимъ злополучнымъ *) кульджинскимъ вопросомъ, мы должны прибавить что жители округа, сначала встрѣтившіе насъ съ распростертыми объятіями мало-по-малу, по мѣрѣ ознакомленія съ нашими порядками, начали уходить за границу, «не выдерживая недоступнаго для ихъ пустыхъ головъ и кармановъ напора цивилизаціи», какъ гласила одна мѣстная корреспонденція.

Впрочемъ, существуетъ мнѣніе, и быть-можетъ не лишенное основанія, что кульджинскій вопросъ могъ бы быть улаженъ даже безъ уступки обратно Китаю Илійскаго округа, который географически составляетъ одно цѣлое съ нашимъ Семирѣчьемъ и совершенно отдѣленъ отъ китайской Джунгаріи большими горами. Мнѣніе это состоитъ въ томъ чтобъ отдать китайцамъ въ замѣнъ Кульджи Зазайсанскій край, при чемъ подлежащая охранѣ граница наша прошла бы по меридіану Хабаръ-асу, прямо къ западному концу Зайсана, такъ что вмѣсто 500 верстъ длины она имѣла бы не болѣе ста. У восточнаго конца Зайсана при этомъ могла бы быть сдѣлана также не-

---

*) Позволяемъ себѣ употребить этотъ эпитетъ, между прочимъ, потому что кульджинское дѣло послужило поводомъ къ выѣзду изъ Пекина, а потомъ и къ выходу въ отставку одного изъ достойнѣйшихъ дипломатовъ нашихъ, генерала Влангали, который сначала обязанъ былъ приглашать Китайцевъ къ принятію отъ насъ Кульджи, а потомъ чрезъ мѣсяцъ, объявить имъ, что мы оставляемъ этотъ городъ за собою на неопредѣленное время, вслѣдствіе чего его положеніе въ столицѣ богдыхана стало невыносимо.

большая территоріальная перемѣна чрезъ присоединеніе къ нашимъ владѣніямъ устьевъ Чернаго Иртыша, гдѣ имѣются наши рыболовные промыслы. Уступая около 400 квадр. миль и южный берегъ богатаго рыбой озера и оказавъ, сверхъ того, дѣятельную помощь Китайцамъ въ ихъ борьбѣ съ Джитышаромъ (хотя бы только продовольствіемъ и оружіемъ), мы могли бы склонить ихъ разъ навсегда отказаться отъ Кульджи, гдѣ населеніе ихъ не любитъ. При такой комбинаціи граница наша сократилась бы на 400 верстъ и слѣдовательно наблюденіе за ней для обѣихъ сторонъ сдѣлалось бы легче, да и племенные рубежи болѣе совпадали бы съ политическими, тогда какъ теперь Киреи и другіе призайсанскіе Киргизы имѣютъ отчасти свои лѣтовки въ одномъ государствѣ, а зимовки въ другомъ. Въ Семирѣчье получило бы съ востока отличную естественную границу въ видѣ горъ Алатау и Ирень-Хабирганъ, чрезъ которыя есть едва 7—8 проходовъ, такъ что наблюденіе за перебѣжчиками тутъ очень легко. Возможность осуществленія этой комбинаціи образуетъ вопросъ *джунгарскій.*

Мы не будемъ слѣдить за множествомъ мелкихъ пограничныхъ вопросовъ, существующихъ на пространствѣ между Тарбагатаемъ и Усури и болѣе интересныхъ для мѣстныхъ пограничныхъ начальствъ чѣмъ для правительствъ Китая и Россіи. Если тутъ можно что-либо отнести къ большей международной сферѣ, такъ это вопросъ о правахъ обоюдныхъ подданныхъ на *свободу торговли.* Фактически эта торговля установилась въ нѣсколькихъ мѣстахъ, напримѣръ въ Булунь-Тохоѣ, на верховьяхъ Чуя, въ Кобдо, въ Ургѣ, въ Верхнеудинскѣ и т. п., но за неопредѣленностью ея условій она часто встрѣчаетъ препятствія со стороны мѣстныхъ полицейскихъ властей, большею частію узко понимающихъ національные интересы. Такъ наши караваны, проникавшіе иногда даже въ Гу-

чень, Баркуль и Улясутай, не разъ терпѣли тамъ притѣсненія отъ китайскихъ чиновниковъ, подстрекаемыхъ туземными купцами или побуждаемыхъ духомъ корысти. Также и Китайцы жалуются на обращеніе съ ихъ торговцами въ Забайкальѣ и въ другихъ мѣстностяхъ Азіятской Россіи, куда они поэтому неохотно проникаютъ. Весьма полезно было бы охранить интересы сухопутной русско-китайской торговли обстоятельнымъ торговымъ трактатомъ, давъ ему самыя либеральныя основанія. Двѣ обширныя имперіи, у которыхъ такъ много общихъ историческихъ задачъ, ничѣмъ бы такъ не упрочили своей политической дружбы какъ этими свободными коммерческими связями *). При этомъ обозначились бы и безспорно выгоднѣйшіе пути для большой торговли между Россіей и Китаемъ, которые теперь иногда сочиняются въ кабинетахъ, какъ напримѣръ Семипалатинско-Ханькоуская дорога, на которой чаи вынуждены бываютъ ѣхать не менѣе 4200 верстъ на вьюкахъ, пересѣкать Гоби по діагонали, и которая все-таки находитъ исключительное покровительство у нѣкоторыхъ начальствующихъ лицъ, не затрудняющихся снабжать караваны вооруженнымъ прикрытіемъ, стоящимъ денегъ казнѣ. Упрочилось бы, вѣроятно, и спокойствіе купцовъ-товаровладѣльцевъ, которые теперь нерѣдко стѣсняютъ до крайности свои обороты, чтобы не терпѣть сразу большихъ убытковъ отъ разныхъ случайностей, не предвидѣнныхъ существующими постановленіями.

Вмѣстѣ съ заключеніемъ торговаго договора могъ бы быть разсмотрѣнъ и рѣшенъ вопросъ о *консульствахъ*, ко-

---

*) Можно бы напримѣръ безъ труда допустить китайское судоходство на Селенгѣ, на Шилкѣ, на нижнемъ Амурѣ; тогда вѣроятно и Китайцы не мѣшали бы намъ плавать по Сунгари. Стоило бы уничтожить, по обоюдному согласію всѣ таможни, доходы съ которыхъ едва покрываютъ содержаніе таможенныхъ чиновниковъ, устроить порядочные дороги черезъ границу, и пр.

торыхъ Россія имѣетъ въ сосѣднихъ провинціяхъ Китайской имперіи всего два (въ Ургѣ и Чугучакѣ, изъ которыхъ послѣднее номинально), а Китай въ Россіи ни одного. Конечно, торговые обороты между обоими государствами нынѣ не велики, но они могутъ возрасти, притомъ же консулы на востокѣ, какъ извѣстно, важны нестолько какъ судьи въ спорныхъ денежныхъ дѣлахъ, сколько какъ защитники личности своихъ соотечественниковъ противу произвола мѣстныхъ властей и населеній. Мы часто читаемъ о притѣсненіяхъ дѣлаемыхъ нашимъ торговцамъ въ городахъ Джунгаріи и западной Монголіи, а между тѣмъ офиціальныхъ заступниковъ у нихъ въ этихъ городахъ нѣтъ. И пока ихъ тамъ не будетъ, нельзя разсчитывать и на расширеніе торговли, за которую теперь русскіе купцы берутся не охотно. Особенно важно бы для насъ имѣть консуловъ въ Кобдо и Урумци, какъ такихъ пунктахъ западной Монголіи, гдѣ можетъ быть значительная русская торговля. То же еще съ бо̀льшимъ основаніемъ можно сказать про Калганъ, гдѣ уже есть русскіе торговые дома; но къ сожалѣнію Китайское правительство едва ли можетъ согласиться на открытіе тамъ русскаго консульства, потому что тогда пришлось предоставить то же Англіи и Франціи, изъ которыхъ первая воспользовалась бы этимъ для тайнаго возбужденія Монголовъ противу Китая, а вторая — для поддержки разныхъ продѣлокъ католическихъ миссіонеровъ, которые довольно многочисленны въ южной Монголіи.

На крайнемъ востокѣ русско-китайской границы, въ Южно-Усурійскомъ краѣ, существуетъ любопытный международный вопросъ о манзахъ. Извѣстно что подъ этимъ именемъ разумѣются китайскіе выходцы (Мань-цзы), которые, въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ, живутъ въ странѣ между озеромъ Ханкаемъ, заливомъ Петра Великаго и параллелью рѣки Нимани (46^0). Это большею ча-

стію холостяки изъ бѣглыхъ преступниковъ и бездомныхъ бродягъ, которые давно бы вымерли, еслибы не пополнялись въ числѣ новыми подобными же выходцами. Русское правительство ихъ своими подданными не признаетъ и на этомъ основаніи не вноситъ въ разрядъ людей платящихъ подати; оно желало бы даже вовсе удалить ихъ съ своей территоріи, какъ элементъ разврата и безпорядковъ, но не можетъ пока этого сдѣлать по обширности занятаго ими края, разбросанности ихъ мелькими селеніями и отдѣльными фермами среди лѣсовъ и отчасти потому, что съ удаленіемъ ихъ исчезъ бы классъ людей нынѣ доставляющихъ Южно-Усурійскому краю скотъ, хлѣбъ, овощи и т. п. Лучше всего было бы условиться съ Китаемъ о строгомъ наблюденіи за недопускомъ подобныхъ людей на русскую почву; но это едвали удастся. Во-первыхъ, Мань-цзы суть бродяги, уклоняющіеся изъ подъ надзора китайскихъ властей, а во-вторыхъ, послѣднія, повидимому, сами не теряютъ надежды, рано или поздно вернуть отъ насъ драгоцѣнную мѣстность между устьемъ Тумень-улы, Ханкаемъ и заливомъ Владиміра, — которая даетъ выходъ Маньджуріи къ Японскому морю, причемъ Мань-цзы могутъ оказаться полезными для китайскаго дѣла. Мы не боимся впасть въ преувеличеніе, если скажемъ, что этотъ *манзовскій* вопросъ есть одинъ изъ важнѣйшихъ для всей будущности Азіятской Россіи, хотя онъ и имѣетъ пока скромные размѣры. Особенная важность его обусловливается тѣмъ, что Китайцы въ этихъ мѣстахъ всегда могутъ быть сильнѣе Русскихъ, и что притомъ въ случаѣ открытія борьбы съ Россіей они могутъ найти поддержку извнѣ, хотя бы дажо со стороны Англичанъ, которымъ утвержденіе Россіи на берегахъ Тихаго Океана, богатыхъ прекрасными гаванями, въ высшей степени непріятно.

Манзовскій, торговый, джунгарскій и мало-бухарскій вопросы уже наводятъ насъ на руководящую идею, которую казалось бы должна преслѣдовать наша политика по отношенію къ Китаю. Но мы попробуемъ стать на еще высшую точку зрѣнія, чтобы доказать, что эта политика должна быть основана на самой тѣсной дружбѣ и на взаимной поддержкѣ въ случаяхъ важной опасности извнутри или извнѣ. Два врага есть у Китая, неумолимые, ищущіе его разрушенія: Англичане и Средне-Азіятцы, особенно мусульманской вѣры; съ тѣми же врагами считается и Россія, явно и тайно. Горе будетъ, если которому-нибудь изъ нихъ удается одолѣть одну изъ двухъ сосѣднихъ азіятскихъ имперій: другая въ непродолжительномъ затѣмъ времени изнеможетъ сама собою. Для убѣжденія въ этомъ допустимъ что Китай, борясь съ Англіей, лишился бы возможности поддерживать свою власть въ застѣнныхъ владѣніяхъ: Монголіи, Джунгаріи, Восточномъ Туркестанѣ, Тибетѣ; тяжкая обязанность держать въ порядкѣ этотъ варварскій міръ легла бы сполна на Россію, а мы знаемъ чего стóитъ порядокъ въ нашихъ степяхъ даже теперь, когда онѣ втрое меньше и замкнуты съ юго-востока цѣпью китайскихъ колоній или большими естественными преградами, въ родѣ Тянь-шаня. То же самое, и еще въ болѣе грозныхъ размѣрахъ, случилось бы съ Китаемъ, еслибы Россія вынуждена была бросить свои средне-азіятскія владѣнія и удалиться отъ предѣловъ Джунгаріи и Туркестана: наслѣдовать ей было бы некому кромѣ Китайцевъ, либо какого-нибудь новаго Тамерлана, который опустошилъ бы и Азію, и Европу. Мы знаемъ, что многими послѣднее явленіе считается невозможнымъ; они полагаютъ, что цивилизація уже сковала навсегда средне-азіятскихъ варваровъ желѣзнымъ кольцомъ, что для нихъ нѣтъ другаго исхода, какъ мирное политическое ничтожество подъ эгидой Россіи или Китая;

но въ томъ-то и дѣло что тутъ подразумѣваются Китай и Россія достаточно сильными. А если?.... Вотъ почему съ полнымъ сознаніемъ важности дѣла мы повторимъ: все должно быть употреблено нами, чтобы поддержать и даже усилить дружбу съ Китайцами, этимъ народомъ хотя своеобразнаго, но давняго образованія, народомъ состоящимъ изъ четырехсотъ милліоновъ душъ и могущимъ принести намъ огромныя услуги въ трудныхъ случаяхъ нашей исторической жизни. Теперь очередь услугъ за нами, — мы должны содѣйствовать возстановленію китайской власти въ Джунгаріи и Малой Бухаріи. Но не далеко, можетъ быть, время, когда и Китай сослужитъ намъ важную службу, принявъ на себя часть ударовъ направленныхъ противу насъ съ Запада, хотя при этомъ онъ и будетъ дѣйствовать исключительно въ собственныхъ интересахъ.

Между Россіей и Кореей нѣтъ сношеній, а потому нѣтъ и международныхъ вопросовъ, тѣмъ болѣе что пріемъ нами корейскихъ выходцевъ прекращенъ, а принятые уже водворены довольно далеко отъ границы и не имѣютъ связи со своимъ отечествомъ. Также и въ послѣдствіи, когда Корея станетъ доступною для всѣхъ народовъ, мы едва ли будемъ имѣть поводы для столкновеній съ нею, потому что граница между двумя государствами очень коротка (тридцать пять верстъ) и обозначена естественнымъ рубежомъ, лучше котораго нельзя желать именно для мирныхъ цѣлей. Такую же надежду на мирную будущность позволяютъ имѣть и тѣ территоріальныя и другія условія, которыя существуютъ у насъ относительно Японіи. И если право Японцевъ, ловить рыбу у береговъ Сахалина, оставшееся за ними по договору 1875 года, можетъ иногда послужить поводомъ къ какимъ-нибудь столкновеніямъ, то совершенно мѣстнымъ; а затѣмъ оба государства имѣютъ всѣ основанія жить въ постоянной

дружбѣ, которой даже могутъ помогать высокомѣрныя отношенія, какія имѣютъ къ Японіи нѣкоторыя большія западо-европейскія государства.

Такимъ образомъ мы прослѣдили всѣ тѣ международные вопросы, въ которыхъ пока замѣшаны Россія и другія азіятскія націи. Но у первой есть еще два вопроса на моряхъ омывающихъ азіятскій материкъ съ востока; это именно: вопросъ *о рыбныхъ и звѣриныхъ промыслахъ* и вопросъ *о сношеніяхъ иностранцевъ съ русскими подданными сѣверо-восточной Сибири*. До уступки Курильскихъ островов Японіи нѣкоторыя лица въ нашемъ обществѣ открыто заявляли претензію на то, что Охотское море есть внутреннее море Россіи, гдѣ не должны быть терпимы чужеземные китобои, рыболовы и т. п. Теперь конечно подобная странная претензія утратила и послѣднее свое основаніе; но нельзя не сказать что въ ней есть одна сторона основательная. Китобои и рыболовы для своихъ цѣлей истребляютъ на топливо лѣса, растущіе на прибрежныхъ русскихъ земляхъ, и это обязываетъ насъ принять какія-либо мѣры къ прекращенію такого ненормальнаго отношенія къ намъ, со стороны Американцевъ, Англичанъ и пр. Вѣроятно, современемъ, когда берега Охотскаго и Камчатскаго морей будутъ лучше заселены нами, явится возможность фактически остановить лѣсныя порубки; но пока кажется не излишнимъ сдѣлать, хотя заявленіе что эти порубки не считаются Россіей, согласными съ международнымъ правомъ, и поддержать это заявленіе крейсерствомъ военныхъ судовъ. Это же крейсерство не безполезно и даже уже существуетъ по другой причинѣ. Населеніе отдаленныхъ частей Камчатки и особенно Чукотской земли находится въ очень слабыхъ сношеніяхъ съ другими частями Азіятской Россіи, и этимъ воспользовались Американцы, чтобы завязать у береговъ ихъ торговлю, которая доставляетъ

Чукчамъ и другимъ разные предметы необходимости, а также водку. Торговля эта сдѣлалась обычною, и Американцы при этомъ замѣтили такъ мало вліянія Россіи въ тѣхъ странахъ, что у многихъ изъ нихъ возникла мысль утвердить тамъ американское вліяніе на болѣе прочныхъ началахъ чѣмъ случайный заходъ торговыхъ судовъ. Эти почти завоевательныя стремленія гражданъ Соединенныхъ Штатовъ и подали Россіи поводъ посылать съ Берингово море военныя суда для прекращенія нелегальной торговли, чтò конечно не нравится Американцамъ. Конечно, вопросъ этотъ мелкій, потому что и самая торговля мелкая, и Соединенные Штаты имѣютъ слишкомъ много основаній жить въ дружбѣ съ Россіей, чтобъ изъ-за него Вашингтонское правительство измѣнило тонъ отношеній съ нами; но извѣстная политическая беззастѣнчивость англо-саксонской расы, не исключая и ея американской отрасли, заставляетъ думать что не невозможенъ вопросъ *Чукотскій*. Вѣдь достаточно вспомнить ходячее ученіе международнаго права, что «только дѣйствительно прочное занятіе страны извѣстною націей даетъ ей территоріальное верховенство» (Блунчли), чтобы понять возможность возникновенія такого вопроса, когда у Россіи нѣтъ ни одного селенія вблизи Берингова пролива и когда этотъ проливъ имѣетъ уже немаловажное значеніе для американскихъ китоловныхъ судовъ, ходящихъ въ Сѣверный океанъ.

Этимъ мы и заключимъ нашъ обзоръ международныхъ вопросовъ въ Азіи, который очевидно представляетъ лишь поверхностный ихъ очеркъ или, точнѣе, перечень. Мы воздержимся отъ всякихъ обобщеній изъ изложенныхъ фактовъ именно потому, что факты эти изложены не съ достаточною полнотой, а почти только намѣчены; но пожелаемъ чтобы въ русской литературѣ появилось наконецъ обстоятельное изслѣдованіе о международныхъ от-

ношеніяхъ на Востокѣ, понимая подъ этимъ словомъ всю Азію, отъ Архипелага до Берингова пролива. На первый разъ особенно было бы полезно обнародованіе на русскомъ языкѣ тѣхъ договоровъ, которые существуютъ между большими европейскими государствами и нѣкоторыми азіятскими націями: Турціей, Персіей, Афганистаномъ, Белуджистаномъ, Китаемъ и Японіей, которыхъ судьбы такъ тѣсно связаны съ судьбой Россіи. Думаемъ, что кто взялъ бы на себя этотъ трудъ, — притомъ не очень обширный, — тотъ оказалъ бы не меньшую услугу русскому обществу, какъ и достопочтенный г. Юзефовичъ, издавшій въ 1869 году полный сборникъ договоровъ Россіи съ Востокомъ. Готовый матеріалъ нашелся бы не въ однихъ дипломатическихъ канцеляріяхъ, а въ печати.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стран.
Очеркъ географическихъ изслѣдованій въ Азіятской Россіи . . .	1
Поступательное движеніе Россіи въ сѣверной и восточной Азіи . .	68
Поступательное движеніе Россіи въ средней Азіи	135
Очеркъ международныхъ вопросовъ въ Азіи	200